

Чарльз ФОРТ

1001

ЗАБЫТОЕ
ЧУДО

КНИГА ПРОКЛЯТЫХ

- - [Предисловие](#)
  - [ВВЕДЕНИЕ](#)
  - [Процессия проклятых](#)
  - [Факты о проклятых](#)
  - [Уэссекское объяснение](#)
  - [Битвы в атмосфере](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX Мой собственный псевдовывод](#)
  - [X](#)
  - [XI](#)
  - [XII Астрономия](#)
  - [XIII](#)
  - [XIV](#)
  - [XVI Ангелы](#)
  - [XVII](#)
  - [XVIII Новая Доминанта](#)
  - [XIX](#)
  -
  - [XX Новая Доминанта Инклюзионизм](#)
  - [XXI](#)
  - [XXII](#)
  - [XXIII](#)
  - [XXIV](#)
  - [XXV](#)
  - [XXVI](#)
  - [XXVII Огромная и черная](#)
  - [XXVIII](#)
  - [Источники](#)
-

Предисловие

Если бы несколько месяцев назад вы стояли на дне кальдеры определенного кратера на Луне, вы могли бы внезапно пережить то, что теперь называют «фортовским» феноменом. В течение нескольких секунд кратер был залит необъяснимым красноватым сиянием, осветившим — без видимого источника — всю окрестность слабым, неопределенно реальным, призрачным кровавым светом.

И если бы вы рассказали об этом окружающим вас людям, они, без сомнения, стали бы насмехаться над вами, указав вам, что на Луне отсутствует какой-либо возможный источник света для такой иллюминации — здесь не было никаких извержений, никто из лунных туземцев не включал свет, в небе ничто не взорвалось и так далее. Короче говоря, они скорее всего не поверили бы вам и занесли бы ваше наблюдение в свою собственную книгу регистрации материалов, проклятых наукой по причине их невероятности.

Тем не менее вы были бы правы, а насмешники неправы. Ибо красноватое сияние на этой лунной сцене действительно имело место, и ему нельзя было дать нормальное лунарианское объяснение. Его источником был новый тип светового луча, изобретенный на другой планете — третьей от Солнца — и создающий этот луч особый прожектор из этого иного мира был направлен на Луну и включен на несколько секунд.

Для лунного туземца этот свет бросал вызов уважаемому консервативному научному анализу; поэтому проще всего было бы назвать его иллюзией и проигнорировать.

Когда читаешь «Книгу проклятых» через сорок с лишним лет после того, как она была впервые составлена, хочешь не хочешь, а вспомнишь о таких странных сияниях с неба: много их отмечено на Земле и наблюдались они земными людьми. И ввиду того, что мы сами можем наглядно проделать на другой планете, можно не сомневаться, что это могло бы случиться и с нами.

Этому есть единственное возможное объяснение. Чарльз Форт с удовольствием подбросил бы нам еще несколько возможностей. Но не поверить чему-либо только потому, что в данное время нельзя найти никакого заслуживающего доверия объяснения, этого никто не сделает, кто читал Форта. Потому что теперь мы начинаем понимать, что

разграничительная линия между возможным и невозможным совершенно произвольна. Она зависит от того, насколько наш собственный ум подготовлен для провозглашения проклятий и в какой степени он предпочитает переводить все неясное и необъяснимое в архив ненужных и забытых вещей — проклятое царство данных, проигнорированных наукой.

Чтение книг Чарльза Форты безусловно оказало огромное влияние на формирование моего мировоззрения, как и на мировоззрение десятков тысяч других людей. Только в результате чтения писаний этого язвительного собирателя неожиданных фактов, переступающих границы установленных научных приличий, могли читатели достигнуть того расширения умственных границ, которое необходимо для сохранения устойчивости в этот в высшей степени неустойчивый век. Это стало обучением через переобучение для людей, интеллектуально любопытных, для решивших держаться в стороне от привычного самодовольства и простодушного приятия предлагаемых наукой объяснений, для читателя, которого приводит в восторг и бросает в дрожь процесс выяснения в подробностях, что же собой представляет этот действительно огромный чудесный мир, в котором мы живем.

Конечно же, флотилии летающих тарелок, наблюдающиеся в течение последних двух десятилетий, находили себе родную гавань на страницах книг Форты. Конечно, значительная часть того научно-фантастического мышления, которое преобладает как в сознательно фантастической литературе, так и в бессознательной фантазии журналистов и политиков Атомного Века, весьма обязано, сознательно и бессознательно. Форте, непреклонно и неотступно пробиравшемуся по страницам газетных подшивок, ища подтверждения своей главной идеи — идеи о том, что единственный надежный подход здравого ума состоит в том, чтобы сомневаться в том, что принято, и принимать только то, что подлежит сомнению.

Возможно, эти слова и озадачат вас, они должны также послужить тому, чтобы заинтересовать вас и побудить самому прочесть «Книгу проклятых», труд одного из самых самобытных умов двадцатого столетия, книгу, прочтя которую, вы уже не останетесь той личностью, которой были, приступая к чтению этих полных очарования страниц. Это переживание напоминает игольчатый душ, только душ для ума — бодрящий, волнующий и бесконечно стимулирующий.

Дональд А. ВУЛХАЙМ

ВВЕДЕНИЕ

Великие книги имеют одну общую черту с морем и с женщинами, а именно, они предназначены для мужчин. Книга, которую вы сейчас держите в руках, разделяет эту особенность со всеми другими великими книгами, а для меня она служит катализатором. Запустите какой-нибудь ее абзац в любую компанию и отступите подальше в сторону!

Эта книга привлекает, как магнит, любопытствующих, пытливых и захватывает тех, у кого есть сродство или отзывчивость к ее чарам. Но это, по-видимому, процесс избирательный, поскольку не все вещества восприимчивы к одним и тем же притяжениям и отталкиваниям. Ваш маленький, окрашенный в красный цвет, подковообразный магнит игнорирует золото — и наоборот. Я не знаю, как определить фактический или абсолютный удельный вес идей. Это всего лишь мое предвзятое мнение думать, что самое значительное найдет здесь свой уровень. Другие люди — другие предрассудки.

Подобно увеличительному стеклу, повернутому к жизни — более конкретно — к науке, и совсем конкретно — к физике и астрономии, эта книга, как и любое другое увеличительное стекло, зависит — для получения какого-либо результата, — от чувствительности того, что находится позади нее. Мой собственный глаз — когда я его впервые обратил к «Книге проклятых» в 1919 году и который я никоим образом не могу считать отличным от глаз любого другого человека, требовал ахроматического объектива большой силы. Моя мозговая фотопленка, которая экспонировалась позади него, предпочитала воспринимать впечатления, не окрашивая их, насколько это было возможно, в собственные оттенки. Мозг реагировал на истину, внося в нее столь же мало искажений, как и фотопластинка или фотопленка, которой вы заряжаете свою камеру. Другие умы — другие предпочтения. Вы хотите видеть все в розовом свете? Или в ярко-синем? Хотите? Тогда уроните эту книгу, как горячую картофелину.

Да, тем людям, которые знают, что они думают, знают, что они хотят думать и не станут изменять своих взглядов, эта книга не рекомендуется. Можно только пожалеть, что эта группа людей столь велика.

Но прежде, чем мы поздравим друг друга, слишком сердечно, с нашим эзотеризмом, примем во внимание, что наше количество, как читателей этой книги, еще больше уменьшится, поскольку придется вычесть из него

миллионы людей, которые не могут одновременно смеяться и думать, то есть всех педантов, в аудиториях или за их стенами, которые рассматривают как чтение, так и письмо как задачу, а не удовольствие, и которые полагают, что чувство собственного достоинства является их неотъемлемой частью. Ибо, как мы увидим, Чарльз Форт в каждую клавишу своей пишущей машинки упаковал хорошую порцию веселого смеха. Он смеялся, когда писал, читал, думал; он хохотал во все горло над своей темой, гоготал над претензиями. О тех, кто принимал ее всерьез, хихикал над их ошибками, подвывал от смеха над их несообразностями, посмеивался над своими читателями, тихо ржал над письмами своих корреспондентов, улыбался своему безумию, вовлекшему его в это дело, скалил зубы над рецензиями на его книги и проезжался на мой счет, узнав, что я действительно организую Фортовское Общество.

Это словосочетание столь заезжено, что утратило почти всякий смысл, но если бы вы могли вернуться к тому, что когда-то обозначали слова, в их первобытном, древнем смысле, — Чарльз Форт обладал самым великолепным «чувством юмора», которое всегда делает жизнь переносимой для мыслящего человека. Никогда не забывайте об этом, читая его. Если забудете, он надует вас. Иногда он может заставить вас прыгать на одной ноге, как сумасшедшего, но если вы рассердитесь, вспомните, что делает он это намеренно, и что именно тогда, когда вы уже кипите от гнева, он высунет свою голову и покажет вам нос... Естественно, такие грубые шутки не одобряются в профессорских кругах. Я бы осмелился сказать, почему, но поскольку я обращаюсь ко взрослым, это вряд ли необходимо.

Даже если бы это было правдой, что газеты являлись главным источником информации для Чарльза Форты, такое суждение явилось бы большей критикой ежедневной печати, чем нашего автора, но это неверно. Один только взгляд на Указатель к его полному собранию сочинений покажет, что ссылки на так называемые «научные журналы», а также публикации, труды, отчеты и так далее ученых обществ далеко превышают по своему количеству ссылки на ежедневные газеты, а этот Указатель включает еще два его позже опубликованных тома: «Смотри!» и «Дикие Таланты»; оба эти тома представляют собой искренне написанные рассказы о людях и странных вещах, которые с ними случаются, и практически всю информацию о них можно найти только в газетах... И все же давайте не будем ссориться с этими ненаблюдательными людьми и пожелаем им веселого «До свидания» и «В добрый путь» к тем книгам, которые они предпочитают. Пусть они бьют в барабан для Эйнштейна — ведь во всем

мире, как полагают, только двенадцать человек в состоянии понять его. Может быть, они чувствуют себя, как дома, в этой компании, а может быть, им не по себе, если только они не находятся в коленопреклоненном положении. Интеллектуальное коленопреклонение несвойственно последователям Форты.

Давайте же отгоним камнями от нашего Храма тех, кто поносил Форты за его нахальство, с которым он смел обвинять ученых людей в шарлатанстве, хотя после своей фамилии, свидетельствующей о собственной ученой степени, он не мог поставить ни единой буквы. От внимания этих обозревателей ускользает тот факт, что к тому времени, когда ученый получает такой знак своей компетентности, он почти неизменно оказывается столь основательно пропитан догмами этого ремесла, гильдии или рэкета, что больше не может видеть вокруг себя с достаточной ясностью, чтобы мыслить, как Форт, не говоря уж о том, чтобы писать сравнимые книги. Вряд ли здесь обошлось без чуда — нам был послан такой ум, как ум Форты, — чудесно свободный от всякого школярского жаргона и от всех корыстных целей.

Тот факт, что у Форты не было никаких личных корыстных целей, приводит нас ко второй группе, к тем, кто не может видеть величие этого титанического разрушителя... «Великая наша истина, которую следует помнить, заключается в том, что ум человеческий нельзя все время просвещать, уча его только отвергать какую-нибудь систему суеверий, — говорит Гилберт Марей в своей книге «Четыре стадии древнегреческой религии». — Существует бесконечный запас других суеверий, которые всегда под рукой; и ум, желающий таких вещей, то есть ум, не приучивший себя к жесткой дисциплине благоразумности и честности, снова — едва только его черти будут изгнаны, немедленно наполнит себя их родственниками...» Представители этой группы хотят себе отсудить «что-то взамен». Они требуют от Чарльза Форты, чтобы он снабдил их новой верой, которая заняла бы место старой. Если Земля не круглая, то какой же она формы? Если свет доходит сюда от Солнца не за восемь минут, то за какое же время? Если свет не имеет скорости, то что он имеет? И так далее... И Форт дает им ответы, столько ответов, сколько блох на собаке, — дух захватывающие ответы, насмешливые ответы, блестящие ответы, красочные, ошеломляющие — и все же не более и не менее нелепые, чем те ответы, которые когда-то считались правильными.

С другой стороны, есть и такие клеветники, которые относят Форты к чудакам, словно он писал, чтобы построить свой собственный, личный и горячо любимый космос. Они всерьез принимают его небесные корабли.

Когда он говорит: «Я думаю, они нас ловят, как рыбу», они оказываются настолько наивными, что полагают, что Форт верил, что нас «ловят, как рыбу»... Позвольте мне как близкому другу этого человека в течение многих лет, заверить вас, что ни во что подобное он не верил. И все же — докажите, что нас не ловят, как рыбу, если сможете.

Чарльз Форт не был чудачком ни в каком смысле. Он на волос не верил ни в одну из его удивительных «гипотез» — что любой здравомыслящий взрослый человек может видеть из самого текста. Он выдвигал свои тезисы шутки ради, как Иегова, должно быть, создал утконоса и, возможно, человека. Он выдвигал их ради литературных целей — и он достиг их. Однажды я спросил его, как он сам себя называет, — «не астрономом» или «философом» или как-нибудь еще? Форт ответил: «Я — писатель». И он таки был писателем!.. В другой раз я заговорил о его стиле, его неподражаемости, его жизнерадостной веселости, и Форт сказал: «Интересно, а не лучше ли было бы ту энергию, которая тратится на стиль, потратить на содержание». А на следующий день он написал: «Образцы минералов, которые сейчас демонстрируются в музеях, — скопления кристаллов кальцита, которые выглядят, как связки лепестков, — может быть, давным давно они послужили черновиками для розы?»

Есть еще одна группа, которую мы должны изгнать, прежде, чем начнется служба, это те, кто называют Чарльза Форта «архиврагом науки». Решительно заявляю — ничего подобного. Газеты нацепили ему этот ярлык, поскольку репортеры и обозреватели не хотели или не могли изобрести более точный термин. В наше время, когда живые лягушки или рыбы или еще что-нибудь, чему «не положено» падать с неба, все же падают, газеты говорят: «Вот и еще один факт для этого архиврага науки Чарльза Форта». Это быстрый способ выразить ложное впечатление, сформированное временем и повторением: мелкое крошево для умственно ленивых по обе стороны газетной страницы, из которых никто — ни с той ни с другой стороны — нисколько не озабочен проблемами абстрактной справедливости или честностью своего собственного мышления.

Точно так же и руками тех же самых журналистов Чарльза Форта называют торговцем чудесами, в одной категории с Рипли и проч. Ведь так легко сказать: «Тот парень, который написал все эти книжки о красном снеге и черном дожде». Эти энергично звучащие слова-карикатуры, несправедливые и неверные, типичны для того обмена искаженными представлениями и недоразумениями, который в этом мире выдается за информацию, напоминая то, что когда-то сказал Великий Диссидент в Верховном Суде США и один из величайших фортеанцев Оливер Уэндел

Хоумз: «Уверенность не есть мерило несомненности: мы так часто были уверены во многих вещах, которые не подтверждались».

Чарльз Форт был архивраг всякой догмы, а не науки, что подтвердит каждая строчка этой его книги. Однажды сказав что-либо, он говорит это тысячу раз — и столь же многочисленными способами, но принимайте любое его утверждение только как временное: и это — идеально и теоретически — есть принцип научного метода. Какясказал выше несколькими другими словами, величайшая слава Форту за то, что он подчеркнул первостепенную необходимость сохранения эфемерной природы всех принятых за научную истину положений — до тех пор, «пока не будет повешена последняя собака». Каждый ученый, заслуживающий этого звания, утверждает в точности то же самое. И тем не менее Форт всенародно, широко, печально известен как «архивраг» этого, первого — и, может быть, единственного — пункта его символа веры.

Ах, да, вас раздражают газеты. Неудивительно, что одна группа хулителей Форта считает слабостью с его стороны то, что он вообще цитирует газеты. Но именно газеты сотворили Науку с большой буквы, этот всевысочайший, всезнающий суд последней инстанции. Золотоискатели и изыскатели из лабораторий даже не узнают свои собственные портреты, попавшие туда. Но здесь я вступаю на опасную почву. Мы смотрим на один сегмент из этой вышеупомянутой группы — группы, желающей, чтобы Чарльз Форт никогда не написал свои книги. Но пройдем мимо. Давайте подведем итоги. Я называю эту книгу одной из величайших книг, когда-либо написанных в этом мире, находящихся у самой вершины, и уж наверняка в первой десятке. Эта оценка основывается скорее на ее потенциальных возможностях, чем на каком-либо измеримом ее воздействии на сегодня. Эти ее потенциальные возможности заключаются в способности заставить читателя думать, не говоря им, о чем думать. Это открыто признаваемое намерение наших школ, которого они, надо признаться, так никогда и не достигли. Эта книга великолепно изложена — нечто, чего я никак не могу сказать о любом тексте, который мне когда-либо вручал учитель для изучения. Она воодушевляет любопытных задавать вопросы, настырных совать свой нос, пытливых вопрошать. Есть ли более высокое призвание на земле? Я полагаю — нет.

Когда «Книга Проклятых» взорвалась однажды в редакции чикагской газеты «Дейли Ньюз», Генри Блэкман Сэлл был редактором выходившей по средам «Книжной Страницы», — пожалуй, самого живого, и здорового, наиболее цивилизованного литературного обозрения, которое видела эта страна, как до, так и после того. Карл Сэндберг делал для нее обзоры

кинофильмов. Кит Престон писал стихи. Флойд Делл, Шервуд Андерсон и Бен Грехт были в числе сотрудников. Бен Грехт написал рецензию на первую книгу Форта. Эта рецензия является классической, и она воспроизведена целиком в выпуске «Журнала Фортовского общества» за январь 1940 года. Здесь мы приводим только несколько строк: «Чарльз Форт совершил ужасающее нападение на накопленную за пять столетий глупость. Нападение будет забыто. Глупость выживет, окопавшись позади иронического хохота добродетельных граждан».

Но кислота и едкость прозы Чарльза Форта слишком въелась во многих из нас, и мы собрались и договорились о том, как сделать, чтобы его нападение таки выжило в этом мире, несмотря на хронический смех всех добродетельных граждан. Мы основали Фортовское Общество — в честь человека, который написал: «Я не придумал ничего — ни в религии, ни в науке, ни в философии, — что не было бы просто удобной вещью, которую можно поносить некоторое время».

В следующую среду после публикации рецензии Вена Грехта на «Книгу Проклятых», в чикагской газете «Дейли Ньюз» появилась следующая статья:

Кто такой Чарльз Форт?

Прочтя «Книгу Проклятых», (опубликованную издательством «Боуни и Ливерайт»), мы захотели узнать все, что можно, об ее авторе. И вот пожалуйста, с пылу с жару от «Вестерн Юнион», наш специальный корреспондент, телеграфировал из НьюЙорка в Книжную страницу:

Я начал писать «Книгу Проклятых» еще мальчиком. Я решил стать натуралистом. Я ненасытно читал, стрелял птиц и делал из них чучела, собирал марки, насаживал насекомых на булавки и наклеивал к ним этикетки, поскольку видел их с этикетками в музеях. Я стал газетным репортером и вместо собирания тел идеалистов на моргам, детишек из воскресных школ, пародирующих в Бруклине, фальшивомонетчиков и осужденных в тюрьмах, я проводил мои опыты и бесцельно тратил на это время, как тратил на птичьи яйца, минералы и насекомых.

Я поражался всякий раз, слыша, как кто-нибудь говорит, что не понимает снов, или даже, не видит в снах ничего особенно мистического. Пусть каждый оглянется на свою собственную жизнь. Нет таких феноменов в снах, которые не характеризовали бы жизнь всех людей — постепенное исчезновение, повторный наплыв чего-нибудь, что казалось

мне исчезнувшим окончательно; так интересны, так волнующи были они — фрагменты тел в моргах — преступления и альтруизм. В них родился тот монизм, который проходит — через всю «Книгу Проклятых», — слияние всех вещей (и непрерывные переходы их) во все другие вещи, невозможность отличия любой вещи от любой в другом положительном смысле, или, в частности, отличия повседневной жизни от существования в сновидении.

Я решил написать книгу. Я стал писать романы, год туда, год сюда, 3 500 000 слов, впрочем, это только прикидка.

Я думал, что если я не буду писал, романы, которые, вероятно, были похожи на отпрыска кенгуру, то у меня не будет никаких побудительных мотивов для продолжения жизни. Юристы и натуралисты, портовые грузчики и сенаторы Соединенных Штатов — что за ужасная участь! Но я не написал того, что замышлял. Мне пришлось начать заново и стать ультранаучным реалистом.

Итак, я стал делать заметки в огромных количествах. Я покрыл целую стену отделениями и ячейками для них. Я сделал 25 000 заметок. Я ужасался, думая о возможности пожара, раздумывал о том, чтобы делать заметки на негорючем материале. Но все это было не то, чего бы мне хотелось, и в конце концов я уничтожил их. Этого Тейлор Драйзер никогда не мог простить мне.

Мои первые интересы были в области науки — реализм вернул меня назад. Затем, восемь лет я изучал все искусства и науки, о каких только слышал, и изобрел еще с полудюжины искусств и наук. Я удивлялся, как это можно удовлетвориться, став писателем или главой стального треста, портным, губернатором или уборщиком улиц.

Затем мне в голову пришел план собрать заметки обо всех предметах человеческого исследования, а зачем испробовать — найти самое широкое из всех возможных многообразие данных и допущений, которое значило бы что-нибудь в космическом масштабе, или какойнибудь закон, или (формулу, — нечто, что можно было бы обобщить. Я собирал заметки о принципах и явлениях астрономии, социологии, психологии, погружениях в глубины моря, навигации, геодезических изысканиях, вулканах, религии, полах, земляных червях, — и при этом все время искал черты сходства в самых резких видимых различиях, как, например, астрономическая, химическая или социологическая квантивалеитность или астрономические, химические и социологические пертурбации, химические и музыкальные соединения, морфологические феномены магнетизма, химии и сексуальных влечений.

Я написал 40 000 заметок, рассортированных под 1300 заголовками,

например, «Гармония», «Равновесие», «Катализаторы», «Насыщение», «Предложение и сирое», «Метаболизм».

Это были 1300 адских псов, насмехающихся своими 1300 голосами над моими попытками найти предельную закономерность. Я написал книгу, выразившую очень мало из того, что я пытался выразить.

Я сократил ее с 500 или 600 страниц до 90 страниц. Потом отложил ее подальше. Это не было то, чего я добивался. Но сила этих 40 000 заметок, этих ортодоксальных заметок, в ортодоксальном материализме.

Тинолл говорит это, Ларвин говорит то — везде авторитетность, несомненность. Химики, астрономы и геологи доказали то или это; тем не менее, монизм и восстание, — заставляли меня писать, что не равны дважды два четырем, разве что только произвольно и условно, и что не существует никакой несомненности, что даже наиболее глубоко загипнотизированный субъект сохраняет слабое сознание своего состояния, и что — с сомнением здесь и неудовлетворенностью там я никогда не был более абсолютно верен научной ортодоксии, чем какой-нибудь средневековый монах или член Армии Спасения, то есть полно и без вопросов. В моей попытке найти нечто, лежащее в основе всех явлений, я ошибся, оставив два классификационных подразделения, — два порядка видимости, представляющие собой лишь идеальные крайности, которые не имеют существования в нашем состоянии мнимости. Мы и все другие видимости иллюзий в сверх сновидении суть выражения космического потока постепенных переходов между крайностями: одни называются беспорядком, нереальностью, неравновесием, безобразием, диссонансом, несовместимостью; другие называются порядком, реальностью, равновесием, красотой, гармонией, справедливостью, истиной. Это основная тема в «Ките Проклятых». Это то, чего многие не хотели понять.

Чарльз ФОРТ

Чарльз Форт родился 9 августа 1874 года в Олбани, штат Нью-Йорк, 3 мая 1932 года в Королевской Больнице в Бронксе, город Нью-Йорк. Он был ростом почти, шести футов, тяжеловатый, светловолосый, он носил усы, которые торчали чуть поменьше, чем у Ницше. В последние годы жизни его зрение быстро ухудшалось и ему пришлось носить очки с очень толстыми линзами. Он казался анахронизмом в своей современной одежде, неуместной в его квартире на Бронксе. Когда мы сидели с ним за круглым обеденным столом, потягивая какое-то домашнее вино собственного изготовления и закусывая пахучими сырами, грубым ржаным хлебом и «винным виноградом», и беседовали ночи напролет, мне часто приходило в голову, что его телосложение требовало кожи и пряжек, что столешница

должна быть голой и бурой, омытая потеками от кружек отъявленных пьяниц, и до лоска отполированной тяжелыми рукоятками мечей. Свет должен падать от факелов и — под стать нашим словам — к нам должны были заглянуть Фауст и Виллон, по пути к месту убийства или на совещание с дьяволом.

За неимением всего этого реквизита, мы создавали вокруг себя атмосферу высокой беседы и запускали в нее новые миры, находя божественность делом простым и доступным для всех.

У Форта не было ни друзей ни знакомых. Единственным, кроме меня, человеком, которого он радушно принимал здесь, был Теодор Драйзер. Миссис Форт — Анна — каждый вечер ходила по соседству в кино, часто с «Чарли» (как он ненавидел, когда его называли «Чарли»!). Она жаловалась на его необщительный характер, была в курсе всех дел своих соседей, заботилась о семейной пище, проявляя в этом умение и кое-какое воображение, и никогда даже не мечтала узнать о том, что происходит в голове ее мужа. Она не прочла ни одной из его книг, а также ни одной другой. Она пережила его на пять с небольшим лет.

На стенах квартиры висели в рамках образцы гигантских пауков, размещенные фотографии, например, фотография бейсбольного мяча рядом с градиной, причем оба эти предмета были одного размера, присланная Форту одним из его корреспондентов, и — под стеклом — образец какого-то вещества, похожего на грязный, раскромсанный асбест, которое выпало с неба в таком количестве, что покрыло несколько акров земли.

Во всех остальных отношениях местожительство выглядело вполне обычно, — жилище, которое в авторских пояснениях к театральным пьесам определяется как «захудалое благородство». Форт был — в масштабах своих скромных потребностей — независим от доходов, получаемых от своих писаний. В этой своей квартире в Бронксе он написал «Смотри!» и «Дикие Таланты» (последняя книга была издана только неделю или две спустя после его смерти). Здесь он изобрел свои «сверхшахматы» — игру, в которой на большой доске с несколькими сотнями клеток участвуют армии людей. В письме ко мне он писал: «Сверхшахматы будут пользоваться большим успехом. Я нашел еще четырех, которые считают их нелепыми».

Что еще могу я сказать о личности Чарльза Форта? Он был единственно умственно здоровым человеком в безумном, безумном мире — и по этой причине очень одиноким. У него не было ни единой иллюзии, даже о себе и о своей работе. Все, что я еще мог бы сказать, содержится неявно на нижеследующих страницах. Он выложил на бумаге — пышно,

шумно и со смаком.
Тиффани ТЭЙР

Процессия проклятых

ПОД ПРОКЛЯТЫМИ я подразумеваю исключенных.

Перед нами пройдет процессия фактов, исключенных Наукой.

Батальоны ненавидимых, ведомых мертвенно-бледными фактами, эксгумированными мною, промаршируют перед нами. Вы прочтете о них — или они пройдут маршем. Одни синеватобагровые, другие огненнокрасные, а некоторые сгнившие.

Некоторые из них — это трупы, скелеты, мумии, дергающиеся, ковыляющие, воодушевляемые своими попутчиками, которые были прокляты, будучи еще живыми. Среди них будут гиганты, они пройдут мимо, хотя и спят крепким сном. Среди них будут вещи, называемые теоремами, и вещи, называемые лохмотьями: они пройдут мимо, подобно Эвклиду, рука об руку с духом анархии. Здесь и там будут перепархивать мелкие проститутки. Пройдет много клоунов. Но многие сохраняют высочайшую респектабельность. Некоторые из них убийцы. Будут и бледные вонючки и отталкивающие суеверия и просто тени и злобные умыслы с веселой ухмылкой — прихоти и любезности. Наивные и педантичные, странные и гротескные, искренние и неискренние, глубокие и ребячески незрелые.

Удар ножом, и смех, и покорно сложенные руки чьей-то безнадежной собственности.

Ультра респектабельные, но все равно осужденные. Их общий вид выражает достоинство и распущенность; их совокупный голос — это вызывающая молитва; но дух целого торжественноритуальный.

Сила, объявившая всем этим вещам, что они прокляты, это догматическая наука. Но они промаршируют.

Мелкие проститутки будут дурачиться и шалить, уродцы и чудаки будут привлекать к себе внимание, а клоуны будут нарушать ритм целого своим шутовством, — но это не нарушит целостности процессии в целом, внушительности вещей, которые будут проходить, проходить и проходить и продолжать подходить, подходить, подходить.

Неодолимость вещей, которые не угрожают, не глумятся, не бросают вызов, но выстраиваются в боевые порядки и проходят, проходят, и продолжают проходить. Итак, под проклятыми я подразумеваю исключенных. Но под исключенными я подразумеваю тех, что когда-нибудь будут исключателями. Или, что все, что есть, больше не будет. Или, что

все, что не есть, будет... Но, конечно, пусть будет то, что не будет... Мы считаем, что постоянное движение от того, чего нет, к тому, чего не будет, или состояние, которое обычно и по глупости называется «существованием», есть ритм неба и ада: что проклятые не останутся проклятыми; что спасение только предшествует гибели. Из этого следует, что однажды наши ненавидимые оборванцы станут прилизанными ангелами. А затем, как следует из следствия этого следствия, в какой-нибудь следующий день, они отправятся туда, откуда пришли.

Мы полагаем, что ничто не сможет сделать попытку быть, иначе, чем попытавшись исключить что-либо другое; что то, что обычно, называют «бытием», — это состояние, которое вымешано более или менее прямо пропорционально видимости несомненного различия между тем, что включено и тем, что исключено. Но мы полагаем, что не существует никаких несомненных различий: что вещи похожи на мышь и насекомое внутри головки сыра. Мышь и насекомое — кажется, нет вещей, более несходных. Они там сидят неделю или они пробыли там месяц — оба являются всего лишь превращениями сыра. Я думаю, все мы такие насекомые и мыши, являясь только различными выражениями вседержущего сыра.

Или что красный цвет не отличается несомненно от желтого, это только другая степень вибрации чего-то, степенью чего является желтый цвет; что красный и желтый цвета непрерывны, или что они сливаются в оранжевом.

Что, следовательно, если на основе желтизны и красноты наука попыталась бы классифицировать все феномены, включая все красные вещи как истинные и исключая все желтые как ложные или иллюзорные, то такое разграничение обязательно было бы ложным и произвольным, потому что вещи, окрашенные в оранжевый цвет, входя в непрерывную целостность, принадлежали бы обеим сторонам этой гипотетической границы.

По мере нашего продвижения мы будем поражены следующим:

Ни одно основание для классификации, или для включения и исключения, более разумное, чем то, что лежит в основе различия между красным и желтым, никогда не было придумано.

Наука, прибегая к разным основаниям для классификации, рассмотрела множество фактов. Если бы она этого не сделала, то не было бы ничего, на основании чего она могла бы оказаться существующей. Наука, прибегая к разным основаниям для классификации, исключила множество фактов. Так вот, если красный цвет непрерывно переходит в

желтый; если каждое основание для допущения непрерывно переходит в другое основание, то Наука должна была исключить некоторые вещи, которые непрерывно переходят в принятые. Мы выбрали красный и желтый цвета, которые сливаются в оранжевости, как олицетворение всех тестов, всех стандартов, всех способов формирования мнения...

Что любое положительное, категорическое мнение о любом предмете — это иллюзия, построенная на ошибочном допущении, что положительные, несомненные различия, по которым можно судить...

Что ум всегда искал такого факта, основания, обобщения, закона, формулы, большой посылки, — которые были бы позитивными, несомненными; что самое лучшее, что когда-либо было сделано в этом отношении, это утверждение, что некоторые вещи самоочевидны, — тогда как под очевидностью мы подразумеваем поддержку какого-то определенного утверждения...

Что такова цель поиска; но что она никогда не была достигнута; но что Наука действовала, правила, провозглашала и осуждала, как если бы она была достигнута. Что такое дом?

Невозможно определить, что есть нечто, как положительно, определенно отличное от чего-то другого, если не существует положительных, четко определенных различий.

Сарай — это дом, если в нем кто-то живет. Если проживание составляет сущность домовости, поскольку архитектурный стиль ее не составляет, тогда птичье гнездо есть дом. И проживание человека в нем не является основанием для суждения, поскольку мы называем конуру собачьим домом.

И не материал, так как мы говорим о снежных домах эскимосов — или что раковина это дом рака-отшельника — или был домом для моллюска, который сделал ее, — или что вещи, с виду столь положительно различные, как Белый Дом в Вашингтоне и раковина на морском берегу, оказываются связанными непрерывным переходом.

Поэтому никто никогда не мог сказать, что такое, например, электричество. Оно не есть нечто, положительно отличающееся от тепла, магнетизма или жизни. И метафизики, и теологи, и биологи пытались определить жизнь. Они потерпели неудачу, потому что, в положительном смысле, здесь нечего определять: не существует ни одного явления жизни, которое не проявилось бы, в той или иной степени, в химизме, магнетизме, астрономических движениях. Белые коралловые острова в синем море. Их кажущееся различие: кажущаяся индивидуальность, или положительное, несомненное отличие друг от друга, но одни и другие — это всего лишь

выступы из морского дна.

Различие между морем и сушей не позитивно, не абсолютно: в любой воде есть немного земли, в любой земле есть немного воды.

Что, следовательно, все кажущиеся вещи вовсе не есть вещи, если они все связаны друг с другом непрерывными переходами, они не более вещи сами по себе, чем ножка стола, если она есть только выступ из чего-то другого; что никто из нас не является реальной личностью, если физически мы непрерывны с нашей средой; если психически в нас нет ничего, кроме выражения нашего отношения к среде.

Наше общее понимание имеет два аспекта. Общепринятый монизм, или что все «вещи», будучи всего лишь выступлениями, суть выступления, стремящиеся оторваться от своей основы, которая отрицает их собственную индивидуальность.

Я представляю себе единую всеобщую взаимозависимость, в которой и из которой все кажущиеся вещи суть только различные выражения, но в которой все вещи суть локализации единой попытки вырваться и стать действительно вещами, или чтобы установить бытие позитивного различия, или окончательного разграничения, или ничем не смягченной независимости — или личности или души, как это называется в человеческих явлениях...

Что все, пытающееся утвердиться как реальное, или положительное, или как абсолютная система, правительство, организация. Я, душа, существо, индивидуальность, может это попытаться сделать, только проведя линию вокруг себя или вокруг включений, которые учреждают (создают) себя, и проклиная, или исключая, или отрывая себя от всех других вещей.

Что если оно так не действует, то оно не может казаться существующим; что если оно действует так, оно действует неправильно и произвольно, и напрасно, и катастрофически, в точности как действовал бы тот, кто, прочертив в море круг, включающий несколько волн, утверждает, что прочие волны, с которыми включенные в круг связаны непрерывными переходами, являются положительно, несомненно другими, и ставит на карту свою жизнь, утверждая, что допущенные и проклятые положительно различны.

Мы полагаем, что все существование есть оживление локального идеальным, что постижимо только во всеобщем.

Что если все исключения (все исключенные) ложны, поскольку всегда включенное и исключенное непрерывно переходят друг в друга; что если все кажущееся существование, способное быть нами воспринятым, есть

продукт исключения, то нет ничего из воспринимаемого нами, что реально существует; что только всеобщее может реально существовать.

Наш особый интерес привлекает современная наука как проявление этого единственного идеала или цели, или процесса.

Что если она исключена неправильно, поскольку нет позитивных (однозначных) критериев для суждения; что она исключила вещи, которые по ее собственным псевдокритериям имеют такое же право войти, как и избранные.

Наш общий взгляд:

Что состояние, которое обычно и бессмысленно называется «существованием», есть течение, или поток, или попытка перехода от негативности к позитивности и есть нечто промежуточное между ними. Под позитивностью мы подразумеваем: Гармонию, равновесие, порядок, закономерность, устойчивость, последовательность, единство, реальность, систему, правительство, организацию, свободу, независимость, душу, Я, личность, существо, индивидуальность, истину, красоту, справедливость, совершенство, определенность...

Что все, что называется развитием, прогрессом или эволюцией, есть движение, или попытка прийти к тому состоянию, для которого, или для аспектов которого существует столько имен, и все они суммируются в одном слове «позитивность».

Сначала это подытоживание принимается, может быть, не очень охотно. Сначала может показаться, что все эти слова не являются синонимами: что «гармония», возможно, и означает «порядок», но что под «независимостью», например, мы не подразумеваем «истину», или что под «устойчивостью» мы не подразумеваем «красоту», или «систему», или «справедливость».

Я представляю себе единственную всенепрерывную связь, которая выражается в астрономических явлениях, а также в химических, биологических, психических или социологических; она повсюду стремится локализовать позитивность в различных сферах явлений — которые являются всего лишь псевдоразличными — мы им даем разные названия. Мы говорим о «системе» планет, а не об их «правительстве», но рассматривая, например, магазин и его управление, мы видим, что эти слова взаимозаменяемы. Стало привычным говорить о химическом равновесии, но не об общественном; это ложное разграничение было сломано. Мы увидим, что под всеми этими словами мы подразумеваем одно и то же состояние, как повседневные удобства, или, выражаясь на языке общепринятых иллюзий, они, конечно, не являются синонимами,

например, для ребенка земляной червяк не является животным, он животное для биолога.

Под «красотой» я подразумеваю то, что кажется целым.

И наоборот, то, что не является целым или искалечено — безобразно. Венера Милосская. Для ребенка она безобразна.

Когда ум настроится воспринимать ее как целостность, она прекрасна, хотя по физиологическим стандартам и неполна.

Рука, когда о ней думают только как о руке, может показаться прекрасной.

Найденная на поле битвы, очевидно являющаяся частью, она не прекрасна.

Но все в нашем опыте есть только часть чего-то другого, которое в свою очередь, есть только часть чего-то еще, или, что нет в нашем опыте ничего прекрасного — только видимости, промежуточные между красотой и безобразием. В нашем опыте только всеобщее является полным; только полное прекрасно; всякая попытка достигнуть красоты есть попытка придать локальному атрибут всеобщего.

Под устойчивостью мы подразумеваем нечто недвижимое и не поддающееся воздействию. Но все кажущиеся вещи суть только реакции на нечто другое. Следовательно, устойчивость может быть только всеобщей, или тем, рядом с чем нет ничего другого. Хотя некоторые вещи как будто приближаются, к устойчивости более, чем другие, в нашем опыте существуют только различные степени промежуточности между устойчивостью и неустойчивостью. Поэтому каждый человек, который трудится ради устойчивости под разными названиями— «постоянства», «выживания», «продолжительности», стремится локализовать в чем-то состояние, которое осуществимо только во всеобщем.

Под независимостью, существом и индивидуальностью я подразумеваю только то, помимо чего нет ничего другого. Если же даны только две вещи, они должны быть связаны непрерывным переходом и воздействовать одна на другую, если все есть только реакция на что-то другое, и любые две вещи будут разрушительны для независимости, существа или индивидуальности.

Все попытки создания организаций, систем и логически согласованных целостностей, из которых некоторые гораздо ближе приближаются к желаемой цели, чем другие, оставаясь всего лишь чем-то промежуточным между Порядком и Беспорядком, терпят неудачу по причине своих отношений с внешними силами. Все они являются пробными целостностями. Если по отношению ко всем локальным

феноменам всегда действуют внешние силы, то и эти попытки могут быть реализованы только в состоянии целостности, то есть того, для чего нет внешних сил.

Или, что все эти слова являются синонимами и все означают состояние, которое мы называем позитивным состоянием.

Что все наше «существование» есть стремление к позитивному состоянию.

Из этого утверждения следует удивительный парадокс:

Что существует только один этот процесс и что он действительно оживляет все проявления, во всех сферах явлений, являя собой то, что мы называем всенепрерывной связью.

Мысли религиозных людей — это соглашение о душе. Они имеют в виду отдельное устойчивое существо, или состояние — душу, — являющееся независимым, а не только поток вибраций или комплекс реакций на среду, непрерывно связанный со средой, сливающийся в конечном счете с бесконечным множеством других взаимозависимых комплексов.

Но единственной вещью, которая не слилась бы в конечном счете с чем-нибудь другим, было бы то, вне чего нет ничего другого.

Что Истина есть только другое название позитивного состояния, или что поиск Истины есть попытка достигнуть позитивности.

Ученые, которые думали, что ищут Истину, старались найти астрономические, химические или биологические истины. Но Истина есть то, рядом с чем нет ничего. Ничего, что могло бы модифицировать ее, ничего, что бы могло оспорить ее, ничего, что составляло бы исключение — всевключающее, полное... Под Истиной я подразумеваю Всеобщее. Так, химики думали, что ищут истину, или реальное, и всегда терпели неудачу в своих попытках из-за внешних связей химических явлений; потерпели неудачу в том смысле, что никогда не был открыт ни один химический закон, без всяких исключений. Потому что химия связана непрерывными переходами с астрономией, физикой, биологией. Например, если бы Солнце сильно изменило свое расстояние от Земли и если бы при этом могла бы сохраниться человеческая жизнь, тогда знакомые химические формулы больше бы не работали и пришлось бы учить новую химию...

Или все попытки найти Истину в особенном это попытки найти всеобщее в локальном.

И художники в их стремлении к позитивности под названием «гармония», связаны с красками, которые окисляются или реагируют на ухудшающуюся среду, или струны музыкальных инструментов, которые

по-разному и непредсказуемо приспособляются к внешним термическим и гравитационным воздействиям, — снова и снова это единство всех идеалов. Это и есть попытка стать тем, или достигнуть того, что может быть достигнуто только во всеобщем. В нашем опыте существует только промежуточность между гармонией и диссонансом. Гармония есть то, вне чего нет никаких внешних сил.

И нации, которые воевали с единственным мотивом — за индивидуальность, или бытие, чтобы быть реальными, окончательными нациями, не подчиненными другим нациям, не быть частями других наций. И что ничего не было никогда достигнуто, кроме промежуточности, и что история — это летопись неудач этой единственной попытки, поскольку всегда были внешние силы или внешние нации, борющиеся ради той же цели.

Что касается физических вещей, химических, минералогических, астрономических, то о них не принято говорить, что они действуют, чтобы достигнуть Истины или Бытия, но считается, что все движения направлены к Равновесию, что нет такого движения, которое не было бы направлено к Равновесию — и всегда прочь от какого-нибудь другого приближения к Равновесию.

Все биологические феномены действуют, чтобы приспособиться; нет никаких биологических действий, помимо приспособления.

Приспособление — это другое название Равновесия. Равновесие есть Всеобщее, или то, вне чего нет ничего внешнего, что могло бы испортить его.

Но что все, что мы называем «бытием», есть движение, и что всякое движение есть выражение — не равновесия, а уравнивания, или недостигнутого равновесия; что движения форм жизни являются выражениями недостигнутого равновесия; что всякая мысль относится к недостигнутому; что иметь то, что в нашем состоянии называется бытием, не означает быть в позитивном смысле, или означает быть промежуточным между равновесием и неравновесием. Итак:

Все явления в нашем промежуточном состоянии, или квазисостоянии, представляют собой эту единственную попытку организовать, стабилизироваться, гармонизироваться, индивидуализироваться — или позитивироваться, или стать реальными;

Иметь видимость означает выразить неудачу или промежуточность по отношению к окончательной неудаче и окончательному успеху;

Что каждая попытка, — которую можно наблюдать, — терпит поражение от Непрерывности, или от внешних сил, — или от

исключенных, которые связаны непрерывным переходом со включенными;

Что все наше «существование» — это попытка относительного стать абсолютным, или локального стать всеобщим.

В этой книге меня интересует эта попытка — как она проявляется в современной науке:

Как эта наука предприняла попытку быть реальной, истинной, окончательной, полной, абсолютной.

Если видимость бытия здесь, в нашем квазисостоянии, есть продукт исключения, которое всегда ложно и произвольно; если всегда включенное и исключенное образуют непрерывную последовательность, тогда вся видимая система, или бытие, современной науки есть только квазисистема, или квазибытие, сформированное тем же ложным и произвольным процессом, как и тот, под действием которого еще менее позитивная система, которая предшествовала ей, или теологическая система, сформировала иллюзию своего бытия.

В этой книге я соберу кое-какие факты, которые, я думаю, относятся к числу неправильно и произвольно исключенных.

Факты о проклятых

Я ушел в дебри научных и философских трудов и докладов, ультрареспектабельных, но покрытых пылью равнодушия. Я спустился в мир журналистики. Я вернулся с квазидушами погибших фактов. Они промаршируют.

Что касается логики наших последующих утверждений, то мы заявляем:

Что в нашем способе казаться существует только квазилогика;

Что никогда ничто не было доказано, потому что доказывать нечего.

Когда я говорю, что доказывать нечего, я имею в виду, что для тех, кто принимает Непрерывность, или слияние всех явлений в другие явления, без позитивных разграничений одних от других, ни одна вещь не существует, в позитивном смысле. Нечего доказывать.

Например, нельзя доказать, что нечто есть животное — потому что животность и растительность не являются в позитивном смысле различными. Существуют некоторые выражения жизни, с равным же правом которые можно отнести как к растениям, так и к животным, которые представляют слияние животности и растительности.

Следовательно, не существует никакого позитивного, однозначного теста, стандарта, критерия, способа составить мнение. Как отличные от растений, животные не существуют. Нечего доказывать. Например, нельзя доказать, что нечто есть хорошее или доброе.

В нашем «существовании» нет ничего хорошего в позитивном смысле, или того, что реально отгорожено от зла. Если считать что-то добром в мирное время, то в военное время это зло. Доказывать нечего: добро в нашем опыте непрерывно переходит в зло, и добро есть лишь другой аспект зла.

Что касается того, что я пытаюсь сделать сейчас, я только принимаю. Если я не могу видеть во всеобщем смысле, я только локализую.

Следовательно, можно утверждать, что ничто никогда не было доказано;

Что теологические заявления столь же открыты для сомнения, как и всегда, но в результате процесса гипнотизирования они стали господствовать над большинством умов в их эру;

Что в последующие эпохи никакие законы, догмы, формулы и принципы материалистической науки никогда не были доказаны, потому

что они суть только локализации, моделирующие всеобщее; но ведущие умы в эпохи их господства были загипнотизированы в более или менее твердую веру в них.

Если проанализировать три закона Ньютона, то окажется, что они также представляют собой попытки достигнуть позитивности, или бросить вызов Непрерывности и разорвать ее и являются столь же нереальными как и все остальные попытки локализовать всеобщее.

Что если каждое наблюдаемое тело связано постепенными переходами, опосредствованно или непосредственно, со всеми остальными телами, на него не может влиять только собственная инерция, так что никак нельзя узнать, что собой представляет явление инерции, что если все вещи реагируют на бесконечное количество сил, то никак нельзя узнать, каково будет действие только одной приложенной силы; что если каждое противодействие непрерывно связано со своим действием, оно не может быть понято как целое, и что нет никакого способа понять, что должно быть равно и противоположно по отношению к...

Или что три закона Ньютона суть предметы веры;

Или что демоны и ангелы, а также инерции и реакции — все они представляют собой мифологические персонажи; но в эпохи их господства в них верили почти так же твердо, как если бы они были доказаны.

Гнусности и нелепости тоже промаршируют. Они будут «доказаны» точно так же, как Моисей и Дарвин или Лайелл когда-либо «доказали» что-либо.

Мы заменяем веру принятием, то есть временным допущением.

Клетки эмбриона принимают разный вид в разные эры.

Общественный организм находится в эмбриональном состоянии.

Чем более твердо что-либо утвердилось, тем труднее его изменить.

Что твердо верить значит препятствовать развитию. Что только принять временно значит облегчить развитие.

Но:

За исключением того, что мы заменяем веру принятием, наши методы будут общепринятыми методами — средствами, с помощью которых всякое верование формулируется и поддерживается; или наши методы будут методами теологов, дикарей, ученых и детей. Потому что, если все явления непрерывно переходят друг в друга, не может быть позитивно различных методов. С помощью неубедительных средств и методов священников и гадалок, эволюционистов и крестьян, методов, которые должны быть неубедительными, если они всегда относятся к локальному, и если нет ничего локального, чтобы сделать заключение, именно с этих позиций мы и

напишем эту книгу.

Если она выполнит функцию как выражение своей эпохи, она победит. Все науки начинаются с попыток определить. Ничто никогда не было определено. Потому что нечего определять. Дарвин написал «Происхождение Видов».

Он так и никогда и не смог сказать, что он подразумевал под «видом». Это невозможно определить. Ничто никогда не было выяснено окончательно. Потому что нечего выяснять.

Это напоминает поиск иглы, которую никто никогда не терял в стоге сена, которого тоже никогда не было...

Но что все научные попытки действительно найти что-то, в то время как в действительности нечего искать, суть сами по себе попытки действительно чем-то быть.

Искатель Истины. Он никогда не найдет ее. Но самая малая из возможностей — он сам может стать Истиной. Наука есть не более, чем вопрос.

Наука представляет собой псевдо конструкцию, или псевдо организацию, что она есть попытка вырваться и локально установить гармонию, устойчивость, равновесие, последовательность и логичность, бытие...

Наше существование — это всего лишь псевдосуществование, и все видимости в нем принимают участие в его сущностной фиктивности...

Но что некоторые видимости приближаются в гораздо большей степени, чем другие, к позитивному состоянию.

Мы представляем себе, что все вещи занимают промежуточные положения или ступени в последовательности между позитивностью и негативностью, или реальностью и нереальностью; что некоторые кажущиеся вещи почти логичны, справедливы, красивы, унифицированы, индивидуальны, гармоничны, устойчивы, чем другие. Мы не реалисты. Мы не идеалисты. Мы интермедиатисты (промежуточники) — в том смысле, что ничто не является реальным, но и ничто не является нереальным; что все явления представляют собой сближение между реальностью и нереальностью. Итак мы полагаем:

Что все наше существование есть промежуточная стадия между позитивностью и негативностью, или реальностью и нереальностью. Вроде чистилища, я думаю.

Но в нашем подытоживании, выполненном очень эскизно, мы опустили для ясности, что Реальность есть аспект позитивного состояния.

Под Реальностью я подразумеваю то, что не сливается с чем-то

другим, и то, что не есть частично нечто другое; то, что не является реакцией на что-то другое или имитацией чего-то другого. Под реальным героем мы подразумеваем того, кто не является частично трусом, или того, чьи действия и мотивы сливаются где-то с трусостью. Но если в Непрерывности все вещи действительно сливаются, тогда под Реальностью я понимаю всеобщие, вне которого нет ничего, с чем можно было бы слиться.

Если локальное еще можно было бы универсализировать, то немислимо, чтобы всеобщее можно было локализовать. Приближения высокой степени могут быть переведены из Промежуточности в Реальность — совершенно так же, как индустриальный мир пополняется, переводя из нереальности, или из мнимо менее реальных фантазий изобретателей, машины, которые, будучи установлены на фабриках, кажутся ближе к Реальности, чем когда они были только в воображении.

Весь прогресс, — если весь прогресс направлен к устойчивости, организации, гармонии, логичности или позитивности, есть попытка стать реальным.

Поэтому, в общем метафизическом смысле, мы полагаем, что, как в чистилище, все, что обычно называется «существованием» и что мы называем Промежуточностью, есть квазисуществование, ни реальное, ни нереальное, но выражение попытки стать реальным, или породить, или пополнить реальное существование.

Мы принимаем, что Наука, хотя и мыслимая столь ограниченно, что ее обычно считают сующей нос в старые кости, насекомых, в дурно пахнущую грязь, есть выражение этого единого духа, оживляющего всю Промежуточность; что если бы Наука могла абсолютно исключить все факты, кроме своих собственных ныне существующих, или тех, которые могут быть совместимы с существующей квазиорганизацией, она была бы реальной системой, с позитивно определенными очертаниями — она была бы реальной.

Ее кажущаяся приближенность к логичности, устойчивости, системе — позитивность или реальность — поддерживается посредством проклятия — осуждения и исключения — несогласующегося и неассимилируемого...

Все было бы прекрасно. Все было бы восхитительно

Если бы проклятые продолжали оставаться проклятыми.

ОСЕНЬЮ 1883 ГОДА и в течение нескольких последующих лет наблюдались ярко окрашенные закаты, каких до этого никогда не видели, насколько могли припомнить наблюдатели. А Луна имела голубой цвет.

Я думаю, что читатель скорее всего недоверчиво улыбнется при мысли

о голубой Луне. Тем не менее, в 1883 году они были столь же обычны, как и зеленое солнце.

Наука должна была объяснить все эти необычные явления. Такие издания, как Nature или Knowledge осаждались вопросами.

Я думаю, что на Аляске и на островах Южных Морей шаманы тоже были призваны к ответу. Что-то надо было придумать.

28 августа 1883 года взорвался вулкан Кракатау в Проливе Сунда (Зондский Пролив). Ужасно.

Нам сказали, что звук был слышен на расстоянии 2 000 миль и что погибло 360 — 380 человек. Мне это кажется немножко ненаучно, или непозитивно: просто чудо, что нам не сказали 2 163 или 36 387 человек. Массу поднявшегося дыма должны были увидеть с других планет — Земля, мучимая нашим ползанием и снованием, пожаловалась Марсу; обругала нас великим черным проклятием.

Говорят, что эти явления были вызваны частицами вулканической пыли, выброшенными высоко в атмосферу взрывом Кракатау.

Во всех учебниках, которые упоминают об этом событии, без каких-либо исключений, судя по тем, что я прочел, говорится, что необычайные атмосферные явления 1883 года были впервые замечены в последних числах августа или в первых числах сентября. Это создает для нас определенную трудность.

Таково объяснение, с которым все согласились в 1883 году...

Но в течение семи лет атмосферные явления продолжались...

За исключением того, что в течение этих семи лет был перерыв в несколько лет — и где же была вулканическая пыль все это время?

Вы, может быть, подумаете, что такой вопрос, как этот, мог бы вызвать затруднения?

Значит вы не изучали гипноз. Вы никогда не пробовали объяснить гипнотику, что стол это не гиппопотам. Согласно нашему допущению, такое невозможно продемонстрировать. Укажите сто оснований для утверждения, что гиппопотам не стол; вам придется кончить, признав, что и стол это не стол — он только кажется столом. Значит, это то, чем кажется, является гиппопотамом. Следовательно, как вы и сможете доказать, что нечто не есть что-то иное, если ни тони другое не есть нечто иное? Здесь нечего доказывать.

Это одна из тех пропастей, о которых мы предупредили заранее.

Вы можете противопоставить бессмысленности только какую-нибудь другую бессмысленность. Но Наука есть авторитетная нелепость. Мы подразделяем всякую деятельность ума на два класса: явную нелепость и

авторитетную.

Но Кракатау: таково объяснение, которое дали ученые. Я не знаю, какую наглуго ложь сказали шаманы.

Мы видим с самого начала сильнейшую склонность науки отрицать, насколько это в ее силах, внешние отношения этой земли.

Эта книга представляет собой собрание фактов о внешних отношениях этой земли. Мы занимаем ту позицию, что наши факты были прокляты без какого-либо рассмотрения индивидуальных их достоинств и недостатков, но в согласии с общей версткой держаться до конца за изоляцию этой земли. Это попытка достигнуть позитивности. Мы придерживаемся позиции, что наука может добиться успеха в таком предприятии, не более, чем смогли бы добиться китайцы или Соединенные Штаты. Поэтому только в результате псевдорассмотрения явлений 1883 года или как выражение позитивизма в его аспекте изоляции, или отсутствия внешних связей, совершили ученые такую гнусность, как насыщение атмосферы вулканической пылью в течение семи лет — если пренебречь перерывом в несколько лет, — вместо того, чтобы допустить поступление пыли из какого-то места за пределами этой земли. Нельзя сказать, что сами ученые когда-либо достигли позитивности, в ее аспекте единства взглядов между собой, — поскольку Норденшельд, еще до 1883 года, много писал о своей теории космической пыли, а проф. Кливленд Эбби выступил против объяснения этих явлений взрывом Кракатау — но такова ортодоксия основной массы ученых.

Моя собственная главная причина для негодования в данном случае: нелепое объяснение мешает некоторым из моих собственных гнусностей.

Мне пришлось бы объяснять слишком много, если бы я должен был признать, что атмосфера этой земли имеет такую поддерживающую способность.

Позже мы получим факты о вещах, которые поднялись в воздух и оставались наверху — где-то — неделями, месяцами, но без участия поддерживающей силы этой земной атмосферы. Например, черепаха Виксбурга. Мне кажется, что было бы смешно думать, что солидного размера черепаха могла висеть над городком Виксбург в течение трех или четырех месяцев, поддерживаемая только воздухом. А когда дело доходит до лошади и сарая — я думаю, когда-нибудь они станут классическими примерами, то я никогда не смогу допустить, что лошадь и сарай могли плавать несколько месяцев в атмосфере этой земли. Ортодоксальное объяснение:

Смотри Report of the Krakatoa Committee of the Royal Society.

Этот «Отчет» появляется как абсолютно ортодоксальное объяснение — абсолютное, прекрасное, а также дорогое. Он содержит 492 страницы и 40 рисунков, некоторые из которых чудесно раскрашены. Он был выпущен после Исследования, для которого понадобилось пять лет. Нельзя и представить себе книгу, выполненную более квалифицированно, художественно, авторитетно. Особенно впечатляет математическая часть: распределение пыли Кракатау, скорость переноса и осаждения, подъем и продолжительность...

В Annual Register, 1983, 105 читаем: атмосферные явления, которые приписываются Кракатау, наблюдались на острове Тринидад до извержения Кракатау; а в Knowledge, 5, 418: что их наблюдали в провинциях Наталь, Южная Африка, за шесть месяцев до извержения.

Инерция и ее негостеприимство. Или что не следует кормить младенцев сырым мясом. Для начала получим несколько фактов. Я боюсь, что лошадь и сарай это было немного чересчур для нашей подающей надежды терпимости.

Возмутительное будет приемлемым, если его подать вежливо.

Градины, например. Некто читает в газетах о градинах размером с куриное яйцо. Некто улыбается. Тем не менее я берусь перечислить сотню случаев из Monthly Weather Review о градинах размером с куриное яйцо. В журнале Nature от 1 ноября 1894 года есть сообщение о градинах, которые весили почти два фунта каждая. Сведения о трехфунтовых градинах можно найти в Энциклопедии Чемберса. Report of the Smithsonian Inst. 1879, 479 удостоверяет падение двухфунтовых градин, и сообщает о шестифунтовых. В Серингопатаме, Индия, приблизительно в 1800 году упала градина...

Я боюсь, я боюсь: это один из абсолютно проклятых. Я сболтнул такое, что вероятно следовало бы придержать на несколько сот страниц — но эта проклятая штука была размером со слона. Мы смеемся.

Или снежинки размером с блюдце, говорят, выпали в Нэшвиле, штат Теннесси 24 января 1891 года. Некто смеется.

«В Монтане зимой 1887 года выпали снежинки 15 дюймов диаметром и 8 дюймов толщины». (Monthly Weather Review, 1916,73).

В топографии мышления я бы сказал, что то, что мы называем знанием, есть невежество, окруженное смехом.

Черные дожди — красные дожди — выпадение тысячи тонн масла.

Черный, как смоль, снег, розовый снег, голубые градины, градины с запахом апельсинов. Гнилушки, и шелк, и древесный уголь.

Около ста лет назад, если бы кто-нибудь оказался столь легковерным, чтобы думать, что камни когда-либо падали с неба, ему бы возразили, что:

прежде всего, в небе нет камней, поэтому никакие камни не могут падать с неба.

Ничего более разумного или научного или логичного, чем это, нельзя сказать о любом предмете. Единственная беда — это всеобщая беда: что большая посылка недействительна, так как находится где-то в промежутке между реальностью и нереальностью.

В 1772 году французская Академия назначила специальный комитет, членом которого был Лавуазье, для расследования сообщения о том, что в городке Люс во Франции упал с неба камень. Из всех попыток достигнуть позитивности в ее аспекте изоляции я не знаю ничего, что отстаивалось бы с большим упорством, чем представление о несвязности этой земли с внешним пространством. Лавуазье произвел химический анализ камня из Люса. В то время объяснение эксклюзионистов состояло в том, что камни не падают с неба; что иногда, видимо, какие-то светящиеся предметы, по-видимому, падают и что горячие камни могли быть подобраны в том месте, где как будто упал светящийся предмет — всего лишь молния ударила в камень, нагрела или даже расплавила его.

На камне из Люса были видны признаки расплавления.

Проделанный Лавуазье анализ «абсолютно доказал», что этот камень не упал: что он подвергся удару молнии.

Вот так, авторитетно, падающие камни были прокляты. Шаблонным способом исключения остались объяснение молнией, которая, как кто-то видел, что-то ударила — то, что находилось на земле еще до того.

Но какова судьба каждого позитивного (несомненного, окончательного) утверждения... Как-то непривычно думать, что эти проклятые камни вопиют против приговора об их исключении, но аэролиты это делали, т.е. факты о них бомбардировали воздвигнутые вокруг них стены... *Monthly Weather Review*, 1796, 426: «Феномен, являющийся предметом наших замечаний, покажется большинству людей столь же мало заслуживающим доверия, как и любой другой, какой может быть предложен. Падение больших камней с неба без всякой видимой причины предшествующего их поднятия столь сильно отдает чудом, что почти исключает действие известных и естественных факторов. И все же здесь приводится масса фактов, доказывающих, что такие события действительно имели место, и мы обязаны уделить им надлежащее внимание».

Автор оставляет первое, или абсолютное, исключение и пользуется объяснением, что за день до наблюдавшегося, согласно сообщениям, падения камней в Тоскане 16 июня 1794 года произошло извержение

Везувия...

Другим объяснением является то, что камни действительно падают с неба, но эти камни были подняты в небо с какой-то другой части земной поверхности смерчами или в результате вулканической деятельности.

С тех пор прошло более ста двадцати лет. Я не знаю ни одного аэролита, который был бы приемлемым образом прослежен до его земного источника.

Падающие камни следовало бы распроклятить, хотя и с оговорками, исключаящими воздействие на землю внешних сил. Можно иметь знания Лавуазье и все же оказаться неспособным анализировать, неспособным даже видеть иначе как в согласии с гипнотически внушенными представлениями своей эпохи или с общепринятыми реакциями против таких представлений. Мы больше не верим. Мы принимаем.

Мало-помалу объяснения с помощью смерчей и вулканов пришлось оставить, но сильно было воздействие на умы этой эксклюзионистской гипотезы, этого приговора к проклятию, или этой попытки прийти к позитивности. Даже в наше время некоторые ученые, особенно профессор Лоуренс Смит и сэр Роберт Болл, продолжают выступать против всяких внеземных источников, утверждая, что ничто не может упасть на эту землю, если оно не было заброшено или запущено с какой-нибудь другой части поверхности этой земли.

Это столь же достойно похвалы, как было когда-либо достойно и все другое, — этим я хочу сказать, что этот взгляд является промежуточным между достойным похвалы и достойным порицания. Он девственно невинен.

Метеориты, факты о которых были некогда прокляты, оказались впоследствии принятыми, но складывается впечатление, что это только временное отступление предпринятого исключения; сохраняется мнение, что только два класса веществ падают с неба — металлические и каменные, причем металлические предметы состоят из железа и никеля... Масло и бумага, шерсть, шелк и смола. Мы видим, для начала, что научные девы боролись, и плакали, и вопили против допущения о внешних связях Земли по двум основаниям: Они там были до этого;

Или были заброшены вверх в одной части поверхности этой земли, а упали на другой.

Еще в ноябре 1902 года в Nature Notes, 13,231, один из членов Сэлборнского Общества все еще показывал, что метеориты не падают с неба; что они представляют собой массы железа, лежавшие на земле «еще до этого», которые притягивают к себе молнии; что когда видят молнию, ее

по ошибке принимают за падающий светящийся предмет... Под прогрессом мы подразумеваем изнасилование. Масло, и мясо, и кровь, и камень со странными надписями на нем.

ИТАК, МЫ УТВЕРЖДАЕМ, что Наука имеет не большее отношение к реальному знанию, чем рост растения или организация универсального магазина, или развитие нации; что все они представляют собой процессы ассимиляции, организации или систематизации, выражающие различные попытки достигнуть позитивного состояния — состояния, которое обычно называют небом — я хочу сказать, что я предполагаю это.

Не может быть реальной науки там, где имеются неопределенные переменные, но каждая переменная является, выражаясь более тонко, неопределенной, или нерегулярной, т.к. пребывание в Промежуточности означает недостижимую регулярность. Неизменное, или реальное и устойчивое, были бы вообще ничем в Промежуточности — подобно тому, как, но в относительном смысле, неискаженная интерпретация внешних звуков в уме смотрящего сон не могла бы длительно существовать в сновидящем уме, потому что это касание реальности относилось бы к пробуждению, а не к сновидению. Наука есть попытка проснуться к реальности, в которой она пытается найти регулярность и единообразие. Или регулярное и единообразное были бы тем, для чего нет ничего внешнего, которое могло бы потревожить его. Под всеобщим мы подразумеваем реальное. Или, иначе, лежащая в основе сверхпопытка, выраженная в Науке, безразлична к предмету Науки; что попытка регулировать, то есть открыть закономерность, есть жизненный дух. Насекомые и звезды и химические смеси: они только квазиреальны и о них ничего реального узнать нельзя; но систематизация псевдофактов есть приближение к реальности, или к конечному пробуждению...

В сновидящем уме кентавры и канарейки, которые превращаются в жирафов, не имеют отношения к реальной биологии, но попытка в состоянии сновидения систематизировать такие видимости была бы движением в сторону пробуждения — если лучшая умственная координация есть все, что мы подразумеваем под состоянием бодрствования, относительного бодрствования.

Вот и выходит, что для Науки — после ее попыток систематизировать, игнорируя внешние факторы, представление о вещах, падающих на эту землю из внешнего пространства, является столь же огорчительным и нежелательным, как — трубы, врывающиеся в относительно симметричную композицию музыканта, — мухи, совершающие посадку на плод усилий живописца достигнуть гармонии и размазывающие краски,

суффражистка, которая на молитвенном собрании встает и произносит политическую речь.

Если все вещи принадлежат единому целому, которое есть состояние, промежуточное между нереальностью и реальностью, и если ни одной вещи не удалось оторваться и установить бытие для себя, и даже если бы ей удалось вырваться, и она бы не могла продолжать «существовать» в промежуточности, как нечто рожденное не может в то же время оставаться внутриутробным — я, конечно, не вижу никакой позитивной разницы между Наукой и Христианской Наукой — и отношение обеих к нежелательному одинаково: «это не существует».

Некий лорд Кельвин и некая мисс Эдди и что-то, что им не нравится, — все это не существует.

Ну, конечно же, нет, говорим мы, промежуточники, в Промежуточности нет и абсолютного несуществования.

К примеру, представительница Христианской Науки и зубная щетка — ни та ни другая не существуют в конечном счете, но ни та ни другая и не является абсолютно несуществующей, и, согласно нашей терапевтике, та из них, которая ближе приближается к реальности, победит. Тайна власти... Я думаю, это еще одна пропасть. Вам хочется иметь власть над чем-нибудь? Будьте чуть более реальным.

Мы начнем с желтых веществ, которые выпадали на эту землю: посмотрим, имеют ли наши факты о них большее приближение к реальности, чем догмы тех, кто отрицает их существование, то есть существование их как изделий, попавших к нам из какого-то места, внешнего по отношению к этой земле.

Мы станем на точку зрения чистого импрессионизма. У нас нет никаких позитивных тестов или стандартов. Реализм в искусстве, реализм в науке — они проходят. В 1859 году надо было принимать дарвинизм; теперь многие биологи восстают и пробуют придумать что-то другое. В его дни надо было принять его, но, конечно, дарвинизм никогда не был доказателен. Выживают наиболее приспособленные. Но что значит наиболее приспособленные? Не самые сильные, не самые умные... Слабость и глупость повсюду выживают.

Невозможно определить приспособленность иначе, чем то, что выживает.

«Приспособленность», следовательно, есть другое название «выживания». Дарвинизм:

Это о том, что выживающие выживают. Далее, хотя дарвинизм кажется позитивно необоснованным, или абсолютно иррациональным, его

массирование предполагаемых фактов и его попытка их связать гораздо больше приближаются к Организации и Согласованности, чем рудиментарные спекуляции, которые ему предшествовали.

Колумб никогда не доказал, что земля круглая. Тень Земли на Луне?

Никто никогда не видел ее целиком. Тень Земли гораздо больше Луны. Периферия тени Земли изогнута — но выпуклость Луны — любой предмет с ровным краем отбросит криволинейную тень на выпуклую поверхность.

Все остальные, так называемые, доказательства можно рассмотреть аналогично. Колумб был не в состоянии доказать, что земля круглая. Да это и не требовалось: требовалось только, чтобы он попытался с более высокой позитивностью, чем его оппоненты. И тем не менее, в 1492 году правильным было признать, что за пределами Европы, на запад от нее есть и другие страны.

Я предлагаю принять, как нечто, согласующееся с духом этой первой четверти 20-го века, утверждение, что за пределами этой земли существуют другие страны, из которых к нам приходят разные вещи, как, например, из Америки разные вещи приплывают в Европу.

Что касается желтых веществ, которые выпадали на землю, то стремление исключить внеземные источники их есть догма, равноценная утверждению, что все желтые дожди и желтые снега окрашены пылью земных сосен. *Symon's Meteorological Magazine* особенно щепетилен в этом отношении и считает весьма непристойными все шаги вперед, сделанные другими объяснителями.

Тем не менее. *Monthly Weather Review*, май, 1887 г. Сообщает о золотисто-желтых осадках, выпавших 27 февраля 1877 года в Пеклохе, Германия, в которых красящим веществом были четыре вида организмов, а не пыльца растений. Это были крошечные существа, формой напоминающие стрелки, кофейные зерна, рожки и диски. Может быть, это были символы. Может быть, это были предметные иероглифы... Всего лишь причуда мимоходом — пусть ее... *AnnalesdeChimie*, 85,288, приведен список дождей, которые, как говорят, содержали серу. У меня есть о таких осадках еще тридцать или сорок заметок. Я не воспользуюсь ни одной из них. Я отмечу, что каждая из них говорит против падения пылицы. Я сказал с самого начала, что мы будем пользоваться методами теологов и ученых, а они всегда начинают с видимости свободомыслия. Для начала я даю им фору в тридцать или сорок пунктов. Я столь же свободомыслен, как и любой из них, правда, мое свободомыслие не будет мне стоить ничего — за мной стоит масса фактов, которые у нас будут.

Посмотрим на типичный пример этой догмы, и как она срабатывает:

В журнале American Journal of Science, 1-42-196, нам рассказывают о каком-то желтом веществе, которое ведрами падало на корабль в одну «безветренную» ночь в Пиктау Харбор, Новая Шотландия. Автор произвел анализ вещества и обнаружил, что оно «выделяет азот, аммиак и животный запах».

Так вот, один из наших интермедиатистских принципов, для начала, гласит, что все вещества находятся на таком-то расстоянии от позитивного, в аспекте Гомогенности, то есть что, согласно тому, что можно назвать элементарным здравым смыслом, все может быть найдено всюду. Махогониевые бревна на берегах Гренландии, насекомые из долины на вершине горы Монблан; атеисты на молитвенном собрании; лед в Индии. Например, химический анализ может обнаружить, что почти любой мертвец был отравлен мышьяком, потому что не существует желудка без некоторого количества железа, олова, цинка, золота, мышьяка в нем и, — конечно, в более широком смысле — не так уж важно, в каких количествах, поскольку определенный процент людей, в качестве сдерживающей меры, каждый год должен быть казнен за убийство; и, поскольку детективы в действительности не могут раскрыть ничего, все, что необходимо, это иллюзия их успеха, и очень почетно отдать свою жизнь за общество в целом.

Химик, который делал анализ вещества из Пиктоу, послал образец редактору журнала. И редактор, конечно, нашел в нем пыльцу.

Мое личное допущение состоит в том, что в нем должно было оказаться немного пыльцы; что ничего не может просто так упасть сквозь слой воздуха, близ сосновых лесов Новой Шотландии и избежать той участи, которая у всех на слуху. Но этот редактор не говорит, что это вещество «содержало» пыльцу, он пренебрегает «азотом, аммиаком и животным запахом», он говорит, что это вещество было пыльцой. Ради наших тридцати или сорока пунктов свободомыслия мы не можем быть действительно свободомыслящими, мы допускаем, что химик, делавший первый анализ, мог, вероятно, и не распознать животный запах, если он был швейцаром при зверинце. Но по мере того, как мы будем продвигаться дальше, больше не будет такого огульного игнорирования этого явления. Падение животного вещества с неба. Я бы предложил, для начала, чтобы мы поставили себя на место глубоководных рыб: как бы они объяснили падение сверху вещества животных? Они попытались бы...

Но не так уж трудно представить, что большинство нас — это своего рода глубоководные рыбы.

Journal of the Franklin Institute, 90, II: согласно Боссардо, директору

Технологического Института города Генуя, и проф. Кастеллани, 14 февраля 1870 года в Генуе, Италия, произошло выпадение желтого вещества. Но микроскоп обнаружил многочисленные шарики кобальтово-голубого цвета и частички жемчужного цвета, напоминавшие крахмал. *СМ. Nature, 2, 166. Comptes Rendus, 56,972:*

М. Буи рассказывает о веществе, варьирующем по цвету от красноватого до желтоватого, которое выпало в огромных количествах и несколько раз подряд 30 апреля, 1 и 2 мая во Франции и Испании, что оно обугливалось и распространяло запах обожженного животного вещества — это была не пыльца, в спирте оно оставило осадок смолоподобного вещества. Выпали, вероятно, сотни тысяч тонн этого вещества. «Запах обгорелого животного вещества». Воздушная битва произошла в межпланетном пространстве несколько сот лет назад — эффект времени, необходимый для превращения разнообразных осадков в видимые однородные...

Все это очень нелепо, потому что, хотя нам и говорят — Франция и Германия — об огромном количестве животного вещества, падавшего с неба целых три дня, мы еще не готовы. Г-н Буи говорит, что это вещество — не пыльца; огромность масштабов падения подтверждает, что это не пыльца; смолообразный осадок не указывает на пыльцу сосен. Мы еще много услышим о веществе со смолоподобным осадком, которое выпало с неба; в конце концов мы разведем его с предположением о пыльце.

Blackwood's Magazine, 3, 338: желтый порошок, который выпал в Джераче, Калабрия, 14 марта 1813 года. Часть этого вещества была собрана синьором Сменини, профессором химии в Неаполе. У него был земляной пресный вкус, и оно описывается как «маслянистое». При нагревании это вещество становилось коричневым, затем черным, затем красным. Согласно *Annals of Philosophy, II, 466*, одним из компонентов этого вещества было зеленовато-желтое вещество, которое после высушивания оказалось смолообразным. Но сопутствующие обстоятельства этого падения: В небе были слышны громкие шумы. Камни падали с неба.

Согласно Хлад ни, эти сопутствующие обстоятельства имели место, и мне они кажутся — довольно грубыми? — не очень совместимыми со столь мягким и нежным, как падение пыльцы?

Черные дожди и черные снега — дожди черные, как чернильный потоп, — блестяще-черные снежинки.

Такой дождь выпал в Ирландии 14 мая 1849 года. Он описан в *Annals of Scientific Discovery, 1850*, и в *Annal Register, 1849 г.* Он выпал в районе площадью 400 квадратных миль, имел цвет чернил, зловонный запах и

очень неприятный вкус.

Дождь в Каслкаммон, Ирландия, 30 апреля 1887 года: густой черный дождь — см. *American Meteorological Journal*, 4,193.

Черный дождь выпал в Ирландии 8 и 9 октября 1907 года (*Symons' Meteorological Magazine*, 43,2). «Он оставил в воздухе в высшей степени странный неприятный запах».

Ортодоксальное объяснение этого дождя содержится в журнале *Nature* от 2 марта 1908 года — туча сажи или копоти, пришедшая из Южного Уэллса после того, как пересекла Ирландский канал и Ирландию.

Также и черный дождь, выпавший в марте 1898 года в Ирландии: *Symons' Meteorological Magazine*, 33-40, он приписывается тучам сажи из промышленных городов Северной Англии и Южной Шотландии.

Наш интермедиатистский принцип псевдологии, или наш принцип Непрерывности, утверждает, конечно, что ничто не уникально и индивидуально: не все явления переходят во все другие явления; например, предположим, что существуют огромные небесные сверхокеанские или межпланетные корабли, которые время от времени приближаются к этой земле и выбрасывают массы дыма. Сейчас мы только предполагаем такую вещь, потому что, как мы условились, мы начинаем скромно и осторожно. Но если бы это было так, тогда на земле с необходимостью должны были происходить кое-какие явления, с которыми этот феномен должен был где-то сливаться. Потусторонний дым и дым из городов сливались бы или оба проявлялись бы в черных осадках из дождя.

В Непрерывности невозможно провести различие между явлениями в их точках слияния, поэтому поищем их в крайностях. В некоторых инфузориях невозможно провести различие между животными и растениями, но возьмем гиппопотама и фиолетовый цвет. Для всех практических целей они достаточно различимы. Никто, кроме каких-нибудь Барнума или Бейли не послал бы связку гиппопотамов как знак своего уважения. Поэтому прочь от крупных промышленных центров.

Черный дождь в Швейцарии 20 января 1911 года. *Nature*, 85, 451, говорит об этом дожде, что при некоторых погодных условиях снег может принять вид черноты, что весьма обманчиво.

Может быть, это и так. Или ночью, если достаточно темно, снег может выглядеть черным. Это просто отрицание того факта, что 20 января 1911 года в Швейцарии выпал черный снег.

Крайняя удаленность от крупных промышленных центров. *La Nature*, 1888 г., 2,406:

14 августа 1888 года на мысе Доброй Надежды выпал дождь, столь

черный, что его описывают как «чернильный душ».

Непрерывность преследует нас. Непрерывность правит нами и тянет нас назад. Кажется, у нас осталось мало надежды, что методом крайностей мы сможем оторваться от вещей, которые неразличимо переходят в другие вещи. Мы обнаруживаем, что каждый уход от одного места слияния есть вход в другое. На мысе Доброй Надежды огромные объемы дыма из крупных промышленных центров не могут, в качестве объяснения, не могут скольнибуть приемлемо слиться с объяснением на основе потустороннего источника, но дым из земного вулкана — может, и именно это предположение было высказано в *La Nature*.

В человеческом мышлении отсутствует какой-либо реальный критерий, с помощью которого можно было бы вынести решение, но на сегодняшний день мы принимаем, что более близкое к позитивности победит. Под более близким к позитивности мы подразумеваем более Организованное. Все постепенно переходит во все другое, но, пропорционально своей сложности, будучи объединенной, вещь кажется сильной, реальной и отличной от других; так, в эстетике признано, что разнообразие в единстве есть большая красота, или приближение к Красоте, чем более простое единство; так логики чувствуют, что согласие различных данных дает большую убедительность, или силу, чем согласие параллельных (однотипных) случаев: поэтому для Герберта Спенсера чем более дифференцировано и интегрировано есть нечто, тем полнее оно развито. Наши оппоненты отстаивают земной источник всех черных дождей. Нашим методом будет представление различных явлений в согласии с допущением о возможности какого-то иного их источника. Мы включаем в наше рассмотрение не только черные дожди, но и сопровождающие их явления.

Корреспондент журнала *Knowledge*, 5, 190, сообщает о черном дожде, который выпал в Клайд Вэлли 1 марта 1884 года; и о другом черном дожде, выпавшем два дня спустя. Согласно этому корреспонденту, черный дождь выпадал в Клайд Вэлли и 20 марта 1828 года, а затем опять 22 марта 1828 года. Согласно *Nature*, 9,43, черный дождь выпал 4 сентября 1873 года в Марлсфорде, Англия; а спустя 24 с лишним часа второй черный дождь снова выпала том же городке. Черные дожди города Слэйнз, Шотландия: Согласно преподобному Джеймсу Расту (*Scottish Showers*):

Черный дождь выпал в Слэйнз 14 января 1862 года, второй — в Карлуке, в 140 милях от Слэйнз, 1 мая 1862 года; снова в Слэйнз 20 мая 1862 года и, наконец, там же 28 октября 1863 года.

Но после двух из этих ливней на морской берег близ Слэйнз были

выброшены огромные количества вещества, описываемого то как «пемза», то как «шлак». Приводится мнение некоего Химика, что это вещество представляет собой шлак, что это не был продукт вулканической деятельности, что это был шлак из сталеплавильных заводов. Теперь у нас есть для черных дождей сопутствующее обстоятельство, несовместимое с их происхождением от фабричных труб. Откуда бы оно не произошло, количество этого вещества было столь огромно, что, по мнению мистера Раста, для того, чтобы произвести его, потребовались бы объединенные мощности всех сталеплавильных заводов всего мира. Если это был шлак, то мы допускаем, что какой-то искусственный продукт в огромных количествах выпал с неба. Если вы не думаете, что такие случаи прокляты Наукой, то прочитайте *Scottish Showers* и посмотрите, насколько невозможно оказалось для этого автора заставить научный мир принять эти факты.

Первый и второй из этих дождей соответствовали по времени обычным вспышкам деятельности Везувия.

Третий и четвертый дожди, согласно мистеру Расту, не соответствовали никаким известным проявлениям вулканической деятельности на этой земле. *La Science Pour Tous*, II, 26:

Между октябрём 1863 года и январём 1866 года в Слэйнз, Шотландия, еще четыре раза выпадали черные дожди.

Автор этого дополнительного отчета рассказывает нам, с большей или более неразборчивой ортодоксией, чем мистер Раст, что из восьми черных дождей пять совпали с извержениями Везувия и три с извержениями Этны.

Судьба всех объяснений заключается в том, чтобы закрыть одну дверь и тут же распахнуть широко другую. Я должен сказать, что мои собственные взгляды на этот предмет будут считаться иррациональными, но, по крайней мере, моя общительность удовлетворена здесь соседством с нелепостью — или этот автор и те, кто идет по его колею, должны будут сказать, что четыре выброса из одного далекого вулкана, пройдя над большей частью Европы, не могли выпасть где-нибудь в другом месте, а разгрузились точно над маленьким северным приходом...

А также и три других выброса, из другого далекого вулкана, показав в точности такое же предпочтение, если не меткость стрельбы, тому же маленькому приходу в Шотландии.

Но ортодоксия ничего не приобрела бы, допустив, что источником черных дождей были взрывающиеся метеориты и их обломки: точность и повторяемость было бы столь же трудно объяснить.

Я лично представляю себе остров близ океанского торгового пути: он

вполне мог получить мусор или отходы от проходящих судов семь раз за четыре года.

Другие сопутствующие обстоятельства черных дождей:

В Timb's Year Book, 1851 г., 270, помещен рассказ о «каком-то грохоте, вроде взрыва вагонов, который слышался больше часа без перерыва» 16 июля 1850 года, Булуик Ректори, Нортхэмптон, Англия. А 19-го выпал черный дождь.

В Nature, 30,6, корреспондент сообщает о плотной темноте в Престоне, Англия, 26 апреля 1884 года; на странице 32 другой корреспондент пишет о черном дожде в Кроули, близ Вустера, 26 апреля что неделю спустя, 3 мая, он выпал снова; еще один рассказ о черном дожде, выпавшем 28 апреля близ Черч Шеттон, столь сильным, что на следующий день ручьи все еще были окрашенными. Согласно четырем сообщениям корреспондентов «Нэйчер», в это время в Англии были землетрясения.

Или черный дождь в Канаде 9 ноября 1819 года. На этот раз сочли ортодоксальным приписать черный осадок дыму от лесных пожаров, полыхавших южнее реки Огайо... Zurcher Meteors, стр. 238:

Этот черный дождь сопровождался «ударами, напоминающими удары при землетрясениях». Edinburgh Philosophical Journal, 2, 381: В момент наибольшей темноты и падения черного дождя произошло землетрясение. Красные дожди.

Ортодоксия (объясняет их следующим образом): Песок, принесенный из Сахары в Европу ветром сирокко.

В Европе, особенно в сейсмоактивных областях, отмечалось много случаев выпадения красного вещества, обычно, но всегда, осаждавшегося в виде дождя. Во многих случаях эти вещества были «абсолютно идентифицированы» как песок из Сахары. Когда я впервые занялся этим материалом, я прошел сквозь уверения за уверениями, столь позитивные в этом смысле, что не будь я интермедиатистом, я бы не стал углубляться дальше. Пробы, отобранные из дождя в Генуе, образцы песка, присланные из Сахары — «абсолютный аргумент», как сказали некоторые авторы: тот же цвет, те же частицы кварца, даже примесь тех же раковинок диатомей. Далее, химические анализы: никаких, стоящих упоминания, разногласий.

Наш интермедиатистский способ выражения состоит в том, что с надлежащими исключениями, согласно научному или теологическому методу, любая вещь может быть идентифицирована с любой другой вещью, если все вещи суть только различные проявления лежащего в их основе единства.

Для многих умов выражение «абсолютно идентифицированы»

заклучает в себе покой и удовлетворение. Абсолютность или иллюзия ее — это всеобщая цель. Если химик идентифицировал вещество, выпавшее в Европе, как песок из африканских пустынь, поднятый в воздух африканскими смерчами, то это успокоительное средство для всех раздражений, возникающих в тех далеких от действительности умах, которые должны находить отдых в представлении об уютном изолированном маленьком мирке, свободном от контактов с космической нечестивостью, защищенном от звездного коварства, нетревожимом межпланетными засадами и вторжениями. Единственная неприятность здесь заключается в том, что анализ химика, который многим умам представляется окончательным и авторитетным, не ближе к абсолютному, чем идентификация, произведенная ребенком, или описание, сделанное имбецилом...

Кое-что из этого я беру обратно: я допускаю, что степень приближения выше...

Выражение «абсолютно идентифицирована» основывается на заблуждении, потому что не существует никакой определенности, никакой гомогенности, никакой устойчивости, а только промежуточные стадии где-то между ними и неопределенностью, гетерогенностью и неустойчивостью. Не существует никаких химических элементов, кажется, можно принять, что Рамзи установил это. Химические элементы — это только еще одно разочарование в поиске позитивного как определенного, гомогенного и устойчивого. Если бы существовали настоящие элементы, тогда существовала бы и настоящая наука химия.

12 и 13 ноября 1902 года произошло крупнейшее в истории Австралии выпадение вещества. 14 ноября «лилась дождем грязь» в Тасмании. Конечно, она была приписана австралийским смерчам, но, согласно *Monthly Weather Review*, 32, 365, в эти дни на всем пути до Филиппин и до самого Гонконга стоял легкий туман. Возможно, что этот феномен и не имеет особого отношения к даже более грандиозному выпадению вещества, которое произошло в Европе в феврале 1903 года.

В течение нескольких дней весь юг Англии превратился в свалку — откуда-то.

Если бы вы захотели иметь мнение химика, хотя это всего лишь мнение химика, прочтите отчет о собрании Королевского химического Общества, состоявшегося 2 апреля 1903 года. Мистер Э. Г. Глейтон прочел доклад о каком-то веществе, которое выпало с неба и было собрано им. Объяснение с помощью Сахары применимо, главным образом, к выпадениям, которые происходят в Южной Европе. Дальше от этих мест,

конвенционалисты чувствуют некоторое беспокойство. Например, редактор *Monthly Weather Review*, 29, 121, рассказывает о красном дожде, который в начале 1890 года выпал близ берегов Ньюфаундленда: «Было бы весьма удивительно, если бы это была пыль из Сахары». Мистер Клейтон сказал, что изученное им вещество было «всего лишь принесенной ветром пылью с дорог и проселков Уэссекса». Это мнение — типичный пример всякого научного мнения, или теологического мнения, или женского мнения — любое из них прекрасно, не считая того, чем оно пренебрегает. Наиболее милосердная вещь, которую я могу себе представить, — поскольку, я думаю, она дает нам более широкую возможность облегчить наши неприятности случайными проявлениями милосердия — это то, что мистер Клейтон ничего не слышал о поразительном масштабе этого выпадения, когда оно покрыло Канарские острова. Сам я думаю, что в 1903 году мы прошли через останки какого-то превращенного в пыль мира. Эти останки произошли в результате какого-то древнего межпланетного диспута и с тех пор висят в пространстве как олицетворение красного негодования. Исходя из любого другого мнения, можно представить себе, что пыль из Уэссекса превращается в нечто провинциальное, когда мы рассматриваем ее.

Думать означает мыслить незавершенно, потому что все мыслимое относится только к локальному. Нам, метафизикам, конечно, нравится представлять себе, что Мы думаем о неммыслимом.

Что же касается мнений, — или, я бы сказал, провозглашений, поскольку у них всегда такой авторитетный вид — других химиков, то в журнале *Nature*, 68,54, приведен анализ, который показал воду и органические вещества в количестве 9,08 процента. Именно выделение фракций при анализе оказывалось столь убедительным, что вещество было определено как песок из Сахары.

Огромные масштабы этого осаждения. В журнале *Nature*, 68,65, нам говорят, что это произошло и в Ирландии. 19 февраля в Сахаре произошли песчаные бури, — и если пренебречь тем фактом, что в этой огромной области всегда, в какой-нибудь ее части происходит песчаная буря, однако, в данный момент, кажется разумным, что пыль пришла из Африки через канарские острова.

Великая трудность заключается в том, что авторитету приходится сталкиваться с другим авторитетом. Когда непогрешимость сталкивается с первосвященством... Они объясняют. *Nature*, 5 марта 1903 года:

Еще один анализ — 36 процентов органического вещества.

Такие расхождения выглядят не очень хорошо, поэтому в *Nature*, 68, 109, один из химиков, получивших различающиеся результаты, объясняет,

что проба для анализа была взята из грязевого дождя, а другие пробы — из дождевого осадка...

Мы вполне готовы принять извинения от самых высоких, хотя мне все равно интересно знать, до такой ли степени мы прокляты, что окажем благосклонность и терпимость по отношению к проклинающим силам — пошлина, которой сейчас облагаются наши хорошие манеры и нежелание проявить чрезмерную суровость... Nature, 68,223:

Еще один химик. Он говорит, что воды и органического вещества было 23,49 процента.

Он «идентифицирует» это вещество как песок из африканской пустыни, но после вычитания органического вещества...

Но и вы, и я можем быть «идентифицированы» как песок из африканской пустыни, после вычитания всего, что в нас есть, кроме африканского песка...

Почему мы не можем допустить, что этот осадок был песком из Сахары, опустив очевидное возражение, что в большинстве своих частей Сахара вовсе не красная, а обычно описывается как «ослепительно белая»...

Огромность масштабов этих осадков: если допустить, что какой-нибудь смерч принес его, то это был не какой-нибудь предполагаемый или сомнительно идентифицированный смерч, а величайший атмосферный катаклизм за всю историю этой земли. *Journal of the Royal Meteorological Society*, 30, 56: Вплоть до 27 февраля выпадение этих осадков продолжалось в Бельгии, Голландии, Германии и Австрии; и в некоторых случаях это был не песок, а почти все выпавшее вещество было органическим. Один корабль сообщил, что это падение происходило и в Атлантическом Океане, на полпути между Саутгемптоном, Англия, и островом Барбадос. Приводится расчет, согласно которому в одной только Англии выпало 10000 000 тонн вещества. Оно выпало и в Швейцарии (*Symons' Meteorological Magazine*, март 1903). Оно выпало и в России (*Бюллетень Геол. Ком.*, 22, 48). В Австралии, помимо того, что огромное количество вещества выпало за несколько месяцев до этого, красная грязь продолжала падать в огромных количествах — пятьдесят тонн на квадратную милю (*Victorian Naturakist*, июнь 1903).

Уэссекское объяснение

Любое объяснение есть уэссекское объяснение: под этим я подразумеваю попытку интерпретировать огромное с помощью мелкого и незначительного, что ничего нельзя объяснить окончательно, потому что под Истиной мы подразумеваем Всеобщее; даже если бы мы могли мыслить в масштабе Всеобщего, это не было бы воздаянием за космический поиск, который не есть поиск Истины, а поиск локального, которое есть истина, но не для того, чтобы универсализировать локальное, а чтобы локализовать всеобщее, — или дать космическому облаку абсолютную интерпретацию с помощью ничтожных пыльных дорог и проселков Уэссекса. Я не могу себе представить, что это может быть сделано; я думаю о высокой степени приближения. Наш интермедиатистский взгляд состоит в том, что из-за непрерывности всех «вещей», которые не являются отдельными, позитивными, или реальными вещами, все псевдовещи причастны к лежащему в их основе, или суть только различные проявления, степени или аспекты этой основы; поэтому проба, взятая из чего-то в чем-то, должна в чем-то соответствовать пробе, взятой откуда-то в чем-то еще.

При должной тщательности отбора, и пренебрежении ко всему другому, или с помощью научного и теологического метода, вещество, выпавшее на землю в феврале 1903 года, может быть идентифицировано как что угодно, или с какой-нибудь частью, или аспектом чего угодно, о чем только модно помыслить...

С песком из Сахары, с песком из бочки с сахаром или с прахом вашей пра-прапрабабушки.

Различные пробы описаны и перечислены в *Journal of the Royal Meteorological Society*, 30,57-из них мы увидим, насколько моя точка зрения, что некий химик мог идентифицировать некоторые из этих проб как происходящие из любого мыслимого места, является крайностью.

«Похоже на кирпичную пыль» — говорится в одном месте; «темно-желтое или светло-коричневое» — в другом месте; а также «шоколадного цвета и шелковистое на ощупь», «слегка радужное (или переливчатое)»; «серое», «цвета красной ржавчины», «красноватые дождевые капли и серый песок», «грязно-серое», «ярко-красное», «желтокоричневое с оттенком розового», «цвета густо-желтой глины».

В *Nature* оно описывается как своеобразный желтый осадок в одном

месте, красноватый в другом и оранжево-розовый в третьем.

Химия похожа на науку социологию, предубежденную изначально, потому что всего лишь видеть означает видеть с предубеждением, попытка «доказать», что все обитатели НьюЙорка прибыли из Африки.

Очень легко сделать: пробы из одной части города, пренебрежение ко всем остальным. Нет науки кроме уэссекской науки. В соответствии с нашей точкой зрения, другой и не может быть, но степень аппроксимации должна быть выше, что метафизика — это свержло, что научный дух это дух космического поиска.

Мы полагаем, что в реальном существовании такая квазисистема басен, как наука химия не могла бы ввести кого-либо в заблуждение ни на мгновение; но что в «существовании», пытающемся стать реальным, она представляет эту попытку и будет продолжать накладывать свою псевдопозитивность до тех пор, пока ее влечет более высокое приближение к реальности.

Что наука химия столь же непозитивна, как и гадание о будущем. Или нет...

Хотя она и представляет более высокую степень приближения к реальности, чем, например, алхимия, и поэтому вытеснила алхимию, она все еще находится где-то посередине между мифом и позитивностью.

Попыткой приблизиться к реальности, или в данном случае, установить реальный и неизменный факт является утверждение:

Все красные дожди окрашены песком из пустыни Сахары.

Мои собственные непозитивистские допущения сводятся к следующему:

Некоторые красные дожди окрашены песками Сахарской пустыни, некоторые — песком из других земных источников; некоторые — песком из других миров, или из их пустынь — а так же из воздушных регионов, слишком неопределенных или аморфных, чтоб их можно было считать «мирами» или планетами...

Никакие предполагаемые смерчи не могут объяснить сотни миллионов тонн вещества, которые выпали на Австралию, Тихий Океан или Европу в 1902 и 1903 годы.

Но сейчас мы отбросим часть нашего собственного уэссексизма, допустив, что случались и выпадения красного вещества, отличного от песка.

Мы рассматриваем каждую науку как выражение попытки достигнуть реальности. Но достигнуть реальности означает локализовать всеобщее — или сделать какую-нибудь одну вещь столь же широкой, как все вещи —

успешного завершения которой я не могу себе представить. Главным источником сопротивления этой попытке является отказ остальной вселенной быть проклятой, исключенной, пренебрегаемой, отказ подвергнуться обработке Христианской Наукой со стороны чего-то другого, предпринимающего такую попытку. Хотя все явления стремятся к Абсолюту, — или подчинились, или включились в попытки более высокого уровня, — просто быть феноменальным или иметь видимость в Промежуточности означает выражать отношения.

Река

Это вода, выражающая гравитационное отношение различных уровней.

Вода реки

Выражение химических отношений водорода и кислорода, которые не являются окончательными.

Город Проявление торговых и общественных отношений.

Как может существовать гора без основания в большем теле?

Владелец магазина без покупателей? Главным источником сопротивления позитивистской попытке Науки являются ее отношения с другими явлениями, или то, что она в первую очередь выражает эти отношения. Наука может иметь видимость, или выжить в Промежуточности как нечто чистое, изолированное, положительно отличное, не более, чем река или город, гора или магазин.

Эта попытка, в масштабе всей Промежуточности, попытка ее отдельных частей быть целыми, — которая не может быть осуществлена в нашем квазисостоянии, если мы допустим, что в ней сосуществование двух или более целых или всеобщностей невозможно, но может быть мыслимо высокое приближение к ней. Ученые и их мечта о «чистой науке». Художники и их мечта об «искусстве для искусства». Согласно нашему взгляду, если бы они могли почти осуществиться, то это была бы почти реальность: что они были бы почти мгновенно перенесены в реальное существование. Такие мыслители являются хорошими позитивистами, но они суть зло в экономическом и социологическом смысле, если, в этом смысле, ничто не имеет никаких оправданий для своего бытия, если оно не служит, или не функционирует для, или не выражает отношения какого-нибудь более высокого агрегата. Так, Наука функционирует для общества в целом, и служит ему, и не получала бы от него, от общества в целом, никакой поддержки, если бы она до такой степени не отвлекалась, не растрачивалась и не проституировала себя. Кажется, что под проституцией я подразумеваю полезность.

В прошлом случались красные дожди, которые в средние века назывались «кровавыми дождями». Такие дожди многих приводили в ужас и настолько выбивали из колеи широкие массы населения, что Наука, в ее социологических отношениях, искала, по методу миссис Эдди, как искоренить зло... «Кровавые дожди» не существуют. Дожди, называемые так, всего лишь состоят из воды, окрашенной песком из пустыни Сахара.

Лично я полагаю, что такие уверения, фиктивные или нет, независимо от того, является ли Сахара «слепяще белой» или нет, приносили столь большую пользу, в социологическом смысле, хотя и были протитуированием в позитивистском смысле, что, в социологическом смысле, вполне себя оправдывали.

Но мы пошли дальше: сейчас уже двадцатый век, большинство из нас уже достаточно выросли, и такие усыпляющие средства из прошлого нам больше не нужны. И если с неба на НьюЙорк будут падать кровавые ливни, бизнес будет продолжаться как обычно.

Мы начали с дождей, которые, согласно нашему допущению, состояли, вероятнее всего, из песка. В моей все еще незрелой еретичности — а под ересью, или прогрессом я подразумеваю, в очень широком смысле, возвращение, хотя и со многими модификациями, к суевериям прошлого — я чувствую значительную отчужденность по отношению к мысли о дождях крови. В данный момент моей консервативной, или робкой целью является только сказать, что были такие красные дожди, которые сильно напоминали кровь и тонко раздробленное органическое вещество. Обломки после межпланетных катастроф.

Битвы в атмосфере

Запасы пищи из грузов суперкораблей, потерпевших аварию на межпланетных маршрутах.

6 марта 1888 года в районе Средиземного моря выпал красный дождь. Двенадцать дней спустя он выпал снова. Каково бы ни было выпавшее вещество, при сжигании оно издавало сильный и стойкий запах животного происхождения. *La Nature*, 1888 г., 205.

Но — бесконечная гетерогенность, или обломки от многих различных воздушных грузов — были и красные дожди, окрашенные не песком и не животным веществом.

Annals of philosophy, 16, 226: 2 ноября 1819 года — за неделю до выпадения черного дождя и землетрясения в Канаде — в Бланкенберге, Голландия, выпал красный дождь. Что касается песка, то два химика из Брюгговорите выпарили 144 унции до 4 унций и — «осадок не выпал». Но цвет был столь ярко выражен, что если бы там содержался песок, то он выпал бы в осадок, если бы вещество не выпарили, а развеи. Были проведены эксперименты и различные реагенты все же вызвали выпадение осадков, но это был не песок. Химики пришли к выводу, что это был сульфат кобальта, что не очень-то проясняет дело: это можно сказать о многих веществах, перевозимых на грузовых кораблях по Атлантическому океану. Чем бы оно ни было, в «*Анналах химии*», 2, 12,432, его цвет назван красно-фиолетовым. Различные его химические реакции описаны *Quarterly Journal of the Royal institute*, 9,202, и в *Edinburgh Philosophical Journal*, 2, 381.

Нечто, выпавшее с пылью метеоритного, как говорят, происхождения, 9, 10 и 11 марта 1872 года, описывается «*Annual Record of Science*», 25,300, как «странное вещество», состоящее из железной охры, карбоната кальция и органического вещества.

Оранжево-красный град выпал 14 марта 1872 года в Тоскане, Италия (*Notes and Queries*, 9, 5, 16).

Дождь из бледно-лилового вещества выпал в Удоне, Франция, 19 декабря 1903 года (*Bulletin de la Societe Meteorologique de France*, 1904 г., 124). *La Nature*, 1885, 2, 351:

Согласно профессору Шведову, в России 14 июня 1880 года выпали красные градины, голубые градины, а также серые градины. *Nature*, 34,123;

Корреспондент пишет, что, по словам жителя одного городка в

Венесуэле, 17 апреля 1886 года там выпал град, причем одни градины были красного цвета, другие голубого, а некоторые беловатого; об информанте сказано, что вряд ли он когда-либо слышал о российском феномене; он охарактеризован как «честный простой сельский житель».

Nature, 5 июля 1877 года цитирует римского корреспондента лондонской газеты «Таймз», который прислал перевод из итальянской газеты. В нем говорится, что 23 июня 1877 года в Италии выпал красный дождь, содержащий «микроскопически малые частицы песка».

Или, согласно нашему представлению, в Италии в 1877 году любая другая история была бы грехом, в социологическом смысле. Но английский корреспондент, пишущий из страны, в которой ужасные красные дожди редки, не чувствовал этой необходимости. Он пишет: «Я никоим образом не удовлетворен объяснением, что этот дождь состоял из воды и песка». По его наблюдениям, капли этого дождя оставляли пятна, «которые вода с песком не могла оставить». Он отмечает, что когда вода испарялась, никакого песка не оставалось. *Annales de Chimie*, 1888 г., 75:

Что 13 декабря 1887 года в Кохинхине (Cochin China) выпало вещество, похожее на несколько коагулированную кровь. *Annales de Chimie*, 85, 266:

В Ульме в 1812 году выпало вязкое вещество красного цвета.

Теперь у нас есть факт, содержащий фактор, который уже намечался; который будет повторяться и повторяться на протяжении всей этой книги. Этот фактор столь революционным образом подталкивает к размышлению, что его придется много раз подкреплять, прежде чем мы полностью примем его. *Yearbook of Facts*, 85, 266:

Цитата из письма профессора Кампини профессору Маттэуччи сообщает, что 28 декабря 1860 года около 7 часов вечера в северо-западной части города Сиена в течение двух часов шел обильный дождь красного цвета. Второй красный ливень прошел в II часов. Три дня спустя снова выпал красный дождь. На следующий день прошел еще один красный дождь. Еще более необычайно, что все эти дожди шли «точно в одном и том же квартале города».

IV

В ЗАПИСКАХ французской Академии есть данные о том, что 17 марта 1669 года в городе Шатийон-сюр-Сен выпало красноватое вещество, которое было «густым, вязким и с отвратительным гнилостным запахом». *American Journal of Science*, 1-41, 404: Рассказ о крайне неприятно пахнущем веществе, которое выпало с неба в округе Уилсон, штат Теннесси. Мы читаем, что доктор Труст посетил и исследовал это место — позже мы приведем некоторые расследования, — но сейчас это неважно. Доктор Труст сообщил, что это вещество состояло из чистой крови и кусков сырого мяса, разбросанных на табачных полях. Он рассуждает, что какой-нибудь смерч мог поднять какое-нибудь животное из одного места, растерзать его на части и разбросать его остатки где-нибудь в другом месте.

Но в томе 44, страница 216 этого «Журнала» приводится извинение. Согласно газетному авторитету, все это дело было розыгрышем негров, которые выдумали, что видели дождь, и чтобы испытать доверчивость своих владельцев, они раскидали гниющие куски дохлой собаки на табачных полях.

Если мы и не принимаем этот факт, мы по крайней мере видим социологически необходимую решимость приписывать все падения вещества или предметов земным источникам, даже когда это упавшие предметы, которые не падают.

Annual Register, 1821 г., 687: 13 августа 1819 года что-то упало с неба около Амхерста, штат Массачусетс. Оно было обследовано и описано профессором Грейвзом, бывшим лектором в дармутском колледже. Это был предмет, поверхность которого была покрыта ворсом, похожим на ворс сукна. После удаления этого ворса было обнаружено мясистое и сочное вещество цвета буйволловой кожи, то есть темно-желтого цвета. У него был отвратительный запах и после пребывания на воздухе оно приобрело ярко-красный цвет. Говорили, что этот предмет упал с ослепительным светом.

Смотри также *Edinburgh Philosophical Journal*, 5, 295. В *Annales de Chimie*, 1821 г., 67, господин Араго принимает этот факт и приводит четыре примера подобных предметов или веществ, которые, как говорят, упали с неба; из них два мы рассмотрим позже вместе с нашими данными о студенистом, или вязком веществе, а два других я опускаю, поскольку мне кажется, что приводимые Араго факты слишком устарели.

В *American Journal of Science*, 1-2, 235, приводится отчет профессора

Грейвза, по рассказу профессора Дьюи.

Вечером 13 апреля 1819 года в Амхерсте увидели свет, затем падающий предмет — звук, похожий на звук взрыва.

В доме профессора Дьюи этот свет отразился от стены комнаты, в которой находилось несколько членов семьи профессора Дьюи.

На следующее утро на переднем дворе профессора Дьюи, согласно рассказу, единственное место, откуда мог отразиться свет на стенку комнаты, где его видели вечером, было найдено вещество, «не похожее ни на что, ранее наблюдавшееся кем-либо, кто видел его». Это был чашеобразный предмет около 8 дюймов (20 см) в диаметре и в один дюйм (2,5 см) толщиной, яркого темно-желтого цвета и с «прекрасным ворсом» на поверхности. После удаления этого покрытия была обнаружена темно-желтая мясистая субстанция с консистенцией мягкого мыла «с удушливым отвратительным запахом».

После нескольких минут экспозиции на свежем воздухе темно-желтый цвет изменился на «яркий цвет, напоминающий венозную кровь». Предмет быстро впитывал влагу из воздуха и превращался в жидкость. Описание некоторых химических реакций смотри в упомянутом «Журнале».

Еще одна погибшая квазидуша факта, которая, мне кажется, связана с приведенным выше описанием. Лондонская «Тайме», 19 апреля 1836 года: В окрестностях Аллахабада, Индия, произошло выпадение рыбы. Рассказывают, что рыбы принадлежали к виду чалва и имели размеры около одного спана (9 дюймов, или 22,5 см) в длину и весом в один сьер (2 фунта).

Они были мертвые и высохшие.

Или они столь долго находились вне воды, что мы не можем принять, что выловлены из пруда смерчем — хотя они и были столь решительно идентифицированы как известный местный вид... Может быть, это вовсе не были рыбы. Я лично склоняюсь к предположению, что это не были рыбы, а стройные рыбообразные предметы, состоящие из того же вещества, которое выпало в Амхерсте, говорят, что чем бы они не были, их нельзя было есть, «что в сковородке они превращались в кровь».

Подробности этой истории можно найти в *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, 1834, 307. В журнале приводится и дата этого события — 16 или 17 мая 1834 года.

В *American Journal of Science*, 1-25, 362, происходит неизбежное проклятие амхертского предмета.

Профессор Хитчкок прибыл на жительство в Амхерст. Он говорит, что через несколько лет второй предмет, похожий на тот, который, как говорят,

упал в 1819 году, был найден «почти в том же месте». Профессор Хитчкок был приглашен профессором Грейвзом осмотреть его. Предмет был точно как первый, соответствовал по цвету, размерам и консистенции. Химические реакции были те же.

Профессор Хитчкок распознал его в один момент. Это был студенистый гриб.

Но он не удовлетворился простым определением конкретного вида, к которому принадлежал найденный предмет, но предсказал, что аналогичные грибы могут вырасти здесь в течение 24-х часов...

Но еще до наступления вечера выросли еще два. Мы пришли к одному из древнейших соглашений эксклюзивистов, а именно, что это вещество есть носток. У нас будет много фактов о студенистом веществе, которое якобы упало с неба; почти всегда эксклюзивисты доказывают, что это был всего лишь носток. Соперничающее соглашение утверждает, что это «икра лягушек или рыб». Эти два соглашения образуют сильную комбинацию. В тех случаях, когда свидетельство, что это студенистое вещество видели падающим с неба, неубедительно, говорится, что это студенистое вещество лежало на земле изначально; а когда свидетельство, что это вещество упало, слишком непроверяемо, говорят, что икра была перенесена с одного места на другое смерчем.

Далее, я не могу сказать, что носток всегда имеет зеленоватый цвет, так же как не могу сказать, что классная доска всегда черная, увидев хотя бы одну белую. Мы еще процитируем одного ученого, который видел мясокрасный носток, когда это было удобно. Когда мы вернемся к сообщениям о падении студенистых веществ, я бы хотел, чтобы читатель обратил внимание на то, как часто их описывают как беловатые или сероватые. В литературе по этой теме я читал только о зеленоватом ностоке. В толковом Словаре Уэбстера говорится, что он зеленоватый, в «Новой Международной Энциклопедии» — что «голубовато-зеленый»; еще его характеризуют как «от ярко-зеленого до оливково-зеленого» (Science Gossip. 10, 114), «зеленый» (Science Gossip, 7, 260), «зеленоватый» (Notes and Queries, 1-11, 219). Разумно допустить, что если во многих сообщениях говорится о белых птицах, то это не черные дрозды, даже если среди них встречались белые дрозды. Или что если во многих сообщениях говорится о сероватом или беловатом студенистом веществе, то это не носток и это не икра, если это происходит в сезон, неподходящий для икрометания. «Феномен Кентукки».

Так его называли, в его день, и сейчас мы рассмотрим, случай, который привлек к себе много внимания в свое время. Обычно эти вещи из числа

проклятых замалчиваются или отбрасываются — подавляются, как семь черных дождей в Слэйнз, но 3 марта 1876 года в округе Бат, штат Кентукки, произошло нечто, привлечшее на сцену корреспондентов многих газет.

С неба упало какое-то вещество, похожее на говядину.

3 марта 1876 года в Олимиан Спрингз, округ Бат, штат Кентукки, с неба, «с чистого неба», выпали хлопья вещества, похожего на говядину. Мы хотели бы подчеркнуть, что, согласно рассказам, в небе не было видно ничего, кроме этого падающего вещества. Оно выпало в виде хлопьев разного размера — некоторые были в поперечнике около двух дюймов, другие — в один, три или четыре (2-10 см). Интерес вызывает толщина слоя этих хлопьев; позже мы еще поговорим о давлении, которое она оказывала. Это было похоже на плотный снегопад. Хлопья лежали слоем: на земле, на деревьях, за— борах, но все явление было узко локализовано — на полосе длиной около 100 и шириной около 50 ярдов. Первые сообщения о нем помещены в *Scientific American*, 34-197, и «*Нью Йорк Тайме*» от 10 марта 1876 года. Затем на сцену выступают эксклюзивисты. Что-то похожее на говяжье мясо; один из хлопьев имел размер квадратного конверта.

Если мы подумаем о том, как упорно боролись эксклюзивисты, отрицая возможность поступления обычного вида пыли из внешнего по отношению к этой земле источника, то мы, вероятно, можем посочувствовать им в этом сенсационном случае. Корреспонденты газет писали репортажи, цитировались свидетели, и на этот раз никто не говорил о розыгрыше и, за исключением одного ученого, никто не отрицал, что падение действительно произошло.

Мне кажется, что эксклюзивисты являются еще большими консерваторами. Они враждебны не столько Ка всем фактам о выпадении на землю веществ внешнего происхождения, сколько ко всем данным, не соответствующим системе, которая не включает такие явления...

Или дух, или надежда, или стремление космоса, которое мы называем попыткой достигнуть позитивизма; не искать нового, не прибавлять ничего к тому, что называется знанием, а только систематизировать.

Scientific American Supplement, 2, 426: Вещество, выпавшее в Кентукки, было изучено Леопольдом Брэндисом.

«Наконец-то у нас есть настоящее объяснение этого пресловутого феномена».

«Оказалось сравнительно легко определить это вещество и установить его статус».

«Чудо из Кентукки есть не более и не менее, чем носток».

Или, что оно не упало; что оно находилось на земле изначально, разбухло во время дождя и, привлекая внимание своим сильно увеличенным объемом, вызвало предположение неученых наблюдателей, что оно упало с дождем... С каким дождем, я не знаю.

Несколько раз его также называли «высохшим». Это одна из самых важных подробностей.

Но утешение для оскорбленной пристойности, выраженное в «Чаплимент», выглядит забавно для некоторых из нас, которые, боюсь, временами выглядят несколько неприлично. Настоящий дух армии Спасения, — когда какой-нибудь третьеразрядный ученый выступает с объяснением червеобразного отростка или копчика, которое было бы вполне приемлемо для Моисея. В довершение «настоящего объяснения» говорится, что мистер Брандис определил это вещество как «носток мясного цвета».

Профессор Лоренс Смит из Кентукки является одним из самых решительных эксклюзивистов; он писал в «Нью Йорк Тайме», 12 марта 1876 года:

Это вещество было изучено и проанализировано — оно содержит все признаки принадлежности к «высушенной» икре какой-то рептилии, «без сомнения, лягушке».

В *Scientific American Supplement*, 2,473, доктор А.Мид Эдуардз, из Научной Ассоциации Ньюарка, пишет, что когда он увидел сообщение мистера Брэндиса, он почувствовал, что пристойность восстановлена, проблема решена, как он выражает эту мысль; хорошо зная мистера Брэндиса, он вызвал этот столп респектабельности, чтобы увидеть то вещество, которое было определено как носток. Но он также вызвал и доктора Хэмилтона, у которого был образец, и доктор Хэмилтон объявил, что это легочная ткань. Доктор Эдуарда пишет об этом веществе, что оно так полно, или так прекрасно, если красота означает полноту, — что было определено как носток; «оказалось, что оно также является легочной тканью». Он написал другим лицам, у которых были образцы, и определил другие образцы как массы хряща или мышечных волокон. «Что касается того, откуда оно появилось, то у меня нет никакой теории на этот счет». Тем не менее, он поддерживает локальное объяснение, но странное это объяснение:

Стая обьевшихся канюков, но летевших высоко и невидимых в ясном небе... Они опорожнились.

Профессор Фассиг включает это вещество в свою *Bibliography* как, рыбью икру. МакАти (McAtee) в *Monthly Weather Review*, май 1918 г.,

включает его как желеподобный материал, представляющий собой предположительно «высохшую» икру рыб либо каких-нибудь батрахий (лягушек).

Если кажется, что мир в целом должен объединиться против вас, то это всего лишь нереальное объединение, или нечто промежуточное между единством и разъединением. Каждое сопротивление само в себе разделено на части, сопротивляющиеся друг другу. В этой ситуации простейшая стратегия, видимо, состоит в том, чтобы никогда не трудиться воевать с чем-либо, а заставить его собственные части воевать друг с другом.

Мы постепенно переходим от мясopodobного вещества к студенистому, а о нем есть великое изобилие сообщений о случаях. Эти факты столь непристойны, они столь бесстыдны для науки сегодняшнего дня, но мы увидим, что наука, прежде чем она стала столь строгой, была не такой ханжеской. Хладни не был и Грэг не был.

Мне придется допустить, что студенистое вещество часто падало с неба...

Или что высоко вверху, или далеко, все небо является студенистым?

Что метеориты продираются сквозь него и отделяют фрагменты?

Что фрагменты доставляются вниз бурями? Что мерцание звезд вызвано проникновением света через нечто дрожащее?

Я лично думаю, что было бы нелепо сказать, что все небо студенисто; кажется более приемлемым, что студенисты только некоторые его области.

Гумбольдт(Cosmos,1,119) говорит, что все наши факты в этом аспекте следует «отнести к классу мифических басен». Он очень уверен в этом, но немного чересчур. Нам будут противостоять стандартные выражения. Это было там изначально.

Вверх в одном месте, с помощью смерча, и вниз в другом. Так или иначе, мы не станем стараться быть очень убедительными по причине тени, отбрасываемой тем фактом, которым мы закончим. Это будет означать, что нечто находилось в стационарном положении в течение нескольких дней над очень маленькой частью маленького городка в Англии; это тот революционный предмет, который мы упоминали выше. Было ли это вещество ностоком, икрой или какой-нибудь разновидностью личиночной массы, не столь уж важно. Если оно висело в небе несколько дней, мы становимся в один ряд с Моисеем как летописцем непристойностей, или, может быть, эта история, то бишь факт, была рассказана Моисеем? Тогда у нас будет столько отчетов о студенистом веществе, которое якобы упало с метеоритами, что оказавшись между этими двумя феноменами, некоторым из нас придется принять связь, — или что где-то на высоте существует по

крайней мере обширные стенистые области и что метеориты прорываются сквозь них, принося вниз немного этого вещества. *Comptes Rendus*, 3,554:

В 1836 году господин Валло, член французской академии, положил перед Академией несколько кусков студенистого вещества, которые, как говорят, упали с неба, и попросил, чтобы их проанализировали. Эта тема больше не упоминалась. *Comptes Rendus*, 23,542:

В городе Вильно, Литва, 4 апреля 1846 года во время грозы выпали массы вещества, состоящего из комков размером с орех, которое описывается как смолистое и в то же время студенистое. Оно не имело запаха, но при сжигании распространяло очень сильный сладковатый запах. Оно описывается как похожее на желатин, но гораздо плотнее, однако, после пребывания в воде в течение 24 часов оно разбухло и стало совершенно желеобразным... Оно было сероватого цвета.

Нам говорили, что в 1841 и 1846 годах аналогичное вещество выпадало в Малой Азии.

Notes and Queries, 8-6, 190, сообщается, что в начале августа 1894 года тысячи медуз размером приблизительно с шиллинг выпали в Бате, Англия. Я думаю, что вряд ли это были медузы, но похоже на то, что в этот раз лягушачья икра все же упала с неба и, возможно, была принесена смерчем, потому что, в это же самое время, лягушки выпали около Уайгана, Англия. *Nature*, 87,10:

24 июня 1911 года около Итона, графство Бакс, после сильного дождя почва оказалась покрыта массами желе, состоящего из комков размером с горошину. На этот раз нам ничего не говорят о ностоке; говорят, что этот объект содержал многочисленные яйца «одного из видов хирономуса, из которых скоро показались личинки».

Я склоняюсь к мысли, что предметы, которые выпали в Бате, не были ни медузами, ни массами лягушачьей икры, а чем-то вроде личинок... А вот что произошло в Бате, Англия, за 23 года до этого. Лондонская газета «Тайме» сообщает, что 24 апреля 1871 года прошел ливень из клейких капель, состоящих не из желе и не из масс лягушачьей икры, а из чего-то, напоминающего... [В оригинальном тексте здесь пропущена строчка. — ред.]

...железнодорожной станции в Бате. «Многие из них быстро развились в червеобразные куколки около одного дюйма длиной». Сообщение об этом событии, помещенное *Zoologist*, 26,2686, больше похоже на Итонское событие; говорится о мелких организмах, которые не были инфузориями; ничего о формах длиной в один дюйм.

Transactions of the Entomological Society of London, 1871 год, заседание

XXII:

Явление было изучено преподобным Л. Дженинзом из Бата. Он описывает крошечных червячков в пленочных оболочках. Он пытается объяснить их скопления. Остается тайной, что могло собрать их в таком количестве? У нас еще будут сообщения о многих других выпадениях, и в большинстве таких случаев скопление больших масс мелких предметов или существ представляет большую загадку. Смерч может быть чем угодно, но не силой, образующей скопления. Вопрос о скоплении вещей, упавших с неба, обходится, словно речь идет о наиболее закоренелых из проклятых. Мистер Дженинз представляет себе большой бассейн, в котором находились эти шарообразные комочки; высыхание бассейна и концентрация всех на маленькой площади; смерч, вытягивающий всех наверх...

Но несколько дней спустя те же предметы падают снова в том же месте.

Такую меткость нельзя приписать смерчу именно тем, что мы называем здравым смыслом.

Возможно, это и не будет соответствовать здравому смыслу, если я скажу, что эти массы в течение нескольких дней висели стационарно над городом Бат... Семь черных дождей городка Слэйнз. Четыре красных дождя Сиены.

Интересную случайную информацию, проливающую свет на механику ортодоксии, можно увидеть в том факте, что мистер Дженинз добросовестно сообщает о втором падении, но игнорирует его в своем объяснении.

Р. П. Грэг, один из наиболее выдающихся каталогизаторов метеоритных явления, описывает падения вязкого вещества в годы 1652, 1686, 1718, 1796, 1811, 1819 (*Philosophy cal Magazine*, 4-8,463). Он приводит и более ранние даты, но я и сам практикую исключения. В *Report of the British Association*, 1860 г., 63, Грэг сообщает о метеорите, который прошел вблизи поверхности земли между Барсдофом и Фрайбургом, Германия. На следующий день в снегу была найдена желеобразная масса... Явный несезон для икры или ностока. Комментарий Грэга к этому событию гласит: «Любопытно, если достоверно». Но он описывает без каких-либо изменений падение метеорита в Готе, Германия, 6 сентября 1835 года; «оставив на земле желеобразную массу». Нам говорят, что эта масса упала всего лишь в трех футах от наблюдателя. В *Report of the British Association*, 1855, 94, согласно письму Грэга профессор у Беден-Пауэлу, в ночь 8 октября 1844 года близ Кобленца, Германия, один немец, знакомый Грэга, и

еще один человек видели, как рядом с ними упало светящееся тело. На следующее утро они вернулись на это место и нашли здесь студенистую массу сероватого цвета.

Согласно рассказу Хладни, (*Annals of Philosophy*, Новая серия, 12-94), 5 мая 1652 года между Сиеной и Римом вместе со светящимся метеоритом упала вязкая масса; в марте 1796 года вязкое вещество найдено после падения огненного шара в Лузатии (*Lusatia*); падение студенистого вещества после взрыва метеорита произошло близ Гейдельберга в июле 1811 года. В *Edinburgh Philosophical Journal*, 1, 234, говорится, что вещество, которое упало в Лузатии, «имело запах и цвет высушенного коричневого лака», и *American Journal of Science*, 1-26, 396, среди многих сообщений о метеоритах за ноябрь 1833 года, есть и сообщения о падении студенистого вещества.

Согласно газетным сообщениям, комки «желе» были найдены на земле у населенного пункта Рауэй, штат Нью-Йорк. Это вещество было беловатого цвета, или напоминало свернувшийся яичный белок.

Согласно сообщению профессора А. С. Туайнинга профессору Олмстеду одна женщина в Уэст Пойнте, штат Нью-Джерси, видела массу размером с чайную чашку. Она была похожа на крахмальный клейстер.

Мистер Х. Х. Гарланд из округа Нелсон, штат Вирджиния, нашел желеобразное вещество размером с двадцатипенсовую монету;

Что, согласно газетному сообщению из Ньюарда, штат Нью-Джерси, здесь была найдена масса студенистого вещества, похожего на мягкое мыло. «Оно обладало незначительной упругостью и под воздействием тепла испарялось так же легко, как вода».

Кажется невероятным, что ученый мог иметь такую смелость, или неверность духу своей Науки, чтобы допустить, что эти предметы упали с неба. Тем не менее профессор Олмстед, собравший эти погибшие души, говорит:

«Тот факт, что эти предполагаемые осадки столь неизменно описывались как студенистое вещество, создает основание для предположения, что их источник именно тот, который им предписывают».

В научных публикациях того времени значительное внимание уделялось серии статей профессора Олмстеда о ноябрьских метеоритах, но вы не найдете ни одного упоминания о той части его исследований, где рассматривается студенистое вещество.

Я НЕ БУДУ особенно пытаться установить корреляцию данных. Какой-нибудь математически настроенный позитивист со своей иллюзией, что в промежуточном состоянии дважды два это четыре, в то время как, если мы принимаем Непрерывность, то вообще не можем принять, что где-либо существуют две вещи, стал бы искать в наших данных периодичность. Для меня очевидно, что математика, или регулярность, есть атрибут Всеобщего, что у меня нет особой склонности искать ее в локальном. И все же, в этой солнечной системе «в целом» существует значительное приближение к регулярности; или математика столь близко локализована, что может, например, предсказывать затмения с довольно высокой степенью приближения, хотя у меня есть заметки, которые поколебали бы тщеславие астрономов в этом отношении, будь это возможно. Астрономам мало платят, их не приветствуют толпы, они весьма изолированы; они живут за счет своей раздутости; выпустите воздух из медведя, и он не сможет впасть в спячку. Эта солнечная система подобна любому другому явлению, которое можно рассматривать «в целом», делам какого-нибудь административного района города, частью которого он является; города в округе, округу в штате, штату в государстве; государству среди других государств; всем государствам в климатических условиях, определяемых солнечными обстоятельствами; солнцу среди общепланетных обстоятельств, солнечной системе «в целом» среди других солнечных систем, отсюда безнадежность попыток найти явления целостности в административном районе города. Но позитивисты это те, кто стараются найти необусловленное в административном районе города. Согласно нашему допущению, это дух космической религии. Объективно государство не поддается пониманию в границах административного района города. Но если бы какой-нибудь позитивист смог прийти к абсолютному убеждению, что он нашел его, это было бы субъективным осуществлением того, что объективно неосуществимо. Конечно, мы не проводим позитивную разграничительную линию между объективным и субъективным — или что все явления, называемые предметами или лицами, субъективны внутри всеохватывающей связи, и что мысли внутри тех, кого обычно называют «лицами», субсубъективны. Похоже, что в этой солнечной системе Промежуточность устремилась к Регулярности и потерпела неудачу, а затем породила склад ума астрономов и, в этом

вторичном выражении, устремилась к убеждению, что неудача была успехом.

Я свел в таблицу все факты этой книги и еще многое из других источников — карточная система — в несколько приближений, выделенных таким способом, были для меня откровением; и тем не менее это только метод теологов и ученых, и, хуже того, статистиков.

Например, с помощью статистического метода я мог бы «доказать», что черный дождь выпадал «регулярно» каждые семь месяцев где-нибудь на этой земле. Для этого мне бы пришлось включить и красные дожди и желтые дожди, но в соответствии с общепринятым методом, я бы отобрал черные частицы в красных осадках и в желтых осадках и пренебрег всем остальным. Затем, если бы кое-где черный дождь прошел неделей раньше или месяцем позже, это можно было бы назвать «ускорением» или «замедлением». Такие приемы считаются вполне законными при установлении периодичности в движениях комет. Если бы черные дожди, или красные, или желтые дожди, содержащие черные частицы, — не появились бы вообще вблизи от некоторых дат, тогда — не зря же мы читали Дарвина — мы сказали бы, что «данные неполны». Что же касается других, мешающих черных дождей, то они оказались бы серыми или коричневыми или же мы нашли бы для них другую периодичность.

И все же мне пришлось отметить, например, год 1819. Я не стану отмечать все такие годы в этой книге, но у меня есть записи о 31 необычайном событии в 1883 году. Кто-нибудь должен написать книгу о феноменах этого года, если бы книги вообще следовало бы писать. 1849 год замечателен своими необычайными падениями осадков, столь удаленных друг от друга, что любое локальное объяснение кажется неадекватным, не только черный дождь в Ирландии в мае 1849 года, но и красный дождь в Сицилии и красный дождь в Уэльсе. Говорят также (см. Timb's Year Book, 1850 г., 241), что 18 и 20 апреля 1849 года пастухи близ горы Арарат нашли вещество не местного происхождения на площади окружностью 8 или 10 миль. Предполагается, что оно там выпало.

Мы уже касались темы Науки и ее попыток достигнуть позитивности, а также ее нежелания признать, что она должна иметь полезных родственников. Легко увидеть, что большая часть теоретической науки 19-го столетия была только отношением реакции против теологической догмы и имеет не большее отношение к Истине, чем волна, которая откатывается от берега. Если бы вы или я растянули кусок жевательной резинки на целый метр в длину, это было бы столь же научным представлением, как и растяжение возраста этой Земли на несколько сотен миллионов лет.

Все «вещи» не суть вещи, а только отношения, или выражения отношений; но все отношения стремятся к тому, чтобы стать не имеющими отношений или сдаться, или подчиниться попыткам более высокого уровня. Поэтому существует позитивистский аспект этой реакции, который сам по себе есть только реакция, и он представляет собой попытку ассимилировать все явления в материалистическом объяснении, или сформулировать окончательную всеохватывающую систему на материалистической основе. Если бы эта попытка могла быть осуществлена, это было бы достижением реальности; но эта попытка может быть предпринята только если мы отбросим, например, психические явления.

Если когда-нибудь наука уступит психическому, то это было бы не более законно объяснить нематериальное с помощью материального, чем объяснить материальное с помощью нематериального. Наше личное допущение состоит в том, что материальное и нематериальное образует единство, сливаясь, например, в мысли, которая непрерывна с физическим действием. Единство нельзя объяснить, потому что процесс объяснения есть истолкование чего-то посредством чего-то другого. Всякое объяснение есть ассимиляция чего-то с помощью чего-то другого, что было принято за основу; но в Непрерывность нет ничего такого, что было бы в большей степени основой, чем что-либо другое — если только мы не думаем, что иллюзия, построенная на иллюзии, более реальна, чем ее псевдооснова.

В 1829 году (см. Timb's Year Book, 1848 г., 235) в Персии выпало вещество, которое местные жители, по их словам никогда раньше не видели. У них не было ни малейшего представления об этом веществе, но они видели, что овцы его ели. Тогда стали перемалывать это вещество в муку и печь хлеб, который оказался вполне сносным, хотя и безвкусным.

Это была возможность, которой наука не пренебрегла. Манна получила разумное основание, была ассимилирована и примирена с системой, которая вытеснила предшествующую, менее близкую к реальной. Уже говорилось, что весьма вероятно, что в древние времена с неба падала манна, — потому что она все еще падает — но что в основе этого явления лежит поучение, что это была саранча из степей Малой Азии — «вверх из одного места с помощью смерча и вниз в другом месте». В Report of the British Association, 1833 г., 71, говорится, что это вещество — «неизвестное жителям этого района» — было «сразу же распознано» ученым, который исследовал его, и оказалось, что «химический анализ также показал, что это была саранча».

Это было еще в те дни, когда химический анализ был богом. С тех пор

его энтузиасты были потрясены и разочарованы. Каким именно образом химический анализ мог стать столь точным, я не знаю, — именно химический анализ заговорил и заговорил догматически. Мне кажется, что невежество жителей, по контрасту с локальным знанием иностранных ученых, преувеличено: если есть что-нибудь пригодное для еды, в пределах любого расстояния, преодолимого смерчем, то жители знают это. У меня есть данные о других падениях съедобных веществ в Персии и Азиатской Турции. Все они догматически относятся к «манне»; «манна» догматически определяется как вид саранчи из степей Малой Азии. Позиция, которую я занимаю, состоит в том, что это объяснение развилось в результате неведения о растительных веществах, или съедобных субстанциях в других частях мира. Это знакомая попытка объяснить общее с помощью локального; что, если бы у нас были данные о падениях растительного вещества, скажем, в Канаде или в Индии, то это не была бы саранча из степей Малой Азии; хотя все падения в Азиатской Турции и Персии огульно и с готовностью названы ливнями «манны», они даже не состояли из одного и того же вещества. В другом случае выпавшие частицы были названы «семенами». Впрочем, в *Comptes Rendus*, вещество, которое выпало в 1841 и 1848 годах, названо студенистым, и в *Bulletin des Sciences Naturelles de Neuchâtel* говорится, что оно состояло из комков размером в лесной орех (фундук), которые были перемолоты в муку, что из этой муки был испечен хлеб, очень аппетитного вида, но безвкусный.

Большая трудность все же в том, чтобы объяснить концентрацию мелких частичек в этих ливнях...

Но глубоководные рыбы и случающиеся время от времени падения им на головы съедобных веществ: мешков с зерном, бочек сахару; предметов, которые не были заброшены вверх из одной части океанского дна, штормами или подводными возмущениями, и опустились где-нибудь в другом месте...

Я предполагаю, что кто-нибудь подумает: но ведь зерно в мешках никогда не падало...

Вспомним предмет в Амхерсте: его оболочка, похожая на «сукно»...

Если бы над нашими головами не было транспортировки грузов подобно той, которая производится по поверхности океанов этой земли, тогда я не глубоководная рыба, каковой себя считаю.

У меня нет никаких данных о мешках и бочках кроме всего лишь мысли, вызванной Амхерстским объектом, но я могу себе представить, что мешки и бочки из судов, потерпевших крушение на поверхности одного из океанов этой земли, вряд ли можно было бы распознать как

таковые к тому времени, когда они достигнут дна; мы сможем иметь данные о падениях волокнистых материалов типа тканей, бумаги или дерева, у нас будет достаточно удовлетворенный и нелепый вид. Proceedings of the Royal Irish Academy, 1, 378: «В году 1686 несколько рабочих, которые носили воду из пруда, в семи немецких милях от Мемеля, возвращаясь к месту работы после обеда (во время которого разразилась метель), обнаружили, что ровная земля вокруг пруда покрыта угольночерной листовой массой; и один человек, живший поблизости, сказал, что видел, как хлопья падали вместе со снегом».

Некоторые из этих чешуеподобных образований были величиной со столешницу.

«Эта масса была влажной на вид и неприятно пахла; запах напоминал запах гниющих водорослей, но когда масса высохла, запах исчез».

«В местах разрыва она оказалась волокнистой, как бумага».

Классическое объяснение «Вверх в одном месте и вниз в другом». Но что поднялось вверх из одного места в смерче? Конечно, с нашей интермедиатистской точки зрения, это было самое странное вещество из самого странного иного мира, который только можно представить; где-то над этой землей должно находиться вещество, подобное ему, или от которого его можно было бы, по крайней мере субъективно или согласно описанию, нелегко отличить. Или в Нью-Йорке есть только иная степень или аспект чего-то, или комбинация предметов, находящихся в какой-нибудь деревне Центральной Африки. Всякое новое есть вызов для вульгаризации: напишите что-нибудь, что вам покажется новым и кто-то отметит, что трижды проклятые греки сказали это давнымдавно. Существование — это Аппетит: разьедание бытия; единая попытка всех вещей ассимилировать все другие вещи, если они не сдались и не подчинились какой-нибудь более высокой попытке. Было нечто космическое в том, что эти ученые, которые сдались и подчинились научной системе, должны, в соответствии с принципами этой системы, пытаться ассимилировать это вещество, которое упало у Мемеля, отождествляя его с каким-нибудь известным земным продуктом. На заседании Королевской Ирландской Академии было высказано мнение, что существует вещество, довольно редко встречающееся, о котором известно, что оно образуется в виде тонких листов на болотистой земле. Оно имеет вид зеленоватого меха.

Вещество из Мемеля

Влажная, угольно-черная листовая масса. Но если ее разломать, то болотное вещество имеет хлопьевидное строение и дает волокнистый разрыв.

Слона можно определить как подсолнух — у того и другого длинные стебли. Верблюд неотличим от земляного ореха — если рассматривать только их горбы.

Беда с этой книгой в том, что нам придется прикончить несколько интеллектуальных повес: нас уже ничем нельзя поразить. С самого начала мы знали, что наука и слабоумие непрерывно переходят друг в друга; тем не менее, так много проявлений их точки слияния вначале поражают. Мы думаем, что устроенное профессором Хитчкоком представление, когда он определил амхерстский феномен как гриб, было довольно значительно как научный водевиль. Если мы оправдаем его от обвинения в серьезности, — или, что в таком месте, где грибы были столь обычны, что еще до наступления вечера успели вырасти два гриба, только он, чужак в этом очень грибном месте, подумал о грибе, когда увидел нечто похожее на гриб, — если мы пренебрежем его быстрым разжижением, например. Но это был только монолог, теперь у нас есть целая труппа, вся из звезд, и они не просто ирландцы, они королевские ирландцы.

Этот королевский ирландец исключил «угольную черноту» и включил волокнистость, так что в результате это вещество превратилось в «болотную бумагу», которая «была поднята вверх ураганами и затем снова упала». Второе действие:

Было сказано, что, согласно господину Эренбергу, «было найдено, что эта метеорическая бумага состояла частично из растительного вещества, главным образом из хвои». Действие третье:

Встреча королевских ирландцев: стулья, столы, ирландцы:

Было выставлено несколько хлопьев болотной бумаги. В их состав входила, в основном, хвоя. Это было двойное включение: или это тот метод согласования, которым так часто пользуются логики. Поэтому ни один логик не был бы удовлетворен отождествлением земляного ореха с верблюдом, поскольку оба имеют горб: он потребует дополнительного соглашения, что оба могут долгое время обходиться без воды.

Далее, не так уж неразумно, — по крайней мере для легких и свободных водевильных стандартов, которые мы обсуждаем на протяжении всей этой книги, — думать, что зеленое вещество могло быть выхвачено смерчем с одного места и упасть в виде черного вещества где-нибудь в другом месте, но королевские ирландцы исключили еще кое-что, а это факт был бы столь же приемлем для них, как и для меня:

Согласно Хладни, это не было маленькое локальное отложение, которое наблюдал какой-то неопределенный человек, живший где-то поблизости от пруда.

Это было огромных масштабов падение из обширной небесной области.

Весьма вероятно, что вся болотная бумага мира не могла бы дать такое количество.

В то же самое время это вещество падало «в больших количествах» в Норвегии и Померании, смотри сообщение Кирквуда в *Meteoritic Astronomy*, стр. 666:

«31 января 1686 года в Норвегии и других частях Северной Европы выпало вещество, похожее на обгорелую бумагу».

Смерчу, охватившему такую обширную территорию, пришлось бы специализироваться на редком материале, называемом «болотная бумага», произошли бы падения досок от заборов, крыш домов, обломков деревьев. Ничего не говорится о прохождении урагана в Северной Европе в январе 1686 года. Есть только запись об этом веществе, которое выпало в разных местах.

Время шло, но общая решимость исключать факты о всех падениях на эту землю чего-либо, кроме вещества, принадлежащего этой земле, и обычного метеоритного вещества, усиливалась. *Annals of Philosophy*, 16, 68:

Вещество, выпавшее в январе 1686 года, описывается как «масса черных листьев, имевших вид обуглившейся бумаги, но более твердое, более сцепленное и хрупкое».

«Болотная бумага» не упоминается и ничего не говорится о «хвое», которая казалась столь убедительной королевским ирландцам. Растительный состав отброшен, как это мог сделать кто-нибудь, кому было бы удобно определить кривошей кабачок как большой рыболовный крючок.

Метеориты обычно бывают покрыты черной коркой, более или менее похожей на чешую. Вещество 1686 года было черным и похожим на чешую. Раз уж это удобно, «листоватость» становится «чешуйчатостью». В этой попытке ассимилировать неизвестное с помощью обычного нам говорят, что это вещество было минеральной массой; что оно похоже на черную чешую, которая покрывает метеориты.

Ученого, который сделал это «определение», звали Фон Гроттус. Он воззвал к богу по имени Химический Анализ. Или к силе и славе человечества, — которая нас не всегда впечатляет, — но боги должны

сказать нам то, что мы хотим от них услышать. Мы снова видим, — словно ничто не имеет своей собственной индивидуальности, — что все, что угодно, можно «определить» как все, что угодно. Или нет ничего неразумного, если не совать нос в его исключения. Но здесь конфликт не заканчивается. Берцелиус исследовал это вещество. Он не смог найти в его составе никель. В то время присутствие никеля считалось «позитивным» стандартом суждения против него, и Фон Гроттус взял назад свое «определение». См. *Annals and Magazine of Natural History*, 1-3, 185.

Это взаимное уравнивание знаменитостей позволяет нам выступить с нашей собственной точкой зрения, которая в противном случае погрузилась бы в невидимость:

Очень плохо, что никому ни разу не пришло в голову посмотреть, не написано ли что-нибудь — иероглифы? — на этих листах бумаги?

Если мы видим не слишком большое разнообразие веществ, которые падали на эту землю; если на этой земле мы видим бесконечное разнообразие материалов, вполне доступных отделению с помощью смерчей, то два падения такого редкого материала, как болотная бумага были бы выдающимся событием.

Автор статьи *Edinburgh Review*, 87, 194, говорит, что во время написания статьи перед ним лежала часть листа площадью 200 квадратных футов вещества, выпавшего в Каролате, Силезия, в 1839 году и в точности похожего на хлопчатобумажный войлок или фетр, из которого можно было бы шить одежду. Заговорил бог — изучение под микроскопом. Вещество состояло главным образом из хвои.

Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1847 — часть 1, 193:

16 марта 1846 года — приблизительно время падения съедобного вещества в Малой Азии — около Шанхая выпала оливково-серая пыль. Под микроскопом было видно, что она представляет собой смесь двух типов волос: черных и белых. Их отнесли предположительно к минеральным волокнам, но при прокаливании они издавали «обычный аммиачный запах и дым, как от жженных волос или перьев». Автор описывает этот феномен, как «тучу площадью в 3 800 квадратных миль, состоящую из волокон, щелочей и песка». В постскрипуме он говорит, что другие исследователи с помощью более мощных микроскопов придерживаются мнения, что эти волокна не были волосами; что это вещество состояло преимущественно из хвои.

Пафос и смелость научного подхода, а может быть, тупость и приземленность, состоят в том, что все кажущееся вновь установленным обречено быть свергнутым — более мощными микроскопами и

телескопами; более утонченными, точными, поисковыми средствами и методами — новые декларации, неудержимо всплывающие на поверхность; их принимают всегда как последнюю Истину. В этом подходе очень мало интермедиатистского духа...

Что-то новое, которое вытеснило старое, само будет когда-нибудь вытеснено; что и оно тоже будет определено как нечто мифическое...

Но что, если привидения взбираются вверх, то и призраки лестниц вполне им подходят. Annual Register, 1821 г., 681:

Согласно сообщению господина Ленэ, французского консула в Пернамбуко, в начале октября 1821 года там произошло выпадение вещества, напоминающего шелк. Количество его было столь огромно, словно это был целый груз, потерянный где-то между Юпитером и Марсом, который продрейфовал, может быть, несколько столетий, и за это время первоначальная ткань постепенно распалась. В Annales de Chimie, 2-15,427, говорится, что образцы этого вещества были отправлены во Францию господином Ленэ, и они показали некоторое сходство с шелковыми волокнами, которые в определенное время года разносятся ветром в окрестностях Парижа.

В Annals of Philosophy, новая серия, 12, 93, есть упоминание о волокнистом материале, похожем на голубой шелк, который выпал близ Наумберга 23 марта 1665 года. Согласно Хладни, Annales de Chimie, 2-31, 264, количество его было велико. Он ставит вопросительный знак перед датой.

Одно из преимуществ интермедиатизма состоит в том, что в единстве квазисуществования не может быть смешанных метафор. Что бы ни было приемлемо из чеголибо, оно, в той или другой степени, или аспекте, приемлемо из чего угодно, поэтому вполне уместно говорить, например, о чем-то, столь же твердом, как скала, и в то же время плывущем в торжественном строю. Ирландцы хорошиемонисты: их, конечно, высмеяли за их более острое восприятие. Поэтому мы и пишем эту книгу, или это процессия, или это музей с комнатой ужасов, довольно преувеличенных. Довольно жуткую параллель можно найти в Scientific American, 1859 г., 178. Корреспондент увидел, как с неба упало какое-то шелковистое вещество. В это время наблюдалось северное сияние — он приписывает это вещество северному сиянию.

Со времен Дарвина классическое объяснение состояло в том, что все шелковистые вещества, которые падают с неба, представляют собой паутину. В 1832 году Чарльз Дарвин, находясь на берегу корабля «Бигл», в устье реки Ла Плата в 60 милях от суши увидел огромное количество

пауков, обычно называемых «пауками-путешественниками», маленьких воздухоплавателей, выпускающих из себя длинные нити, благодаря которым ветер переносит их.

Не так уж легко заявить, что шелковистые вещества, которые падали на эту землю, представляют собой не паутину. Я лично полагаю, что паутина есть нечто, переходное: что были падения шелковистого вещества внешнего происхождения, а также и скоплений паутины, или, скорее, прядей паутины или, скорее, прядей паутины воздушных пауков, происходящих из этой земли; что в некоторых случаях невозможно провести различие между ними. Конечно, наше представление о шелковистых веществах постепенно перейдет в представления о других, по внешнему виду, текстильных материалах, и я не знаю, насколько богаче мы станем...

За исключением того, что если бы годные для прядения и изготовления тканей материалы падали с неба...

Утвердить хотя бы приемлемость этого взгляда было бы уже немалой заслугой для этой книги, излагающей первые и предварительные результаты исследований.

В журнале *AI the Year Round*, 8, 254, описывается падение какого-то вещества, которое произошло 21 сентября 1741 года в Англии в городах Брэдли, Сэлборни Алрэсфорде и в треугольном пространстве между этими городами. Выпавшее вещество описывается как «паутина», но выпала она в виде хлопьевидных образований, или в виде «хлопьев или лоскутов шириной около одного дюйма, а в длину около пяти-шести дюймов». Также говорится, что эти хлопья состояли из сравнительно тяжелого материала — «они падали с некоторой скоростью». Количество вещества было велико — самая короткая сторона треугольной площади имела восемь миль в длину. В *Transactions of the Wernerian Society of Natural History*, 5, 386, сообщается, что было два падения с промежутком в несколько часов, факт, который уже становится нам знакомым, факт, который нельзя принять, если мы не найдем, что он повторяется снова, снова и снова. Сообщается, что второе падение продолжалось с девяти часов утра до наступления ночи.

Итак, гипноз классики: то, что мы называем умом, есть только выражение равновесия. Когда происходит умственное приспособление (к какой-либо установившейся системе взглядов), деятельность ума прекращается. Ведь ум — это признание в незнании. Если у вас есть сведения по какому-нибудь предмету, это значит, что вы еще учитесь, то, чему вы научились, всегда делается механически — в квазитерминах, поэтому ничему никогда нельзя научиться окончательно.

Было решено, что это вещество есть паутина. Это было приспособлением. Но это приспособление не для меня; поэтому, боюсь, что у меня есть кое-какая информация об этом деле. Если я когда-нибудь приду к приспособлению по этому предмету, тогда я буду не в состоянии иметь какие-либо мысли об этом предмете, кроме шаблонных. Пока что я не решил еще абсолютно ничего, поэтому я только могу отметить.

Это вещество выпадало в количествах столь огромных, что во время падения привлекло широкое внимание;

Когда оно поднималось с земли, это было бы не менее выдающееся зрелище;

Нет ни единого сообщения о ком-либо, кто видел в сентябре 1741 года, в Англии ли или в других местах, как тонны «паутины» поднимаются вверх. Дальнейшее признание в разумности с моей стороны: Если бы было оспорено, что источник этих материалов мог быть далеким, но все же земным...

Тогда снова возникает второй знакомый вопрос о невероятной «меткости» — о попадании в небольшое треугольное пространство с интервалом в несколько часов, с девяти часов утра до наступления ночи, в одно и то же место.

Таковы проигнорированные факты классического объяснения. Никто не упоминает о том, что кто-либо видел падающих пауков, но есть очень интересное добавление, что, хотя это вещество падало крупными хлопьями, причем довольно тяжелыми, оно было вязким. В этом отношении оно действительно было похоже на паутину: у собак, рыскавших по траве, вынюхивая куски этого вещества, оказались залепленными глаза. Это обстоятельство действительно говорит в пользу паутины...

Если мы не можем допустить, что где-то в высоколежащих областях существуют обширные вязкие или студенистые участки и что предметы, проходя сквозь них, пачкаются. Или, может быть, мы сможем разъяснить путаницу в описаниях вещества, которое выпало в 1841 и 1846 годах в Малой Азии, и которое в одной публикации описывается как студенистое, а в другой как состоящее из съедобных зерен — это была крупа, которая прошла через студенистую область. Что бумагообразная масса из Мемеля могла пережить такой опыт, свидетельствует то, что Эренберг нашел в ней студенистое вещество, которое он назвал «носток» — смотри *Annals and Magazine of Natural History*, 1-3, 185. *Scientific American*, 45-337: Падение вещества, описанного как паутина, отмечалось в конце октября 1881 года в Милуоки, штат Висконсин, и в других городах; еще упоминаются города

Грин Бей, Весбердж, Форт Хаухард, Шебойган и Озоки. Пауки-аэронавты называются еще нитконосами из-за крайне легких волокон, которые они выпускают для полета во время ветра. О веществе, которое выпало в Висконсине, сказано:

Во всех случаях эта паутина была очень крепкой по текстуре и очень белой. Редактор говорит:

«Весьма странно, но ни в одном из сообщений, которые мы видели, ничего не говорится о присутствии пауков»..

Итак, наша попытка разъединить возможный внешний продукт от его земного посредствующего звена; затем наша радость разведчика, который думает, что он что-то нашел.

Журнал *Monthly Weather Review*, 26, 566, цитирует *Montgomery (Ala) Advertiser*, штат Алабама:

21 ноября 1898 года в Монтгомери выпали многочисленные кучки паутинообразного вещества, состоящие из прядей и их скоплений длиной и шириной в несколько дюймов. Согласно автору, это не была паутина, а нечто похожее на асбест; сказано также, что оно фосфоресцировало.

Редактор этого «Обозрения» говорит, что не видит никаких причин сомневаться в том, что это была паутина.

La Nature, 1883 г., 342:

Корреспондент пишет, что посылает образец вещества, которое, как говорят, выпало около Монтюссана (департамент Жиронда) 16 октября 1883 года. Согласно свидетелю, которого цитирует корреспондент, сначала появилось облако, сопровождаемое дождем и яростным ветром. Облако состояло из похожего на шерсть материала, комья которого размером с кулак падали на землю. Редактор (Тиссандье) говорит, что это вещество было белого цвета, но представляло собой что-то сгоревшее. Оно было волокнистым. Господин Тиссандьи поражает нас своим заявлением, что он не может идентифицировать это вещество. Мы думаем, что все, что угодно, можно «идентифицировать». Он может только сказать, что рассматриваемое облако было необычным скоплением. *Annual Register*, 1832 г., 447: В марте 1832 года в полях Курьянова (*Kourianof*) в России выпало желтоватое горючее вещество, покрывшее площадь около 600 или 700 квадратных футов слоем толщиной, по крайней мере в два дюйма. Оно было смолистым и желтоватого цвета, так что он склоняется к обычному объяснению, что это была пыльца сосен, но при попытке разорвать его оно имело прочность бумажной ткани. Будучи помещено в воду, оно имело вязкость смолы. «Эта смола имела цвет янтаря, упругость индийской резины и запах очищенной нефти, смешанной с воском».

Итак, в общем, наша точка зрения в отношении грузов и наша точка зрения на грузы пищевых продуктов:

В журнале *Philosophical Transactions*, 19, 224, приводится извлечение из письма мистера Роберта Ванса из Килкенни, Ирландия, датированного 15 ноября 1695 года, в котором сообщается, что «недавно» в графствах Лимерик и Типперари прошли ливни с выпадением вещества, похожего на сливочное масло или жир «с очень вонючим запахом».

Затем следует отрывок из письма Клойнского епископа об «очень странном феномене», который наблюдался в Мюнстере и Лайнстере, а именно, что большую часть весны 1695 года с неба падало вещество, которое деревенские люди называли «масло», — «мягкое, липкое и темно-желтого цвета», и что скот «равнодушно» его поедал в полях, где это вещество лежало.

«Оно падало комьями величиной с конец чьего-либо пальца». У него был «сильный нездоровый запах». Его Милость называет его «вонючая роса».

В письме мистера Ванса говорится, что было высказано предположение, что это «масло» имеет целебные свойства, и некоторые жители этого места «собирали его в горшки и другие сосуды».

Во всех последующих томах *Philosophical Transactions* нет никаких рассуждений на эту необычайную тему. Остракизм. Судьба этого факта является хорошим примером проклятия, не путем отрицания или липового объяснения, а путем простого пренебрежения. Это падение включено Хладни в его каталог, упоминается оно и в других каталогах, но по отсутствию всякого обсуждения, помимо формального упоминания, мы видим, что оно находится под изъятием так же, как всегда поступала со всем предшествующая система. Факт был погребен заживо. Он столь же несовместим с современной системой догм, как всегда были геологические пласты и червеобразный отросток с предшествующей системой.

Если это вещество периодически, или «большую часть весны», выпадало в двух ирландских провинциях и больше нигде, то у нас возникает — сильнее, чем ранее — ощущение наличия над головой стационарного региона, который получает продукты, подобные земным, где земные гравитационные и метеорологические силы относительно инертны, если в течение многих недель немалое количество этого вещества висело неподвижно прежде, чем наконец упасть. Мы предполагаем, что в 1685 году мистер Ване и епископ Клойна могли описать то, что видели, так же как и свидетели в 1885 году; тем не менее это было очень давно; нам потребуется много современных примеров прежде, чем сможем принять

гипотезу о его внеземном происхождении.

Что касается других падений, то в *American Journal of Science*, 1-28,361, говорится, что приблизительно через месяц после падения вещества около Курьянова выпало вещество винножелтого цвета, прозрачное, мягкое и с запахом прогоркшего растительного масла. Господин Герман, химик, который исследовал это вещество, назвал его «небесным маслом». Результаты анализа и химические реакции приводятся в упомянутом «Журнале». *Edinburgh philosophycal journal*, 13, 368, упоминает о «маслянистом» веществе, которое выпало близ Роттердама в 1832 году. В *Comptes Rendus*, 13,215, приводится сообщение о маслянистом веществе красноватого цвета, которое выпало в Женеве в феврале 1841 года.

В общем, большую часть наших трудностей составляют проблемы, которые, я полагаю, мы должны оставить последующим разработчикам супергеографии. Открыватель Америки должен оставить Лонг Айленд кому-нибудь другому. Если бы между Юпитером, Марсом и Венерой курсировали какие-нибудь суперконструкции, которые иногда могли бы терпеть крушения, то мы подумали бы о топливе, а также о грузах. Конечно, наиболее убедительным фактом был бы упавший с неба уголь [O, tempora! O, morris! Rigel]. Тем не менее, можно подозревать, что машины, сжигающие нефть, были изобретены столетия назад в более развитых мирах, но, как я уже сказал, мы же должны оставить что-нибудь нашим ученикам, поэтому мы не будем особенно раздумывать, пищей или топливом являются эти маслообразные или маслянистые вещества. Поэтому мы лишь отметим, что в *Scientific American*, 24, 323, есть сообщение о граде, выпавшем в середине апреля 1871 года в штате Миссисипи, в котором находилось вещество, описанное как скипидар.

Около 1 июня 1842 года близ города Ним, Франция, выпало нечто, имевшее вкус апельсиновой воды; определено как азотная кислота (см. *Journal de Pharmacie*, 1845 г., 273).

Град и пепел в Ирландии, 1755 год («Сайентифик Американ», 30,262).

9 июня 1874 года в Элизабет, штат Нью-Джерси, выпал град, в котором содержалось вещество, оказавшееся, по словам профессора Лидза из Института Стивенса, карбонатом натрия («Сайентифик Американ», 30,262).

Мы отклоняемся немного в сторону от основных направлений нашей композиции, но позже мы отметим как важное обстоятельство то, что многие необычайные осадки выпадали вместе с градом. Или если это были вещества, источник которых находился на какой-то другой части поверхности этой земли, то неужели и град имел этот же источник? Наша точка зрения в данном вопросе будет зависеть от количества случаев.

Вполне разумно допустить, что падение некоторых веществ на эту землю может и совпасть с падением града.

Что касается растительных веществ в количествах столь больших, что можно предполагать потерянный груз, то у нас есть заметка в *All the Year Round*, 3, 468: что приблизительно 1 мая 1863 года в Перппиньяне, Франция, прошел дождь, «содержавший красное вещество, которое после изучения оказалось красной мукой, смешанной с тонким песком». Это вещество выпало в разных местах вдоль Средиземного моря.

В *Philosophical Transactions*, 16, 281, есть сообщение о веществе, имеющем вид злаковых зерен, которое выпало в Уилтшире в 1686 году; говорили, что вместе с градом упало некоторое количество «пшеницы», «содержащейся внутри градин», но автор материала в *Transactions* говорит, что осмотрел зерна, но они были ничем иным, как семенами плюща, извлеченные из дыр и щелей, где их спрятали птицы. Если птицы попрежнему прячут семена плюща и если ветры все еще дуют, я не вижу, почему это явление не повторилось с тех пор за прошедшие двести лет.

Или красное вещество, выпавшее с дождем в Сиене, Италия, в мае 1830 года, которое, по словам Араго, имело растительное происхождение, смотри Араго, *Сочинения* (Arago, *Oeuvres*), 12,468.

Кто-то должен собрать данные о падениях в одной Сиене.

В *Monthly Weather Review*, 29, 465, корреспондент пишет, что 16 февраля 1901 года в Попоо, штат Мичиган, в день настолько тихий, что его ветряная мельница не работала, выпала коричневая пыль, у которой был вид какого-то растительного материала. Редактор этого «Обозрения» приходит к выводу, что это не было широко распространенное падение из смерча, поскольку о нем больше ниоткуда не сообщалось.

Прогорклость, гнилость, разложение — эта нота звучала не один раз. В позитивном смысле, конечно, ничто не имеет значения, или всякое значение связано непрерывными переходами со всеми другими значениями, или что все доказательства вины, например, являются столь же хорошими доказательствами невиновности. Ужасная катастрофа произошла во времена Юлия Цезаря; обломки после нее смогли достигнуть этой земли только ко времени епископа Клойнского — мы оставляем последующим исследованиям обсуждение деятельности бактерий и вопроса о разложении, а также о том, могли ли эти бактерии выжить в том, что мы называем пространством, о котором мы не знаем ничего. *Annual Record of Science*, 35, 183:

Доктор Мачатти, из Федеральной Гражданской Службы (F. C. S.) пишет, что 24 февраля 1868 года в Лондоне, штат Онтарио, во время

яростной бури вместе со снегом выпало темноокрашенное вещество в количестве, оцениваемом в 500 тонн над поясом длиной 50 миль и шириной в 10 миль. Оно было исследовано под микроскопом доктором Мачатти, который нашел, что оно состоит в основном из растительного вещества, «с весьма выраженными признаками разложения». Это вещество было также изучено доктором Джеймсом из Глазго, который высказал мнение, что это остатки зерен каких-то злаков. Доктор Мачатти отмечает, что за четыре месяца до этого падения почва Канады была замерзшей, так что в данном случае следует подумать о более далеком, чем обычно, источнике. Доктор Мачатти думает об источнике, находящемся где-то на юге. «Однако, говорит он, это только догадка». *American journal of science*, 1841 г., 40: 24 марта 1840 года в Раджит, Индия, во время грозы произошло выпадение зерна. Об этом сообщил полковник Сайке из Британской Ассоциации.

Туземцы были весьма взволнованы, потому что это было зерно хорошо знакомого им вида.

Обычно в таких случаях выступает какой-нибудь ученый, который знает больше, чем знают туземцы, — но так случилось, что в данном случае дело не было проделано столь обычным образом:

«Это зерно показали некоторым ботаникам, которые не сразу узнали его, но затем решили, что это либо «спарциум», либо «виция»».

VI

Свинец, серебро, алмазы, стекло

ЭТИ СЛОВА ЗВУЧАТ, как проклятые, но это не так сейчас они входят в число избранных, то есть когда они встречаются в металлических или каменных массах, которые Наука относит к метеоритам. Мы найдем далее, что сопротивление оказывается по отношению к веществам, не столь сильно перемешанным или включенным.

Мне кажется, что из проклятых фактов гнилое дерево проклято довольно сильно. В Report of the British Association, 1878 г., 376, есть упоминание о светлом шоколаднокоричневом веществе, которое упало с метеоритами. Не приводится никаких подробностей; ни одного повторного упоминания ни в одном из источников, которые я мог только найти. В этой английской публикации слово «гнилушка» не используется: это вещество названо «трутом». Я полагаю, что если бы этот факт был отмечен где-нибудь во Франции, то избегалось бы слово «трут», а использовалось бы слово «гнилушка».

Единство всеобщности: научные труды или официальные списки, где Гольдштейн, который не может попасть туда как Гольдштейн, попадает как Джексон.

Выпадение серы с неба было особенно омерзительно для современной ортодоксии, в основном из-за ее ассоциации с суевериями или принципами предшествующей ортодоксии, историями о чертях: серные испарения. Несколько писателей рассказали, что у них было это чувство. Так что научные реакционеры, которые неистово сражались с предшествующими взглядами, потому что они предшествующие, и научные ханжи, которые, в силу своего полнейшего эксклюзивизма, прикрывают тощими руками свои бледные глаза, отрицая случаи выпадения серы. У меня есть много заметок о сернистом запахе метеоритов и много заметок о фосфоресценции предметов, упавших из внеземного пространства. Когда-нибудь я посмотрю снова старые истории о демонах, которые появлялись в сопровождении серы на этой земле, чтобы показать, что к нам часто являлись нежелательные посетители из других миров; или что признаком внеземного происхождения является сернистость. Я собираюсь когда-нибудь рационализировать демонологию, но как раз в данное время мы еще

не настолько развиты, чтобы вернуться так далеко назад.

Обстоятельный рассказ о массе горячей серы размером с кулак человека, который упал в Пултуске, Польша, 30 января 1868 года на дорогу, где он был растоптан толпой жителей деревни, помещен в Report of the British Association, 1874 г., 272.

Сила эксклюзивистов состоит в том, что их позиция объединяет как современных, так и архаических систематиков. Падения песчаников и известняков являются омерзительными как для теологов, так и для ученых. Песчаники и известняки наводят на мысль о других мирах, на которых протекают процессы, подобные геологическим процессам; но известняк, как вещество, состоящее из окаменевших остатков организмов, относится к числу особо нежелательных.

В Science от 9 марта 1888 года мы прочли о глыбе известняка, которая, как говорят, упала близ Мидлберга, штат Флорида. Она была выставлена на Субтропической Выставке в Джексонвилле. Автор публикации в «Сайенс» отрицает, что она упала с неба. Его доводы:

В небе нет известняка;

Следовательно, этот известняк не упал с неба.

Лучшей логики я не могу придумать, — потому что мы видим, что окончательная большая посылка, всеобщее, истина будет включать все вещи; а это не оставит ничего для размышления, так что всякое рассуждение должно основываться на «чем-то» не всеобщем, или только на фантоме, промежуточном между двумя крайностями ничто и всеобщности, негативности и позитивности. La Nature, 189-02,2127:

Падение в Пель-э-Дэр, департамент Льоб, Франция, 6 июня 1890 года известняковых галек. Отождествлены с известняком в Шато-Ляндон, вверх и вниз с помощью смерча. Но они выпали вместе с градом, который в июне не так легко отождествить со льдом из ШатоЛяндона. Вероятно, совпадение.

На странице 70 журнала Science Gossip, 1887 год, редактор рассказывает о камне, который, согласно сообщениям, упал в Литл Левер, Англия, и образец которого был прислан ему. Это был песчаник. Поэтому он не упал, а находился на земле изначально. Но на странице 14 Science Gossip приведен рассказ о «крупной гладкой скатанной песчаниковой гальке с песком», которая была найдена в древесине полностью выросшего бука. Мне кажется, что она могла упасть, будучи докрасна раскаленной, и проникла в дерево с большой скоростью. Но я никогда не слышал, что бы что-либо падало из смерча раскаленным докрасна.

Древесина вокруг этой песчаниковой гальки была черная, словно

обгорелая.

Доктор Фаррингтон, например, в своей книге даже не упоминает песчаник. Британская Ассоциация, хотя и неохотно, признает нежелательный факт: Report of the British Association, 1860, стр. 197: кусок какого-то вещества размером с утиное яйцо, который упал в Рапхоу 9 июня 1860 года (дата под вопросом). Определенно не говорится, что это вещество было песчаником, а только, что оно «напоминало» рыхлый песчаник.

Падения соли происходят часто. Писатели от науки их избегают, из-за официального решения, что только вода, но не растворенные в ней вещества, может подниматься вверх путем испарения. Тем не менее, выпадения соленой воды привлекли внимание ученых, начиная с Долтона (Dalton), и приписывались смерчам, приходящим с моря. Это объяснение вполне разумно, квазиразумно, ограничивалось местами, расположенными вблизи моря.

Но выпадение соли, которое произошло в горах Швейцарии.

Мы могли предвидеть, что этот факт где-нибудь можно найти. Пусть некоторые явления могут быть объяснены с помощью местных условий побережья Англии, но ведь они происходили и в горах Швейцарии.

Большие кристаллы соли выпали во время грозы с градом 20 августа 1870 года в Швейцарии. Ортодоксальное объяснение есть преступление, и кто бы не совершил его, с него следовало снять отпечатки пальцев. Нам говорят (Annual Record of Science, 1872), что эти кристаллы соли «прибыли сюда через Средиземное море откуда-то из Африки».

Гипноз общепринятого объяснения при условии, что оно высказано бойко и гладко. Человек читает такое утверждение и, если оно выражено в учтивой форме, кратко и не выходит за границы общепринятого, он редко оспаривает его, или подумает: «очень странно» и затем забудет. У человека осталось впечатление из школьных уроков географии: Средиземное море, на карте, имеет всего три дюйма ширины, а Швейцария от него всего лишь в нескольких дюймах. Эти порядочного размера куски соли в American Journal of Science, 3-3-239, описываются как «весьма несовершенные кубические кристаллы обычной соли». Что касается их выпадения с градом, то это в одном из десяти, или нескольких случаях можно назвать совпадением. Еще одна дата: необычайный год 1883. Лондонская «Тайме» от 25 декабря 1883 года: Перевод из турецкой газеты: вещество, выпавшее в Скутари 2 декабря 1883 года, описано как неизвестное вещество, состоящее из крупинки или хлопьев(?) вроде снега. Оно казалось соленым на вкус и легко растворялось в воде.

Черное, волосное вещество, упавшее 10 ноября 1857 года в Чарлстоне, штат Южная Каролина (American Journal of Science, 2-31, 459).

Падение мелких рыхлых пузырчатых масс (комков) размером от горошины до лесного ореха в Ловау 18 января 1835 г., а (Report of the British Association, 1860 г., 85).

Предметы, упавшие в Пешавуре, Индия, в июне 1893 года во время грозы: вещество, похожее на кристаллическую селитру и со вкусом сахара (Nature, 13 июля 1893 г.).

Я думаю, что иногда глубоководные рыбы получают по носу от падающих сверху кусков угольного шлака. Если области их обитания располагаются по маршрутам «Кьюнарда» или «Белой Звезды», то получение ими шишек вполне вероятно. Я думаю, что они не производят расследования — ведь это всего лишь глубоководные рыбы.

Или шлак города Слэйнз. Это был продукт сжигания в топках. Преподобный Джеймс Раст, по-видимому, чувствовал, что его чем-то ушибло. Он напрасно пытался организовать расследование.

Что касается сообщения из Чикаго о том, что 9 апреля 1879 года здесь выпал с неба шлак, то профессор Е. С. Бастиан (American Journal of Science, 3-18, 78) говорит, что этот шлак «был на земле еще до того». Это был печной шлак. «Химическое исследование образцов показало, что они не обладают ни одной из характеристик настоящих метеоритов».

Снова и снова всеобщее заблуждение, что могут существовать реальные критерии или отчетливые характеристики чего-нибудь. Надежда и отчаяние попыток прийти к позитивизму. Если кто-нибудь сможет определить, — а не только предположить, как профессор Бастиан, — что он может определить истинные характеристики чего-нибудь, он сделает открытие, над которым трудится космос. Он будет немедленно вознесен, как пророк Илья, в Позитивный Абсолют. Я лично считаю, что в момент сверхконцентрации Илья настолько приблизился к тому, чтобы стать настоящим пророком, что был вознесен в небо, т.е. к Позитивному Абсолюту, с такой скоростью, что оставил после себя раскаленный добела след. По мере нашего продвижения мы еще найдем «истинный тест на метеоритное вещество», который в прошлом принимался за абсолютный, расплываясь в почти полную туманность. Профессор Бастиан объясняет механически, или в манере обычных рефлексов на все сообщения о падении нежелательных веществ: что близ того места, где был найден

шлак, молния ударила в телеграфные провода; что поблизости от места нахождения шлака видели падение частиц расплавленных проводов, а сам шлак находился на земле изначально. Но, согласно «Нью-Йорк Тайме» от 14 апреля 1879 года, выпало около двух бушелей (72, 6 кг) этого материала.

Нечто, выпавшее, как говорят, 7 июня 1846 года в Дармштадте, Германия, перечисляется Грэггом, (Report of the British Association), «как только шлак». Philosophycal Magazine, 4-10,381: В 1885 году был найден большой камень внутри дерева в Баттерси Филдз.

Иногда находят пушечные ядра, застрявшие в дереве. Здесь, кажется, нечего обсуждать; кажется, не подлежит обсуждению возможность того, что кто-нибудь прорезал дыру в дереве и спрятал туда пушечное ядро, которое кто-нибудь с такой же легкостью может взять с собой в постель и положить под подушку. Так обстоит дело с камнем из Баттерси Филдз. Что здесь можно сказать, кроме того, что он упал с большой скоростью и застрял внутри дерева? И тем не менее, он вызвал большую дискуссию.

Потому что у подножия дерева, словно отколотые от камня, были найдены куски шлака. У меня еще есть десять примеров. Шлак, и тлеющие угли и пепел, и вы не поверите, как и я, что они выпали из печей на огромных атмосферных суперконструкциях. Мы увидим, что будет выглядеть приемлемым.

Что касается пепла, то трудности здесь велики, поскольку, если пепел имеет земное происхождение — вулканы, лесные пожары, то естественно ожидать многочисленных падений пепла.

В некоторых из наших допущений я чувствовал себя даже немного радикалом...

Я думаю, что один из наших главных мотивов заключается в том, чтобы показать, что в квазисуществовании не существует ничего, кроме нелепого, или чего-то промежуточного между абсолютной нелепостью и предельной разумностью, что новое является явно нелепым; что оно становится признанным и замаскированно нелепым; что спустя некоторое время оно смещается и его нелепость снова становится видной. Всякий прогресс — это прогресс от возмутительного к академическому и санкционированному и обратно к возмутительному, но видоизмененному тенденцией ко все более и более высокому приближению к не-нелепому. Иногда я чувствую себя несколько более невдохновленным, чем в другое время, но я думаю, что сейчас мы уже довольно хорошо привыкли к единству всеобщности; или что методы науки, используемые ею для сохранения ее системы, столь же возмутительны, как и попытки проклятых ворваться в число принятых. VAnnual Record of Science, 1875 г., 241,

цитируется профессор Добрэ: что пепел, выпавший на Азорских островах, попал туда в результате пожара в Чикаго.

Или проклятые и спасенные, и между ними не такой уж большой выбор; и ангелы — это существа, у которых нет колючего хвоста, но никогда не ведите себя столь невежливо, чтобы бить ангела ниже пояса.

Но и этому столь возмутительному поступку был брошен вызов: редактор вышеназванного «Отчета» возвращается к нему в выпуске за 1876 год: он считает, что «в высшей степени неправильно говорить, что пепел Чикаго выпал на Азорских островах». *Bulletin de la Socut (Astronomique de France*, 22, 245: Приводится сообщение о белом веществе, похожем на пепел, которое 27 марта 1808 года выпало в Аннуа, Франция: просто назван любопытным феноменом, никакой попытки проследить его земной источник.

Хлопьевидные образования, которые могут означать прохождение через область давления, встречаются часто, но сферические, словно от предметов, которые катились и катились через плоские области, встречаются еще чаще:

Nature от 10 января 1884 года цитирует газету из Кимберли:

К концу января 1883 года в Квинстауне, Южная Африка, выпало густое скопление пеплообразного вещества. Это вещество состояло из шаров размером с бильярдный шар, мягких и пористых, которые, высохнув, крошились от прикосновения. Падение было ограничено узкой полоской земли. Было бы всего лишь заурядно нелепо приписывать это вещество вулкану Кракатау.

Но одновременно с падением был слышен громкий шум.

Но я опускаю много заметок о пепле: если бы пепел сыпался на глубоководных рыб, то это вовсе не означало бы, что он сыплется от пароходов.

Факты о падении золы были особенно прокляты мистером Саймонсом, метеорологом, одним из тех исследователей, которых мы представим позже.

Сообщение о падении 14 апреля 1875 года в Виктории, Австралия (*Report of the British Association*, 1875 г., 242), нам по крайней мере говорят, хотя и неохотно, что кто-то «думал», что видел, что ночью рядом с собой видел падение какого-то вещества, а на следующий день нашел что-то, имевшее вид золы.

В *Proceedings of the London Royal Society*, 19,122, содержится отчет о золе, упавшей на палубу плавучего маяка 9 января 1873 года. В *American Journal of Science*, 2-24-449, есть заметка, в которой сообщается, что

редактор получил образец золы, упавшей, якобы, во время проливного дождя на участке фермы Оттовы в штате Иллинойс 17 января 1857 года.

Но, в конце концов, поскольку зола или пепел, шлак или кирпичи — вещи неясные, перед нами должен громко заговорить великий жрец проклятых, а именно, каменный уголь, упавший с небес.

Нам говорят, что человек, который думал, что видел что-то похожее на золу, думал также, что видел нечто, похожее на уголь. *Nature*, 36,119:

Что-то «в точности похожее на уголь» упало во время грозы 24 апреля 1887 года в Орне, Франция.

Или древесный уголь:

Доктор Ангус Смит, в *Literary and Philosophical Society of Manchester*, 2-9, 146, говорит, что около 1827 года — как и «Принципы» Лайела или «Происхождение видов» Дарвина, этот рассказ основан, в значительной степени, на слухах о том, что около Элпорта, Англия, что-то упало с неба. Оно падало, заливая окрестность ярким светом, с грохотом, как от взрыва, и рассыпалось в поле. Обломок, который видел д-р Смит, описывается им, как имеющий «вид куска обычного древесного угля». Тем не менее, чувство успокоения, испытываемого верующим, отягчено характеристиками, противоречащими этому определению: это вещество было столь необычно тяжелым, что казалось, что внутри него было спрятано железо; кроме того, оно было «обсыпано серой». По словам профессора Баден-Пауэлла, этот материал «совершенно не похож на вещество каких-либо известных метеоритов». Грэг в своем каталоге (*Report of the British Association*, 1860 г., 73) называет его «более, чем сомнительным веществом», но опять же вопреки заверениям, что нет сомнения в подлинности образца. Грэг говорит, что он похож на твердый древесный уголь с вкрапленными частичками сернистого и железного пирита. Доверие снова восстанавливается. Профессор Баден-Пауэлл говорит: «Он содержит также древесный уголь, который вероятно попал в него из вещества, среди которого он упал».

Это обычный рефлекс эксклюзивистов: что вещество, не являющееся «истинно метеоритным», не упало с неба, а было подхвачено «истинно метеоритными» предметами и, конечно, только их поверхностью в результате столкновения с этой землей. Ритм уверений и их опровержений: Согласно доктору Смигу, это вещество было не только покрыто древесным углем: его анализ дает 43,59 процентов углерода.

Наше допущение, что уголь упал с неба, будет подкреплено данными о смолистых и битумных веществах, которые настолько непрерывно переходят друг в друга, что их нельзя рассматривать отдельно.

Рассказывают, что 15 апреля 1887 года смолистые вещества выпали в Каба, Венгрия («Отчет Британской Ассоциации,» 1860 г., 94).

Смолистое вещество, которое упало после шаровой молнии (?) в Нойхаузе, Богемия, 17 декабря 1324 года (Report of the British Association, 1860 г., 70).

28 июля 1885 года в Лучоне во время грозы выпало коричневатое вещество; при прокаливании оно издавало смолистый запах, (см. Comptes Rendus, 103-837).

Говорят, что вещество, выпадавшее 17, 18 и 19 февраля 1841 года в Генуе, Италии, тоже было смолистым; по словам Араго (Arago, Osuvres, 12, 469), оно состояло из смолистого вещества с песком.

Падения во время грозы в июле 1681 года близ мыса Код, на палубу английского корабля «Элбимарл» (Albemarle) упало «горящее битумное вещество»; 13 июня 1822 года в Христианин, Норвегия, выпало битумное вещество, включенное Грэггом в его каталог. Локайер («Метеоритная гипотеза*», с. 24) говорит, что вещество, выпавшее 13 октября 1838 года на мысе Доброй Надежды, было столь мягким, что его можно было резать ножом, а «после проведения над ним опытов оно оставило осадок, который издавал очень битумный запах».

И эта вставка Локайера — ее можно найти во всех книгах, которые я прочел, говорит, насколько можно добраться до желаемого ее смысла, что уголь упал с неба. Доктор Фарингтон, за исключением краткого упоминания, игнорирует весь предмет падения углистого вещества с неба. Проктор во всех своих книгах, которые я прочел, близок, насколько это возможно, к признанию того, что углистое вещество было найдено в метеоритах «в очень незначительных количествах», я лично подозреваю, что можно проклясть нечто другое, только потеряв свою собственную душу, квазидушу, разумеется. Scientific American, 35,120:

Что вещество, которое выпало на Мысе Доброй Надежды «напоминало кусок антрацитового угля более, чем чтолибо другое».

Я думаю, это ошибка: сходство относится к битумному углю, но ведь нам приходится добывать наши факты из периодических изданий. Для авторов книг по метеоритам было бы столь же грешно — под грехом мы подразумеваем отход от характеристик установленных видов — квазиустановленных, разумеется, — грешно сказать, что уголь упал с неба, как для чегонибудь хранящегося в амбаре искушение взобраться на дерево и поймать птицу. Подумаем о домашних вещах в амбаре — и насколько дикими кажутся им вещи из леса снаружи.

И если снова и снова мы будем узнавать о массах мягкого угля,

которые падали на эту землю, если ни в одном случае не было доказано, что массы не падали а находились на почве изначально; если у нас есть много случаев, тогда на этот раз мы решительно опровергаем тот механический рефлекс, рефлекс веры, что эти массы переносились с одного места в другое в смерчах, поскольку нам слишком трудно допустить, что смерчи могут в такой степени отбирать, или так специализироваться в отборе очень необычных веществ. Среди авторов книг мне известен только один, который не ограничивается лишь кратким упоминанием — это сэр Роберт Болл. Он представляет еще более древнюю ортодоксию, или является эксклюзивистом более древнего типа, все еще выступая даже против метеоритов. Он цитирует сообщения о нескольких падениях углистого вещества, но с умолчаниями, которые играют в пользу разумности того взгляда, что земное вещество могло быть поднято в одном месте смерчем и высыпано в другом месте. Если бы он привел полный список, ему пришлось бы объяснить особую привязанность смерчей к особым видам угля. Но он не дает полный список. У нас будет все, что можно найти, и мы увидим, что против этой болезни, о которой мы пишем, гомеопатического рецепта нет. Еще одним эксклюзивистом был профессор Лоуренс Смит. Его психотропизм состоял в том, чтобы на все сообщения о падении с неба углистого вещества отвечать заявлением, что это проклятое вещество отложилось на вещах тех предметов, которые появились в результате столкновения с землей. Большинство наших данных предшествуют ему или были современны ему или были столь же доступны для него, как и для нас. В его попытке позитивизма он просто — и прекрасно — пренебрегает тем, что согласно Бертло, Берцелиусу, Клоэ, Воолеру и другим, эти массы только окутаны углистым веществом, но являются углистыми сплошь. Как человек мог так решительно догматически и слепо придерживаться своих взглядов, озадачило бы нас, если бы не наше допущение, что думать уже не означает исключать и включать. Исключать некоторые вещи, которые имеют такое же право войти, как и включенные, — это иметь мнение о любом предмете и значит быть Лоуренсом Смитом, потому что не существует определенного предмета.

Доктор Уолтер Флайт (*Eclectic Magazine*, 89, 71) говорит о веществе, которое выпало близ Алэ, Франция, 15 марта 1806 года, что оно при нагревании «излучает слабую битумную субстанцию» согласно наблюдениям Берцелиуса и комиссии, назначенной французской Академией. На этот раз обошлось без колебаний, выраженных в таких выражениях, как «похоже» и «напоминает». Нам говорят, что это вещество

представляет собой «земной вид угля».

Что касается «ничтожных количеств», то нам говорят, что это вещество, которое выпало на мысе Доброй Надежды, содержало чуть больше четверти органического вещества, которое в этиловом спирте дает знакомую реакцию с выпадением в осадок смолистого вещества. Вот другие случаи, которые приводит доктор Флайт:

Углистое вещество, которое упало в 1840 году в Теннесси, Кранберн, Австралия, 1861 год; Монтобан, Франция, 14 мая 1864 года (двадцать глыб, некоторые из них размером с человеческую голову, вещество, которое «напоминало тусклоокрашенный земной лигнит») Гоалпара, Индия, около 1867 года (около 8 процентов углерода); в Орнансе, Франция, 11 июля 1868 года; «вещество с «органическим горючим ингредиентом» в Хессле, Швеция, 1 января 1860 года». Knowledge, 4-134:

Согласно господину Добрэ, вещество, упавшее в Аргентинской Республике, «напоминало некоторые виды лигнита битуминозного каменного угля». В Comptes Rendus, 96,1764, говорится, что эта масса упала 30 июня 1880 года в провинциях Энтрэ Риос, Аргентина, и она была «похожа» на бурый уголь: на все другие углистые массы, которые падали с неба.

Нечто, упавшее в Гразаке, Франция, 10 августа 1885 года при прокаливании издавало битумный запах («КонтРандю», 104-1771).

Углистое вещество, которое упало в Раджпунте, Индия, 22 января 1911 года: очень рыхлое, на 50 процентов растворимое в воде — *SMOTruRecords of the Geological Survey of India*, 44-часть 141.

Горючее углистое вещество, которое упало с песком в Неаполе 14 марта 1818 года (*American Journal of Science*, 1-1-309).

Scientific American Supplement, 29, 11798: 9 июня 1889 года в Мигеи (Mighei), Россия, выпало очень рыхлое вещество густого зеленовато-черного цвета. Оно содержало пять процентов органического вещества, которое после размола и растворения в спирте давало, после испарения, ярко-желтую смолу. В этой массе содержалось два процента неизвестного минерала.

Зола, и пепел, и шлак, и кокс, и древесный уголь, и бурый каменный уголь.

И предметы, которые иногда набивают шишки рыбам. Крайнее нерасположение и маскировка или отступление под прикрытием таких слов, как «похоже» и «напоминают» запрещают резкие переходы, но что дух, оживляющий всю Промежуточность, устремлен к достижению резких переходов, — потому что если бы нечто могло оторваться от места своего

образования и своей среды, оно стало бы реальной вещью, чем-то, не сливающимся до неразличимости со своим окружением. Поэтому все попытки стать оригинальным, все попытки изобрести нечто, большее, чем простое расширение или модификация предшествующего, есть позитивизм — или если бы кто-нибудь мог придумать приспособление для ловли мух, положительно отличное от всех других приспособлений, или не связанное с ними, он был бы тут же вознесен на небо, или к Позитивному Абсолюту, оставив после себя такой сияющий след, что когда-нибудь в другом веке о нем рассказывали бы, что он был вознесен в огненной колеснице, а еще в другом веке, что его поразила молния...

Я собираю заметки о людях, которых якобы поразила молния. Я думаю, что высокое приближение к позитивизму достигалось часто — мгновенный перенос — остаток негативизма оставлен позади, и это очень похоже на воздействие удара молнии. Когданибудь я расскажу историю «Марии Челесты» — «как надо», как сказала бы «Сайентифик Амарикен Саплмент» — таинственное исчезновение капитана корабля, его семьи и экипажа...

Из позитивистов, ушедших вперед на пути Внезапного Перехода, я думаю, что Манз является выдающимся, но его приближение удерживалось внизу его сильной связью с публикой, а презирать, оскорблять и бросать вызов столь же непозитивно, как и ползать, и задабривать. Конечно, Манэ начал с непрерывности по отношению к Курбэ и другим и тогда между ним и Курбэ были взаимные влияния, но дух резкого отличия есть дух позитивизма и позиция Манэ была направлена против авторитетного мнения, что все светлые пятна и тени должны плавно переходить друг в друга. Поэтому биолог Де Фриз представляет позитивизм или разрыв Непрерывности, пытаясь понять эволюцию с помощью мутаций — против догмы неразличимых градаций через «мелкие вариации» признаков. А какой-нибудь Коперник задумывается о гелиоцентричности. Непрерывность против него. Ему не разрешено резко оторваться от прошлого. Ему разрешили издать свой труд, но только как интересную гипотезу.

Непрерывность и все, что мы называем эволюцией, или прогрессом, есть попытка вырваться из нее...

Вся наша Солнечная система была когда-то попыткой планет вырваться из материнской связи и утвердиться в качестве индивидуальностей и, потерпев поражение, двигаться по квазирегулярным орбитам, которые являются выражением отношений с солнцем и друг с другом, и всем пришлось сдаться и теперь они квазивключены в более

высокое приближение к системе.

Промежуточность в ее минералогическом аспекте позитивизма — это железо, которое стремилось оторваться от серы и кислорода и быть реальным, гомогенным железом, — и потерпело поражение, поскольку как элемент железо существует только в учебниках химии.

Промежуточность в ее биологическом аспекте позитивизма — дикие, фантастические, гротескные, чудовищные вещи, которые она придумала когда-то в безумном усилии резко оторваться от всех предшествующих типов, — но потерпела неудачу, например, в жирафном усилии, или только создав карикатуру на антилопу...

Все вещи разрывают одну связь, только устанавливая какую-нибудь другую...

Все вещи разрывают пуповину только затем, чтобы схватиться за грудь.

Поэтому борьба эксклюзивистов за то, чтобы удержать традиционное или чтобы помешать резкому переходу от квазиустановленного, борясь, чтобы здесь, более, чем столетие спустя после того, как были включены метеориты, не было произведено ни одного заметного включения, кроме космической пыли, описание которой Норденшельд сделал более близким к реальному, чем противостоящие факты.

Поэтому, например. Проктор боролся и выражал свое ощущение нелепости против представлений сэра У. Х. Томсона о прибытии на эту землю организмов на метеоритах... «Я могу рассматривать это только как шутку»(1-302).

Не существует ничего, кроме шутки, — или чего-то промежуточного между шуткой и трагедией;

Наше существование есть вовсе не существование, а только высказывание;

Что Момус [Момус — бог смеха у древних римлян (примечание переводчика)] воображает нас для развлечения богов, часто с таким успехом, что многие из нас кажутся почти живыми — подобно персонажам в чем-то, что пишет романист, и которые часто в значительной степени заимствуют свои дела у романиста...

Что Момус воображает нас, и наши искусства, и наши науки и религии и рассказывает или рисует нас как карикатуру на истинное существование богов.

Потому что, принимая во внимание, что многие из наших фактов об угле, который падает с неба, были и тогда столь же доступны, как и сейчас, и несмотря на официальное научное заявление, что уголь —

этоокаменевшие остатки живых существ, как в реальном существовании, под которым мы подразумеваем осмысленное существование, или состояние, в котором есть реальная разумность, или скорма мышления, которая не сливается неразличимо со слабоумием, как мог подняться такой гвалт, какой поднялся около сорока лет назад вокруг заявления доктора Хаана об открытии им окаменевших остатков организмов в метеоритах?

Информация, доступная в то время всем

Philosophical Magazine, 4-17-425: 15 апреля 1857 года в Каба, Венгрия, упало какое-то вещество, содержащее органическое вещество «аналогичное ископаемым воскам».

О глыбе известняка, которая упала в Мидлберге, Флорида, говорится, (Science, II, 118) что хотя и видели, что нечто падало «на старое обрабатываемое поле», свидетель, который прибежал на него, подобрал нечто, «лежавшее на земле изначально». Автор, который нам это сообщает, с обычным эксклюзивистским воображением, известным как глупость, но несправедливо, поскольку не существует настоящей глупости, думает, что может думать о здоровенном камне, много лет лежавшем на обрабатываемом поле, но которого никогда не видели раньше, который никогда не мешал пахоте, например. Он серьезен и невозмутим, когда пишет, что этот камень весил 200 фунтов. По моему мнению, основанному на собственном опыте видения, каменная глыба весом в 500 фунтов могла бы лет двадцать простоять в какой-нибудь гостинной, никем не замеченной, но не на старом обрабатываемом поле, где он мешал бы пахоте.

Доктор Хаан заявил, что нашел в метеоритах ископаемые остатки организмов. UPopular Science, 20-83, есть описание сфотографированных им кораллов, губок, раковин и криноид — все микроскопических размеров.

Доктор Хаан хорошо известный ученый. После этого он с'ал еще более известным.

Всякий может строить теории о других мирах' и представлять себе условия на них похожими на условия нашего существования. Если его представления будут представлены явно как фантазия или только как «интересная гипотеза», он не вызовет ханжеского гнева.

Но доктор Хаан сказал недвусмысленно, что нашел окаменевшие остатки организмов в метеоритах определенного вида. Он также опубликовал их фотографии. Его книга находится в Публичной Библиотеке Нью-Йорка. На репродукциях отчетливо видна каждая особенность мелких раковин. Если это не раковины, то не раковины и устрицы на прилавке рыбного магазина. Бороздки видны очень отчетливо, можно видеть даже замки в местах примыкания парных раковин двустворок. Профессор

Лоуренс Смит (Knowledge, 1, 258): «Доктор Хаан — это какой-то полусумасшедший, у которого воображение убежало вместе с ним». Консерватизм Непрерывности.

Затем доктор Вайнланд осмотрел образцы доктора Хаана. Он высказал свое мнение, что это действительно окаменевшие остатки организмов, а не кристаллы энстатита, как утверждал профессор Смит, который их никогда не видел.

Проклятие отрицания и проклятие пренебрежения: После публикации результатов исследования доктора Вайланда — молчание.

VII

Живые вещи, которые спустились на эту землю. Попытки сохранить систему.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЯГУШКИ и жабы, например, никогда не падали с неба, но находились «на земли изначально»; или такие падения действительно были, но «из одного места вверх в смерче и вниз в другом месте».

Если бы поблизости от Европы существовало особое лягушачье место, как существует особо песчаное место, то научное объяснение состояло бы, конечно, в том, что все маленькие лягушки, падающие с неба, в Европе, происходят из этого центра лягушачести.

Для начала я хотел бы подчеркнуть кое-что, что мне было дозволено видеть, поскольку я все еще первобытен, или разумен, или нахожусь в состоянии неприспособленности:

Не существует ни одного сообщения о падении с неба головастиков. Насчет «были там изначально»:

Смотрите в *Leisure Hours*, 3, 779, сообщения о том, что видели, как с неба падают маленькие лягушки, или жабы. Автор говорит, что все наблюдатели ошибались: что лягушки или жабы вероятно упали с деревьев или других мест, находящихся над головой.

Согласно письму профессора Понтю господину Араго (*Knowledge*, 3, 54), в августе 1804 года около Тулузы, Франция, здесь видели, как из большой темной тучи, внезапно появившейся в безоблачном небе, выпало огромное количество маленьких жабок в возрасте от одного до двух месяцев.

Есть много случаев наблюдения падения с неба лягушек (см. *Notes and Queries*, 8-6, 104; сообщения о таких падениях, подписанные очевидцами). *Scientific American*, 12 июля 1873 года: «Сообщается о ливне, от которого стало темно в воздухе и который покрыл ими землю на большом протяжении, таков результат недавней грозы в Канзас Сити, штат Миссури».

Что касается их пребывания там «изначально»: 30 июля 1838 года после сильной грозы в Лондоне находили маленьких лягушек (*Notes and Queries*, 8-8, 437).

Маленькие жабки найдены в пустыне после ливня (*Notes and Queries*, 8-8, 493).

Для начала я должен заявить, что не отвергаю — позитивно — обычное объяснение по формуле «вверх и вниз». Я думаю, что такие случаи могли быть. Я опускаю многие имеющиеся у меня заметки о неопределенных случаях. В Лондонской газете «Тайме» от 4 июля 1883 года есть сообщение о ливне из веточек, листьев и крошечных жабок, выпавшем во время грозы на склонах Аппенин. Они могли быть выбросом из смерча. Ноя добавлю, что у меня есть заметки об еще двух падениях крошечных жабок в 1883 году: одно во Франции и одно на Таити, а также о падении рыбы в Шотландии. Но в Аппенинском явлении характер смеси представляется мне типичным для продуктов, оставляемых смерчами.

Другие случаи кажутся мне типичными для чего-то вроде миграции? Их большое количество, и они однородны. Снова и снова в этих анналах проклятых встречается упоминание о сегрегации. Но смерч представляют как царство хаоса — квазихаоса: не окончательной негативности, конечно...

Montly Weather Review, июль 1881 года: «Маленький пруд, лежавший на пути тучи, был высосан досуха, вода была перенесена на ближайшие к нему поля вместе с большим количеством мягкого ила, который был рассеян по земле в радиусе полмили».

Легко сказать, что маленькие лягушки, которые упали с неба, были втянуты в смерч; но в данном случае налицо обстоятельства такого черпания; в воображении эксклюзивистов не принимается во внимание ил, мусор со дна пруда, плавающие растения, неприкрепленные предметы с берега — кроме тщательного отбора одних лягушек. Из всех имеющихся у меня в заметках случаев, которые приписывают падение маленьких лягушек или жабок смерчам, только один определенно указывает на присутствие смерча. Кроме того, как было сказано выше. Пруд, поднимающийся вверх, был бы не менее интересен, чем лягушки, падающие вниз. Смерчи — читаем мы снова и снова — но где и какой смерч опустошил пруд? Мы об этом, наверняка бы, услышали. В Symons' Meteorological Magazine, 32, 106, падение маленьких лягушек близ Бирмингема, Англия, 30 июня 1892 года приписывается конкретному смерчу, но ни слова не говорится о конкретном пруде, который внес в это дело свой вклад. И еще одна деталь, которая здесь поражает мое внимание: это то, что эти лягушки описываются как почти белые.

Я боюсь, для нас нет выхода: нам придется добавить к цивилизации на этой земле еще несколько миров.

Места, где обитают белые лягушки. Для нескольких случаев у нас есть данные о падении неизвестных вещей откуда-то. Но есть еще кое-что, что

нельзя проглядеть, а именно, что живые существа приземлились на эту землю живыми. Несмотря на все, что, как мы думаем, мы знаем об ускорении падающих тел, мы не можем объяснить, почему экзотическое становится местным или почему из самых странных мест мы должны ожидать появления знакомого. Или если сюда прибыли только призрак живых лягушек, то выходит, всякое живое существо на этой земле, через предков, могло прийти сюда откуда-то из потустороннего мира.

Я считаю, что у меня есть еще одна заметка о конкретном урагане:

Annals and Magazine of Natural History, 1-3, 185: После одного из величайших ураганов в истории Ирландии рыбу находили «на расстоянии до 15 метров от берега озера».

А вот еще один пример, этот пример должен понравиться эксклюзионистам:

Падение рыбы в Париже: говорят, что соседний пруд выдуло досуха — *СМОТруLivingAge*, 52, 186. Дата не приводится, но я видел, что она зафиксирована в другом источнике.

Самое известное падение рыб с неба произошло около Маунтин Эш в Вэлли оф Эбидэар, графство Глейморганшип, Англия, 11 февраля 1859 года.

Редактор журнала *Zoologist*, 2, 677, опубликовав сообщение о падении рыб, пишет: «Я постоянно получаю аналогичные сообщения о падении лягушек и рыб». Но во всех томах этого журнала я нашел только два сообщения о таких падениях. Остается сделать неизбежный вывод, что множество фактов было утрачено из-за того, что ортодоксия смотрит неблагосклонно на такие сообщения. Журнал *Monthly Weather Review* отмечает несколько падений рыб в Соединенных Штатах; но отчеты об этих уже попавших на страницы печати случаях не найти в других американских публикациях. Тем не менее, освещение журналом «Зоолоджист» сообщений о падении в Маунтин Эш честно. Сначала в выпуске 1859 г., 6493 появляется письмо от почтенного Джона Гриффиса, викария прихода Эбидэар, утверждающего, что падение произошло, в основном, на участке мистера Никсона из Маунтин Эш. На странице 6540 доктор Грей из Британского Музея, кипя эксклюзионистским гневом, пишет, что некоторые из этих рыб, которых ему прислали живыми, были «очень молодыми гольянами». Он говорит: «Прочтя свидетельства, я прихожу к выводу, что это, вероятнее всего, лишь розыгрыш: что один из служащих мистера Никсона вылил ведро воды на голову своего товарища, который подумал, что рыба, находившаяся в ведре, упала с неба», а это он зачерпнул ведро воды из ручья.

Эти рыбы — все еще живые — были выставлены в Зоологических

Садах в Риджентс Парке. Редактор говорит, что одна из них была гольяном, а остальные — колюшками.

Он говорит, что объяснение доктора Грея без сомнения верно.

Но на странице 6564 он помещает письмо от другого корреспондента, который извиняется за несогласие со «столь высоким авторитетом как д-р Грей», но говорит, что получил несколько этих рыб от людей, живущих на значительном расстоянии друг от друга, или на значительном удалении от вызвавшего такое веселье ведра с водой.

Согласно журналу *Annual Register*, 1859 г., 14, сами рыбы падали ведрами.

Если эти рыбы не находились на земле изначально, мы основываем наши возражения против смерчей на двух фактах:

Распределение после падения на землю не такое, как следовало бы ожидать при разгрузке смерча, а сосредоточено на узкой полоске земли — около 80 ярдов в длину и 12 ярдов шириной...

Второй факт опять говорит в пользу предположения, которое сначала казалось таким невероятным, но подтверждающие его факты продолжают накапливаться, это предположение о существовании где-то над головой стационарного источника...

Через десять минут произошло второе падение рыб на той же узкой полоске земли.

Даже если возразить, что смерч мог стоять неподвижно аксиально (без смещения оси), то он все равно разгружается тангенциально. Откуда бы рыбы ни упали, невозможно представить себе, чтобы какая-то часть их упала, а остальные могли покрутиться еще хотя бы десятую часть минуты и выпасть точно в месте падения первой части. По причине этих нехороших обстоятельств наилучшей приспособительной реакцией оказалось высмеять все это дело и заявить, что кто-то облил кого-то ведром воды, в которой потом выловили несколько «очень молодых гольянов».

В лондонской газете «Таймс» от 2 марта 1859 года помещено письмо мистера Эрона Робертса, викария церкви Святого Петра, в Карматоне. В этом письме говорится, что рыбы были четырех дюймов в длину, но есть кое-какие сомнения относительно их видового состава. Я лично думаю, что это были гольяны и колюшка. Некоторые лица, думая, что это были морские рыбы, поместили их в соленую воду, согласно мистеру Робертсу. «Как установлено, результатом была немедленная смерть». Что касается их распределения, сосредоточенного в узкой полоске земли, то нам говорят, что эти рыбы упали «на участке мра Никсона и вокруг него». В то же время не наблюдалось, чтобы хотя бы одна рыбка упала в какой-либо другой

части этой местности, кроме вышеуказанного конкретного места.

В лондонской газете «Тайме» от 10 марта 1859 года викарий Гриффис пишет отчет: «Крыши некоторых домов были покрыты ими». В его письме говорится, что самые большие рыбы имели пять дюймов (12,5 см) в длину и что они не пережили падения.

Report of the British Association, 1859 г., 158: «Доказательства падения рыб в этом случае были очень убедительными. Образец рыб был выставлен и оказался представителем вида *Gasterosteus leirus*». *Gasterosteus* — это колюшка.

В общем и целом, я думаю, у нас нет ощущения общей погибели, когда мы осуждены на объяснения, что кто-то облил кого-то другим ведром воды, в которой находились тысячи рыбешек длиной в четыре или пять дюймов, причем некоторые из них покрыли крыши домов, а некоторые из них еще десять минут оставались в воздухе. В противоположность приведенному мы предлагаем наше собственное объяснение:

Провалилось дно какого-то супергеографического пруда.

У меня есть очень много заметок о падении рыб, несмотря на трудность опубликования этих сообщений, но я выбираю случаи, которые, главным образом, относятся к нашей супергеографической гипотезе, к принципам Супергеографии, или данные о вещах, которые находились в воздухе дольше, чем это можно объяснить с помощью смерча, которые упали через значительный промежуток времени на одну и ту же узкую полосу земли.

Эти три признака указывают на существование где-то не очень высоко области инертности по отношению к притяжению этой земли, конечно, но такой области, которая — в силу текучести и изменчивости всех вещей может иногда восприниматься нами — но далее наша ересь разветвляется...

Добродушно принимаю распятие, которому я буду подвергнут, я думаю...

Но мы оказались до такой степени под впечатлением этого факта, что, хотя и было много сообщений о падении с неба маленьких лягушек, нельзя найти ни одного сообщения о падениях головастиков, так как к этим обстоятельствам требуется отдельное приспособление.

Помимо наших трех признаков, указывающих на вземное происхождение падающих организмов, удивительным наблюдением является падение живых организмов без повреждений. Поклонники Св. Исаака объясняют, что эти организмы падают на густую траву и поэтому остаются живыми; но сэр Джеймс Эмерсон Теннат в своей книге «История

Цейлона» рассказывает о падении рыб на гравий, в результате какого они, по-видимому, не получили повреждений. Несколько особняком от наших трех главных предметов интереса стоит явление, которое выглядит похоже на то, что можно было бы назвать серией чередующихся падений рыб, каково бы ни было его значение:

Меерут, Индия, июль 1824 г. (Living Age, 52, 186); Файфшир, Шотландия, лето 1824 г. (Transactions of the Wernerian Society of Natural History, 5, 575) ; Морадабад, Индия, июль 1826 г. (Living Age, 52, 186); Россшир, Шотландия, 1828 г. (Living Age, 52, 186); Морадабад, Индия, 20 июля 1829 г. (Linnean Society Transactions, 16, 764); Пертшир, Шотландия, 1828 г. (Living Age, 52, 186); Аргайлшир, Шотландия, 1830 г., 9 марта 1830 г. (Recreative Science, 3, 339) ; Ферйдпур, Индия, 19 февраля 1830 г. (Journal of the Asiatic Society of Bengal, 2,650).

Возникающий здесь психотропизм, пренебрежение количеством серий, или механический, неразумно отвергающий рефлекс — заключается в утверждении, что в Индии рыбы не падают с неба; что их находили на земле после проливных ливней потому, что потоки после ливня выступали из берегов и разливались на больших площадях, а потом отступали.

Мы допускаем, что в области инертности, которую, как мы думаем, мы можем себе представить, или зоне, которая в отношении силы тяжести этой земли очень похожа на нейтральную зону магнитного притяжения, существуют массы воды, а также чистые пространства — основания дающих протечку прудов, очень интересных прудов, дном которых не является земля — огромные капли воды, плавающие в том, что называют пространством — рыбы, потоки воды и падающие рыбы...

А также и другие области, в которых рыбы — как бы они не попали туда: вопрос, который мы еще рассмотрим, — остаются и высыхают, или даже гниют, а затем иногда падают в результате атмосферных столкновений.

После «грандиозного дождя, настоящего потопа, одного из самых крупных зарегистрированных выпадений воды» (All the Year Round, 8, 255) в Раджкоуте. Индия, 25 июля 1850 года «земля оказалась буквально сплошь покрыта рыбой».

Слово «оказалась» приемлемо для антипатий конвенционалистов, их представления и о выходящих из берегов потоках, но, согласно доктору Бьюсту (Buist), некоторые из этих рыб «оказались» на вершинах стогов сена.

Феррел (A popular Treatise, 414) рассказывает о падении живых рыб, некоторые из них были помещены в бак, где они выжили — это случилось

в Индии, около 20 миль южнее Калькутты 20 сентября 1839 года. Свидетель этого падения рассказывает:

«Самая странная вещь, которая поразила меня, это то, что рыба не падала хаотически, а падала вдоль прямолинейной полосы шириной в один локоть (около 45 см)». Смотри Living Age, 52, 186. American Journal of Science, 1-32, 199: 19 февраля 1830 года около Феридпура, Индия, произошло падение множества рыб различного размера — одни из них были целые и свежие, а другие «изувеченные и гниющие». Наш ответ тем, кто скажет, что учитывая климат Индии, не надо много времени, чтобы рыба начала портиться, таков: высоко в воздухе климат Индии не так зноен. Другая странность этого падения заключается в том, что некоторые рыбы были гораздо крупнее других. Для тех, кто так держится за сегрегацию в смерче, или за то, что предметы, которые, скажем, в два раза легче других, были бы отделены от более легких, мы отметим, что некоторые из этих рыб были в два раза тяжелее, чем другие.

В Journal of the Asiatic Society of Bengal, 2, 659, приводятся показания свидетелей, данные под присягой:

«Некоторые рыбы были свежими, но другие прогнившие и без голов». «Среди тех, которых я подобрал, пять были свежими, а остальные были без голов и воняли».

Они напомнили нам наблюдение Его Светлости несколько страниц назад. Согласно доктору Бьюсту, некоторые из этих рыб весили полтора фунта, а другие — три фунта.

Падение рыб в Футтерпуре, Индия, 16 мая 1833 года: «Они были мертвыми и высохшими» (Доктор Бьюст (Buist). LivingAge, 52,186). Индия далеко, а 1830 год — это давным-давно. Nature, сентябрь 1918 г., 46:

Корреспондент пишет из Морской Лаборатории Дава Каттеркоутс, Англия, что в Хиндоне, пригороде Сандерленда, 24 августа 1918 года упали сотни мелких рыбешек, определенных как песчаные угри... Опять маленькая площадь — около 60х30 ярдов. Падение рыб произошло во время ливня, который сопровождался громом, как указанием на возмущение вверху, — но без единой видимой молнии. Море находится близко к Хиндону, но если вам придет в голову, что эти рыбы описали траекторию в смерче из океана, подумайте о следующем примечательном факте:

Согласно свидетелям, падение рыб на этой маленькой площадке заняло десять минут.

Я не могу представить себе более ясного указания на падение непосредственно из стационарного источника.

«Когда рыб собрали, сразу же после их падения, все они оказались мертвыми и даже окоченевшими и твердыми».

Всем этим я хочу сказать, что мы только начали нагромождать наши данные о предметах, падающих из стационарного источника, находящегося у нас над головами; нам придется рассмотреть нашу тему со многих сторон, прежде чем вывод, к которому мы придем столь же строго, как когда-либо приходили к вере, сможет восстать из числа осужденных.

Я не знаю, насколько лошадь и амбар помогут нам восстать; но если когда-либо что-нибудь действительно поднималось с поверхности этой земли и оставалось вверху, то эти проклятые вещи могли уж точно восстать:

Montly Weather Review, май 1878 года: Во время прохождения торнадо в Висконсине 23 мая 1878 года «амбар и лошадь были унесены целиком, и ни лошадь, ни амбар, ни какие-либо их части так и не были с тех пор найдены».

После этого, если бы не неуклонное улучшение нашего пищеварения, которое я отмечаю по мере продвижения нашего исследования, есть что-то немного странное или неусваиваемое в случае с черепахой, которая висела около шести месяцев над маленьким городком в штате Миссисипи:

Montly Weather Review, май 1894 года: 11 мая 1894 года в Виксберге, штат Миссисипи, упал небольшой кусок алебаstra; что в Бовайне, в восьми милях от Виксберга, упала черепаха гофер. Упали они во время града.

В то время этот пункт много раз перепечатывался: смотри, например Nature, один из томов за 1894 год, с. 430 и Journal of the Royal Meteorological Society, 20, 273. Что касается обсуждения — ни одного слова.

Или Наука и ее непрерывный переход в пресвитерианство — факты, вроде этого, прокляты от рождения? «Уэзер Ривью» все же окропляет, крестит, пытается спасти это дитя, — но во всей метеорологической литературе, которую я просмотрел, после этой даты — всего одно — два упоминания. Редактор этого «Ривью» говорит:

«Анализ метеорологической карты показывает, что эти грады происходят на южной стороне области холодных северных ветров, и были лишь малой частью серии подобных бурь; повидимому, какие-то особые местные вихри или порывы ветра унесли тяжелые предметы с поверхности этой земли вверх в облачные регионы».

Из всех невероятностей, с которыми нам приходится встречаться, я отдаю первое место представлению об урагане, колотящему по обширной области и тщательно выбирающем черепаху и кусок алебаstra. На этот раз

старая механическая штучка «было там изначально» не может выскочить в ответ на стимул: настаивают, что эти предметы были покрыты льдом — май месяц в южном штате. Если вообще в этом принимал участие смерч, то отбор должен был быть очень ограниченным: нет ни одного сообщения о падении других предметов. Нет ни одной попытки в «Ривью» привести конкретные данные о смерче.

Эти странно связанные между собой предметы были удивительным образом разъединены. Они упали в восьми милях друг от друга. Затем, если бы было настоящее рассуждение, они должны были находиться высоко, чтобы упасть с таким разбросом, или один из них должен был быть отнесен почти горизонтально на восемь миль дальше, чем другой. Но любое из этих предположений свидетельствует об участии силы, большей, чем сила локального вихря или порыва ветра, или о крупном, конкретном атмосферном возмущении, но о котором нет никаких сообщений за май 1894 года.

Тем не менее, словно я действительно стал благоразумным, я действительно чувствую, что должен опустить, что эта черепаха была поднята с поверхности этой земли, где-то южнее Виксберга, потому что черепаха гофер обычно встречается в южных штатах.

Затем мне вспоминается ураган, который произошел в штате Миссисипи за несколько недель или месяцев до 1 мая 1894 года.

Нет, я не ищу его, и все же с неизбежностью нахожу. Предметы могут подниматься ураганами так высоко, что могут оставаться наверху неопределенно долго, — спустя некоторое время их снова могут стряхнуть вниз бури и грозы. Так что черепаха и кусок алебаstra могут иметь разное происхождение — может быть, из разных миров — вошли в область зависания над этой землей, носились недалеко друг от друга долго-долго, затем, конечное осаждение в результате атмосферного возмущения. Градины, тоже, когда большие, суть феномены зависания большой длительности: что в высшей степени неприемлемо, так как это то, что самые большие из них могли вырасти до такого размера только за время падения из туч.

Снова и снова звучит эта нота угрюмости, или гниения — большая длительность.

Я думаю об области, расположенной где-то над поверхностью этой земли, в которой сила тяжести не действует, и которая не пропорциональна квадрату расстояния, совершенно так же, как магнетизм пренебрежимо мал на очень малом расстоянии от магнита. Теоретически притяжение магнита должно уменьшаться пропорционально квадрату расстояния, но

обнаружено, что на малом расстоянии это уменьшение происходит резко.

Я думаю, что вещи, поднятые с поверхности земли в эту область, остаются там, пока бури не вытряхнут их оттуда...

Суперсаргассово море

Обломки, мусор, старые грузы от межпланетных кораблекрушений; вещи, заброшенные в так называемое пространство конвульсиями других планет; вещи со времен александров, цезарей и наполеонов Марса, Юпитера и Нептуна; вещи, поднятые циклонами этой земли: лошади и амбары, слоны, блохи и птицы додо, птицы моа и птеродактили; но все стремящиеся распасться вода или пыль, красную, черную или желтую. Не имеющие владельца сокровища для палеонтологов и археологов, накопления столетий — циклоны Египта, Греции и Ассирии, рыбы, сухие и твердые, бывшие там недолго и находившиеся там достаточно долго, чтобы разложиться...

Но вездесущность гетерогенности — живые рыбы, тоже — пруды с пресной водой, океаны соленой воды.

Что касается закона тяготения, то я предпочитаю занять одну простую позицию:

Ортодоксия принимает корреляцию и эквивалентность сил:

Сила тяжести есть одна из этих сил. Всем другим силам свойственно явление отталкивания и инерции независимо от расстояния, а также притяжения.

Но Ньютоновская сила тяжести допускает только притяжение.

Значит, Ньютоновская сила тяжести приемлема только на одну треть даже для ортодоксов, иначе она была бы отрицанием корреляции и эквивалентности сил. Или еще проще: Вот факты.

Сделайте из них сами, что хотите. В нашем интермедиатистском бунте против гомогенных, или позитивных объяснений или в нашем допущении, что вседостаточное не может быть меньшим, чем всеобщность, наряду с которой, однако, не было бы ничего, чего бы не хватало. Наше допущение о существовании Суперсаргассова моря, хотя и согласуется с фактами о рыбах, падающих словно из стационарного источника, — и, конечно, с другими фактами, — не в состоянии объяснить две странности падения лягушек, а именно:

Ни разу не сообщалось о падении головастиков; Ни разу не сообщалось о падении взрослых лягушек; Всегда это лягушки в возрасте

нескольких месяцев. Это звучит позитивно, но если и существовали такие сообщения, они оказывались где-то за границами моего круга чтения.

Но, казалось бы, что головастики должны были падать с неба с большей вероятностью, чем лягушки, маленькие или большие, если такие падения приписывать смерчам; и более вероятно, если они падают из Суперсаргассова моря, если, очень осторожно и предварительно, мы допустим существование Суперсаргассова моря.

Прежде чем мы примем какую-нибудь особую точку зрения на нападение незрелых и личиночных форм жизни на эту землю; помимо стационарности, или зависания, или инертности силы тяжести, рассмотрим еще одну серию фактов, подобных фактам о падениях рыб. *Science Gossip*, 1886 г., 238:

Что 8 июля 1886 года близ Рерута, Корнуолл, «вовремя сильной грозы» выпали маленькие улитки сухопутного вида: дороги и поля были усеяны ими, так что их собирали целыми шляпами. Автор этого сообщения сам не видел падения ни одной улитки: рассказывали, что эти улитки «очень отличались от всех других ранее известных в этом районе».

Но на странице 282 мы встречаем лучшую ортодоксию. Другой корреспондент пишет, что слышал о якобы происшедшем падении улиток; что он предположил, что все такого рода истории ушли в прошлое вместе с историями о ведьмах; что к его изумлению он прочел рассказ об этой абсурдной истории в одной местной газете, пользующейся «высокой и заслуженной репутацией».

«Я подумал, что должен хотя бы раз как бы проследить источник этих сказок».

Наша собственная точка зрения заключается в том, что в промежуточном существовании не может быть справедливости, а только приближение к справедливости или несправедливости; что быть беспристрастным значит не иметь мнения вообще; что быть честным значит быть незаинтересованным; что исследовать означает признать предубеждение; что никто никогда ничего не исследовал, но всегда пытался позитивно доказать или опровергнуть что-то, понятное или подозреваемое заранее.

«Как я и подозревал, говорит корреспондент, я обнаружил, что эти улитки принадлежат к местному сухопутному виду», они находились на земле «изначально». Он нашел, что улитки появились после дождя, что «потрясенные селяне» сделали поспешный вывод, что «улитки упали».

Он встретился с человеком, который сказал, что видел, как улитки падали.

«Это была его ошибка», — говорит исследователь. В журнале *Philosophical Magazine*, 58, 310, приводится сообщение об улитках, которые якобы упали в Бристоле на поле площадью три акра в таких количествах, что их пришлось убирать лопатами. Говорится, что этих улиток «можно рассматривать как местный вид». На странице 457 другой корреспондент говорит, что их количество было преувеличено, и что, по его мнению, они находились на почве «изначально». Но что наверху происходило что-то необычное, видно из его наблюдения, что «в это время солнце имело странный лазурно-голубой вид». *Nature*, 47,2786:

Согласно «Дас Вэттер» за декабрь 1892 года, 9 августа 1892 года над Падербоном, Германия, появилась желтая туча. Из этой тучи полил ужасный ливень, в котором находились сотни мидий. Нет никаких упоминаний о чем-либо, что могло лежать на почве изначально, ни о смерче.

Ящерицы, говорят, выпали на тротуары Монреаля, Канада, 28 декабря 1857 года, смотри *Notes and Queries*, 8-6,104.

В *Scientific American*, 3, 112, корреспондент пишет из Саус Грэнвилл, штат Нью-Йорк, что 3 июля 1860 года во время сильного ливня он услышал под ногами странный звук и, глянув вниз, увидел змею, как бы оглушенную падением. Затем она ожила. Это была серая змея, около фута в длину.

Описанным фактам можно придать как большое значение, так и определенную степень проклятия, если угодно. Но в предмете, который упал в Мемфисе, штат Теннесси, встречаются некоторые особенности очень большого значения. Наши квазиразсуждения на эту тему применимы ко всем ранее рассмотренным скоплениям.

Montly Weather Review, 15 января 1877 года: 15 января 1877 года в Мемфисе, штат Теннесси, после яростного ливня, были найдены змеи, довольно строго локализованные, или «на пространстве двух кварталов». Они ползали по тротуарам, во дворах и на улицах и целыми массами, но «ни одна не была найдена на крышах или каких-либо иных возвышениях над землей» и «ни одну не видели, как она падает».

Если вы предпочитаете верить, что змеи всегда были там, или находились на земле изначально, и что 15 января 1877 года на улицах Мемфиса всего лишь произошло что-то, что привлекло к ним особое внимание, ну, что ж, это благоразумно, это тот самый здравый смысл, который с самого начала был против нас.

Ничего не сказано о том, принадлежали ли змеи к известному виду или нет, но что «на первый взгляд они были темно-коричневыми, почти черными». Черные змеи, я полагаю.

Если мы допустим, что эти змеи действительно упали, даже если их падение наблюдали не все люди, вышедшие на улицу полюбоваться видом во время яростного ливня, — и не были на улицах изначально, ползая каждая сама по себе или переплетающимися массами;

Если мы попробуем допустить, что эти змеи были подняты смерчем из какой-то другой части поверхности этой земли;

Если мы попробуем допустить, что смерч мог отсортировать их, то мы допускаем возможность сегрегации (сортировки, отбора) других предметов, поднятых тем же смерчем.

Тогда вблизи от места их происхождения должно было произойти падение более тяжелых предметов, которые были подхвачены смерчем вместе со змеями — камней, заборных реек или досок, веток деревьев. Допустим, что змеи занимали следующую градацию и стояли следующими в очереди на падение. Еще дальше последовали бы отдельные падение самых легких предметов — листьев, прутьев, пучков травы.

В этом выпуске *Monthly Weather Review* нет никаких упоминаний о других падениях, которые произошли приблизительно в январе 1877 года.

И снова мы возражаем против такой избирательности смерча. Можно представить себе, что смерч мог зачерпнуть и поднять логово находящихся в спячке змей, вместе с камнями и землей и бесконечным количеством других обломков, выхватывая наверх десятки змей — я не знаю, сколько их может быть в одном логове, может быть сотни — но, согласно рассказу об этом событии в «*Нью-Йорк Тайме*», их были тысячи, живые, от одного фута до восемнадцати дюймов длиной. *Scientific American*, 36, 86, описывает это падение и говорит, что их были тысячи. Дается обычное объяснение с помощью смерча, — «но в какой местности обитают змеи в таком изобилии, остается тайной».

Огромное количество змей подсказывает мне что-то миграционного характера, — но ведь змеи в Соединенных Штатах не мигрируют, по крайней мере в январе месяце.

Что касается падений с неба перепархивающих личинок крылатых насекомых, то преобладающие представления о роении могли бы показаться достаточным для объяснения; тем не менее в случае муравьев имеются кое-какие странные обстоятельства. *L'Astronomie*, 1889 г., 353:

Падение рыб 13 июня 1889 года в Голландии; муравьев 1 августа 1889 года, Страсбург; маленьких жабок 2 августа 1889 года, Савойя.

Падение муравьев: летом 1874 года в Кембридже, Англия, «некоторые из них были бескрылыми» (*Scientific American*, 30, 193). Огромное по масштабу падение муравьев в Нанси, Франция, — «большинство из них

были бескрылыми» (Nature, 36, 349). Падение огромных неизвестных муравьев — размером сое-в Манитобе в июне 1895 года (Scientific American, 72, 385). Тем не менее, наша точка зрения будет следующей: Бескрылые личиночные формы жизни в количествах, столь огромных, что можно предполагать их миграцию из какого-то места внешнего по отношению к этой земле, упали с неба.

Эти «миграции» — если таково может быть наше допущение — произошли во время зимней спячки личинок и укрытия их глубоко в почве в северных широтах этой земли; есть определенный смысл в повторяемости этих падений в последних числах января. Мы имеем квадрат невероятности в представлении об отборе личинок смерчами в сочетании с их отбором в последних числах января.

Я допускаю, что бывают на этой земле «снежные черви» — каково бы ни было их происхождение. В Proceedings of the Academy of Natural Sciences of Philadelphia, 1899, 125, есть описание желтых червей и черных червей, найденных совместно на ледниках Аляски. Почти позитивно на этих ледниках не было найдено иных форм насекомых, и нет там никакой растительности для поддержания их существования, кроме микроскопических микроорганизмов. Тем не менее, описание этого, вероятно, полиморфного вида соответствует описанию личинок, якобы упавших в Швейцарии, и менее определенно соответствует другому описанию. Здесь не видно противоречия, если наши данные о падениях ясны. Лягушки из местного каждый день наблюдаемого пруда выглядят так же, как и лягушки, которые якобы упали с неба, за исключением белесых лягушек из Бирмингема. Однако все падения личинок положительно произошли не в последних числах января:

Лондонская «Таймс» от 14 апреля 1837 года: В приходе Брэмфорд Сник, Девоншир, во время метели упало большое количество черных червей около трех четвертей дюйма длиной.

В Time's Year Book, 1977 г., 26, говорится, что зимой 1876 года в Христианин, Норвегия, были найдены черви, ползающие по земле. Это событие считается великой загадкой, поскольку черви не могли вылезти из почвы, так как в это время года она замерзла и, кроме того, о появлении червей сообщалось и из других мест, находящихся тоже в Норвегии.

Огромное количество насекомых во время пурги отмечено в населенном пункте Пакров (Paki-off), Россия, в 1827 году (Scientific American. 30, 193).

Падение вместе со снегом в Оренбурге, Россия, 14 декабря 1830 года множества мелких черных насекомых, одни говорили, что это комары или

мошки, другие отмечали характер их движения — как у блох (*American Journal of Science*, 1-22, 375).

18 ноября 1850 года на снегу глубиной 4 дюйма близ Сангерфилда, штат Нью-Йорк, во время метели найдено большое количество червей (*Scientific American*, 6-96).

Автор думает, что эти черви были вымыты на поверхность почвы дождем, который прошел перед этим. *Scientific American*, 21 февраля 1891 года: «Этой зимой в некоторых частях района Вэлли Бэнд, округ Рэндолф, штат Вашингтон, часто наблюдалось загадочное явление. Снежная корка два или три раза покрывалась червями, напоминающими обыкновенных озимых червей (гусеница озимой совки). Откуда они появились, если только они не выпали вместе со снегом, необъяснимо». В журнале *Scientific American* от 7 марта 1891 года редактор говорит, что похожих червей видели на снегу близ Утики, штат НьюЙорк, и в округах Онейда (Oneida) и Херкимер. Экземпляры червей были посланы в Вашингтон в Департамент Сельского хозяйства. Снова два вида или полиморфизм. Согласно профессору Райли, это не полиморфизм, «но два разных вида», в чем, в силу наших данных, мы сомневаемся. Один вид был больше другого, отчетливо зафиксированы цветовые различия. Один назван личинками обыкновенного жука-солдатика, а второй — «видимо, является разновидностью бронзовой озимой совки». Никакой попытки объяснить, как они оказались в снегу, не сделано.

Падение больших количеств личинок жуков близ города Мортань, Франция, в мае 1858 года. Личинки были неживыми, словно от холода (*Proceedings of the Royal Irish Academy*, 1858 г.).

Transactions of the Entomological Society of London, 1871 г., 183, отмечают «снегопад с личинками» в Силезии в 1806 году; «появление большого количества личинок в снегу» в Саксонии в 1811 году; «личинок, найденных живыми на снегу» в 1828 году; личинок и снега, которые «падали вместе», в Эйфеле 30 января 1847 года; «падение насекомых» 24 января 1849 года в Литве; находку личинок, число которых оценивается в 300 000, на снегу в Швейцарии в 1856 году. Составитель списка говорит, что большая часть этих личинок живет под землей или в корнях деревьев; что смерчи вырывают деревья с корнями и уносят личинок, забывая о том, что их удерживают массы замерзшей земли, словно их так легко отделить, как ягоды коринки в какой-нибудь смеси. В *Cour Hevie Revlleet Magazinde Zoologie*, 1849 г., 72, есть сообщение о падении 24 января 1849 года в Литве — что черные личинки падали в огромных количествах.

20 января 1850 года в Варшаве после пурги были найдены

копошались в снегу личинки насекомых. Их считали личинками жуков, но описывали как гусениц, и никто не видел, как они падали (All the Year Round, 8,253).

Фламарион (The Atmosphere, стр. 414) рассказывает о падении личинок, которое произошло 30 января 1869 года во время метели в Верхней Савойе, Франция: «Они не могли вывестись в окрестностях, так как в предшествующие дни температура была очень низкой»; говорят, что это был вид обычный для юга Франции. bLa Science Pour Tous, 14-183, говорится, что из этих личинок развились взрослые насекомые. L'Astronomie, 1890 г., 313:

Что в последних числах января 1890 года в Швейцарии во время сильной бури упали на землю неисчислимы количества личинок: одни из них черные, другие желтые. Количество их было столь велико, что они привлекли множество птиц.

В целом, мы рассматриваем это падение как одно из яснейших свидетельств в пользу внешнего происхождения и против объяснения с помощью смерчей. Если эксклюзивисты говорят, что в январе личинки насекомых могут быть точно и старательно извлечены из промерзшей почвы, в неисчислимы количествах, они думают об огромной силе, пренебрегая ее утонченностью: ведь если бы источник и место осаждения не были бы удалены друг от друга, что стало бы с бесконечным количеством других обломков, учитывая почти полное отсутствие времени для сегрегации?

Если они думают о переносе на большие расстояния — весь путь от юга Франции до Верхней Савойи, пусть они заодно подумают и об очень тонкой сортировке по различиям удельного веса, но при столь тонком отборе личинки были бы отделены от развившихся насекомых.

Что касается различий по удельному весу, то желтые личинки, которые упали в Швейцарии в январе 1890 года, были в три раза больше черных личинок, которые упали вместе с ними. В сообщениях об этом событии факт падения не отрицается. Смерч никогда не сводил их вместе и не держал их вместе и не осадил их, и только их, и только вместе. Они прибыли из Генезистрина.

От него нет спасения. Нас будут преследовать за него. Возьмите или оставьте его.

Это понятие означает, что где-то наверху есть место происхождения жизни, обитающей на этой земле. Вопрос о том, является ли это место планетой Генезистрин, или Луной или обширной бесформенной областью, примыкающей к этой земле, или островом в Суперсаргассовом море, следует, вероятно, оставить исследованиям других супер— или экстрагеографов. Первые одноклеточные организмы могли прибыть сюда из Генезистрина, а люди или антропоморфные существа могли прибыть сюда еще до амеб. На Генезистрине могла быть эволюция, которая может быть выражена в обычных биологических понятиях, но эволюция на этой земле была — подобно эволюции в современной Японии — вызвана внешними влияниями. Эволюция, как целое, на этой земле представляла собой процесс заселения путем иммиграции или бомбардировки. Я сейчас опускаю кое-какие имеющиеся у меня заметки об останках людей и животных, заключенных в оболочку (капсулу) глины или камня, словно их запустили сюда в качестве метательного снаряда, поскольку лучше всего, кажется, рассматривать все явление как тропизм, как геотропизм, вероятно, атавистический или как бы остаточный, или как нечто все еще продолжающееся долго после того, как отпала в нем необходимость. Тогда можно считать, что, когда-то давнымдавно всевозможные существа попали сюда из Генезистрина, но сейчас только несколько их видов через долгие промежутки времени, как бы оживают.

Нет ни одного случая падения на эту землю головастиков. Разумно предположить. Что смерч мог вычерпнуть какой-нибудь пруд, лягушек и все остальное, и сбросить лягушек где-нибудь в другом месте; но все же более вероятно, что смерч мог вычерпнуть пруд, головастиков и все остальное, поскольку головастики в свой сезон более многочисленны, чем лягушки в свой сезон; но сезон головастиков относится к ранней весне, или ко времени, когда бури случаются чаще. Рассуждая в понятиях причинности, — как если бы существовали реальные причины, — можно представить себе, что если X есть вероятная причина Y , но еще более вероятная причина для Z , но почему-то не вызывает появления Z , то X не есть причина Y . На основе таких квазисоритов [Сорит — в логике вид умозаключения (прим. переводчика)] мы строим наше допущение о том, что маленькие лягушки, которые падали на эту землю, не связаны со смерчами: они прибыли к нам из внешнего пространства, или из Генезистрина.

Я думаю о Генезистрине в понятиях биологической механики: не в том смысле, что где-то есть люди, которые собирают козявок в январе или в последних числах января или лягушек в июле и августе и затем

бомбардируют ими эту землю; это все равно, что представлять, что какие-то люди каждую осень отправляются в северные области, ловят и собирают птиц и отправляют их на юг.

Но атавистический или рудиментарный геотропизм в Генезистрине — это миллион личинок, которые начинают ползти, а миллион лягушек, который начинает прыгать, не осознавая зачем, как и мы по утрам ползем на работу, а вечером выпрыгиваем с работы.

Должен сказать, что лично я полагаю, что Генезистрин — это область в Суперсаргассовом море, и что части этого Суперсаргассова моря имеют свои ритмы восприимчивости по отношению к притяжению этой земли.

VIII

Я ПРИНИМАЮ, что когда бушуют бури, тогда самые распроклятые из исключенных, изгнанных предметов, предметов, которые для верных все равно что носители проказы, приносятся вниз — из Суперсаргассова моря — или из того, что ради удобства мы называем Суперсаргассовым морем, представление о котором никоим образом еще не получило полного признания.

Бури иногда сбрасывают вниз разные предметы так же, как бури поднимают предметы из глубины моря. Конечно, это ортодоксия, что штормы почти не влияют на состояние моря ниже уровня волн, но, конечно, иметь мнение значит пребывать в неведении относительно, или пренебрегать противоречащими фактами, или чем-либо другим, что воздействует на мнение из неразличимости.

Symons Meteorological Magazine, 47, 180: На берегах Новой Зеландии, в областях, не характеризующихся подводной вулканической деятельностью, часто выбрасывается штормами на берег глубоководные рыбы.

Железо и камни, падающие с неба и атмосферные возмущения:

«Нет абсолютно никакой связи между этими явлениями» (Саймонз).

Ортодоксальная вера утверждает, что предметы, движущиеся с планетной скоростью, практически не могут подвергнуться воздействию ураганов; это все равно, что представить себе, что помахиванием веера можно отклонить пулю. Единственная беда с ортодоксальной аргументацией — это обычная неприятность, ее фантом-доминанта, ее опора на миф. Полученные нами факты и другие факты, которые мы еще получим, факты о том, что предметы, находящиеся в небе, не имеют никакой независимой скорости.

В мире бывает столько бурь и штормов, столько метеоров и метеоритов, что было бы очень странно, если бы не существовало их совпадений. Тем не менее, так много таких совпадений перечислено профессором Баден-Пауэллом (Report of the British Association, 1850 г., 54), что нельзя не заметить закономерности:

Смотрите Report of the British Association за 1860 год, где описаны и другие случаи.

Знаменитое падение камней в Сиене, Италия, в 1794 году — «во время сильной бури».

Смотрите «Каталог» Грэга — много случаев. Из них один выделяется — это «яркий огненный шар и свет в урагане в Англии 2 сентября 1786 года». Замечательный факт в этом сообщении заключается в том, что это явление можно было видеть сорок минут. Это приблизительно в 800 раз превышает ту длительность, которую ортодоксы дают метеорам и метеоритам. Смотрите Annual Register — много случаев. В Nature за 25 октября 1877 года и в лондонский «Тайме» от 15 октября 1877 года сообщается, что 14 октября 1877 года во время шторма с сильнейшим ветром упало нечто, описываемое как «огромный шар зеленого огня». Это явление описывается и другим корреспондентом в Nature, 17-10, и отчет о нем, составленный еще одним корреспондентом, был представлен в Nature У. Ф. Деннингом.

Набралось уже столько случаев, что некоторые из нас готовы поднять бунт против настойчивости верных, утверждающих, что это только совпадения, и допустить, что здесь есть связь того вида, которая называется причинной. Если трудно представить себе, чтобы камни и металлические глыбы могли отклониться от своей территории штормами, если они движутся с высокой скоростью, то значит они двигались с малой скоростью или вообще не имели никакой скорости, зависнув на высоте в несколько миль над этой землей, будучи смещаемы штормами и светясь при падении. Но сопротивление этим представлениям столь велико, а объяснения с помощью «совпадений» столь натянуты, что мы лучше приведем еще некоторое количество примеров:

Аэролиты во время бури в Сент Ленард-он-сии, Англия, 17 сентября 1885 года — не найдено ни следа (Annual Register, 1885 г.) ; метеорит во время урагана 1 марта 1886 года, описанный в Monthly Weather Review за март 1886 года, метеорит во время грозы 19 ноября 1889 года у берегов Греции (Nature, 61,11); падение метеорита во время бури 7 июля 1883 года близ Лэчайна (Lachine), Квебек, (Monthly Weather Review, июль, 1883 г.) ; это же явление отмечено в Nature, 28, 319; метеорит в смерче в Швеции 24 сентября 1883 года (Nature, 29,15).

Proceedings of the London Royal Society, 6, 276: 17 декабря 1852 года во время шторма появилась треугольная туча; красное ядро размером с половину видимого диаметра луны и длинный хвост; была видна в течение 13 минут; затем произошел взрыв ядра.

Тем не менее, в Science Gossip, нов. серия, 6-65, говорится, что хотя метеориты и падали во время бурь, никакой связи между этими явлениями, видимо, не существует. О ней могут говорить только невежественные крестьяне.

Но некоторые из нас, крестьян, просмотрели Report of the British Association за 1852 год. На странице 239 доктор Бьюст, никогда не слышавший о Суперсаргассовом море, говорит, что хотя и трудно проследить связь между этими двумя явлениями, три аэролита упали в Индии в течение пяти месяцев во время гроз в 1851 году (возможно, в 1852). Отчеты свидетелей смотрите в Report of the British Association, стр. 229. Мы на пути к объяснению «громовых камней». Мне кажется, что здесь замечательно подтверждается общий взгляд, что наше существование есть всего лишь промежуточное состояние, в котором нет ничего фундаментального, или ничего окончательного, что можно было бы принять в качестве позитивного стандарта для суждения. Крестьяне верили в метеориты. Ученые исключали метеориты. Крестьяне верят в «громовые камни». Ученые исключают «громовые камни». Бесплезно возражать, что крестьяне находятся на полях, а ученые заперты в лабораториях и аудиториях. Мы не можем принять в качестве реальной базы, что в отношении явлений, с которыми они более знакомы, крестьяне скорее всего более правы, чем ученые: множество биологических и метеорологических заблуждений крестьян восстает против нас.

Я должен сказать, что наше «существование» подобно Бруклинскому мосту, на котором множество козявок ищут нечто фундаментальное, подходя к ферме, которая кажется им твердой и окончательной, — но ведь ферма построена на опорах, опорах, которые кажутся окончательными. Но опора построена на нижележащих структурах. На всем мосту нельзя найти ничего окончательного, поскольку сам мост не есть в себе окончательная вещь, а только отношение между Манхеттеном и Бруклином. Если наше «существование» есть отношение между Позитивным Абсолютом и Негативным Абсолютом, то поиск в нем какой-либо окончательности безнадежен: все в нем должно быть относительным, если «целое» есть не целое, а само по себе отношение.

В позиции Принятия наша псевдооснова состоит в следующем:

Клетки зародыша находятся в эре рептилий этого зародыша;

Некоторые клетки чувствуют стимулы принять новые формы.

Если бы в проект целого входило, что следующая эра будет эрой млекопитающих, то те клетки, которые становятся клетками млекопитающих, должны будут выдержать сопротивление, в силу инерции, со стороны остальных, и будут относительно правы, хотя и не окончательно правы, поскольку они тоже со временем уступят дорогу особенностям иных эр более высокого развития.

Мы находимся на пороге новой эры, в которой Эксклюзионизм должен

быть свергнут и бесполезно будет нас обзывать низкорожденными и нечесаными крестьянами.

В нашем грубом буколическом столе мы ныне бросаем дерзкий вызов здравому смыслу, предлагая объяснение, которое, как мы думаем, станет неоспоримой банальностью:

Они сбрасываются вниз будучи выведены из состояния подвешенности, в областях бездействия притяжения земли, атмосферными возмущениями.

«Громовой камень» обычно представляет собой «прекрасно отполированный клинообразный кусок зеленого камня», говорит автор статьи в *Cornhill Magazine*, 50, 517. Но это не так: им может быть камень почти любого вида, но мы обращаем внимание читателя на мастерство, с каким некоторые из них сделаны. Конечно, этот автор говорит, что все это есть суеверие. Иначе он был бы одним из нас, грубых и простых сынов земли.

Шаблонное проклятие навлекает на себя тот факт, что каменные орудия, уже находившиеся на земле, — «находившиеся на земле изначально», — встречаются вблизи тех мест, где очевидцы видели удар молнии; и что, как полагают пораженные селяне и интеллектуалы низкого уровня, эти орудия упали в молнии или с молнией.

На протяжении всей этой книги мы ставим большую часть науки на одно место с плохой беллетристикой. Когда беллетристика оказывается плохой, дешевой, низменной? Когда она перегружена совпадениями. Это один из критериев для суждения. Но у отдельных писателей перегрузка по части совпадений встречается редко, избыток мы находим в сюжете. Такой писатель, как автор статьи в *Cornhill Magazine*, говорит нам в неопределенных выражениях о верованиях крестьян: нет и речи о массивировании примера за примером и еще раз за примером. Здесь нашим методом будет метод массивированного построения.

Можно представить себе, что молния могла ударить в землю вблизи того места, где лежал клинообразный предмет изначально: опять, опять и опять: молния ударяет в землю около клинообразного предмета в Китае; молния ударяет в землю около клинообразного предмета в Шотландии; молния ударяет в землю около клинообразного предмета в Центральной Африке; совпадение во Франции; совпадение на Яве; совпадение в Южной Америке...

Мы идем на большие уступки, но обратите внимание на тенденцию к неугомонности. Тем не менее, таков психотропизм науки по отношению ко всем «громовым камням», которые якобы упали со свечением.

Что касается нефрита, то это произошло на острове Ямайка, где существует общее убеждение, что топоры из нефрита падают здесь с неба — «во время дождей» (Journal Institute Jamaica). Когда-нибудь в другой раз мы еще наведем справки о локализации предметов из конкретного материала. «Они сделаны из камня, который больше нигде не встречается на Ямайке» (Notes and Queries, 2-8,64).

Следуя моей собственной тенденции к исключению, или с позиции какого-нибудь крестьянина или дикаря, думающего, что его не следует ставить в один ряд с другими крестьянами или дикарями, я должен отметить, что не очень поражен тем, что думают туземцы. Трудно сказать, почему. Если слово лорда Келвина о научных исследованиях имеет не больший вес, чем слово Сидящего Буйвола, если оно не противоречит общепринятому мнению, то я думаю, что оно должно иметь больший вес, поскольку дикари не умеют прилично вести себя за столом. Однако мой снобизм в этом отношении несколько ослабевает перед широко распространенным верованием дикарей и крестьян. А представление о «громовых камнях» распространено столь же широко, как сама география.

Местные жители Бирмы, Китая, Японии, согласно Блицкепбергу (Thunder Weapons, стр. 100) не следует, конечно, думать, что Блинкенберг принимает из этого хоть одно слово, — думаю, что покрытые резьбой камни упали с неба, потому что они думают, что видели, как такие предметы падают с неба. Такие предметы в этих странах называют «громовыми стрелами», или, в России, «чертовыми пальцами». В Моравии, Голландии, Бельгии, Франции, Камбодже, Суматре и Сибири их называют «громовыми камнями». В Лаузице, Германия, их называют «грозовыми камнями»; в Славонии — «небесными камнями»; «громовыми топорами» в Англии и Шотландии; «камнями из молнии» — в Испании и Португалии; «небесными камнями» — в Греции; «вспышками молнии» — в Бразилии; «зубами грома» — в Амбойне.

Вера в них столь же широко распространена, как и вера в духов и ведьм, которых в наши дни отрицают только суеверные люди.

Что касается верований северо-американских индейцев, то Тайлер приводит список ссылок на литературу. Что касается южно-американских индейцев, то «некоторые каменные топоры, как говорят, упали с неба» (Journal American Folk Lore, 17-203).

Если и вы восстаете против совпадения за совпадением, но находите, что наша интерпретация «громовых камней» слишком сильна или обильна для переваривания, мы рекомендуем вам объяснение некоего Таллиуса, написанное в 1649 году:

«Натуралисты говорят, что они порождаются в небе фульгуристыми эксгалациями, конглобированными (т. е. превращенными в шар) в облаке действием круговращающегося гумора».

Конечно, статья в *Cornhill Magazine* была написана без какого-либо намерения попытаться действительно исследовать этот предмет, а чтобы высмеять представление, что обработанные каменные предметы когда-то упали с неба. Автор материала в *American Journal of Science*, 1-21, 325, прочел эту статью и думает, что это замечательно, «что любой человек со средними способностями логически мыслить должен написать статью, чтобы доказать, что громовые камни не существуют».

Признаюсь, что мы немного польщены этим. Снова и снова:

«Вряд ли необходимо доказывать разумному читателю, что громовые камни это миф»:

Мы утверждаем, что здесь мы имеем неправильное употребление слова; мы допускаем, что только мы достаточно разумны в данном вопросе, если под разумностью понимать исследование неравновесия и что всякий иной ум это только механический рефлекс, конечно, принимая во внимание, что наше мышление тоже механично, но менее упорядочено и ограничено. По мере того, как наша гипотеза все больше и больше подкрепляется, мы переходим от осознанного состояния разумности к рефлексам и привычкам. Странным образом обычно предполагается, что разум заслуживает доверия. Возможно, это следует понимать в том смысле, что именно умственная активность стремится найти решение, но это — признание своего неведения. Пчелы, теологи, догматические ученые — это интеллектуальные аристократы. Мы же, прочие, — это плебеи, еще не дошедшие до нирваны, но уже дифференцировавшиеся от разумности и грубости.

Блинкенберг приводит много примеров суеверий, связанных с «громовыми камнями», которые процветают только там, где мышление находится в жалком состоянии, то есть везде. На Малакке, Суматре, Яве туземцы говорят, что каменные топоры часто находят под деревьями, в которые ударила молния. Блинкенберг не оспаривает это, но говорит, что это всего лишь совпадение: что топоры, конечно, находились на земле изначально, но туземцы сделали поспешный вывод, что эти резные топоры упали вместе с молнией. В Центральной Африке говорят, что клинообразные прекрасно отполированные предметы из камня, описываемые как «топоры», часто находят вогнанными в деревья, пораженные молнией. Эти туземцы подобно неученым жителям Мемфиса, штат Теннесси, увидевшим змей после грозы, тоже пришли к поспешному

выводу, что «топоры» не всегда торчат в стволах деревьев. Ливингстоун (Last Journal страницы 83, 89, 442, 448) говорит, что он никогда не слышал о каменных орудиях, используемых туземцами Африки. Автор одной из публикаций в Report of the Smithsonian Institute, 1877 г., 308, говорит, что их очень мало.

По словам туземцев, они упали во время грозы. Что касается свечения, то моя жалкая точка зрения состоит в том, что тела, падающие через атмосферу земли, если они не нагреты равномерно, часто падают, сопровождаясь ярким светом, напоминая вспышки молнии. Этот материал мне кажется важным: мы вернемся к нему позже с фактами.

В Пруссии два каменных топора были найдены в стволах деревьев, один под корой (Блинкенберг «Громовое. Оружие» (Thunder Weapons, стр. 100)).

Нашедшие их поспешно пришли к выводу, что топоры туда упали.

Еще один каменный топор — или клинообразный предмет из обработанного камня — был, как говорят, найден в дереве, в которое ударило что-то, похожее на молнию (Thunder Weapons, стр. 71). Нашедший пришел к поспешному выводу. Блинкенберг рассказывает о женщине, жившей близ Кульсбиериенэ, Швеция, которая нашла камень около старой ивы «рядом с ее домом». Я подчеркиваю «рядом с ее домом», так как это означает знакомую землю. Ива была чем-то расщеплена. Она поспешила.

Корова была убита молнией или чем-то похожим на молнию (остров Сарк, около Гернси). Крестьянин, которому принадлежала эта корова, стал копать землю на этом месте и нашел небольшой каменный «топор». Блинкенберг, говорит, что он сделал поспешный вывод, что этот предмет упал с ярким свечением и убил коротау(м129.1867 г., 208:)..

Один фермер после сильной грозы, описанной как «страшная гроза», нашел около сигнального столба кремниевую гальку, чем-то расколотую. Я бы сказал, что близость к сигнальному столбу может рассматриваться как указание на знакомую землю.

Поспешил ли он или прибыл к выводу в результате более неторопливого процесса, но фермер подумал, что кремниевый предмет упал во время грозы.

В этом случае мы имеем дело с весьма примитивным ученым. Невозможно провести позитивное различие между ортодоксией и ересью: где-то они должны сливаться друг с другом, или перекрываться. Тем не менее, в таком вопросе, как этот, это действительно немного шокирует. В большинстве работ о метеоритах упоминается своеобразный сернистый запах предметов, упавших с неба.

Сэр Джон Ивенс (Stone Implements, стр. 57) говорит, — с необыкновенной силой аргументации, что этот кремниевый предмет «оказался болтом, судя по запаху при разбивании».

Если это действительно оказалось так, то это решает всю проблему. Если мы докажем, что хотя бы один предмет из обработанного камня упал с неба, тогда все дальнейшее собирание сообщений оказывается ненужным. Однако мы уже стали на ту позицию, что ничто не улаживает ничего; что диспуты Древней Греции приблизились к решению не больше, чем споры, кипевшие несколько тысячелетий назад, и все потому, что в позитивном смысле нет ничего, что можно было бы доказать, решить или уладить.

Наш объект должен быть более близок к реальному, чем наши оппоненты. Широта — это аспект всеобщего. Мы продолжаем широко. Согласно нашей точке зрения, толстый человек ближе к богоподобию, чем худой. Ешь, пей и приближайся к Позитивному Абсолюту. Берегись негативности, под которой мы подразумеваем несварение желудка.

Огромное большинство «громовых камней» описывается как «топоры», но Менье (La Nature, 1892-2, 381) рассказывает об одном, который был в его распоряжении: говорят, что он упал в Гардии, Алжир, резко отличаясь своей грушеобразной формой от угловатых очертаний обычных метеоритов.

Общепринятое объяснение, что он образовался из капли расплавленного вещества, отделившейся из более крупного тела, кажется мне разумным; но с меньшей благосклонностью я отмечаю его падение во время грозы, — факт, который заставляет ортодоксального метеоролога побледнеть от ярости или вызывает легкое поднятие его бровей, если вы упомянете об этом в его присутствии. Менье рассказывает еще об одном «громовом камне», который, как говорят, упал в Северной Африке. Здесь Менье тоже немного жалок: он цитирует опытного солдата, который утверждает, что такие предметы чаще всего падают в пустынях Африки. А теперь довольно пестрая смесь: В апреле в Лондоне якобы упал «громовой камень»; вес около 8 фунтов, никаких особенностей формы (Timb's Year Book, 1877 г., 246).

Сообщается, что 26 сентября 1916 года в Кардиффе упал «громовой камень» (Лондонская «Тайме» от 28 сентября 1916 года.). Согласно Nature, 98-95, это было совпадение: видели только вспышку молнии.

Камень, который упал во время грозы в Сент Олбанс, Англия, принят в Музей города Сент Олбанс; кто-то из британского музея заявил, что он состоит не из «настоящего метеоритного материала» (Nature, 80-34). Лондонская «Тайме», 26 апреля 1876 г.: Что 20 апреля 1876 года близ

Вулверхэмптона во время ливня упала глыба метеоритного железа. Отчет об этом феномене помещен в *Nature*, 14-272 за подписью Х. С. Масклайна, который считает его подлинным. Смотри также *Nature*, 13-531.

Об этих трех случаях смотри *Scientific American*, 47194; 52-83; 68-325.

Что касается клинообразных предметов, большего размера, чем тот, который можно еще назвать «топором»: *Nature*, 30-300:

Что 27 мая 1884 года в Тюская, Норвегия, упал метеорит; что на месте, где предположительно упал этот предмет, торф был разорван; что через два дня рядом был найден «очень странный камень». Согласно описанию, «по форме и размерам очень похож на четвертую часть большого стилтонского сыра».

Мы полагаем, что многие предметы и различные вещества были сброшены вниз в результате атмосферных возмущений из того, что — сейчас только из соображений удобства и пока мы не будем иметь больше фактов, мы называем Суперсаргассовым морем; однако наш главный интерес составляют предметы, которые получили свою форму способами, напоминающими человеческие ремесла.

Описание «громовых камней» из Бирмы (*Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, 1869 г., 183): говорится, что эти камни непохожи на какие-либо другие камни, встречающиеся в Бирме, и туземцы называют их «громовыми камнями». Я думаю, что есть немало смысла в таких выражениях, как «непохожи на какие-либо другие камни, встречающиеся в Бирме», но если бы они сказали что-нибудь более определенное, то в 19-ом столетии авторам пришлось бы пережить неприятные последствия.

Дополнительный материал о «громовых камнях» Бирмы можно найти в *Proceedings of the Society of Antiquarians of London*, 2-3, 97. Один из них, описанный под именем «адзе», был выставлен капитаном Даффом, который писал, что в окрестностях места его находки подобных камней нет.

Конечно, это, может быть, звучит не очень убедительно, если сказать, что поскольку камень не похож на окружающие его камни, то он имеет внешнее происхождение, кроме того, мы боимся, что это может быть принято за плагиат: мы заимствовали этот способ аргументации от геологов, которые с помощью таких доводов доказывают внешнее происхождение валунов. Мы опасаемся, что порой бываем немного вульгарны и научны.

Но я убежден, что большую часть научной литературы следует читать между строк. Немного есть людей, столь жалких, как сэр Джонивенс. Подобно тому, как большая часть смысла у Вольтера скрыта между строк, мы подозреваем, что капитан Дафф только намекает, не стремясь рискнуть,

что профессор Лоуренс Смит прилетит к нему и назовет его «полубезумцем». Каков бы ни был смысл высказываний капитана Даффа и улыбался ли он, как Вольтер, когда писал это, капитан Дафф пишет о «чрезвычайно мягкой природе камня, делающей его равно бесполезным в качестве как наступательного, так и оборонительного оружия».

История, рассказанная корреспондентом из малайского архипелага, имеющим «значительное общественное положение», и в наших фактах, сколь они ни прокляты, есть одна интересная особенность: они так часто приводят нас в ужасно славную компанию, которая знает дерево, которое примерно за месяц до этого во время грозы было чем-то поражено. Он поискал среди корней этого дерева и нашел «громовой камень». Не сказано, пришел ли он поспешно или прыгнул к выводу, что этот камень упал: в тропических странах этот процесс, очевидно, протекает более неторопливо. Кроме того, я опасаясь, что его метод аргументации не очень оригинален: именно так были открыты фрагменты метеорита в Бате (Bath-furnace meteorite), принятые ортодоксией.

А сейчас мы проведем небольшой эксперимент. Мы прочтем отрывки из некоторых его сообщений о необычных событиях, которые были расследованы им, но его феномены занимают позицию, более приближающуюся к истинному расследованию, чем к полному пренебрежению. Снова и снова читаем мы о необычайных событиях никакого обсуждения, нельзя найти даже завершающего изложение фактов комментария; лишь изредка встречается упоминание — погребение и проклятие. Необычайное — но как быстро его прячут подальше. Мы прочли о человеке, который (что касается змей) немало путешествовал, чтобы убедиться в чем-то, что он подозревал заранее; и мы помним профессора Хичкока, которому пришлось лишь ударить Амхерста жезлом своих ботанических познаний и — о, чудо! — еще до вечера выросли два гриба, и мы действительно прочитали о докторе Грее и его тысячах рыб из одного ведра воды, — но эти примеры выделяются; а гораздо чаще оказывается, что не было вовсе никакого «расследования» — Теперь у нас есть немало сообщений о событиях, которые были «расследованы». Предметы, о которых говорят, что они упали с неба, мы подразделяем, обычным научным способом, на две группы. К первой группе мы отнесем все, что напоминает существа или ими является; во второй группе выделяются подразделения второго порядка — клинья, шары и диски. *Journal of the Royal Meteorological Society*, 14-207: 2 июля 1866 года корреспондент одной из лондонских газет писал, что 30 июня 1866 года в Ноттинг Хилл во время грозы что-то упало с неба. Мистер Г. Т. Саймонз из

Symons Meteorological Magazine расследовал это событие достаточно честно и непредубежденно.

Он говорит, что этот предмет представлял собой всего лишь крупный кусок угля; что рядом с домом, где проживал этот корреспондент, кто-то выгрузил уголь за день до этого события. Со странной мудростью пришлого человека в незнакомой местности, которую мы отмечали выше, мистер Саймонз увидел, что уголь, который якобы упал с неба, и уголь, более прозаическим образом выгруженный рядом с его жилищем, оказались идентичными. Люди, жившие по соседству, неспособные произвести эту простую идентификацию, купили у корреспондента куски предмета, который якобы упал с неба. Что касается доверчивости, то я не знаю для нее никаких границ, но когда дело доходит до платы деньгами за свою доверчивость, мы имеем несколько другую картину...

Беда с эффективностью суждений в том, что она где-то постепенно переходит в избыток. К тому, что мне представляется сверхизобилием убедительности, мистер Саймонз затем приплетает еще один персонаж в свою маленькую комедию:

Он утверждает, что это был всего лишь розыгрыш, выполненный учеником аптекаря, который наполнил капсулу взрывчатым веществом и во время грозы бросил горящую массу в сточную канаву, создав таким образом искусственную «громовую стрелу».

Или даже Шекспир с его безыскусностью не приплел короля Лира, чтобы сделать Гамлета совершенным.

Не знаю, приплетаю ли я что-нибудь, не имеющее особого значения, но я считаю, что эта гроза 30 июня 1866 года была особенной. Она описана в лондонской «Тайме» от 2 июля 1866 года: что «во время грозы небо во многих местах оставалось частично чистым, в то время как на землю падали дождь и град». Это может получить большее значение, если мы примем во внимание возможное взвездное происхождение некоторых градин, особенно если они падают из чистого неба. Это только предположение, немногого стоящее, что в Лондоне 30 июня 1866 года могли произойти падения веществ взвездного происхождения.

Рассказывают, что 5 июля 1877 года в Килберне во время грозы произошло падение шлака.

Согласно сообщению Килберн Times от 7 июля 1877 года, процитированному мистером Саймонзом, улица была «буквально усеяна» во время грозы массой шлака, количество которого оценивается, приблизительно в два бушеля (около 73 литров). Размеры кусков колебались от величины ореха до величины мужской кисти — «куски этого

шлака можно увидеть в редакции «Килберн Таймс».

Если эти куски шлака или зола представляли собой мусор, выпавший из одной из суперторговых построек, из которых время от времени на эту землю, или, скорее, в Суперсаргассово море падают кокс, уголь и зола, и из этого моря сбрасываются на поверхность земли в результате бурь, то будет вполне в духе нтермедиатизма допустить, что где-то они должны сливаться с феноменами сцены извержения. Если бы докрасна раскаленная печка упала бы из облака на Бродвей, кто-нибудь нашел бы, что приблизительно во время этого события мимо проезжал самодвижущийся вагон, люди на нем устали от этой печи, или что она на самом деле не была раскалена докрасна, а была покрашена в красный цвет вместо черного каким-нибудь рассеянным домовладельцем. По сравнению с кое-какими научными объяснениями, с которыми мы встречались, это объяснение, на мой взгляд, отличается значительной строгостью.

Мистер Саймонз узнал, что на той же улице — он подчеркивает, что это была короткая улица — находится станция пожарных машин. Я представляю себе, как он рыщет и суетится на улицах Ноттинг Хилла, оглядывая подвалы, пока не нашел один со свежевыгруженным углем; как он звонит в двери, будоража всю округу, вызывая к окнам вторых этажей, останавливая людей на улицах, и след несчастного обманщика, ученика аптекаря, становится все горячее и горячее. После того, как он показал свое умение расследовать в Ноттинг Хилле, мы уже ждем рассказа о том, как он пришел на пожарную станцию и... что-нибудь вроде следующего:

«Говорят, что на вашей улице днем пятого июля приблизительно в десять минут пятого упали куски шлака. Не будете ли вы столь любезны просмотреть ваши записи и сказать мне, где была ваша машина пятого июля, примерно в десять минут пятого?»

Мистер Саймонз говорит: «Я думаю, что их, вероятнее всего, выгребли из паровой пожарной машины».

20 июня 1880 года появилось сообщение, что «громовой камень» ударил в дом № 180 на Оукленд Стрит в Челси и попал прямо в дымоход и на кухонную решетку. Мистер Саймонз расследовал.

Он описывает «громовой камень» как скопление кирпичей, сажи, несгоревшего угля и золы».

Он говорит, что, по его мнению, в дымовую трубу ударила молния и расплавил в ней несколько кирпичей.

Он не находит ничего удивительного в том, что молния не разбросала затем содержимое решетки, которое было приведено в беспорядок, как если бы на решетку упало тяжелое тело. Если мы признаем, что

карабкаться вверх по дымоходу в целях расследования было бы слишком строгим требованием для человека, который был, возможно, крупным мужчиной, полным достоинства и склонным к полноте, то единственное проявление неблагоразумия в его словах — если судить с более современной точки зрения — это следующее высказывание:

.»Я полагаю, никому не придет в голову, что кирпичи изготавливают в атмосфере».

Это звучит для нас немного неблагоразумно, поскольку очень отдает позитивистским духом прежних времен, когда не было столь очевидно, что высшее неправдоподобие и смехотворность должны где-то сливаться с «пристойным», как сказал бы *Scientific American Supplement*. Нелепицу всегда можно интерпретировать в понятиях «пристойного», с которым она должна иметь где-то непрерывный переход: глиноподобные массы (глыбы, куски) подобные тем, что падали с неба, они спекаются в кирпичи из-за огромного тепла, порожденного большой скоростью падения.

Мы начинаем подозревать, что мистер Саймонз выдохся в Ноттинг Хилле. Это должно быть предупреждением фанатикам эффективности.

Затем обратим внимание на случай с тремя комками землистого вещества, найденными 3 июля 1883 года на часто посещаемой тропе в Рединге. Имеется так много сообщений о падении с неба землистого материала, что было бы почти странно встретить здесь сопротивление, если бы мы не были так привычны к бескомпромиссным позициям ортодоксии, — которая, согласно нашей метафизике, представляет добро в своих попытках, но зло в их недостаточности. Если бы я счел это необходимым, я бы перечислил сто пятьдесят примеров падения с неба, по словам очевидцев, землистого материала. Здесь мистера Саймонза ослепляет и гипнотизирует его враждебность по отношению к атмосферным возмущениям, которые ассоциируются с падением предметов с неба. Этот конкретный мистер Саймонз отвергает Редингское вещество, поскольку оно не является «настоящим метеоритным материалом». Это странно, или вовсе не странно, — если вы не принимаете что-либо в качестве эталона для своего мнения, вы не можете иметь никакого мнения вообще; но если вы все же приняли такой эталон, то в некоторых своих применениях он обязательно станет нелепым. Углистые метеориты, которые ортодоксией не оспариваются, хотя, как мы видели, избегаются, состоят еще более разительно из ненастоящего метеоритного материала, чем это вещество из Рединга. Мистер Саймонз, Германия, считает, что эти три комка находились на почве «изначально».

Заслуживают ли эти факты сохранения или нет, но я думаю, что

призывы этого конкретного мистера Саймонза заслуживают места в том музее, который мы создаем. Он возражает против убеждения во внезапном происхождении чего угодно «ради нашего престижа как англичан». Он патриот, но я думаю, что у этих иностранцев «изначально» мало шансов встретить гостеприимство с его стороны.

Затем следует «небольшой комок железа (около двух дюймов в диаметре)», который якобы упал 27 августа 1887 года в Брикстоне во время грозы. Мистер Саймонз говорит: «В настоящее время я не могу проследить его историю».

В Ноттинг Хилле он проявил себя с самой лучшей стороны: там был выпад в его более поздней манере:

В лондонской газете «Тайме» от 1 февраля 1888 года говорится, что «после яростной грозы» в одном саду в Брикстоне 17 августа 1887 года был найден округлый железный предмет. Он был проанализирован неким химиком, который не смог определить его как подлинный метеоритный материал. Был ли он произведением мастерства, подобного человеческому, или нет, но этот предмет был описан как сплюснутый сфероид, имевший размеры по большему диаметру около двух дюймов. Приводятся имя и адрес химика: мистер Джаймз Дж. Морган.

Сад — знакомое место, я полагаю, что, по мнению мистера Саймонза, этот симметричный предмет находился на почве «изначально», хотя он забыл сказать об этом. Но мы все же отметим, что он описывает этот предмет как «комки», что отнюдь не говорит о его сферичности или симметрии. По нашему мнению, слово «комки» было употреблено намеренно по причине его значения бесформенности, чтобы следующий факт оказался стоящим одиноко, в удалении, без подобных ему. Если бы мистер Саймонз сказал, что существует сообщение об еще одном круглом предмете, который упал с неба, его читателей привлекло бы согласие этих двух фактов. Поэтому он отвлекает своих читателей от этого сходства, описывая второй предмет как бесформенный.

Пушечное ядро было найдено в куче навоза в Сассексе после грозы.

Тем не менее, д-р Саймонз доказывает вполне разумно, как мне кажется, что если пушечное ядро находилось в куче навоза изначально, оно могло притянуть молнию и при виде ее удара в этом месте простодушные умы, или умы ниже среднего уровня, могли поспешно прийти, или подскочить, или продвинуться с меньшей скоростью к выводу, что железный предмет упал с неба.

Это верно, если допустить, что каждый фермер не находится на очень знакомой почве или если он не знает свою собственную кучу навоза так же

хорошо, как м-р Саймонз знает свой письменный стол...

Затем подходит случай с одним мужчиной, его женой и тремя дочерьми в Кастертоне, Уэстморленд (Англия), которые во время грозы выглядывали из окна на свою лужайку, когда они «посчитали», как выражает это мистер Саймонз, что видят, как с неба падает камень, убивает овцу и зарывается в землю.

Они копали.

Они нашли каменный шар.

Саймонз:

Совпадение. Он находился там изначально. Этот предмет был экспонирован на собрании Королевского Метеорологического Общества м-ром С. Карус-Уилсоном. Он описан в приведенном в «Журнале» списке экспонатов как шар из «песчаника». Мистером Саймонзом он описан как «песчаник».

Итак, круглый кусок песчаника мог находиться в земле почти где угодно изначально в силу нашей более или менее позорной привычки всюду совать свой нос, мы находим, что этот предмет был гораздо сложнее и из материала менее распространенного. Сунув свой нос в Knowledge за 9 октября 1885 года, мы прочитали, что этот «громовой камень» находится в собственности мистера С. Карус-Уилсона, который рассказывает историю о свидетеле и его семье: овца убита, погружение чего-то в землю, копание земли и находка. Мистер С. Карус-Уилсон описывает этот предмет как шар из твердого железистого кварцита размером с кокосовый орех и весом около двенадцати фунтов. Нащупываем ли мы в этом какой-нибудь смысл, или нет, но здесь есть указание не только на симметрию, но и на структуру этого предмета: он имел внешнюю оболочку, отделенную от рыхлого ядра. Мистер Карус-Уилсон приписывает это расщепление неравномерному охлаждению этой массы.

Я лично думаю, что в писаниях ученых мужей содержится очень мало сознательного искажения: они столь же невиновны в этом намерении, как и другие субъекты гипноза. Такой жертвой внушенной веры считается каменный шар, якобы упавшей с неба. Механически в его уме возникают представления о шарообразных комьях, или желваках, из песчаника, которые встречаются почти повсюду. Он ассоциирует сообщения о падении предметов в первую очередь со своими впечатлениями о предметах, лежащих на земле. Для интермедиариста феномены мышления суть всего лишь феномены универсальных процессов, локализованных в человеческих умах. Процесс, называемый «объяснением», есть только локальный аспект всеобщей ассимиляции. Это похоже на материализм, но

интермедиатисты считают, что интерпретация нематериального, как его называют, в понятиях материального, как его называют, не более разумна, чем интерпретация «материального» в понятиях «нематериального»; что в квазисуществовании нет ни материального, а только приближение к одной стороне или к другой. Но таковы гипнотические квазидоводы: шаровидные комья из песчаника очень распространены. Приходит ли он к нему, или скачет, или только нечесаные и низкорожденные способны к такому атлетизму, но у него складывается впечатление, в результате ассимиляции, что этот конкретный предмет есть шар из песчаника. Или возьмем человеческий ум: его обитатели это удобства. Вполне может быть, что его статья была написана до того, как этот предмет был выставлен на обозрение членам Общества, и со щедростью, с которой мы, для разнообразия, рассыпем наши злобные выпады, мы хотим допустить, что он «расследовал» то, чего никогда не видел. Но кто бы ни был этот человек, включивший в каталог выставки этот предмет, человек он был беззаботный: этот предмет числится как «песчаник». Мы извиняем их.

На самом деле вы знаете, мы не так уж и прокляты. Люди не извиняются за богов и в то же время чувствуют себя в высшей степени униженными перед ними.

Если бы это было истинное существование, а все мы — истинные личности, с истинными критериями для суждения, то я боюсь, что нам пришлось бы поступить несколько строго с некоторыми из этих мистеров саймонзов. Хотя, конечно, серьезность здесь кажется неуместной.

Отметим забавный штрих в неопределенном намеке на «человека», который вместе со своей неназванной семьей «посчитал», что видел падение камня. Этим «человеком» был почтенный В. Карус-Уилсон, хорошо известный в свое время.

О следующем случае сообщил В. В. Трипп (член Королевского метеорологического общества), что во время грозы некий фермер увидел, что в земле перед ним что-то блестит. Копал. Бронзовый топор.

Я лично думаю, что экспедиция к Северному полюсу не является столь уж насущно необходимой, как этот случай, и представители науки должны были бы отправиться к этому фермеру и провести там лето, изучая обстоятельства этого события. Хотя — неназванный фермер, неназванное место, никакой даты. Этот предмет должен остаться проклятым.

Еще одним образцом для нашего музея может послужить комментарий в «Нейчер» об этих предметах: «они носят забавные черты, тем самым ясно показывая, что они имеют земной, а отнюдь не небесный характер». Почему именно небесность, или то в ней, что является всего лишь

Промежуточностью, не должна быть столь же забавной, как принадлежность к этой земле? Почему небесность должна находиться за пределами нашей способности понимания, которая, как мы уже договорились, выше средней. Конечно, нет ничего забавного в клиньях или сферах как таковых — в противном случае придется признать, что и архимеды, и эвклиды были юмористами. Если вам хочется получить образчик стандартизации ортодоксального мнения, то смотри 159. *American Meteorological Journal*, 4, 589: «Они имеют забавные черты, тем самым ясно показывая, что являются земного, а не небесного характера».

Я уверен, не позитивно, конечно, мы постарались обращаться с мистером Саймонзом столь же добродушно и терпимо, насколько позволяет его, с виду научное представление. Конечно, вполне могло быть, что подсознательно мы могли быть предубеждены против него, инстинктивно относя его в одну категорию со Святым Августином, Дарвиным, Святым Иеронимом и Лайеллом. Что до «громовых камней», то я думаю, что он исследовал их, главным образом, «для поддержания чести англичан», или в духе Королевского Комитета по Кракатау, или примерно так, как комиссия Французской академии исследовала метеориты. Согласно автору статьи в *Knowledge*, 5, 418, Комитет по Кракатау старался не столько выяснить, что вызвало атмосферные явления 1853 года, сколько доказать, что именно Кракатау вызвал их.

В общем и целом, я склонен думать, что нижеследующая цитата должна просветить каждого, кто все еще думает, что эти случаи исследовались не ради поддержки мнения, сложившегося заранее:

Во введении к своей статье мистер Саймонз говорит, что он предпринял свое расследование относительно существования «громовых камней», или «громовых стрел», — как он называет их, — «чувствуя уверенность, что где-то в сведениях о них есть слабое место, поскольку «громовые камни» не существуют».

У нас есть еще одно сообщение о случае падения «пушечного ядра». Это произошло еще до исследования мистера Саймонза, но не упоминается им. Однако оно было расследовано. В *Proceedings of the Royal Society of Edinburgh*, 3, 147, есть сообщение о «громовом камне», «якобы упавшем в Хемпшире в сентябре 1852 года». Это было железное пушечное ядро, или большая конкреция из железистого пирита или бисульфата железа. Никто не видел его падения. В первый раз его заметили на садовой дорожке после грозы. Это был только «предполагаемый» предмет, так как — он «не носил характерных признаков какого-либо из известных метеоритов».

В лондонской «Тайме» от 16 сентября 1852 года появляется письмо от

мистера Джоржа Е. Бейли, химика из Эндоувера, графство Хэнтс. Он говорит, что во время сильной грозы, случившейся в первую неделю сентября 1852 года, этот железный предмет упал в саду мистера Роберта Даулинга из Эндоувера; он упал на дорожке «не далее шести ярдов от дома». «Сразу же» после грозы он был поднят миссис Даулинг. Он имел размер шара для крикета, вес около пяти фунтов. Никто не видел, как он падал. В газете «Тайме» от 15 сентября 1852 года есть сообщение об этой грозе, которая отличалась необычайной силой.

Есть и кое-какие другие данные, которые можно соотнести с падением кварцевого шара в Уэстморленде. Это невзрачные вещи. В них так мало вещества, что они выглядят как призраки проклятых. Тем не менее, призраки, умножаясь, принимают то, что называется реальностью, если принять, что в квазисуществовании самая твердая мыслимая вещь есть только концентрированная фантомность. Дело не только в том, что были и другие сообщения об упавшем с неба кварце; есть другое соглашение. Круглый кварцевый предмет из Уэстморленда, если его расколоть и отделить от его рыхлого ядра, будет уже? круглым полым кварцевым предметом. Моя псевдопозиция состоит в том, что два сообщения о подобных необычайных событиях, — одно из Англии, другое из Канады — представляют интерес. *Proceedings of the Canadian Institute*, 3-7, 8: На собрании Института 1 декабря 1898 года один из членов мистер Дж. А. Левингстоун продемонстрировал шарообразное кварцевое тело, которое, как он заявил, упало с неба. Оно было расколото. Оно было полое.

Но другие члены Института решили, что объект является поддельным, поскольку он состоял не из «истинного метеоритного материала».

Никакой даты, не упомянуто место; отметим только предположение, что это была жеода (?), которая находилась на земле изначально. Его кристаллическое содержимое было жеоподобным (?).

Кварц входит в «индекс запрещенных предметов» науки. Монах, прочитавший Дарвина, совершил бы не больший грех, чем ученый, который бы отметил, что кварц мог когда-либо упасть на землю иначе, чем в результате процесса «вверх и вниз», но вспомним о непрерывности: я думаю, кварц не может быть отлучен, если его часть включена в метеорит, крещеный — в церкви

Святой Екатерины в Мехико. Это столь же эпикурейское различие, как и любое из когда-либо проведенных теологами. Фассиг включает в свой список кварцевый голыш, найденный во время града. (*Bibliography*, часть 2, 355). Конечно же «вверх и вниз». Другой предмет из кварцита, упавший, согласно сообщению, осенью 1880 года около Шрун Лейк, штат Нью-Йорк,

является, как утверждает «Сайентифик Американ», 43, 272, обманом — он не был обманом — все как обычно.

Около 1 мая 1899 года газеты напечатали историю о «снежно-белом» метеорите, который упал в Винсеннисе, штат Индиана. Редактор *Monthly Weather Review*, апрельский выпуск 1899 года, попросил местного обозревателя в Винсеннисе провести расследование. Редактор говорит, что эта вещь представляла собой всего лишь обломок кварцевого валуна. Он говорит, что любой человек, получивший хотя бы образование, соответствующее бесплатной средней школе, должен хорошо подумать, прежде чем писать, что этот кварц мог когда-либо упасть с неба. *Notes and Queries*, 2-8, 92: В Лейденском Музее древностей находится кварцевый диск размером 6 см x 5 мм x 5 см, который якобы упал на плантацию в Голландской Западной Индии после взрыва метеорита.

Кирпичи

Я думаю, что то, что мы пишем — грех. Я рекомендую его тем, кто страстно жаждет совершить новый грех. Сначала наши факты были столь ужасного или смешного вида, что для того, чтобы их возненавидеть или возмущенно поднять брови, достаточно было их увидеть. Потом вползла какая-то жалость, что ли? Я думаю, что сейчас мы можем заключить в свои объятия и кирпичи.

Идея об обожженной глине была превосходной на своем месте, но я полагаю, что ей не хватает оригинальности. Когда наши умы устремлены на конкретные корабли, которые в последнее время строятся на земле, и на кораблекрушениях, которые могут постигнуть некоторые из них, и о новых материалах, которыми будут пренебрегать глубоководные рыбы...

Предмет, упавший в Ричленде, штат Южная Каролина, желтый до серого, говорят, что он был похож на кусок кирпича (*American Journal of Science*, 2-34, 298).

Куски «обоженного в печи кирпича» якобы упали — во время града — в Падуе в августе 1834 года (*Edinburgh New Philosophical Journal*, 19, 87). Автор статьи предложил объяснение, которое послужило поводом для еще одного заключения, что обломки кирпича были отбиты градом из зданий. Но здесь есть одно сопутствующее обстоятельство, которое будет неприемлемо для любого, кто будет склонен улыбнуться над, теперь уже почти удобоваримым, представлением, что обожженные в печи кирпичи упали с неба. Оно заключается в том, что в некоторых градинах, в двух

процентах их, которые были найдены вместе с кусками кирпича, был обнаружен светлый сероватый порошок.

Montly Notices of the Royal Astronomic Society, 335, 365:

Падре Секи объясняет, что камни, которые якобы упали во время грозы в Супино, Италия, в сентябре 1875 года, были сбиты с крыши. Nature, 33,153:

Поступило сообщение, что порядочного размера камень, судя по форме, явно искусственного происхождения, упал в Неаполе в ноябре 1885 года. Камень был описан двумя профессорами из Неаполя, которые решили, что он необъясним, но достоверен. Их посетил доктор Джонсон-Лэйвис, корреспондент журнала Nature, чье расследование убедило его, что этот предмет является «сапожным полировальным камнем».

Конечно, для нас, посвященных, или для нас, имеющих более широкий кругозор, нет ничего невероятного в мысли о существовании сапожников в иных мирах, но я подозреваю, что эта характеристика сделана из тактических соображений.

Этот предмет из обработанного камня, или этот «сапожный полировальный камень», был изготовлен из лавы Везувия — так думает доктор Джонстон-Лэйвис, вероятнее всего, из лавы потока 1631 года, из карьеров Ля Скала. Мы осуждаем выражение «вероятнее всего» как дурной позитивизм. О «людях с положением», которые могли допустить, что эта штука упала с неба, — говорит д-р Джонсон-Лэйвис. — «Я должен теперь обязать их признать свою ошибку». Всегда оказывается, что иностранец в Неаполе лучше знает лаву из карьера Ля Скала, чем местные жители.

Объяснение

Эта штука была сбита или сброшена с крыши. Что касается попытки проследить событие до какойнибудь конкретной крыши, то об этом сюжете не говорится ничего. Или что доктор Джонсон-Лэйвис назвал резной камень «полировальным камнем», — совершенно так же, как мистер Саймонз назвал сферический предмет «пушечным ядром»: склонность к дискредитации того, что не соответствует собственному мнению. Сапожное ремесло и небесная возвышенность. Легко сказать, что топоры, или клинообразные камни, которые находят на земле, находились там изначально, и что это только совпадение, что молния бьет рядом с каким-нибудь из них, но доверчивость по отношению к совпадениям уменьшается, я думаю, пропорционально квадратному корню от их количества. Наши массовые случаи слишком много говорят о совпадениях совпадений. Но топоры, или клинообразные предметы, найденные внутри деревьев, это более твердый орешек для ортодоксии. Например, Араго

допускает, что такие находки действительно были, но он доказывает, что если клинообразные камни были найдены в стволах деревьев, то ведь и жабы, случалось, были найдены в стволах деревьев, значит ли это, что жабы упали туда? Не так уж плохо для гипнотика. Конечно, с нашей точки зрения, ирландцы являются избранным народом. Это потому, что они, как правило, находятся в большей гармонии с лежащей в основе всего сущности квазисуществования. Мосье Араго отвечает на вопрос, задавая другой вопрос; это единственный способ ответить на вопрос в нашем спячкоподобном виде существования.

Доктор Боддинг спорил с жителями Сантал Парганас, Индия, утверждавшими, что граненые и формованные камни упали с неба, причем некоторые из них находились в древесных стволах. Доктор Боддинг, имеющий ортодоксальные взгляды о скорости падающих тел, пропустив, я полагаю, некоторые из моих заметок о больших градинах, которые для их размеров, падали с поразительно малой скоростью, возражал, что все, что падает с неба, было бы «разбито до атомов». Он принимает факт, что предметы из обработанного камня были найдены в стволах деревьев, но и это он объясняет.

Что санталы часто крадут деревья, но не раскалывают их обычным способом, потому что это производило бы слишком много шума, поэтому они вставляют в стволы каменные клинья и забивают их внутрь. Если бы их поймали, клинья не были бы доказательством против них, как были бы топоры.

Или что ученый человек тоже не может быть безрассудным и в то же время рассудительным.

Или что вор-карманник, например, находится в безопасности, хотя и пойман с рукой в чужом кармане, если он, скажем, в перчатках: потому что ни один суд в стране не стал бы рассматривать руку в перчатке так, как он бы рассматривал голую руку.

Что нет ничего, кроме Промежуточности между рациональным и нелепым: что этот статус наших собственных логических рассуждений ощущается там, где они применяются к незнакомому.

За много лет доктор Боддинг собрал 50 таких обработанных камней, которые, якобы, упали с неба. Он говорит, что санталы высокоразвитое племя и уже многие века не используют каменные орудия, за исключением только этого низменного дела.

Все объяснения представляют собой локализации. Они рассеиваются, как дым, перед всеобщим. Трудно объяснить, почему, черные дожди Англии не порождаются дымом фабрик, легче объяснить, почему черные

дожди Африки имеют другое происхождение. Мы немного подчеркиваем абсурдность объяснения Боддинга, потому что, если что-нибудь абсурдно, то и все абсурдно, или скорее содержит в себе какую-то степень или аспект абсурдности, и мы никогда не имели дела с каким-либо иным состоянием, кроме находящегося где-то между предельной абсурдностью и предельной разумностью.

Мы полагаем, что тщательно продуманное объяснение мистера Боддинга неприменимо к предметам из тесаного камня, находимым в стволах деревьев в других странах. Мы считаем, что для повсеместного местного объяснение неадекватно.

Что касается «громовых камней», о которых не говорится, что они упали в сопровождении сияния, и не говорится, что они были найдены торчащими в стволах деревьев, то верные гипнотики говорят нам, что потрясенные селяне наткнулись на доисторические топоры, вымытые наружу дождями, и пришли к поспешному выводу, что эти предметы упали с неба. Но простодушные селяне наталкиваются на многие доисторические вещи: скребки, посуду, ножи, молоты. У нас нет ни одного сообщения о том, что какая-нибудь деревенщина, найдя после дождя старую посуду, сообщила бы о падении какой-нибудь миски с неба.

В данный момент я лично считаю, что клинообразные каменные предметы, которым придана форма с помощью средств, подобным средствам, используемым в человеческой технологии, часто падали с неба. Может быть, о них есть какие-нибудь сообщения. Я думаю, что их называли «топорами» для дискредитации: ведь чем более знаком термин, тем сильнее несоответствие со смутными представлениями об обширном, далеком, огромном, неведомом.

В *Notes and Queries*, 2-8, 92, автор говорит, что у него есть «громовой камень», который он нашел на Ямайке. Описание говорит о клинообразном предмете, но не о топоре:

«На нем нет никаких признаков того, что он был когда-либо прикреплен к рукоятке».

Из десяти «громовых камней», изображенных на разных страницах книги Бликенберга, девять не обнаруживают каких-либо признаков того, что они были когда-либо прикреплены к рукоятке, а один просверлен.

Но в сообщении доктора С. Лееманса, директора Лейденского музея древностей, предметы, которые по словам японцев упали с неба, всюду названы «клиньями».

В *Archeological Journal*, II, 118, в статье о «громовых камнях» с Явы эти предметы названы «клиньями», а не «топорами».

Мы полагаем, что селяне и дикари называют падающие с неба клинообразные предметы «топорами», а ученые люди, когда это соответствует их целям, могут преодолеть искушение выразиться многословно и педантично и усваивают простое; они могут быть разумными даже в насмешке.

Все вышесказанное оставляет нас в смущении и замешательстве, даже худшем, мне кажется, чем раньше, до того, как мы столь успешно выплыли из огорчений — масла, крови, чернил, бумаги, гнилушек и шелка. А теперь еще пушечные ядра, топоры и диски, — если только «точильный камень» можно считать диском, во всяком случае, это плоский камень.

Очень многие ученые являются хорошими импрессионистами: они относятся с пренебрежением к нахальству деталей. Будь он грубой, неряшливой натурой, господин Боддинг, я думаю, никогда не смог бы так прекрасно и просто объяснить находки каменных клиньев в стволах деревьев. Но для реалиста эта история выглядела бы примерно так:

Человек, которому понадобилось бы дерево в стране джунглей, где по какой-то неизвестной причине, все очень эгоистично ведут себя по отношению к своим деревьям, вдруг открывает, что вколачивание каменных клиньев производит меньше шума, чем рубка дерева; и вот он и его потомки в течение многих лет валили деревья с помощью клиньев и избегали наказания, потому что обвинителю никогда, не могло прийти в голову, что в качестве топора используется клин.

Эта история похожа на любую другую попытку достигнуть позитивности— прекрасная и полная, пока мы не посмотрим, что она исключает и чем пренебрегает; после чего она становится уродливой и неполной, но не абсолютно, поскольку в ней есть, вероятно, нечто, что можно назвать ее основой. Может быть, умственно дефективные санталы когда-то совершили нечто подобное. История эта была рассказана д-ру Боддингу; обычным и научным методом он превращает случайное отклонение в догму.

Или нам все же пришлось сделать небольшой упор на этом случае. Они такие волосатые и симпатичные — эти ученые 19го столетия. Мы чувствуем рвение Сидящего Быка, думая об их скальпах. Нам придется изложить наш собственный взгляд об этом темном предмете. У нас есть свой взгляд. Мы не называем его объяснением: мы выбросили объяснения вместе с верой. Хотя каждый снимающий скальп сам, вероятно, будет оскальпирован в единстве целого, существует такая неучтивость по отношению к врагу, как ношение парика. Каменные ядра и клинья, и что они могут означать? Бомбардировки этой земли... Попытки общения...

Очень давние посетители этой земли, — исследователи с Луны — увозящие с собой, может быть в качестве курьезов, орудия доисторических обитателей этой земли... Катастрофа... и в результате груз таких вещей сохраняется в течение веков в невесомости Суперсаргассова моря... падение или сброс вниз время от времени в результате бурь...

Но несмотря на видимость логики в описаниях подобного типа, мы не можем принять, что эти «громовые камни» были когда-либо прикреплены к рукояткам, или являются доисторическими топорами...

Что касается попыток общаться с этой землей при помощи клинообразных предметов, специально приспособленных для прохождения сквозь обширные студенистые области, рассеянные вокруг этой земли...

В *Proceedings of the Royal Irish Academy*, 9, 337, есть сообщение о каменном клине, который упал с неба Кэшела, графство Типперари 2 августа 1865 года. Само явление не ставится под сомнение, но ортодоксальное представление замечается в том, что его называют не топоробразным, не клинообразным, а «пирамидальным». О фактах относительно других пирамидальных камней, якобы упавших с неба, смотрите *Report of the British Association*, 1861 г., 34. Один упал в Сеговоли, Индия, 6 марта 1853 года. О предмете, упавшем в Кошеле, доктор Хотон говорит, в *Proceedings* следующее: «В этом камне можно видеть одну особенность, которую я никогда не видел ни в каком другом: закругленные ребра пирамиды четко отмечены линиями на черной коре, столь совершенными, словно их провели с помощью линейки». Доктор Хотон полагает, что эти отметки могли быть сделаны в результате «какого-нибудь странного напряжения при охлаждении». Оно должно было быть очень странным, если во всех аэролитах, не имеющих клиновидной формы, никогда не наблюдали подобного феномена. Он служит переходом к одному или двум случаям кажущейся стратификации в метеоритах, которые стали известны уже после исследований доктора Хотона. Однако стратификация в метеоритах отрицается верными. Я начинаю подозревать кое-что еще. Приближается наглая ложь.

Позже она станет столь же разумной, в силу знакомства, как и все, что когда-либо было сказано.

Если бы кто-нибудь изучил камень из Кашела так, как Шампольон изучил Розеттский камень, он мог бы найти смысл — и неизбежно бы нашел — в тех линиях и перевел бы их на английский язык...

Тем не менее я начинаю подозревать кое-что другое: нечто более тонкое и эзотерическое, чем высеченные резцом знаки на камнях, упавших с неба в попытках наладить общение.

Представление о том, что другие миры пытаются общаться с этим миром, широко распространено. Я лично считаю, что это вовсе не попытка, а было достигнуто столетия назад.

Я бы хотел послать сообщение, что «громовой камень» упал, скажем, где-то в НьюХэмпшире...

И следить за каждым, кто пришел, чтобы обследовать этот камень, проследить его связи, продолжать следить за ним...

Затем послать сообщение, что «громовой камень» упал, скажем, в Стокгольме...

Будет ли человек, который уехал в Нью-Хемпшир, встречен снова в Стокгольме? А что, если он не имел никаких антропологических, лапидарных или метеорологических связей, а принадлежал к какому-то тайному обществу? Это только пробуждающаяся доверчивость.

Из трех форм симметричных предметов, которые упали, или не упали, с неба, — мне кажется, что диск наиболее поразителен. Пока что, в этом аспекте, мы находились в самом худшем положении, возможно, что оно довольно плохое, — но «точильные камни», вероятно, бывают довольно разнообразны по форме, и что-то, якобы упавшее когда-то где-то в Голландской Вест Индии, находится в самой гуще неизбранных.

А теперь у нас будет нечто, находящееся очень высоко в касте проклятых. *Comptes Rendus*, 1887 г., 182:

20 июня 1887 года во время «яростной грозы» — за два месяца до падения симметричного железного предмета в Брикстоне — в Тарбе, Франция, упал с неба небольшой камень: 13 миллиметров в диаметре, 5 миллиметров толщины, весом 2 грамма. Об этом доложено во Французской Академии господином Сюдром, профессором Нормальной Школы в Тарбе.

На этот раз старое удобство — «были там изначально» — встречает сильное сопротивление, так как камень был покрыт льдом.

Этот предмет был обработан и получил форму способами, подобными человеческим рукам и уму. Это был диск из обработанного камня «очень правильной формы». «Несомненно, он был обработан».

Нет ни слова о каком-либо известном где-либо смерче, ничего о других предметах или обломках, упавших около этой даты во Франции. Эта вещь упала в одиночку, но так же механически, как любая часть машины реагирует на свой стимул, в *Comptes Rendus* появляется объяснение, что этот камень был поднят смерчем, а затем брошен на землю.

Может быть, за все девятнадцатое столетие не случилось ни одного события, более важного, чем это. В *Nature*, 1887 г., и *eL'Annue Scientifique*, 1887 г., это событие отмечено. Оно упоминается и в одном из летних

номеров Nature, 1887 г. Фассиг включает статью о нем в *Annuaire de la Societe Meteorologique* за 1887 год. Ни слова обсуждения. Ни одного последующего упоминания не мог я найти.

Наша собственная точка зрения: Какое это имеет значение, мы, как Французская Академия или Армия Спасения, можем объяснить?

Диск из обработанного камня, упавший с неба в Тарбе, Франция, 20 июня 1887 года.

IX Мой собственный псевдовывод

МЫ ПРОКЛЯТЫ крепко спящими гигантами или великими научными принципами и абстракциями, которые не могут понять самих себя. Маленькие проститутки выместили на нас свои капризы. Клоуны с ведрами воды, делающие вид, что собираются выбросить из них тысячи солидного размера рыб, предали нас анафеме за неуважительный смех, поскольку, как у всех клоунов, в основе их буффонады лежит желание, чтобы их принимали всерьез; бледные невежды, председательствующие над своими микроскопами, с помощью которых они не в состоянии отличить мясо от востока или рыбу от икру от лягушачьей, покарали нас своими серыми торжествами. Мы прокляты трупами, скелетами и мумиями, дергающимися и ковыляющими в своей псевдожизни, происходящей из удобств.

Есть только гипноз. Проклятые — это те, кто признают, что они прокляты.

Если бы мы были более реальными, мы были бы разумами, обвиняемыми перед судом фантомов из сновидения.

Из всех метеоритов, находящихся в музеях, об очень немногих можно сказать, что их видели во время падения. Достаточным основанием для их признания метеоритами считается ситуация, когда появление образов нельзя объяснить иначе, чем их падением с неба, — как если бы дымка неопределенности, окружающая любые вещи, или такова сущность всего, — или в постепенных переходах всего во что-то другое может существовать что-либо, что можно объяснить только единственным образом. И ученый, и теолог доказывают, что если нечто можно объяснить только единственным образом, оно объясняется этим способом. С нашей точки зрения, логика, наука, искусство, религия являются в нашем «существовании» предчувствием грядущего пробуждения, подобно проясняющимся сознаниям окружающей среды в уме сновидящего.

Любой кусок металла, который соответствует стандарту «истинно метеоритного материала», принимается музеями. Может показаться невероятным, что современные кураторы все еще имеют эту иллюзию, но мы подозреваем, что дата на утренней газете человека имеет мало общего с современностью этого человека на протяжении всего дня. Например, читая каталог Флетчера, мы узнали, что некоторые из наиболее известных метеоритов были «найжены при осушении поля», «найжены при прокладке

дороги», «выворочены из земли при пахоте» встречаются с десяток раз. Некто, ловивший рыбу в озере Окичоби, вытащил какой-то предмет в своей рыболовной сети. Никто никогда не видел, чтобы поблизости упал метеорит. Национальный Музей Соединенных Штатов принял его.

Если бы мы приняли только один из фактов «неистинного метеоритного материала», один случай «углистого» вещества, если слишком трудно произнести слово «уголь», мы бы увидели, что в этом включении-исключении, как и в любом другом способе формирования мнения, ложное включение и ложное исключение давно практикуются кураторами музеев.

Есть что-то ультрапатетическое в этом всеобщем поиске стандарта и в вере, что такой стандарт был найден вдохновением или анализом, а потом в упрямом цеплянии к поддельной вещи еще долго после того, как ее недостаточность была доказана. Есть это ультрапатетическое в возрожденной надежде и поиске того особенного, которое может быть истинным, или чего-то локального, которое может также быть всеобщим. Как если бы «истинный метеоритный материал» был для некоторых ученых мужей «породой веков». Они цепляются. Но цепляющиеся не могут протянуть приветствующие руки.

Единственно убедительное на вид высказывание, или существенная на вид вещь, за которую стоит цепляться, является продуктом бесчестья, невежества или усталости. Все науки возвращаются назад и назад до тех пор, пока не изнашиваются в этом процессе, или пока не произойдет механическая реакция: тогда они движутся вперед — как бы. Затем они становятся догматическими и принимают в качестве базы позиции, которые были только пунктами истощения. Так химия разделялась и подразделялась вплоть до атомов; затем, в сущностной ненадежности всяких квазиконструкций, она выстроила систему, которая — для любого, столь одержимого своими собственными гипнозами, что он свободен от гипнозов химика — есть интеллектуальная анемия, построенная на бесконечно малых бессилиях.

В журнале Science, новая серия, 31, 298, Е.Д. Хоуви из Американского Музея Естественной Истории заявляет, или признается, что ему часто присылают предметы из таких материалов, как известняк-ракушечник и шлак. Он говорит, что эти вещи сопровождаются заверениями, что видели их падение на лужайки, дороги или перед домом.

Все они исключены. Они не состоят из «истинного метеоритного вещества». Они были на земле изначально. Это только совпадение, что молния ударила или что настоящий метеорит, ненайденный, упал рядом с

кусками из шлака или известняка.

М-р Хоуви говорит, что этот список можно продолжить до бесконечности. Это захватывающий намек на очень интересный материал. Он говорит: «Но это бессмысленно».

Я хотел бы знать, какие странные, проклятые, отлученные вещи посылались в музеи людьми, убежденными в том, что они видели то, что видели. Люди эти были достаточно сильными и мужественными, чтобы рискнуть подвергнуться насмешкам, приготовить посылку, отправиться на почту и писать письма. Я думаю, что на двери каждого музея, куда поступают такие вещи, написано: «Оставь надежду».

Если мистер Саймонз упоминает об одном случае с углем, шлаком или золой, которые якобы упали с неба, мы не станем настаивать — за исключением случаев ассоциации с «углистыми» метеоритами, по нашему впечатлению, иногда на эту землю падает уголь из сжигающих уголь суперконструкций, находящихся где-то там наверху...

В Comptes Rendus, 91, 197, господин Добра рассказывает ту же историю. Нам кажется, что другие кураторы могут рассказать такую же историю. В таком случае призрачность нашего впечатления материализуется пропорционально его множественности. Господин Добрэ говорит, что во французские музеи часто посылают странные проклятые вещи, сопровождая их заверениями, что видели их падение с неба. Для нас особенно интересно, что он упоминает уголь и шлак. Исключены.

Похоронены без имени и даты на гончарном поле Науки.

Я не утверждаю, что факты из числа проклятых должны иметь те же права, что и факты из числа спасенных, Это было бы справедливо. Это было бы из области Позитивного Абсолюта и, хотя это было бы идеалом, или поправимым, самой сущности квазисуществования, в которой обладание только видимостью бытия означает, так или иначе, превосходство силы — это было бы из области неравновесия, непостоянства, или несправедливости.

Мы полагаем, что исчезновение эксклюзивизма есть феномен двадцатого века: что боги двадцатого столетия поддержат наши взгляды, какими бы они ни были немывтыми и нечесаными. Но, согласно нашим же представлениям, мы ограничены, в силу единства квазисуществования, теми самыми методами, с помощью которых ортодоксия установила и удерживает свои теперь уже прилизанные и учтивые нелепости. Во всяком случае, хотя мы воодушевлены особо тонким ароматом, который пронизывает двадцатый век, у нас нет предрассудка, что мы предлагаем нечто как позитивный факт. Довольно часто мы чувствуем, что у нас нет

иллюзии, что мы сколь-нибудь менее суеверны и легковерны, чем любые логики, дикари, кураторы или селяне.

Ортодоксальная демонстрация, в понятиях которой мы получим кое-какие ереси, состоит в том, что если вещи, найденные в угле, могли попасть в него только путем падения в него, то они падали туда.

Так, в Manchester Literary and Philosophical Society Memoirs, 2-9, 306, доказывається, что некоторые округлые камни, которые были найдены в угле, являются «ископаемыми аэролитами»; что они упали с неба давным-давно, когда уголь был еще мягок, поскольку уголь окружает их со всех сторон, не обнаруживая никаких признаков их проникновения сквозь него.

Proceedings of the Society of Antiquarians of Scotland, 11,121:

В глыбе угля, добытого в одной из шахт Шотландии, был найден железный инструмент...

«Интерес, проявленный к этому реликту, проистекает из того факта, что он был найден внутри цельного куска угля на глубине семи футов ниже поверхности».

Если мы допустим, что этот железный предмет свидетельствует о степени мастерства, превосходящего средства и умение первобытных людей, которые, возможно, жили в Шотландии в те времена, когда там формировался уголь...

«Этот инструмент сочли современным». Наша точка зрения содержит больше реальности или является более высоким приближением к реальности, чем та попытка объяснения, которая была сделана в Proceedings:

В наше время кто-то, вероятно, искал уголь путем бурения и его бур мог отломаться в том угле, в который он проник.

Но почему он должен был оставить столь легко доступный уголь, этого я не понимаю. Важным моментом здесь является то, что не было никаких признаков бурения, что этот инструмент находился внутри глыбы угля, которая охватывала его со всех сторон, так что о его присутствии нельзя было и подозревать до тех пор, пока глыба не была расколота.

Ни одного упоминания об этой проклятой вещи не смог я найти ни в одной другой публикации. Конечно, здесь есть альтернатива: этот предмет, может быть, и не упал с неба; даже если во время формирования угля в Шотландии не было туземцев, способных изготовить такой железный инструмент, его могли оставить посетители из иных миров.

В нашем выдающемся приближении к честности и справедливости, которая нам дозволена, поскольку мы столь же желаем сделать приемлемым положение, что ничего нельзя доказать, и если мы хотим

поддержать свои собственные взгляды, мы отмечаем:

В *Notes and Queries*, 11-1, 408, имеется сообщение о древней медной печати размером с пенни, найденной в массе мела на глубине от пяти до шести футов близ Бренденстоуна, Англия.

На ней, якобы, изображен монах, преклонивший колени перед Девой с Младенцем; надпись по краю, якобы гласит: «St. Jordanis Monachi Spaldingie».

Я об этом не знаю. Выглядит очень желанно — нежеланно для нас.

В «Сайентифик Американ», 7, 298, есть один ультрачелюстанный негодник, которого мы сами осуждаем, поскольку где-то, в силу единства во всем, проклятый должен быть проклинаящим. Вот эта газетная история: приблизительно в первых числах июня 1851 года близ Дорчестера, штат Массачусетс, мощный взрыв выбросил из пласта твердой породы колоколообразный сосуд из неизвестного металла; инкрустация серебром в виде растительных узоров; «произведение какого-то искусного мастера». По мнению редактора «Сайентифик Американ», эта вещь была изготовлена Тубалом Каином, первым жителем Дорчестера. Хотя я боюсь, что это будет несколько произвольно, я не расположен бешено лететь ко всякому научному мнению. *Nature*, 35-36:

В 1865 году в Австрии в угле была найдена глыба металла. Сейчас она находится в музее города Зальцбурга.

На этот раз у нас другая точка зрения. Обычно наше интермедиатистское нападение на провинциальный позитивизм строится так: наука, в ее попытке достигнуть позитивности, принимает что-нибудь вроде «истинного метеоритного материала» в качестве стандарта для суждения; но углистое вещество, за исключением своей относительной редкости, есть столь же истинный стандарт для суждения; углистое вещество где-то сливается с таким разнообразием органических веществ, что все стандарты сводятся к неразличимости; далее, если перед нами нет никакого истинного стандарта, то нет и никакого реального сопротивления нашим допущениям. Теперь наш интермедиатизм можно сформулировать следующим образом: наука принимает «истинный метеоритный материал» в качестве стандарта для принятия; но сейчас перед нами случай, который столь же истинно делает «истинный метеоритный материал» стандартом для исключения; далее, вещь, которая отрицает себя, не оказывает реального сопротивления нашим собственным допущениям, а это зависит от того, имеем ли мы факт падения с неба чего-то, состоящего из «истинного метеоритного материала», которое ортодоксия никогда не примет.

Мы здесь немножко запутались. В отношении разных геометрических предметов наша точка зрения заключается в том, что если они найдены в очень древних образованиях, то они предшествуют человеческой жизни, за исключением, может быть, очень примитивной человеческой жизни, как природный продукт этой земли. Но нас в такой же степени интересует и дилемма, которую этот факт создает для верных.

Эта глыба состоит из «истинного метеоритного материала». В журнале *L'Astronomie*, 1887 г., 114, говорится, что несмотря на геометрическую правильность, его свойства столь характерны для метеоритов, что исключают мысль, что это может быть произведением человеческих рук.

Что касается отложений — уголь третичного возраста. Состав: железо, углерод и небольшое количество никеля.

У него щербатая поверхность, которая, как предполагают верные, свойственна метеоритам.

Полный отчет об этом предмете смотрите в *Comptes Rendus*, 103, 702. Ученые, которые исследовали его, не смогли достигнуть согласия. Они разошлись во мнениях, затем был достигнут компромисс. Но этот компромисс есть результат пренебрежения следующими умозаключениями:

Он состоит из истинного метеоритного материала; и не был создан человеком;

Он состоит не из истинного метеоритного материала, а из теллурического (земного) железа, но форму ему придал человек;

Он состоит из истинного метеоритного материала, который упал с неба, но форму ему придал человек, после его падения.

Факты, один или более из которых придется отбросить в каждом из этих объяснений, таковы: «истинно метеоритный материал» и поверхностные отметины метеоритов; геометрическая форма; нахождение в древних отложениях; материал твердый, как сталь; отсутствие на этой земле в Третичный период людей, которые могли бы обращаться с материалом, твердым как сталь. Сказано, что этот предмет, хотя и состоит из «истинного метеоритного материала, фактически является стальным предметом».

Святой Августин со своей ортодоксией никогда не сталкивался с такими трудностями, с которыми здесь столкнулись верные. В результате надлежащего пренебрежения одним — двумя фактами, наша собственная точка зрения заключается в том, что это был стальной предмет, упавший с неба на эту землю в третичное время, но она никому не навязывается. Мы предлагаем наше объяснение как единственное синтетическое объяснение. Например, в *Science Gossip*, 1887 г., 58, он описывается как метеорит: в

этом рассказе нет ничего тревожного для благочестивых, поскольку, хотя все остальное приводится, неупоминается его геометрическая форма.

Это куб. На всей его поверхности имеются глубокие надрезы, или насечки. Две его противоположные грани закруглены.

Наша гипотеза является только некоторым приближением к Истине, судя по ширине ее включений и поскольку она, кажется, представляет — послечетырех попыток — единственный полный синтез и может быть аннулирована или сильно модифицирована фактами, которыми мы тоже где-то пренебрегли. Единственный способ аннулировать ее, который я могу себе представить, была бы демонстрация того, что этот предмет является куском железистого пирита, который иногда встречается в геометрически правильных формах. Но в анализе отсутствуют даже следы серы. Конечно, наша слабость, или непозитивность лежит в том, что если бы кому-нибудь было мило найти в этом предмете серу, сера была бы в нем найдена — в силу нашего собственного интермедиатизма некоторое количество серы имеется в единственной локализации или подчеркнутости чего-то, что без такой подчеркнутости присутствует во всех вещах.

Итак, на этой земле были найдены — или не были найдены — предметы, которые упали с неба или были оставлены внеземными посетителями этой земли...

Нить, о которой рассказала лондонская «Тайме» от 22 июня 1844 года: что несколько рабочих, добывавших в карьере камень около Твида, в четверти мили ниже Резерфорд Миллз, обнаружили в толще камня на глубине 8 футов золотую нить и кусок этой золотой нити был послан в редакцию газеты Kelso Chronicle.

Красивая маленькая штучка, совсем не нечесаная; пожалуй, подлежащая проклятию. Лондонская «Тайме», 24 декабря 1851 года: Хайрам де Уитт из Спрингфилда, штат Массачусетс, возвращаясь из Калифорнии, привез с собой кусок золотоносного кварца размером с мужской кулак. Случайно его уронили — он раскололся, в нем гвоздь. Это был гвоздь из кованого железа, размером с гвоздь, продающийся за шесть пенни, слегка ржавый. «Он был совершенно прямой и имел совершенную шляпку».

Может быть в Калифорнии — века и эпохи назад, когда формировался золотоносный кварц, суперплотник, миллион миль или около того вверху в воздухе уронил гвоздь.

Для человека, не являющегося интермедиатистом, может показаться невероятным, чтобы этот факт, из числа не только проклятых, но еще и самый низший из проклятых, или из журналистской касты ненавидимых,

мог бы где-то слиться с чем-то менее проклятым одним только пренебрежением и подкреплён тем, что называется «высшим научным авторитетом».

Сообщение сэра Дейвида Брустера, (Report of the British Association, 1845 г., 51):

В глыбе камня из Кингуди Куэрри, Северная Британия, был найден гвоздь. Глыба, в которой был найден гвоздь, была девяти дюймов толщиной, но из какой части карьера она была извлечена, сведений нет — за исключением того, что она не находилась на поверхности. Карьер отработывался в течение приблизительно двадцати лет. Вмещающие породы представляли собой чередующиеся слои твердого камня и вещества, называемого «тилл» (валунная глина). Конец гвоздя, довольно ржавый, проник на некоторую глубину в этот «тилл» на поверхности каменной глыбы. Остальная часть гвоздя лежала на поверхности камня (торчала из камня) — отрезок в один дюйм от шляпки, а один дюйм его был погружен в камень.

Хотя каста, к которой относится сэр Дейвид Брустер считается высокой, эта вещь относится к числу как следует проклятых, что-то вроде брамина с точки зрения баптиста. Этот случай был установлен достоверно; Брустер рассказал все известные ему обстоятельства, но не было никакого обсуждения на собрании Британской Ассоциации: не было предложено никакого объяснения... Тем не менее, эта вещь была аннулирована... Но это аннулирование, как оказывается, направлено в такой же степени против ортодоксии в одном отношении, как и против нашего собственного представления, включение этого предмета в кварц или песчаник указывает на древность. Следовало бы пересмотреть преобладающие догмы о кварце и песчанике и о возрасте, о котором они свидетельствуют, если приходится принять противоречащие факты. Конечно, обе стороны — как ортодоксы, так и мы, еретики, могли бы заявить, что это противоречие есть всего лишь газетная байка. По странной случайности мы обнаруживаем, что наши две пропащие души, которые пытались выйти на поверхность, единым ударом отброшены обратно в тьму вечного проклятия. Popular Science News, 1884 г., 41: Согласно Proceedings of the American Academy of Science, в одном руднике были найдены кристаллы кварца, которые могли образоваться только за 15 лет: что в том месте, где была построена мельница, после того, как мельницу снесло водой, был найден песчаник, который затвердел за 12 лет; и в этом песчанике находился кусок дерева «с гвоздем в нем». Annals of Scientific Discovery, 1853 г., 71: На собрании Британской Ассоциации в 1853 году сэр Дэйвис Брустер объявил, что должен представить перед

собранием один предмет «столь невероятной природы, что только наличие самых строгих фактов позволяет считать это заявление вообще правдоподобным».

При раскопках Ниневии в сокровищнице была найдена хрустальная линза.

Во многих храмах и сокровищницах древних цивилизаций на этой земле сохранялись вещи, упавшие с неба, — или метеориты.

Опять перед нами брамин. Этот предмет был похоронен заживо в сердце благопристойности — то есть в Бри— танском Музее.

Карпентер в своей книге «Микроскоп и его откровения» приводит два изображения ее. Карпентер доказывает, что невозможно принять, что оптическая линза когда-либо могла быть изготовлена древними. Ему ни разу не пришло в голову; кто-то за миллион миль или около того высоко в воздухе — смотрит в свой телескоп — линза вываливается и падает.

Но это не привлекает Карпентера: он говорит, что этот предмет скорее всего служил украшением.

Согласно Брустеру, это было не украшение, а «настоящая оптическая линза».

В этом случае в развалинах древней цивилизации на этой земле была найдена ненавистная вещь, которая, вполне допустимо, не является произведением какой-либо из древних цивилизаций, развившихся на этой земле.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ смешивали Флориду и Ньюфаунленд. Но в более ранние времена путаницы было еще больше. Она происходит от простодушия. Очень древние исследователи считали, что вся земля на западе представляет собой одну страну, называемую Индией; осознание существования там других стран, кроме Индии, приходит очень медленно. Я сейчас не думаю о вещах, попадающих на эту землю из какого-то особенного иного мира. Таковы были мои представления, когда я приступил к собиранию наших (фактов. Или, что стало уже общим местом при наблюдениях, всякое мышление начинается с иллюзии гомогенности (однородности). Это один из фактов, установленных Спенсером: мы видим гомогенность во всех вещах — либо удаленных, либо мало известных. Продвижение от относительно гомогенного к относительно гетерогенному (неоднородному) есть сущность спенсеровской философии — подобно всему остальному, так называемому: не то, чтобы это действительно было открытие Спенсера — оно было заимствовано от фон Бэра, который в свою очередь был связан постепенными переходами с предшествующей ему научной спекуляцией. Мы лично считаем, что все вещи действуют для того, чтобы продвинуться к гомогенному, или стараются локализовать Гомогенность. Гомогенность есть аспект Всеобщего, в котором она есть состояние, которое не переходит постепенно во что-нибудь другое. Мы рассматриваем гомогенность как аспект позитивности, но полагаем, что бесконечные разочарования от неудачных попыток достигнуть позитивности проявляются в бесконечной гетерогенности; так что, хотя вещи стараются локализовать гомогенность, они кончают в гетерогенности, столь великой, что она достигает бесконечного рассеяния, или неразличимости.

Таким образом, все концепции представляют собой мелкие попытки достигнуть позитивности, но им скоро приходится делать уступки компромиссу, модификации, отмене, постепенным переходам в неразличимость — если только в мировой истории не появлялись бы супердогматики, которые, хотя бы только на бесконечно малый отрезок времени, смогли выстоять против гетерогенности, или модификации, или сомнения, или «прислушивания к разуму», или потери личности, в этом случае — мгновенное вознесение в небо, или к Позитивному Абсолюту.

Странно, что Спенсер так никогда и не понял, что «гомогенность»,

«интеграция», и «определенность» —это все слова, обозначающие одно и то же состояние, или состояние, которое мы называем «позитивностью». Мы называем его ошибкой то, что он рассматривал «гомогенность» как нечто отрицательное.

Я начал с представления о некоем ином мире, из которого на эту землю падали разные предметы и вещества и который в какой-то степени имел или имеет опекунскую заинтересованность в этой земле. Этот иной мир пытается наладить общение с этой землей, исследуя ряд фактов, которые нагромождаются у нас позже, приходили к выводу, что другой мир в течение столетий общался с какой-то сектой, может быть, или тайным обществом, или с какими-то эзотерическими обществами из числа обитателей этой земли.

Я теряю очень много гипнотической силы из-за того, что не могу сконцентрировать свое внимание на каком-нибудь одном ином мире.

Как я уже отметил раньше, я умный, в противоположность ортодоксам. У меня нет аристократического пренебрежения нью-йоркского куратора или эскимосского шамана.

Мне приходится рассеиваться, принимая множество других миров: некоторые из них размером с луну; по крайней мере один из них — огромная вещь — мы коснемся его позже. Обширные атмосферные воздушные области, по отношению к которым такие слова, как «миры» или «планеты» кажутся неприменимыми. И искусственные сооружения, которые я называю «суперконструкциями»: одна из них имеет размеры с Бруклин — это я могу сказать сразу же. А одна или несколько из них представляют собой колесообразные предметы площадью в несколько добрых миль.

Я думаю, что раньше в этой книге, перед тем, как мы настолько либерализовались, что раскрыли свои объятия всему, что соглашается, ваше возмущение, или расстройство пищеварения выразилось бы в мнении, что если бы это было так, то астрономы увидели бы эти другие миры, и области, и обширные геометрические конструкции. У вас было бы это представление: вы бы здесь остановились.

Но попытка остановиться — это все равно, что сказать «хватит» ненасытному. В космической пунктуации нет точек: иллюзия существования точек есть результат неотчетливого видения запятых и точек с запятыми.

Мы не можем остановиться на допущении, что если бы такие явления существовали, то астрономы их увидели бы. На основании нашего опыта с замалчиванием и пренебрежением мы подозреваем, еще до того как мы

углубимся в этот предмет, что астрономы видели их; что отдельные ученые и другие опытные наблюдатели видели их много раз...

Что именно Система исключила факты о них. Что касается закона тяготения и астрономических формул, то помните, что эти формулы работали во времена Лапласа так же хорошо, как они работают сейчас. Но есть сотни планетных тел, которые известны сейчас, но в те времена не были известны. Поэтому еще несколько сот миров помимо нашего не составляют разницы. Лаплас знал о существовании только тридцати тел в нашей солнечной системе; сейчас мы уже знаем о шестистах...

Что для теолога открытия в геологии и биологии? Его формулы по-прежнему работают, как и всегда. Если закон тяготения мог бы быть сформулирован как реальное высказывание, он мог бы оказать нам реальное сопротивление. Но нам говорят только, что тяготение есть тяготение. Конечно, для интермедиатиста ничто не может быть определено с помощью себя самого — но даже ортодокс, в том, что мне кажется внутренними предчувствиями реальности, не опирающимися на опыт, согласится, что определение какойнибудь с помощью ее самой не есть истинное определение. Говорят, что тяжесть означает притяжение всех предметов друг к другу пропорционально их массе и обратно пропорционально квадратному корню расстояния между ними. Масса здесь должна означать взаимное притяжение, удерживающее вместе предельно малые частицы. В таком случае, пока эти частицы не будут открыты, только один компонент этого выражения сохранится, что будет означать, что масса — это притяжение. Но расстояние — это только мера массы, если только ни придерживаться идеи об абсолютном вакууме между планетами, позиция, против которой мы могли бы привести множество фактов.

Но не существует никакого способа показать, что гравитация есть нечто, иное, чем притяжение. Так что нет ничего, что могло бы оказать нам сопротивление, за исключением такого признака, как утверждение, что гравитация есть гравитация всех гравитаций пропорционально гравитации и обратно пропорционально квадратному корню из гравитации. В квазисуществовании ничего более разумного нельзя сказать ни о каком так называемом субъекте — хотя, вероятно, существуют и более разумные приближения к предельной разумности.

Тем не менее, у нас как будто есть ощущение, что в лице Системы мы имеем здесь что-то вроде сопротивления. Во всяком случае, мы чувствовали это раньше: я думаю, что доктора грэй и профессора хитчкоки модифицировали нашу доверчивость по отношению к неразличимости. Что касается совершенства или законченности этой Системы, которая

квазипротивостоит нам, и непогрешимости ее математики, словно может быть реальная математика в том модусе мнимости, где дважды два не четыре, то нам снова и снова говорят об их оправдании в открытии Нептуна.

Я боюсь, что курс, который мы взяли, окажется подобным всякому другому развитию. Начали мы смиренно, признав, что находимся в числе проклятых... Но наши брови...

Всего лишь легкое движение ими, или одной из них, всякий раз, когда мы слышим о «триумфальном открытии Нептуна» — этом «монументальном достижении теоретической астрономии», как называют его учебники. Вся беда в том, что мы посмотрели вверх. Учебники опускают следующее: Что вместо орбиты Нептуна, согласующейся с расчетами Адамса и Леверье, она оказалась столь отличной, что Леверье сказал, что это не та планета, которую он вычислил.

Позже сочли наилучшим ничего больше не говорить об этом предмете. Учебники опускают следующее: В 1846 году все, кто мог отличить синус от косинуса, вышли на улицу, вычисляя синусы и косинусы для планеты, находящейся за Ураном.

Двое из них оказались правы.

Для некоторых умов, даже после того, как сам Леверье отверг Нептун, слово «угадал» встретило бы возражения, — но, согласно профессору Пирсу из Гарварда, вычисления Адамса и Леверье столь же хорошо соответствовали положениям, на много градусов отстоящим от положения Нептуна.

Или что о демонстрации профессором Пирсом того, что открытие Нептуна было только «счастливой случайностью», смотрите *Proceedings of the American Academy of Science*, 1,65.

Список литературы можно найти в книге Лоуэлла «Эволюция миров» (*Lowell. Evolution of Worlds*).

Или кометы: еще одно туманное сопротивление нашим взглядам. Что касается затмений, то у меня есть заметки о нескольких затмениях, которые произошли в предназначенное им время, хотя расхождение во времени измеряется всего лишь в секундах — и одна восхитительная пропадающая душа, глубоко прогребенная, но зато погребенная в ультрареспектабельных отчетах королевского Астрономического общества, об одном затмении, которое вообще не состоялось. Эта восхитительная, ультрасубсидируемая вещь, обреченная на вечные муки, слишком хороша и злонамеренна, чтобы отделаться от нее беглым упоминанием: этот факт мы рассмотрим позже.

На протяжении всей истории астрономии из-за каждой кометы,

вернувшейся в предсказанное время, хотя, в сущности, нет ничего более трудного для понимания, чем ваше предсказание о периодическом появлении почтальона по утрам, поднимался шум на весь мир.

Именно так верующие создают репутации гадалок. Кометы, которые не возвратились, исключены из каталогов или объяснены. Или возьмем комету Энке. Она каждый раз возвращалась с опозданием. Но астрономы объяснили это. Будьте абсолютно уверены в этом: они объяснили. Они все это проработали, сформулировали и «доказали», почему эта комета возвращается все позже и позже, и тут эта проклятая штуковина начала возвращаться все скорее и скорее.

Комета Галлея

«Астрономия — совершенная наука, как мы, астрономы, любим называть ее» (Якоби).

А я думаю, что если в реальном существовании какойнибудь астроном не мог бы отличить одну долготу от другой, его бы отослали обратно в это наше чистилище и держали бы здесь, пока он не станет соответствовать этому простому требованию.

Галлей был послан к мысу Доброй Надежды для определения его долготы. Он получил ее значение с ошибкой в несколько градусов. Он придал благородному римскому выступу Африки курносость, которая составила бы предмет гордости для любого кафра.

Мы постоянно слышим о комете Галлея. Она вернулась, может быть. Но если мы посмотрим на это дело в современных отчетах, мы ничего не узнаем, например, — о Леонидах. Теми же методами, с помощью которых было предсказано возвращение кометы Галлея, было предсказано возвращение Леонид. Ноябрь 1898 года — никаких Леонид. Это было объяснено: они претерпели возмущение. Они должны были появиться в ноябре 1899 года. Ноябрь 1899 года, ноябрь 1900 года — никаких Леонид. Мое мнение об астрономической точности: Любой прослывет метким стрелком, если бы учитывались только его попадания.

Что касается кометы Галлея 1910 года — сейчас все клянутся, что видели ее. Галлею самому пришлось нарушить клятву: в противном случай он был бы обвинен в отсутствии интереса к великим и вдохновляющим вещам, на которые он никогда не обращал внимания. Примите во внимание:

Никогда не было такого момента, когда бы в небе не было какой-

нибудь кометы. Фактически не бывает года, когда не открывалось бы несколько комет, настолько они многочисленны. Светящиеся блохи на обширной черной псине — в общественном сознании нет понимания степени заблошенности этой солнечной системы.

Если у кометы оказывается не та орбита, которую предсказали астрономы, значит она была возмущена. Если она, как комета Галлея, опоздала, даже на целый год — возмущена. Когда поезд опаздывает на один час, у нас складывается неважное мнение о точности предсказания по расписанию. Когда комета опаздывает на год, все, чего мы просим, это объяснения. Мы слышим о напыщенности и высокомерии астрономов. Я лично не считаю, что они обманывают нас, — они мстят нам. Для многих из нас священники больше не выполняют функцию установления для нас кажущейся связи и согласия с Совершенством, Непогрешимостью — Позитивным Абсолютом. Астрономы выступили вперед, чтобы заполнить вакансию — квазифантомностью — но, на наш взгляд, с большим приближением к субстанциальности, чем те слабаки, которые им предшествовали. Я лично должен отметить, что все, что мы называем прогрессом, есть не столько реакция на «стимул», сколько реакция на пробел, или, если вы хотите, чтобы что-нибудь выросло на участке, выкапывайте все остальное на этом участке. Поэтому мне приходится принять, что позитивные уверения астрономов нужны нам, а грубые просчеты, увертки и переодевания астрономов никто никогда не стал бы терпеть. При таких опозданиях, какие им разрешается делать, они не могли допустить слишком уж катастрофическую ошибку. Предположим, что комета, называемая Галлеевой, не появилась...

В начале 1910 года появилась гораздо более солидная комета, чем то анемичное светящееся пятно, которое, как говорили нам, есть комета Галлея. Она была столь яркой, что ее можно было видеть днем. Астрономы были бы спасены в любом случае. Если бы эта предсказанная комета не имела предсказанной орбиты, объяснение было бы наготове — возмущение. Если вы собираетесь отправиться на Кони Айленд, и предсказываете, что там на берегу есть особого вида галька, я не представляю, как вы сможете опозорить себя, если какая-нибудь другая галька подойдет так же хорошо, потому что слабое пятнышко, которое, как говорят, увидели в 1910 году, не больше согласуется с сенсационными описаниями астрономов, сделанными заранее, чем бледная галька с кирпично-красным валуном.

Я предсказываю, что в следующую среду высокий китаец в вечернем костюме пересечет Бродвей у 42 улицы в 9 часов вечера. Его там не

окажется, но некий туберкулезный японец в морской униформе действительно пересечет Бродвей в полдень у 35 улицы. Ну, японец — это китаец, претерпевший возмущение, а одежда — это одежда.

Я помню ужасающие предсказания, сделанные честными и доверчивыми астрономами, которые, должно быть, сами оказались под гипнозом, иначе они не смогли бы загипнотизировать всех нас в 1909 году. Были составлены завещания. Опасались, что человечество может быть сметено с этой планеты. В квазисуществовании, по существу ирландском, казалось, были все основания составить завещание. Менее возбудимые из нас действительно ожидали по крайней мере какого-нибудь неплохого фейерверка.

Я должен отметить, что говорили, что в Нью-Йорке в небе видели свет.

Было почти так же страшно, как чирканье спичкой по седалищной части чьих-то брюк на расстоянии полумили. Это было не вовремя.

Впрочем, я слышал, что слабая туманность, которую я сам не видел, даже когда смотрел, она появилась через несколько дней после предсказанного времени.

Мы вели себя, как множество загипнотизированных дебилов: нам сказали смотреть в небо, мы и смотрели, как свора легавых собак, загипнотизированных куропаткой.

Эффект

Сейчас почти каждый клянется, что видел комету Галлея и что это было славное зрелище.

Здесь следует отметить интересное обстоятельство, а именно, может показаться, что мы стараемся дискредитировать астрономов, потому что они выступают против нас, но мне так не кажется. Мы будем в касте браминов в баптистском аду. Почти все наши факты в нескольких колоннах этой процессии являются наблюдениями астрономов и лишь немногие из них были астрономами-любителями. Противостоит нам Система. Именно система подавляет астрономов. Я думаю, нам жаль астрономов в их плену. Наша позиция лишена злобности — в позитивном смысле, она даже рыцарская в какой-то мере. Несчастные астрономы выглядывают из своих высоких башен, в которых они томятся в заключении, а мы только показываемся на горизонте.

Но, как я сказал, наши факты не относятся к какому-то особому другому миру. Я хочу сказать, что ситуация очень напоминает дикаря на

океанском острове, который в своих раздумьях смутно думал не о какой-то конкретной иной стране, а о комплексах материков и связанных с ними феноменах — городах, фабриках в городах, средствах общения...

И вот, все другие дикари знают о нескольких кораблях, которые совершают регулярные плавания по маршрутам, проходящим мимо острова с правильной периодичностью. И их умы будут следовать тенденции, выражающей всеобщую тенденцию к достижению позитивизма, или Целостности, или убеждения, что эти немногие регулярно появляющиеся корабли составляют все. А теперь я представляю себе какого-то особого дикаря, который подозревает, что дело обстоит иначе, — потому что он очень отсталый, лишен воображения и нечувствителен к прекрасным идеалам других: не занят, как другие, благоговейными поклонами перед внушительными деревянными чурбанами; бесчестно тратя время на свои размышления в то время, как другие патриотично охотились за ведьмами. Поэтому другие, более высокоразвитые и более благородные дикари знали о регулярно появляющихся кораблях: знали, когда ожидать их, разработали все периодичности их появления; знали точно, когда должны пройти корабли, и когда они должны затмевать друг друга, объясняя, что все капризы их появления обусловлены атмосферными условиями. Они достигли больших успехов в объяснении. Вы не сможете прочитать ни одной книги о дикарях, не обратив внимания на то, какими непоколебимыми мастерами объяснений они являются.

Они бы сказали, что весь этот механизм основывался на взаимном притяжении кораблей, закон которого выведен из наблюдений над падением обезьяны с пальмы, или, если не это, то значит дьяволы толкают эти корабли, — что-нибудь в этом роде.

Штормы

Обломки, не из этих судов, выброшенные волнами. Я нахожусь в состоянии ума дикаря, который нашел на берегу, вымытому после шторма, плавучие обломки пианино или весло, вырезанное руками, более грубыми, чем его руки; что-то легкое и летнее из Индии, и меховая шуба из России. Вся наука, хотя и приближающаяся все шире и шире, есть попытка понять Индию с помощью понятий одного океанского острова, и России в понятиях так понятой Индии. Хотя я и стараюсь думать о России и Индии в понятиях мирового охвата, я не могу считать, что это, или универсализация локального, есть космическая цель.

Самый высокий идеалист есть позитивист, который пытается локализовать всеобщее и действует в согласии с космической целью: супердогматик в лице местного дикаря, который может прийти к выводу, без тени сомнения, что выброшенное на берег пианино есть ствол пальмового дерева, обгрызенный акулами, которые оставили на нем следы своих зубов. Поэтому мы опасаемся за доктора Грея, поскольку он не посвятил всю свою жизнь защите этой единственной позиции, согласно которой, оставляя в стороне вопрос о том, возможно это или постижимо, тысячи рыб были выброшены из одного ведра.

Поэтому, к несчастью для меня самого, если бы спасение было желанно, я бы смотрел под широким углом, но аморфно, неопределенно и гетерогенно. Если я скажу, что представляю себе яркий иной мир, который сейчас тайно общается с какими-нибудь эзотерическими обитателями этой земли, то я скажу, что представляю еще и другие миры, которые пытаются установить связь со всеми обитателями этой земли. Я согласую мои представления с фактами, которые нахожу.

Предполагается, что это правильно, логично и научно, но это не способ приблизиться к форме, системе, организации. Затем я думаю, что представляю себе другие миры и обширные сооружения, которые проходят мимо нас, на расстоянии всего нескольких миль без малейшего желания пообщаться, совершенно так же, как грузовое судно, не работающее на определенных рейсах, проходит мимо многих островов, не отличая один от другого. Затем я думаю, что у меня есть факты об обширной конструкции, которая часто подходила к этой земле, погружалась в океан, оставалась в его глубинах некоторое время и затем удалялась прочь... Зачем? Я не уверен абсолютно.

Как мог бы эскимос объяснить корабль, высылающий на берег партию для добычи угля, который в изобилии встречается на некоторых арктических берегах, хотя туземцам и незнакомо его применение, а затем уплывающий прочь, не проявив никакого интереса к туземцам?

Большая трудность попытаться понять обширные конструкции, которые не проявляют к нам никакого интереса:

Представление, что мы должны быть интересны. Я допускаю, что хотя обычно нас избегают, вероятно по моральным основаниям, иногда эту землю посещают какие-то исследователи.

Я думаю, что мысль о том, что в пределах того, что мы называем историческим периодом, в Китае побывали внеземные посетители, покажется нелепой только с обычной точки зрения, когда мы придем к этому факту.

Я допускаю, что некоторые из этих других миров имеют условия жизни, очень похожие на наши. Я думаю о других, которые очень отличаются от нашего, так что посетители из них не могли бы жить здесь без искусственных приспособлений.

Как некоторые из них могли бы дышать в нашей разреженной атмосфере, если они прибыли из студенистой атмосферы...

Маски

Маски, найденные в древних отложениях. большей частью они изготовлены из камня, и говорят, что они представляют собой церемониальные регалии дикарей...

Но маска была найдена и в округе Салливэн, штат Миссури, и 1879 году (*American Antiquarian*, 3, 336). Она была изготовлена из железа и серебра.

XI

ОДНОЙ ИЗ САМЫХ проклятых вещей во всей нашей вакханалии осужденных на вечные муки...

Потому что безнадежное дело пытаться отряхнуться от проблемы отлучения одним только заявлением, мы прокляты вещами, более черными, чем мы сами; и проклятые — это те, кто признают, что они прокляты. Инерция и гипноз слишком сильны для нас. Мы заявляем следующее: что в таком случае мы идем вперед, признавая, что принадлежим к числу проклятых. Только будучи еще ближе к реальному, можем мы отмести прочь квазивещи, которые противостоят нам. Конечно, в целом, мы довольно аморфны, но сейчас мы думаем об «индивидуально» принятых значениях слов. Широта есть аспект Всеобщности, или Реальности. Если наш синтез пренебрегает меньшим количеством фактов, чем противостоящие ему синтезы, — которые часто не являются синтезами вообще, а только обсуждением какого-нибудь одного обстоятельства. Гармония является одним из аспектов Всеобщего, под которым мы подразумеваем Реальность. Если мы подойдем более близко к гармонии среди частей какого-либо выражения и ко всем имеющимся обстоятельствам, события, внутренние оппоненты подернутся дымкой. Цельность и непрерывность есть один из аспектов реальности. Мы нагромождаем и нагромождаем их или они проходят и проходят мимо: вещи, кажущиеся большими, шагают мимо, поддерживая и подкрепляя друг друга...

И все же, и для полков, которые еще придут, гипноз и инерция правят нами... Один из самых проклятых из наших фактов: журнал *Scientific American* от 10 сентября 1910 года Чарлз Ф. Хоулдёр пишет:

«Много лет назад в Долину Яки в Мексике упал странный камень, похожий на метеорит, и из одного конца страны в другой прокатилась история, что на землю опустился камень с человеческими надписями». Вызывает смущение утверждение мистера Хоулдера, что этот камень действительно упал. Мне кажется, что он, должно быть, хотел сказать, что он упал в долину, оторвавшись от горного склона, — но мы увидим, что это был заметный камень и что очень мало вероятно, что он был неизвестен обитателям этой долины, если он до падения находился на горном склоне над ними. Это было бы небрежностью: возможно, он хотел сказать, что сенсационная история о камне, который якобы упал и т. д.

Об этом камне было доложено майором Фредериком Бернхэмом из Британской Армии. Позже майор Бернхэм снова посетил это место и м-р Хоулдер сопровождал его. Целью их поездки являлась расшифровка надписей на камне, если это окажется возможным.

«Этот камень был сложен из изверженной породы бурого цвета. Его длинная ось около восьми футов; и на его восточной грани, имевшей наклон в 45 градусов, была глубоко врезанная надпись».

М-р Хоулдер говорит, что он узнал в надписи знакомые иероглифы Майя. Его метод представлял собой обычный метод, с помощью которого все, что угодно, может быть «определено» как все, что угодно: он состоит в том, чтобы выбирать то, что подходит и пренебрегать остальным. Он говорит, что доказал, что большая часть символов — это иероглифы Майя. Один из наших интермедиатистских псевдопринципов гласит, что любой способ показать что-нибудь является столь же хорошим способом показать, что мы сами — Майя, — если бы это было для нас предметом гордости. Одним из знаков на этом камне является окружность внутри окружности — похожий на него знак найден м-ром Хоулдером в одном из манускриптов Майя. Есть там и две шестерки. Шестерки (знак «6») можно найти и в манускриптах Майя. Двойной завиток. Есть там и точки, есть и тире. Ну, тогда и мы в свою очередь пренебрежем окружностью внутри окружности и двойным завитком и подчеркнем, что шестерки встречаются и в этой книге, а точек — множество и было бы еще больше, если бы у нас был обычай использовать маленькое латинское «и с точкой» для обозначения личного местоимения первого лица, а когда дойдет до тире, будет показано: мы — это Майя.

У читателя может сложиться впечатление, что мы насмехаемся над какой-нибудь ценной археологической работой и что мистер Хоулдер действительно сделал правильное определение символов. Он пишет:

«Я представил стетографии Музею Филда и в Смитсоновский Институт, а также в один или два других, и к моему удивлению ответ был, что они ничего не могут разобрать на них».

Наше неопределенное мнение, в силу перевеса трех или четырех групп музейных экспертов против одного человека, состоит в том, что камень с надписями, несопоставимыми ни с одним из известных на этой земле языков, якобы упал с неба. Еще один несчастный из париев, относящихся сюда, отмечен в *Scientific American*, 48, 261: что об объекте, или метеорите, упавшем 16 февраля 1883 года близ Брешии, Италия, распространилось ложное сообщение, что будто бы на одном из его обломков обнаружен отпечаток руки. Это все, что я смог найти об этом одном только последнем

вздохе предмета. С точки зрения интермедиатизма я полагаю, что хотя в ходе человеческой истории было достигнуто несколько замечательных приближений, не существовало ни одного настоящего лжеца: что он не смог бы выжить в промежуточности, где все где-то сливается с чем-то другим или имеет свое основание в чем-то другом — он был бы мгновенно перенесен к Негативному Абсолюту. Поэтому я полагаю, что в этом сообщении, хотя оно было с ходу отброшено, все же было какое-то основание; что на этом предмете были необычные знаки. Конечно, из этого не следует делать поспешное заключение, что это были клинописные знаки, которые выглядели подобно отпечаткам пальцев.

В общем и целом, я думаю, что если в некоторых наших прошлых толкованиях мы, должно быть, достигли большой эффективности, если опыт м-ра Саймонза является типичным, то здесь мы сталкиваемся с неопределенностью. Именно здесь нас интересует много найденных на земле, особенно в Соединенных Штатах, вещей, которые говорят о цивилизации, или о многих цивилизациях, не принадлежащих этой земле. Единственная трудность состоит в том, чтобы попытаться решить, упали ли они с неба или были оставлены после себя посетителями из иных миров. Мы предполагаем, что где-то вверху случались бедствия и катастрофы и что сюда падали монеты, что обитатели этой земли находили их и видели, как они падают, а затем делали свои монеты, подражая упавшим; может быть, что монеты ссыпались сюда чемто, опекающим нас, взявшим на себя труд вытащить нас вперед из стадии меновой торговли, чтобы мы могли использовать деньги в качестве посредника. Если монеты должны быть определены как римские, — у нас был такой опыт с «идентификациями», что мы узнаем призрак, когда видим одну, —но даже если и так, как могли римские монеты попасть в Северную Америку — далеко внутрь Северной Америки — или оказаться погребенными под столетними накоплениями почвы, — если они не упали, откуда упали первые римские монеты? Игнейшиус Донелли в «Атлантиде» приводит список предметов, найденных в могильных холмах, которые, предположительно, предшествовали всем европейским влияниям в Америке: сделанные на токарном станке изделия, какими торговцами — откуда-то —могли бы снабжать дикарей, — говорит, следы обработки на токарном станке определяются безошибочно. В Report of the Smithsonian Institute, 1881 г., 619, есть отчет Чарльза С. Джоунза о двух серебряных крестах, найденных в штате Джорджия. Они представляют собой сделанные с большим мастерством, богато орнаментированные кресты, но это не обычные распятия: все перекладины одинаковой длины. Мистер Джоунз,

хороший позитивист, рассказывает, что Де Сота сделал привал «точно» в том месте, где были найдены эти кресты. Но дух отрицания, который прячется во всех вещах, о которых говорят, что они «точно» установлены, показывает себя в том, что на одном из этих крестов есть надпись, которая не имеет смысла ни на испанском, ни на какомлибо другом из известных земных языков:

«IYNKICIDU», согласно мистеру Джоунзу. Он думает, что это имя, хотя, я лично сказал бы, что он думает о далеких инках: что испанский завоеватель вырезал на кресте имя индейца, которому он был преподнесен. Но мы посмотрим на надпись сами и видим, что буквы, названные «С» и «D» повернуты наоборот, и что буква, названная «К» не только повернута неправильно, но и лежит на боку.

Трудно допустить, что знаменитые очень богатые медные рудники в районе озера Верхнего были когда-либо разработками американских аборигенов. Несмотря на поражающие размеры этих рудников, ничего никогда не было найдено, что указывало бы на то, что в этом районе были когда-либо постоянные жители — «... никаких остатков жилищ, ни скелета или кости не было найдено» . У индейцев не было никаких преданий, связанных с рудниками (American Antiquarian, 25, 258). Я думаю, что у нас были посетители: они прибыли сюда за медью, например. Что касается их следов, — сейчас мы сталкиваемся с частотой слияния, которая не так часто появлялась раньше:

Подделка

Волосы названы настоящими волосами — и вот появляются парики. Зубы названы настоящими зубами — затем появляются фальшивые зубы. Официальные деньги — фальшивые деньги. Это проклятие парапсихологических исследований. Здесь ситуация настолько отчаянная, что Каррингтон доказывает, что если Палладино будет уличена в обмане, это вовсе не будет означать, что все ее феномены являются обманом. Моя личная версия такова: что ничто не указывает ни на что, в позитивном смысле, потому что, в позитивном смысле, доказывать нечего. Все, что названо истинным, постепенно переходит неразличимо во что-нибудь, называемое ложным. И то и другое суть выражения одной и той же, лежащей в основании, мнимости и непрерывны. Поддельные антикварные древности встречаются очень часто, но не так часто, как поддельные произведения живописи.

В. С. Форест «Исторические Эскизы округа Норфолк. Вирджиния.» (Historical Sketches of Norfolk, Virginia):

В сентябре 1833 года, когда несколько рабочих около Норфолка бурили

скважину под воду, с глубины около 30 футов была извлечена монета. Она имела размер английского шиллинга, но имела овальную форму.

На ней были отчетливо видны какие-то фигуры, представляющие «воина или охотника и другие буквы, очевидно, римского происхождения».

Основаниями для исключения будут, вероятно: люди, бурящие скважину, — больше никто не смотрит: один из них роняет монету в скважину, — что до того, откуда он взял странную монету, замечательную по своей форме, — это проигнорировано. Поднимают монету — выражения изумления на лице нечестивца, который бросил ее.

Однако антиквары как-то пропустили эту монету. Я не смог найти ни одного упоминания о ней.

Еще одна монета. А также маленькое исследование о происхождении пророка.

В журнале *American Antiquarian*, 16-313, приводится рассказ корреспондента газеты «Детройт Ньюзо» о медной монете размером с двухцентовую монету, найденную якобы в могильнике в штате Мичиган. Редактор говорит только, что он не подтверждает факт находки. На этой скудной основе он распускается в следующем номере «Антиквара»:

«Как мы и предсказывали, монета оказывается подделкой».

Можете себе представить презрение Илии или любого древнего, более близкого к реальности, пророка.

Или все вещи находятся под судом только одного вида юриспруденции, которую мы имеем в квазисуществовании:

Считаются невиновными пока не осуждены, но они виновны.

Рассуждения редактора столь же призрачны, как и мои собственные, или Св. Павла или Дарвина. Монета проклята, потому что она происходит из того самого района, из которого за несколько лет до этого происходила посуда, названная подделкой. Посуда была проклята потому, что подлежала проклятию. *Scientific American*, 17 июня 1882 года: Один фермер в округе Касс, штат Иллинойс, подобрал на своей ферме бронзовую монету, которая была послана профессором у Ф. Ф. Хилдеру из Сент—Луиса, который определил ее как монету Антиоха IV. Надпись была якобы составлена древнегреческими буквами и в переводе гласила: «Царь Антиох Эпифан (прославленный) Победоносный». Звучит совершенно определенно и убедительно, но скоро у нас будет еще несколько переводов.

В *American Pioneer*, 2, 169, показаны две стороны медной монеты с буквами, очень похожими на буквы, начертанные на камне из Грэйв Крика, — который вместе с переводами, мы вскоре обсудим. Эта монета была якобы найдена в 1843 году в штате Коннектикут. *Records of the Past*, 12,

182: В начале 1913 года в могильнике в штате Иллинойс была найдена якобы римская монета. Она была послана доктору Эмерсону из Института Искусства в Чикаго. По его мнению, эта монета принадлежит к «редкому выпуску монет Домиция Домициана, Императора Египта». Что касается ее открытия в могильнике из Иллинойса, то здесь доктор Эмерсон снимает с себя ответственность. Но что здесь поражает меня, так это то, что шутнику не следовало удовлетворяться обыкновенной римской монетой. Где он получил редкую монету и почему она не пропала из какой-нибудь коллекции? Я просмотрел достаточно нумизматических журналов, чтобы понять, что местонахождение любой редкой монеты, находящейся в чьем-либо владении известно коллекционерам монет. Мне кажется, ничего больше не остается кроме как призвать эту вторую «идентификацию».

Proceedings of the American Philosophical Society, 12,224:

В июле 1871 года было получено письмо от мистера Джейкоба В. Моффита из Чилликота, штат Иллинойс, с фотографией монеты, которую он якобы поднял с глубины 120 футов во время бурения.

Конечно, по обычным научным стандартам такая глубина имеет кое-какое экстраординарное значение. Палеонтологи, геологи и археологи считают себя разумными, доказывая более древнее происхождение более глубоко погребенного. Только мы допускаем, что глубина — для нас это псевдостандарт: одно землетрясение могло бы погрузить монету недавнего выпуска на глубину 120 футов ниже поверхности.

Согласно автору сообщения в «Докладах», эта монета имеет равномерную толщину и никогда не была расплющена молотом дикаря — «на ней имеются другие признаки механического цеха».

Но, согласно профессору Лесли, это астрологический амулет. «На нем есть знаки Рыб и Льва».

Или, с должным пренебрежением, вы можете найти знаки вашей прапрабабушки, или крестоносцев, или майя на любом предмете, который когда-либо был доставлен из Чилликота или из ближайшего магазинчика десятицентовых товаров. Все, что похоже на кошку и золотую рыбку, похоже на Льва и Рыб; но путем должных умолчаний и искажений все, что угодно, можно заставить походить на кошку и золотую рыбку. Я боюсь, мы здесь становимся немного раздражительными. Быть проклятыми сонными гигантами и интересными маленькими проститутками или клоунами высокого ранга в своей профессии — это, по крайней мере, льстит вашему тщеславию, но мы находим, что антропологи происходят из трупп божественного или из архаических детских садов интеллектуальности? и это совсем не льстит, когда видишь себя перед судом кучи заплесневелых

младенцев.

Профессор Лесли далее находит, столь же произвольно, как если бы кто-нибудь обнаружил, что какой-то шутник поставил Бруклинский мост туда, где он сейчас находится, что «этот предмет был помещен туда для розыгрыша, хотя и не его нынешним владельцем; и он современного изготовления и относится? вероятно, к шестнадцатому столетию, может быть он имеет испаноамериканское или франко-американское происхождение».

Это явная и грубая попытка уподобить вещь, которая, возможно, упала или не упала с неба, явлениям, признанным антропологической системой или первыми французскими или испанскими исследователями Иллинойса. Хотя в позитивном смысле смешно приводить основания, все же более приемлемо попытаться поискать основания, более близкие к реальным. Конечно, мы отметим в его пользу, что профессор Лесли формулирует свои представления. Но он пренебрегает тем, что в этой монете нет ничего ни французского, ни испанского. Надпись на ней якобы находится где-то между арабским и финикийским, не будучи ни тем ни другим». Профессор Уинчелл («Искры от геологического молотка», стр. 170) говорит о грубых знаках на монете, которая находилась в его собственности, что это были небрежно исполненные изображения какого-то животного и воина, или кошки и золотой рыбки — что удобнее — что они не были ни отчеканены, ни вырезаны, но «имели вид, словно их выгравировали с помощью кислоты». Метод неизвестный в нумизматике этой земли. Что касается грубости изображения на этой монете и коечего еще, что «воин» может оказаться при должном пренебрежении либо кошкой, либо золотой рыбкой. Мы должны отметить, что его головной убор типичен для американских индейцев, и мог бы быть объяснен, конечно, но из страха, что нас может мгновенно перенести к Позитивному Абсолюту, мы предпочитаем допустить кое-какие недостатки в наших собственных выражениях.

Факты из числа более, чем трижды осужденных на вечные муки:

В могильниках на территории Соединенных Штатов якобы найдены каменные таблички с выгравированными на них десятью заповедями на еврейской языке;

В могильниках на территории Соединенных Штатов якобы найдены масонские эмблемы.

Мы находимся на пограничной линии наших допущений и мы аморфны в неопределенностях и взаимных переходах нашего наброска. Как это принято, без всякого основания для такого поступка, мы исключаем эти вещи, а затем, столь же грубо, произвольно и иррационально, как всегда

какие-нибудь кеплеры, ньютоны или дарвины делали свои отборы, без которых мы вообще не могли бы казаться существующими, потому что каждый из них видится сейчас как иллюзия, — мы принимаем, что все покрытые буквами вещи были найдены в могильниках на территории Соединенных Штатов. Конечно, мы делаем все, чтобы наш выбор не казался столь грубым, произвольным и иррациональным. Далее, если мы принимаем, что покрытые надписями вещи древнего происхождения были найдены в Соединенных Штатах, — вещи, которые нельзя приписать никакому народу, принадлежащему западному полушарию; язык которых не принадлежит ни к одному когда-либо слышанному в восточном полушарии, тогда ничего больше не остается, кроме как вывернуть неевклидову геометрию и попытаться подумать о третьем «полушарии» или принять, что существовало постоянное общение между западным полушарием и каким-то иным миром.

Но в этих покрытых надписями предметах есть одна особенность. Они напоминают мне надписи, оставленные сэром Джоном Франклином в Арктике, а также попытки, сделанные спасательными экспедициями, установить связь с пропавшей экспедицией Франклина. Пропавшие исследователи не скрывали свои записки — они прятали их так, чтобы это было заметно, в насыпанных холмиках. Спасательные экспедиции запускали воздушные шары, из которых разбрасывались сообщения. Наши факты о спрятанных вещах или о вещах, которые кажутся сброшенными... Или Пропавшая Экспедиция — Откуда-то. Исследователи Откуда-то и невозможность для них вернуться — затем долгая, сентиментальная, упорная попытка в духе наших собственных арктических спасательных экспедиций — хотя бы установить связь... Что если им это удалось?

Нам приходит в голову Индия — миллионы туземцев, которыми правила маленькая группа эзотериков, только потому, что они получали поддержку и указания откуда-то из другого мира или из Англии.

В 1838 году мистер А. Б. Томлинсон, владелец большой насыпи, или могильного холма, в Грейв Крик, штат Западная Вирджиния, раскопал каменную табличку. Он рассказывает, что в присутствии свидетелей он обнаружил маленький плоский овальный камень или диск, на котором были выгравированы алфавитные знаки.

Полковник Уитлси, эксперт в этих вопросах, говорит, что этот камень сейчас «повсеместно рассматривается археологами как подделка», что по его мнению мистер Томлинсон стал жертвой обмана.

Эйвбери «Доисторическое время» (Avebury. Prehistoric Times), стр. 271:

«Я упоминаю об этом потому, что это было предметом многих споров, но сейчас всеми признано, что это подделка. На нем есть надпись еврейскими буквами, но фальсификатор скопировал современную, а не древнюю скорму букв».

Как я уже говорил, под гнетом антропологов мы чувствуем такое же возмущение, какое чувствовали рабы на Юге по отношению к надсмотрщикам из «бедных белых подонков». Когда мы в конце концов переменим наши относительные позиции на противоположные, мы поставим антропологов на самое низкое место. Какой-нибудь доктор Грей хотя бы смотрит на рыбу, прежде чем начинает думать о ее чудесном происхождении. Нам придется опустить лорда Эйвбери гораздо ниже доктора Грея, если мы примем, что камень из Грейв Крик повсеместно рассматривается как подделка выдающимися авторитетами, которые даже не могут отличить его от какого-нибудь другого предмета, или, вообще, так высказанное мнение должно представлять собой результат либо сознательного пренебрежения, либо невежества, либо усталости. Этот камень принадлежит классу явлений, отвратительных для Системы. Он не может быть усвоен Системой. Пусть о таком предмете услышит такой систематик, как Эйвбери, и одно только упоминание о нем будет столь же несомненно стимулом для обычной реакции, как заряженное тело для электроскопа или стакан пива для сторонника запрета на спиртное. Это один из идеалов Науки — отличать один предмет от другого перед тем, как высказать свое мнение о предмете, но это не дух универсальной механики:

Вот вещь. Она либо привлекает либо отталкивает. Следует обычная реакция на нее.

Поскольку не камень из Грейв Крик покрыт еврейскими буквами, то ли древними, то ли современными, а камень из Ньюарка, штат Огайо, о котором история рассказывает, что фальсификатор совершил ошибку, использовав современные начертания букв вместо древнееврейских. Мы увидим, что надпись на камне из Грейв Крика сделана не еврейскими знаками.

Или что все вещи считаются невиновными, но подразумевается, что они виновны, если только они не будут усвоены Системой.

Полковник Уитлеи (Western Reserve Historical Tracts, 33) говорит, что камень из Грейв Крик считался подделкой Уилстоном, Сквайрзом и Дейвисом. Затем он приезжает на Археологический Конгресс в Нанси, Франция, состоявшийся в 1775 году. Полковник Уитлеи не может отметить, что на этом солидном собрании этот камень получил признание. Он напоминает нам мистера Саймонза и «того человека», который «подумал»,

что что-то видит. Полковник Уитлеи выразился несколько уклончиво, что человек, нашедший камень, «произвел своими взглядами такое впечатление» на конгресс, что тот провозгласил этот камень подлинным.

Этот камень был также осмотрен Скулкрафтом. Он высказал свое мнение в пользу подлинности камня.

Существует только один процесс и «посмотрел-увидел» есть один из его аспектов. Три или четыре толстых эксперта на одной стороне против нас. Мы найдем и на нашей стороне четыре или пять пухлых. То, что мы называем логикой и рассуждением, выливается в чистый перевес тучности и веса.

Затем выступают несколько филологов и высказываются в пользу подлинности. Некоторые из них даже перевели надпись. Конечно, как мы сказали, метод ортодоксии — это способ, с помощью которого достигаются любые выводы, когда необходимо иметь на своей стороне ужасно выдающихся, преимущественно пухлых авторитетов. Однако, в этом случае мы ощущаем совсем маленькое беспокойство, оказавшись в такой превосходно тучной, хотя и немного негативизированной компании. Перевод господина Жомбара:

«Твои повеления суть законы: ты сияешь в стремительном лесе и в быстрой серне». Господин Морис Шваб:

«Начальник Эмиграции, достигший этих мест (или этого острова) нанес эти знаки навеки».

Господин Оперт:

«Могила того, кто был здесь убит. Господь мой, дабы отомстить за него, порази его убийцу, отрубив руки его существования».

Мне больше нравится первое. Я так и вижу, как кто-то полирует бронзу или что-то такое и в страшной спешке. Конечно, третье более драматично, и тем не менее все очень хороши. Я думаю, они все суть возмущения друг друга.

В Трактате № 44 полковник Уитсли возвращается к этой теме. Он приводит заключение майора Де Хелворда, сделанное им на Конгрессе в Люксембурге в 1877 году:

«Если профессор Рид и я правы в нашем выводе, что эти знаки не являются ни руническими, ни финикийскими, ханаанитскими, еврейскими, ливийскими, кельтскими и не принадлежат ни к какому другому алфавиту-языку, то его важность была очень преувеличена».

Ребенку ясно, очевидно для любого ума, не погрязшего беспомощно в системе:

Что как раз в этом и заключается важность этого предмета.

Говорят, что идеал науки состоит в том, чтобы искать и находить новое — но если вещь не оказывается старой, то она «не имеет значения». «Не стоит тратить на нее время» (Хоуви). Затем, в 1859 году близ Пембертона, штат Нью Джерси, согласно доктору Джону С. Ивэнсу в его сообщении Американскому Этнологическому обществу, во время пахоты был извлечен из земли покрытый буквами топор или клин. Знаки на этом топоре, или клине, поразительно похожи на знаки камня из Грейв Крик. Кроме того — с небольшим пренебрежением здесь и чуть больше там — они похожи на следы на снегу, оставленные кем-то, кто, отметив радостное событие, вышел во двор подышать воздухом и прогуляться, или похожи на ваш почерк, или мой, когда мы думаем, что они явно различаются по своей неразборчивости.

Доктор Эббот так описывает этот предмет в Report of the Smithsonian Institute, 18.75 г., 260: Он говорит, что не верит в него.

Весь прогресс от вопиюще-скандального до заурядного. Или квазисуществование продвигается от изнасилования до тихого напевания колыбельных песен. Мне было интересно просмотреть различные периодические издания с давно установившейся репутацией и отметить дискуссии между пробующими позитивистами и тогдашними интермедиатистскими детьми. Смелые нехорошие нарушители границ, допускаемых теориями; грубияны с бесчестными намерениями тревоги в науке, ее попытки сохранить то, что дороже самой жизни — подчинение и покорность, а затем верность, как у мистера Микобера, героя одного из романов Диккенса. Так много этих грубиянов, или бродячих комедиантов, которые ненавидели, презирали, жалели, обнимали, заставляли подчиниться общепринятому. Нет ни одного образа в этой книге, который бы имел более страшную, или смешную внешность, чем образ человеческих следов в горных породах, когда этот ныне заслуживший почтение грубиян, или клоун, был впервые услышан. У человека, далекого от науки, вызывает недоумение, что такой гвалт поднимают из-за таких пустяков; но можно понять чувства ученого систематика по отношению к такому чужаку, вторгшемуся в его владения: всякий почувствовал бы то же, если бы к нему в дом вошел уличный бродяга, уселся на стол и заявил, что он здесь у себя дома. Нам известно, что может сделать гипноз: пусть он настаивает изо всех сил, что здесь действительно его дом, и хозяин начинает подозревать, что может быть тот и прав, что может быть, у того более высокое представление о правоте. Сторонники запрета на спиртное разработали этот вопрос очень умело.

Итак гвалт, который подняли из-за камня из Грейв Крика, но — время,

и кумулятивность (постепенное накопление массы фактов), и тот самый фактор, которым мы постоянно пользуемся, а также мощь массивированных фактов.

Были и другие сообщения о камнях с надписями, а затем, полстолетия спустя, преподобным мистером Гассом близ города Дейвенпорт было открыто несколько насыпных холмов, или тайников, как мы называем их. (American Antiquarian, 15, 73). Было найдено несколько каменных табличек. На одной из них легко можно разобрать буквы «TFTOWS» О. В этом случае мы ничего не слышим о фальсификации — время, кумулятивность, сила массивированных фактов. Попытка системы ассимилировать эти факты:

Эта табличка имеет вероятно мормонское происхождение.

Почему? Потому что в Мендоне, штат Иллинойс, найдена бронзовая пластина с похожими символами. Ну и что же.

Потому что она была найдена «около дома, в котором жил когда-то мормон». В реальном существовании один реальный метеоролог, подозревая, что зола выпала из топки паровой пожарной машины, спросил бы у пожарного.

Табличка из Дейвенпорта — невозможно найти ни одного сообщения, о том, что когда-либо хоть одному антиквару пришла в голову мысль — спросить у мормона.

Были найдены и другие таблички. На одной из них имеются две буквы «F» и две восьмерки «8». А также большая таблица размером 12x8x10 дюймов «с римскими и арабскими цифрами». Говорится, что цифра «8» встречается в ней три раза, а цифра или буква «O» — семь раз. «Наряду с этими знакомыми знаками встречаются и другие, которые напоминают древние алфавиты — либо финикийский, либо еврейский».

Может случиться, что открытие, например, Австралии окажется менее важным, чем открытие и смысл этих табличек...

Но где вы прочтете о них в какой-нибудь из позднейших публикаций, какой антиквар когда-либо с тех пор сделал попытку понять их и их присутствие и свидетельства их древности на земле, о которой вам говорят, что она была заселена только неграмотными дикарями?

Эти вещи были эксгумированы только затем, чтобы быть погребенными каким-то другим способом.

Еще одна таблица была найдена в Дейвенпорте мистером Чарлзом Харрисоном, президентом Американского Общества Антикваров. «На этой таблице были восьмерки и другие иероглифы...» И на этот раз нет упоминания о подделке. Я лично полагаю, что очень не по-спортсменски даже упоминать о возможности подделки. Придумайте что-нибудь, затем

объясните это как вам нравится. Все, что усваивается с помощью одного объяснения, должно иметь удобоусваиваемые, до известной степени, отношения со всеми другими объяснениями, если все объяснения где-то непрерывно переходят друг в друга. Снова притягивают мормонов, эта попытка уже слабая и беспомощная, — «поскольку общие обстоятельства затрудняют объяснение присутствия этих табличек».

В общем и целом, наше призрачное сопротивление вызывается только приписыванием этих таблиц мормонам без малейшей попытки найти основания для этого. Мы думаем о посланиях, которые дождем сыпались на эту землю, и о посланиях, запрятанных в тайниках на курганах этой земли. Сходство с ситуацией Джона Франклина поразительно. Можно представить себе, как столетия спустя после нашего времени в Арктике могут быть найдены предметы, упавшие с воздушных шаров, запущенных спасательными экспедициями, а также представить себе еще не обнаруженные тайники, оставленные Франклином в надежде, что их найдет спасательная экспедиция. Было бы нелепо приписывать эти вещи эскимосам, так же как приписывать таблички и камни с буквами аборигенам Америки. На протяжении некоторого времени я буду допускать, что странной формы насыпи, встречающиеся на этой земле, были сооружены исследователями, прибывшими Откуда-то, которые не имели возможности вернуться обратно, и имели цель привлечь внимание из какого-то иного мира, и что огромная мечевидная насыпь была открыта на Луне. В данный момент мы думаем о предметах, покрытых буквами, и об их возможных смыслах.

Странная пропащая душа, спасенная из морга журнала *American Journal of Science*:

Сообщение, присланное корреспондентом профессору Силлиману о чем-то, найденном в глыбе мрамора, извлеченной в ноябре 1829 года из карьера близ Филадельфии (*American Journal of Science*, 1-19,361). Глыба была распилена на пластины. Рассказывают, что в результате этого процесса в камне обнажилось углубление размером полтора дюйма на пять восьмых дюйма. Углубление имело геометрически правильную форму: в нем можно было видеть две четкие возвышающиеся буквы, похожие на «Ш»; единственное различие их от латинских букв состояло в том, что углы буквы «U» не закруглены, а образуют прямые углы. Нам говорят, что эта глыба камня была добыта на глубине семидесятивосьмидесяти футов, это означает, что эти буквы были выбиты давным давно. Некоторым людям, сытым обыкновенностью невероятного, которое приходится принять, может показаться нелепой мысль, что такой отпечаток в песке мог

выдержать над собой тонны прочего песка, нагромоздившиеся на него, и затвердеть в камень, не расплющившись, но знаменитые никарагуанские следы (отпечатки подошв) были найдены в карьере под одиннадцатую пластами твердых пород. Не было никакого обсуждения этого факта. Мы вытащили его только для проветривания.

Что касается покрытых буквами камней, которые, возможно, давным-давно просыпались дождем на Европу, если мы не можем допустить, что эти камни были надписаны европейскими аборигенами, то многие из них были найдены в пещерах, откуда они были вынесены доисторическими людьми — то ли как диковины, то ли как украшения, я полагаю. О размере и форме камня из Грейв Крика: «плоский и овальный и около двух дюймов в поперечнике» (Соллас). Знаки, нарисованные на них, первым нашел господин Пьетт в пещере Ма д'Азиль, департамент Арьеж, Франция. Согласно Солласу (Sollas. Ancient Hunters, стр. 95), они исчерчены в разных направлениях красными и черными линиями. «Но на довольно многих встречаются более сложные знаки, которые в нескольких случаях напоминают некоторые заглавные буквы латинского алфавита». В одном случае буквы «FEI» без каких-либо других пометок, модифицирующих их, распознают совершенно однозначно. Согласно Солласу («Древние Охотники», стр. 95), господин Картейяк подтвердил наблюдения Пьетта, а господин Будь нашел дополнительные образцы. «Они представляют собой одну из самых темных проблем доисторических времен» (Соллас).

Что касается тайников в целом, то я должен сказать, что их делали с двойной целью — заявить о них и спрятать; но документы в этих тайниках спрятаны в хорошо заметных структурах, по крайней мере так построены каменные пирамиды в Арктике. Transactionsofthe New York Academy of Science, 11,27: Что мистер Дж. Х. Хупер, из Брэдли Ко, штат Теннесси, наткнувшись на любопытный камень в лесу рядом со своей армией, произвел расследование. Он раскопал длинную стену. На этой стене были начертаны многочисленные алфавитные знаки. «Было обследовано 872 знака, многие из них повторяются; есть и несколько имитаций животных форм, Луны и других предметов. Многочисленные случайные имитации знаков восточных алфавитов. Следующая часть кажется важной. Что эти буквы были скрыты под слоем цемента (или штукатурки).

И все же — в нашей гетерогенности, или нежелании, или неспособности сконцентрироваться на отдельных понятиях — мы примем, или не примем, что хотя и могла на этой земле существовать Пропавшая Колония или Пропавшая Экспедиция Откуда-то и внеземные посетители, которые так и не смогли вернуться к себе на родину, были и другие

внеземные посетители, которые снова удалились с земли, совершенно аналогично экспедиции Франклина и блужданиям Пири по Арктике... И крушение, которое постигло одну их группу... И добыча, упавшая за борт... Китайские печати Ирландии.

Не предметы, с большими тоскливыми глазами, которые лежат на льду и которых учат жонглировать разными вещами на кончике носа (тюлени), а штампы с надписями, с помощью которых делают отпечатки (печати [В английском языке слова, обозначающие понятия «тюлень» и «печать», пишутся одинаково (seal) (примечание переводчика)]. Proceedings of the Royal Irish Academy, 1, 381:

Мистером Дж. Хьюбандом Смитом был прочитан доклад, описывающий около дюжины китайских печатей, найденных в Ирландии. Все они похожи друг на друга: каждая имеет форму куба с сидящим на нем животным. «Говорят, что надписи, находящиеся на этих печатях, относятся к очень древнему классу китайских иероглифов».

Нижеперечисленные три пункта, которые превратили этот факт в прокаженного и изгоя, но только в смысле пренебрежения, поскольку нигде, насколько я знаю, он не ставится под вопрос:

Согласие между археологами в том, что в далеком прошлом между Китаем и Ирландией не было никаких связей;

Никакие другие предметы из древнего Китая, фактически, не были когда-либо найдены в Ирландии;

Большие расстояния между местами находок этих печатей.

После исследований, проведенных профессором Смитом, если он в самом деле их проводил, в Ирландии были найдены и другие китайские печати и за единственным исключением — только в Ирландии. В 1852 году их было найдено около 60. Из всех археологических находок в Ирландии «ни одна не окутана такой тайной». (Chambers Journal, 16, 364). Согласно автору публикации в Chambers Journal, одна из этих печатей была найдена в лавке диковинок в Лондоне. В ответ на вопрос хозяин лавки сказал, что она поступила из Ирландии.

В этом случае, если вы инстинктивно тяготеете к нашей интерпретации, не существует ортодоксального объяснения, вашему предпочтению. Наблюдается поразительный разброс их по территории — над полями и лесами, — который заставил замолчать объяснителей. В «Докладах Королевской Ирландской Академии», 10, 171, доктор Фрейзер говорит, что они «кажется, были рассеяны по всей стране столь странным способом, смысла которого я не могу понять».

Борьба за выражение понятия, которое не принадлежит эпохе доктора

Фрейзера:

«Неизменная история об их находке — это то, что можно было бы ожидать, если бы их сбросили случайно...»

Три найдены в Типперари, шесть в Корке, три в Доне, четыре в Уотерфорде, все остальные — одна-две на каждое графство.

Но одна из этих китайских печатей была найдена на дне реки Ривер Войн близ Клонарда, графство Мис, когда рабочие добывали гравий. Уж по крайней мере эта была туда брошена.

XII Астрономия

И НОЧНОЙ СТОРОЖ, смотрящий на пол-дюжины фонарей в месте, где улица была изрыта.

Существуют огни газовых ламп и огни керосиновых ламп, а по соседству и электрические огни; вспышки спичек, огонь в печах, костры, кое-где горящие дома; огни автомобильных фар, неоновые трубки и ночная иллюминация...

Ночной сторож и его маленькая система. Этика.

И какие-то молодые барышни и милый старый профессор на очень «бранном» семинаре.

Наркотики, и развод, и изнасилование: венерические болезни, пьянство, убийство...

Исключены

Чопорное и аккуратное, или точное, гомогенное, единичное, пуританское, математическое, чистое, совершенное. У нас может быть иллюзия этого состояния, — но только в результате пренебрежения его бесконечными отрицаниями. Это капля молока, плавающая в кислоте, которая съедает его. Позитивное, засасываемое негативным. Так обстоит дело в промежуточности, где только быть позитивным означает породить соответствующую и, может быть, равную негативность. С нашей точки зрения, это есть, в квазисуществовании, предваряющее, или пренатальное (предшествующее рождению) или предшествующее моменту пробуждения сознание реального существования.

Но это сознание реальности есть величайшее сопротивление попыткам осуществиться (реализоваться), или стать реальным, потому что это чувство, что реальность уже была достигнута. Наш антагонизм направлен не против науки, а против позиции наук, полагающих, что они окончательно реализовались, или против веры вместо временного принятия (допущения); против недостаточности, которая, как мы видим снова и снова, доходит до мелочности и ребячества, научных догм и стандартов. Если несколько человек отправляются в Чикаго, а попадают в Буффало, и один из них принимает Буффало за Чикаго, то он будет препятствием прогрессу остальных.

Такова и астрономия, и ее на вид точная маленькая система...

Но факты, которые у нас будут о круглых мирах и веретенообразных мирах, и мирах в форме колеса, мирах, подобных колоссальным серпам, одиноких мирах и мирах, собранных в рои, огромных мирах и крохотных мирах; некоторые из них состоят из материалов, похожих на вещество этой земли; и мирах, представляющих собой суперконструкции из железа и стали...

Или что с неба падают не только зола и пепел, кокс и древесный уголь и маслянистые вещества, напоминающие жидкое топливо, но и массы железа.

Крушения и грузы и обломки обширных железных конструкций...

Или стальных. Рано или поздно нам придется принять точку зрения, что с неба падали и обломки стали. Но если на эту землю падали обломки не железа, а стали...

Но что узнала бы глубоководная рыба, если бы стальная плита с потерпевшего аварию корабля над нею свалилась вниз и стукнула ее по носу?

Наша погруженность в море повседневности с его почти непроницаемой густотой.

Иногда я кажусь себе дикарем, который нашел что-то на берегу своего острова. Иногда я кажусь себе глубоководной рыбой с большим носом. Величайшая из тайн:

Почему они никогда не приходят сюда или не присылают кого-нибудь сюда открыто?

Конечно, в этом нет ничего таинственного, если мы не станем так серьезно считать, что мы должны быть интересны. Вероятно, именно по моральным основаниям они держатся от нас подальше, — но даже если это и так, среди них ведь тоже должно быть и несколько отсталых.

Или есть основания физического характера: Когда мы будем в состоянии специально поднять этот вопрос, одной из наших ведущих идей, или наивных представлений, будет та, что близкое приближение другого мира к нашему миру будет иметь катастрофические последствия; что миры с управляемым движением будут избегать близости; что другие, те, что выжили, организовались таким образом, чтобы обеспечить себе защитную удаленность, или орбиты, приближающиеся к регулярности, хотя и никоим образом в той степени, которая соответствует популярному предположению.

Но какая устойчивость представления, что мы должны быть интересны. Козьявки и микробы и тому подобные сущности думают так же:

что они нам интересны. Некоторые из них даже слишком интересны.

Опасности близкого приближения — тем не менее, наши собственные корабли, которые не отваживаются приблизиться к скалистому берегу, могут выслать к нему гребные лодки...

Почему не установлены дипломатические отношения между соединенными Штатами и Циклореей, — каково в нашей передовой астрономии есть имя удивительного колесообразного мира или суперконструкции? Почему не присланы сюда открыто миссионеры, чтобы отвратить нас от наших варварских запретов и других табу и подготовить путь для доброй торговли ультрабиблиями и супервиски? Почему не делаются состояния от продажи нам поношенных пышных супернарядов, которые мы принимали, подобно тому, как американский вождь принимал чьюто старую шелковую шляпу из Нью-Йорка или Лондона?

Ответ, который приходит мне в голову, столь прост, что кажется приемлемым сразу же, если мы примем, что очевидное есть решение всех проблем, или если большая часть наших недоумений состоит в том, чтобы трудно и мучительно понять не имеющее ответа, а затем искать ответы, — используя такие слова, как «очевидное» и «решение» в общепринятом смысле... Или:

Стали бы мы, если бы могли, обучать и прививать утонченность свиньям, гусям, скоту?

Было ли бы это мудро устанавливать дипломатические отношения с курицей, которая сейчас функционирует, удовлетворенная одним только чувством достижения путем компенсации? Я думаю, что мы являемся собственностью. Я бы сказал, что мы кому-то принадлежим: В наше историческое время ничто не появлялось на этой земле откуда-то из других миров так открыто, как Колумб высадился на Сан-Сальвадоре или как Хадсон (в русской традиции — Гудзон) плыл вверх по своей реке. Но что касается тайных посещений этой земли в недавнее время или, может быть, эмиссаров из других миров или путешественников, которые всячески демонстрировали свое желание уклоняться и избегать, то у нас будут факты столь же убедительные, как и наши факты о суперконструкциях, использующих в качестве топлива нефть или уголь.

Но в этом обширном предмете мне самому придется совершить значительное количество пренебрежений и игнорирований. Я не представляю, как я смогу в этой книге вообще рассмотреть в полном объеме такую тему, как возможное использование человечества в каком-либо ином модусе существования, льстящее нашему самолюбию представление, что мы, может быть, чего-то стоим.

Свиньи, гуси и скот

Сначала разузнайте, не принадлежат ли они комунибудь.

Затем выясните зачемность этого. Я подозреваю, что, в конце концов, мы чем-то полезны. Я подозреваю, что между соперничающими претендентами была достигнута некоторая договоренность, которая сейчас имеет на нас законное право, в результате применения силы или уплатив за нас какие-то налоги бус прежним, более примитивным владельцам нас, — а все остальные предупреждены. Все это было известно, может быть, в течение веков, некоторым жителям этой земли, секте или ордену, члены которого выполняют функцию баранов с бубенчиками, или вожаков стада по отношению к остальным из нас, или как старшие рабы или надсмотрщики, направляющие нас согласно полученным указаниям — откуда-то из Другого места — в нашу таинственную полезность.

Но я принимаю, что в прошлом, еще до того, как была установлена собственность на нас, обитатели множества иных миров падали сюда, плюхались сюда, слетались, приплывали, под парусами, по воздуху на моторных судах, шли сюда, притягивались сюда, отталкивались отсюда; прибывали поодиночке, прибывали в огромных количествах; посещали периодически для охоты, торговли, пополнения гаремов, добычи полезных ископаемых; были не в состоянии оставаться здесь, основывали здесь колонии, терялись здесь; высокоразвитые люди, или вещи, или примитивные люди, или чем еще они могли быть, белые, черные, желтые...

У меня есть очень убедительный факт, подтверждающий, что древние бритты были голубыми.

Конечно, традиционные археологи говорят нам, что они только окрашивали себя в голубой цвет, но в нашей собственной передовой антропологии Они были настоящими голубыми... *Annals of Philosophy*, 14, 51:

Заметка о голубом ребенке, родившемся в Англии. Это атавизм.

Великаны и феи. Конечно, мы принимаем их. Или, если мы гордимся тем, какие мы ужасно высокоразвитые, то я не знаю как иначе поддержать наше самомнение, если не вернуться очень далеко назад. Сегодняшняя наука — это завтрашнее суеверие, завтрашняя наука — сегодняшнее суеверие. *American Antiquarian*, 18,60: Медный топор из могильника в штате Огайо: двадцать два дюйма (36, 5 см) длиной, вес — 38 фунтов. *American Anthropologist*, новая серия, 8-229: Каменный топор, найденный в Берчвуде, штат Висконсин, был выставлен в коллекции исторического

общества Миссури; найден «воткнутым и погруженным в почву», насколько я понимаю, его, возможно, бросили туда. 28 дюймов в длину (73 см), 14 (36, 5 см) в ширину, II (28 см) в толщину, вес — 300 фунтов.

Или следы ног человека в песчанике близ Карсона, штат Невада: каждый след 18-20 дюймов (46-51 см) в длину. (American Journal of Science, 3-26, 139).

Эти отпечатки совершенно ясны и четки. Репродукции их приводятся в этом «журнале», но они так же укладываются в Систему, как кислые яблоки в другие системы: поэтому мистер Марш, лояльный и неразборчивый систематик, доказывает:

«Размер этих отпечатков и особенно расстояние между цепочками правых и левых следов являются сильным доказательством, что они были оставлены не людьми, как это ранее столь широко признавалось».

Таковы эти исключения. Душителю Минервы. Отчаянные головы пренебрежения. А выше всех, или ниже всех — антропологи. Я вдохновлен новым оскорблением, кто-то задевает меня: я хочу выразить почти абсолютное презрение к нему — он систематикантрополог. Просто прочитать что-нибудь в этом роде не так впечатляет, чем когда видишь это сам. Если кто-нибудь потрудится сам взглянуть на эти отпечатки, изображенные в «Журнале», он либо согласится с профессором Маршем, либо почувствует, что отрицать их — значит показать ум, настолько основательно поработанный системой, что с ним можно сравнить только смиренный ум средневекового монаха. Рассуждения этого представительного призрака из избранных или призрачных видимостей, сидящих в суде, или осуждение нас на почти реальное изгнание.

Что на этой земле никогда не было великанов, потому что гигантские следы являются более гигантскими, чем следы, оставленные людьми, не являющимися гигантами.

Мы думаем, что великаны время от времени посещают эту землю. Конечно, Стоунхендж, например. Может случиться, что по мере того, как идет время, нам придется признать, что на этой земле есть много остатков огромных обиталищ великанов и вид их далек от случайного нагромождения камней.

За исключением того, что — как бы ни был я весел и чужд подозрительности, всякий раз, когда я прихожу в Американский Музей Естественной Истории, мрачный цинизм поднимается во мне сразу же, как я вхожу в отдел окаменелостей или старых костей, найденных на этой земле, огромные предметы, из которых реконструировали ужасающих, но «настоящих» динозавров.

На одном из этажей ниже окаменелостей они реконструировали додо. Это откровенная фантазия, она и на этикетке обозначена как таковая, но она реконструирована так умно и убедительно...

Феи и эльфы «Кресты эльфов».

Harpers Weekly, 50, 715. Что вблизи от того места, где соединяются Голубой Хребет и Аллеганские горы, в северной части округа Патрик, штат Вирджиния, встречается много небольших каменных крестов. Раса крошечных существ. Они распинали тараканов.

Утонченные существа, но — жестокость утонченности. В своем миниатюрном роде это были человеческие существа. Они распинали.

«Кресты эльфов» — говорится в Harpers Weekly, — имеют вес, колеблющийся от одной четверти унции до одной унции, но говорят, в Scientific American, 79, 395, что некоторые из них не больше булавочной головки.

Они были найдены и еще в двух штатах, но все найденные в Вирджинии, строго локализованы горой Булл Маунтин.

Нам вспоминаются китайские печати в Ирландии. Я предполагаю, что они там упали. По форме некоторые из них относятся к римским крестам, другие к крестам Св. Андрея, некоторые — к мальтийским. На этот раз мы избавлены от контакта с антропологами, и вместо них у нас есть геологи, но я боюсь, что облегчение от этого для нашей более тонкой, или несколько более реальной, чувствительности не будет очень велико. Геологи были призваны, чтобы объяснить происхождение «крестов эльфов». Их ответом был обычный научный тропизм: «геологи говорят, что это кристаллы». Автор статьи в «Харпер Уикли» указывает, что этот «налет», или это обезболивающее средство, — не может объяснить локализованное распределение этих предметов, что заставляет меня думать, как о скоплении так и о разделении на дне моря, если подобные предметы падают в больших количествах, но в разное время.

Но некоторые из них являются римскими крестами, другие — андреевскими, третьи — мальтийскими.

Это то же старое пренебрежение, или тот же старый психотропизм, или процесс ассимиляции. Кристаллы суть геометрические формы. Кристаллы включены в Систему. Значит, «кресты эльфов» — это кристаллы. Но то, что разные минералы должны, в нескольких разных районах, получить внушение превратиться в разные формы креста, — это

тот род сопротивления, который мы называем менее реальным, чем наши собственные допущения.

А теперь мы подходим к кое-каким «окаянным» мелочам, которые относятся к числу «погибших душ», но для их «спасения» миссионеры от науки совершили самое отвратительное, что только могли.

«Карликовые кремни»

Их не так-то просто отрицать. Они пропащие и хорошо известны. «Карликовые кремни» — это крошечные доисторические орудия. Некоторые из них имеют размер в четверть дюйма. Англия, Индия, Франция, Южная Африка — их находили во многих частях света, — как россыпями так и по одиночке. Они принадлежат к верхнему слою пены проклятых: их не отрицают и ими не пренебрегали. На их тему есть обширная литература. Одной из попыток рационализировать их, или ассимилировать или принять их в научную папку, явилось предположение, что это игрушки доисторических детей. Это звучит разумно. Но, конечно, под разумным мы подразумеваем то, для которого не найдено нечто столь же разумное, но противоположное, — не считая того, что мы это модифицируем, говоря, что хотя нет ничего окончательно разумного, некоторые феномены имеют более высокую степень приближения к Разумности, чем другие. Против представления об игрушках более высокая степень аппроксимации состоит в том, что в тех местах, где встречаются «карликовые кремни», все кремни являются карликовыми — по крайней мере в Индии, где в случаях, когда находят более крупные орудия в том же месте, где и миниатюрные, они оказываются отделенными друг от друга промежуточными пластами (Уилсон).

Следующий факт, заставляющий меня, по крайней мере в данный момент, принять, что эти кремни были изготовлены существами, имевшими рост пикулей, был отмечен профессором Уилсоном (Report of the National Museum, 1892 г., 455) :

Он заключается в том, что не только сами кремни являются крошечными, но и зазубрины на них «миниатюрны».

Борьба за выражение — в умах жителей 19-го столетия возникают идеи, не принадлежавшие их эпохе: В Science Gossip, 1896, 36, Р. А. Голти говорит: «Эти зазубрины сделаны столь тонко, что для того, чтобы увидеть мастерство, нужно увеличительное стекло».

Я думаю, что это было бы абсолютно убедительно, если бы

существовало хоть что-нибудь — абсолютно что-нибудь, — подтверждающее либо, что эти вещи изготовили крохотные существа ростом от пикуля до обычного огурца, либо, что их сделали обычные дикари с помощью увеличительного стекла.

Идея, которую мы сейчас собираемся развить, или совершить, принадлежит к числу довольно сильно проклятых, или передовых. Это пропадающая душа, я признаю это, или хвастаюсь, но она подходит. Или такой же общепринятый, как всегда, наш метод — это научный метод ассимиляции. Он ассимилирует, если мы думаем об обитателях Элвиры. Да, кстати, я забыл сказать имя мира великанов:

Монстратор

Веретенообразный мир — около 100 000 миль вдоль его длинной оси — подробности будут опубликованы позже.

Но нас вдохновляет мысль, что жители Элвиры лишь посещали нашу землю: ордами, столь плотными, как тучи летучих мышей, они прилетали сюда на охотничьи экскурсии — на мышей, или на пчел, что очень вероятно.

Они посещали Землю, вероятнее всего, для обращения здешних язычников, — приходящих в ужас от всякого, кто захочет сожрать более одной фасолины за один раз, опасаящихся за участь душ, которые выпивают больше одной капли росы за один раз, орды крошечных миссионеров, убежденных в том, что праведные победят, определяющие праведность своей малостью.

Должно быть, это были миссионеры. Только быть есть побуждение к обращению или ассимиляции чего-то иного.

А сейчас нам приходит в голову мысль, что крохотные существа, прибывающие сюда из своего собственного мирка, возможно, это был Эрос, хотя я называю его Элвира, переселились бы сюда из изысканного на огромное, на один зубок для солидного земного животного, с полдюжины их погибло и сразу переварено. Один падает в ручей и уносится мощным потоком...

Или никогда не было ничего, кроме обыкновенного, как мы усвоили из Дарвина: «Геологические летописи неполны». Их кремни сохранились бы, но что касается их хрупких тел — с таким же успехом можно искать доисторические морозные узоры.

Маленький смерчик — и элвирианин будет унесен на сотню ярдов, и

его товарищи так никогда и не найдут его тело. Они оплакали умерших. Это обычная эмоция — они оплакивали.

Должны были быть похороны — никуда не уйдешь от похорон. Поэтому я принимаю объяснение, которое заимствовал от антропологов: на картинке похороны.

Может быть, элвириане много лет после этого не бывали на этой земле — еще одно огорчительное посещение — на картинке один маленький мавзолей для всех погребений. Лондонская «Тайме», 20 июля 1836 года:

В начале июля 1836 года несколько мальчиков искали кроличьи норы в горной местности близ Эдинбурга, около скалы, называемой «Трон короля Артура». В обрыве скалы они нашли тонкие пласты сланца (шифера), которые они вытащили.

Маленькая пещера

Семнадцать крошечных гробиков в три-четыре дюйма длиной.

В гробиках находились миниатюрные деревянные фигурки. Они были одеты неодинаково — как по стилю, так и по материалу. Там было два яруса гробиков по восемь в каждом и начатый третий ярус с одним гробиком.

Необычайная особенность, которая здесь кажется особенно таинственной:

Что эти гробики укладывались там по одиночке, в маленькой пещерке, и с промежутками во много лет. В первом ярусе гробики совершенно сгнили, а облачения рассыпались. Во втором ярусе действие времени не было столь заметно, а верхний гробик казался совсем новым.

В Proceedings of the Society of Antiquarians of Scotland, 312, 460, имеется полный отчет об этой находке, приводятся изображения трех гробиков и трех фигурок.

Итак, Элвирас ее мягкими, как пух, лесами и микроскопическими раковинками ее устриц. И если элвириане не были очень уж высокоразвитыми, они принимали ванны. Но пользуясь губками размером с булавочную головку...

Случались катастрофы: обломки Элвиры упали на эту землю:

В Popular Science, 20, 83, Фрэнсис Бингхэм, описывая кораллы, губки, раковины и морские лилии, которые, по утверждению доктора Хаана, были найдены в метеоритах, говорит, судя по их фотографиям, что их «бросающаяся в глаза особенность» — это их «крайне малые размеры»,

например, кораллы имеют величину, равную одной двенадцатой от величины земных кораллов. «Это поистине карликовый животный мир», — говорит Бингхэм.

Я думаю, что обитатели Монстратора и Элвиры во времена их редких посещений этой земли были первобытными людьми. Хотя, конечно, в квазисуществовании все, что мы, полупризраки, называем признаками чего-нибудь, вполне могут быть признаками чего-нибудь другого.

Логики, детективы и члены суда присяжных, а также подозрительные жены и члены королевского Астрономического Общества признают промежуточность, но сохраняют иллюзию, что в методе соглашения имеется окончательные, или реальные признаки. Этот метод достаточно хорош для «существования», которое только полуреально, но это также метод рассуждений, с помощью которого сжигали ведьм и боялись духов. Мне вовсе не нравится быть таким отсталым, чтобы отрицать ведьм и призраков, подобных тем, существование которых предполагается популярным и представлениями. Но рассказы о них подкрепляются поразительными фабрикациями подробностей и согласующимися рассказами разных свидетелей.

Поэтому, если великаны оставили на почве следы своих голых ног, это отнюдь не означает, что они были первобытными людьми, — требуется огромная культура, чтобы на свежем воздухе заниматься водолечением по методике Кнайпа. Поэтому, если Стоунхендж есть большое, но лишь грубо геометрическое сооружение, то невнимательность к деталям его строителей — означает все, что вам угодно, амбициозные карлики или великаны — если это были великаны, то они мало ушли от пещерных людей или, может быть, это были постимпрессионистские архитекторы из очень передовой цивилизации.

Если существуют другие миры, то это опекающие миры — или что Кеплер, например, возможно и не ошибался абсолютно: что его представление об ангеле, которому предписано толкать и вести каждую планету, может быть, не совсем приемлемо, но что абстрактно, или имея в виду отношение опеки, мы можем найти и одобрение. Или: быть значит быть опекающим. Наше общее представление:

В Промежуточности «все» — это еще не вещь, а только попытка стать чем-то, — оторвавшись от ее непрерывности, или постепенных переходов ко всем другим явлениям — это попытка оторваться от самой сущности относительного существования и стать абсолютным, — если она не подчинилась, или не стала частью какой-то более высокой попытки.

В этом процессе есть два аспекта: Стремление ассимилировать все

другие вещи, если оно не сдалось и не было подчинено — или не было ассимилировано — какой-нибудь системой, единством, организацией, бытием, гармонией, равновесием с более высоким уровнем попытки...

И отталкивание, то есть попытка всего исключить то, или пренебречь тем, что не может быть ассимилировано.

Корова, щиплющая траву, свинья, роющая корни, подкрадывающийся тигр; планеты, пытающиеся, или действующие чтобы захватить кометы; старьевщики и Христианская религия, и кот, засунувший голову в мусорную тумбу; государства, воюющие ради территориальных присоединений; науки, согласующиеся, насколько могут, факты; магнаты, организующие тресты; хор девушек, поющих на свежем воздухе ради скромного ужина, — все они остановлены где-то чем-то неассимилируемым. Девушка из хора и брошенный в кипяток омар, если она съест лишнее, она представит собой пример всеобщей неудачи достигнуть позитивного: ее последующее расстройство перенесет ее к Негативному Абсолюту.

Наука и некоторые из наших осужденных покрытых жестким панцирем фактов.

Говорят об опекуне, словно это нечто, ясное само по себе. Так говорят о дереве, о святом, о бочонке со свининой, о Скалистых Горах. Говорят о миссионерах, как если бы они были положительно отличны, или имели собственную индивидуальность, или составляли какой-нибудь вид сами по себе. Для интермедиариста все, что кажется имеющим индивидуальность, есть только попытка достигнуть индивидуальности, и каждый вид непрерывно переходит во все другие виды, или то, что называется особенным, есть только упор на, или подчеркивание какого-либо аспекта общего. Если существуют кошки, то это только подчеркивание, упор на всеобщей кошачести. Нет ничего, что не было бы причастно тому, особенным аспектом чего являются миссионер, или опекун. Всякий разговор есть конфликт миссионеров, каждая попытка обратить другого, ассимилировать или сделать другого похожим на себя. Если в этом не достигнуто никакого успеха, последует взаимное отталкивание.

Если когда-либо в прошлом другие миры имели связи с этой землей, то это были попытки позитивизации: распространить себя с помощью колоний на этой земле, обратить, или ассимилировать изначальных обитателей этой земли.

Или миры-метрополии и их колонии здесь — СуперРоманиум, — Или откуда прибыли первые римляне. Это не хуже истории о Ромуле и Реме. Супер-Израэлимус

Несмотря на современные рассуждения на эту тему, было когда-то нечто, игравшее роль суперродителя или опекуна по отношению к жителям древнего Востока.

Азурия, из которой происходят голубые бритты, потомки которых, постепенно разбавляясь, как синька в тазу с водой, который наполняется водой из открытого крана, была с тех пор наиболее выделенной, или подчеркнутой суб-опекунов, или ассимиляторов.

Миры, бывшие когда-то опекающими мирами, до того, как эта земля стала единственной собственностью одного из них, делают попытки обратить или ассимилировать. А затем состояние, которое приходит ко всем вещам в их миссионерских разочарованиях: неприятие некоторых вещей всеми желудками; отвержение всеми обществами некоторых элементов; ледники, сортирующие и отбрасывающие камни...

Отталкивание. Гнев тщетно борющегося миссионера. Не существует другого гнева. Всякое отталкивание есть реакция на неассимилируемое. Значит — гнев Азурии...

Потому что окружающие народы этой земли не могли ассимилироваться с ее собственными колонистами в той части земли, которую мы сейчас называем Англией.

Не знаю, был ли когда-либо в истории этой земли более справедливый, разумный, или логически обоснованный гнев, — если вообще бывает другой гнев.

Гнев Азурии — из-за того, что другие народы земли не становились голубыми, чтобы соответствовать ей.

История — это область интересующих нас человеческих заблуждений. Мы можем сейчас дать небольшой толчок дальнейшему продвижению истории. В остекленелых фортах нескольких частей Европы мы найдем факты, которыми пренебрегли Юм и Гиббоне.

Остекленелые крепости, окружающие Англию, но отсутствующие в Англии.

Остекленелые крепости Шотландии, Ирландии, Бретани и Богемии.

Или что давным-давно с помощью электрических взрывов Азурия попыталась очистить эту землю от народов, сопротивлявшихся ей.

Обширная голубая масса Азурии показалась в небе. Облака окрасились в зеленый цвет. Солнце стало бесформенным и пурпурным от вибраций гнева, излучавшихся Азурией. Белесые или желтоватые или коричневатые люди Шотландии, Ирландии, Бретани и Богемии убежали на вершины гор и выстроили крепости. В реальном существовании вершины гор, или места легчайшего доступа для врага с воздуха, были бы последним

местом для беглецов. Но здесь, в квазисуществовании, если мы привыкли спасаться на вершинах гор во времена опасности, мы все равно бежим на них, даже если опасность ближе всего именно на вершинах гор. Вполне обычно для квазисуществования: попытка спастись с помощью бега поближе к преследователям.

Они строили крепости или уже имели их, на вершинах гор.

Что-то излило на них электричество. Камни от этих крепостей существуют по сей день, остекленелые, или оплавленные и превращенные в стекло.

Археологи прыгали от одного решения к другому, подобно «быстрой серне», о которой мы читали некоторое время назад, чтобы объяснить остекленелые крепости, всегда ограниченные заповедью, согласно которой, если их выводы не будут соответствовать таким догматам, как Эксклюзивизм, Система, они будут изгнаны, поэтому археологи в своем средневековом ужасе перед изгнанием, пытались объяснить остекленелые крепости в понятиях земного опыта. В их недостаточных объяснениях мы находим все то же старое ассимилирование всего, что может быть ассимилировано, сводя все к общепринятому с помощью объяснения, согласно которому, остекленелые крепости построены доисторическим людьми, которые сооружали обширные костры — часто в удалении от источников снабжения деревом — с целью оплавить снаружи и цементировать камни своих построек. Но негативность присутствует всегда: поэтому внутри себя самой наука никогда не может быть гомогенной, или гармоничной. Поэтому мисс Рассел в *Journal of the V. A. A.* отметила, что редко бывает, чтобы отдельные камни, не говоря уж о длинных стенах, или большие дома, обгоревшие до самой земли, оказывались остекленелыми.

Если мы обратим внимание на этот предмет сами, еще до того, как начнем писать о нем, то мы найдем:

Что камни этих крепостей остекленели без какого-либо замысла цементировать или скрепить их; что они оказались цементированными лишь кое-где, полосами, словно специальные взрывы ударяли по ним или играли на них.

Затем приходит в голову мысль о молниях? Давнымдавно что-то расплавило, полосами, камни крепостей на вершинах гор в Шотландии, Ирландии, Бретани и Богемии.

Молния выбирает изолированное и выступающее. Но некоторые из остекленелых крепостей не находятся на вершинах гор, некоторые не выступают над окружающей местностью: их стены тоже остекленели

полосами.

Когда-то что-то оказало воздействие, подобное воздействию молнии, на крепости, расположенные главным образом на горах в Шотландии, Ирландии, Бретани и Богемии.

Но на горах во всей остальной части мира имеются развалины крепостей, которые не имеют признаков остекленения.

Существует только одно преступление, в локальном смысле, и оно заключается в том, чтобы не становиться голубым, когда боги голубые, но во всеобщем смысле, состоит в том, чтобы не делать самих богов зелеными, если вы окрашены в зеленый цвет.

XIII

ОДНИМ ИЗ САМЫХ необычайных явлений, или якобы явлений, в области психических исследований, или якобы исследований, потому что в квазисуществовании никогда не было реального исследования, а только приближения к исследованию, которые постепенно переходят в предубеждение и удобство...

«Бросание камней»

Оно приписывается полтергейстам. Полтергейсты — это проказливые духи.

Полтергейсты не укладываются в нашу нынешнюю квазисистему, которая представляет собой попытку коррелировать отрицаемые или игнорируемые факты как явления вземных сил, выраженные в физических терминах. Поэтому я рассматриваю полтергейстов как зло, или ложное, или диссонанс, или абсурд — имена, которые мы даем различным степеням или аспектам неассимилируемого, или того, что сопротивляется попыткам организовать, гармонизировать, систематизировать, или, короче, позитивизировать — имена, которые мы даем нашим признаниям негативного состояния. У меня нет желания отрицать полтергейстов, поскольку я подозреваю, что позже, когда мы станем более просвещенными, или когда мы расширим пределы нашей доверчивости, или примем большее количество того роста невежества, которое мы называем знанием, полтергейсты могут стать ассимилируемыми. Тогда они будут столь же приемлемыми, как деревья. Под приемлемостью я подразумеваю то, что согласуется с преобладающей силой, или системой, или течением мысли, каковое само есть, конечно, гипноз и заблуждение, развиваясь, тем не менее, в соответствии с нашим принятием, до все более и более высоких приближений к реальности. Сейчас для меня полтергейсты суть зло, или абсурд пропорционально их нынешней неусваиваемости, осложненной их возможной будущей усваиваемостью.

Мы приплетаем полтергейстов, часто ни к селу ни к городу, потому что некоторые из наших собственных данных, или якобы данных, где-то неразличимо сливаются с данными, или якобы данными, о них:

Случаи, когда камни бросались или упали на маленькую площадь из

невидимого и неопределимого источника.

Лондонская газета «Тайме» от 27 апреля 1872 года: «В четверг с четырех часов дня и до половины двенадцатого ночи дома № 56, 58 на Реверди Роуд в Бермонди подверглись нападению камнями и другими метательными снарядами, прилетающими из невидимого источника. Двое детей получили ранения, все окна оказались разбиты, несколько предметов мебели разломано. Хотя в округе был рассредоточен довольно сильный отряд полицейских, они не смогли проследить направление, из которого бросались камни».

Здесь ситуацию осложняют «другие метательные снаряды». Но если это выражение означает жестяные банки и старые башмаки, и если мы допустим, что направление не могло быть прослежено потому, что никому не пришло в голову посмотреть наверх, — ну, к тому времени мы уже потеряли немалую часть нашего провинциализма.

Лондонская «Тайме» от 16 сентября 1841 года: В доме миссис Чартон в Саттон Кортхаус, улица Саттон Лейн, графство Чизик, были разбиты окна «каким-то невидимым фактором». Все попытки обнаружить злоумышленника провалились. Особняк стоял отдельно и был окружен высокими стенами. Других домов поблизости не было.

Была вызвана полиция. Два констебля, которым помогали домочадцы, охраняли дом, но окна продолжали разбиваться «как впереди, так и позади дома».

Или плавающие в Суперсаргассовом море острова, которые часто останавливаются и висят неподвижно; и атмосферные возмущения, которые иногда воздействуют на них и сбрасывают вниз на эту землю предметы в пределах малых площадей из временно стационарных источников.

Суперсаргассово море и берега его плавучих островов, из которых я думаю, или по крайней мере допускаю, падали гольши и галька.

Вулверхэмптон, Англия, июнь 1860 года — яростная гроза — падение столь большого количества маленьких черных окатышей, что их пришлось убирать лопатами (*La Science Pour Tous*, 5, 264); большое количество маленьких черных камней, упавших в Бирмингеме, Англия, в августе 1858 года, говорят, они были похожи на базальты, обнажающиеся в нескольких лигах от Бирмингема (*Report of the British Association*, 1864 г., 37); галька, описываемая как «обыкновенная скатанная водой галька», которая выпала в городе Палистайн, штат Техас, 6 июля 1888 года из толщи, которая не встречается в окрестностях Палестайна» (У. Х. Перри, сержант, Войска Связи, *Monthly Weather Review*, июль 1888 года); «некоторое количество

камней странного строения и формы, неизвестных в окрестностях, упали во время урагана в Хиллзборо, штат Иллинойс, 18 мая 1883 года (Monthly Weather Review, май 1883 г.).

Галька с воздушных берегов и земная галька как продукты смерчей столь сливаются в этих случаях, — хотя интересно услышать о предметах странной формы, которые упали с неба, но кажется лучше не обращать на них особого внимания и искать явления Суперсаргассова моря вдали от места слияния: К этому требованию у нас есть три поправки: Галька, падающая в местах, где отсутствуют или неизвестны смерчи или вихри, которым можно приписать ее;

Галька, которая упала во время града, столь крупного, что кажется невероятным, чтобы такой град мог образоваться в земной атмосфере;

Галька, которая упала, после чего, долгое время спустя, за ней последовало снова падение гальки в том же месте, словно из какого-то воздушного стационарного источника. В сентябре 1898 года в одной нью-йоркской газете было помещено сообщение о молнии — или о чем-то, имеющем вид свечения. На Ямайке: что-то ударило в дерево; около дерева было найдено некоторое количество мелкой гальки. Говорили, что галька упала с неба вместе с молнией, но оскорблением ортодоксии было то, что то были не угловатые обломки, какие могли отколоться от каменного метеорита: что это была «галька, скатанная водой».

В географической неопределенности материка объяснение типа «вверх в одном месте и вниз в другом «всегда хорошо и никогда не переутомляется до тех пор, пока примеры не становятся массовыми, как в этой книге; но в этом случае на Ямайке нельзя было найти ни одного смерча, и тем не менее сразу же выскочило, что они «там были изначально».

Monthly Weather Review, август, 1898 г., 363: Правительственный метеоролог расследовал; и сообщил, что в дерево ударила молния и около дерева была найдена мелкая скатанная водой галька; но что подобную гальку можно найти по всей Ямайке. Monthly Weather Review, сентябрь, 1915 г., 446: Профессор Фассиг рассказывает о падении града, которое произошло 22 июня 1915 года в штате Мериленд: градины размером с бейсбольный мяч «встречались отнюдь не редко».

«Интересное, но неподтвержденное сообщение утверждает, что в сердцевине некоторых более крупных градин, собранных в Аннаполисе, была обнаружена мелкая галька. Молодой человек, рассказавший эту историю, предложил достать образцы этой гальки, но не сделал этого».

Примечание

«После написания этого автор заявляет, что получил несколько галек».

Когда молодой человек «достаёт» гальки, это столь же убедительно, как и что угодно другое, о чем я только не слышал, хотя и не более убедительно, чем если бы, услышав, что с неба падают сэндвичи с ветчиной, он «достал» несколько сэндвичей с ветчиной. Если это «нерасположение» и отмечается нами, мы увязываем его с одной особенностью, о которой сообщает обозреватель Бюро Погоды, отмечая, что независимо от того, находилась ли галька вверху долгое время, или нет, некоторые из градин, упавшие с нею, несомненно находились. Эта особенность состоит в том, что эти градины состояли из чередующихся двадцатидвадцати пяти слоев, состоящих из чистого льда и снежного льда (слежавшегося снега). В ортодоксальных понятиях я доказываю, что крупные градины падают из тучи со скоростью достаточной для того, чтобы разогреть ее, так что на них вряд ли мог образоваться даже один слой льда. Чтобы объяснить эти двадцать слоев льда, я могу придумать только что-то, что вовсе не падало с неба, а долго и неторопливо каталось на чем-то.

А сейчас мы рассмотрим общеизвестный факт, знакомый в двух отношениях:

Маленькие симметричные металлические предметы, упавшие в Оренбурге, Россия, в сентябре 1824 года (*Philosophical Magazine*, 4-8, 463) :

Сейчас я думаю о диске из Тарба, но когда я впервые наткнулся на эти факты, я был поражен только фактом повторения, поскольку предметы из Оренбурга описывались как кристаллы пирита, или сульфата железа. Я и не думал о металлических предметах, которые были сформированы или изготовлены по шаблону с помощью процесса, отличного от кристаллизации, пока не наткнулся на рассказ Араго об этих находках (*Oscuvres*, 11-644). Анализ дает здесь 70 процентов красной окиси железа и серу, а также потери при прокаливании 5 процентов. Мне кажется, что можно принять, что железо, содержащее в себе значительно меньше 5 процентов серы, не есть железистый пирит, тогда мелкие, покрытые ржавчиной железные предметы, сформованные каким-то другим способом, упали в одном и том же месте через промежуток времени в четыре месяца. Господин Араго выражает изумление по поводу этого, столь знакомого нам феномена повторения.

В общем и целом, я вижу открывающиеся перед нами перспективы

ереси, на которую я лично должен закрыть глаза. Я всегда симпатизировал догматикам и эксклюзионистам — это очевидно из наших вводных строк: что казаться существующим означает ложно, произвольно и догматически исключать. Это означает только, что эксклюзионисты, живущие в девятнадцатом столетии, суть зло в двадцатом. Мы все время чувствуем постепенный переход, слияние где-то в бесконечности, но чтобы эта книга приблизилась к форме, а наши факты к вразумительности, нам придется постоянно удерживать себя от отклонений в бесконечность. Но наша задача состоит в том, чтобы нарисовать свой собственный контур, или разницу между тем, что мы включаем, и тем, что исключаем, неразличимым.

Ключевой пункт здесь и тот предел, дальше которого мы не должны заходить — слишком уж — состоит в следующем:

Принятие, что существует область, которую мы называем Суперсаргассовым морем, еще не полностью принятая, но предварительно намеченная позиция, получившая немалую поддержку;

Но она является частью этой земли и вращается вместе с этой землей и над нею;

Или она лежит плоско и уныло на этой земле, не вращаясь с нею и над нею;

Эта земля не вращается и она вообще не круглая и не закругленная, но непрерывно и постепенно переходит в остальные части своей системы, так что, если бы можно было оторваться от традиций географов, можно было бы идти, идти и идти и дойти до Марса и затем обнаружить, что Марс постепенно переходит в Юпитер?

Я предполагаю, что когда-нибудь такие вопросы будут звучать абсурдно — это будет такая ясная вещь...

Потому что мне очень трудно представить, чтобы маленькие металлические предметы висели точно над маленьким городком России месяцами, если они могли вращаться, неприкрепленные, вместе с вращающейся землей...

Могло ведь быть и так, что нечто прицелилось в этот городок, а затем, позже, сделало второй выстрел.

Таковы рассуждения, которые мне кажутся злыми по отношению к этим начальным годам двадцатого века...

В данный момент я принимаю, что эта земля является — не круглой, конечно — это очень старомодно — а кругловатой, или по крайней мере что она имеет, что называется, собственную форму и не вращается вокруг своей оси и движется по орбите вокруг солнца. Я только принимаю традиционные представления...

И что над нею имеются области приостановки действия силы тяжести, которые вращаются вместе с нею: из которых падают на землю разные предметы в результате всякого рода возмущений, а затем, позже, снова падают в том же самом месте:

Monthly Weather Review, май, 1884 г., 134: Сообщение обозревателя Службы Связи из Бисмарка, штат Дакота:

Что в 9 часов вечера 22 мая 1884 года во всем городе были слышны резкие звуки, вызванные падением кремнистых камней, ударяющих в окна.

Пятнадцать часов спустя в Бисмарке произошло второе падение кремнистых камней.

Сообщения о падении камней в это время в других местах отсутствуют.

Эта вещь относится к числу ультрапроклятых. Все редакторы научных публикаций читают «Мансли Уэзер Ривью» и часто перепечатывают материал оттуда. Шум, поднятый камнями Бисмарка, стучащих в эти окна, может быть, передает что-то на языке, который летчики когда-нибудь смогут интерпретировать, но это был шум, со всех сторон окруженный молчанием. Об этой ультрапроклятой вещи нет ни единого упоминания, которое я мог бы найти, ни в одной другой публикации.

Размеры некоторых градин вызывали беспокойство у многих метеорологов, но не авторов учебников по метеорологии. Я не знаю более безмятежного занятия, чем составление учебников, — хотя писание для «Военного клича» или Армии Спасения, вероятно, столь же лишено событий. В сонной безмятежности учебника мы легко и бездумно читаем о пылевых частицах, вокруг которых формируются дождевые капли или кристаллики льда (градинки), которые затем во время своего падения увеличиваются в размерах за счет слипания и срастания, — но в метеорологических журналах мы часто читаем об образовании ядер градин в воздушных пространствах...

Но речь идет о величине предметов. Погрузите мраморный шарик из детской игры в ледяную воду. Погружайте, погружайте и снова погружайте. Если вы решительный погружатель, вы получите в конце концов предмет размером с бейсбольный мяч, хотя я думаю, что за это время эта штука может упасть с луны. Так же интересно слоистое строение градин. Мерилендские градины необычны, но дюжину слоев можно насчитать довольно часто. Феррел приводит пример градины с тринадцатью слоями. Такие соображения заставили профессора Шведова (Shwedoff) доказывать, что некоторые градины не зарождались и не могли зародиться в земной атмосфере, что они упали откуда-то из другого места. Так вот, в

относительном существовании ничто само по себе не может быть привлекательным или отталкивающим: его действия суть функции его ассоциаций и подразумеваемых смыслов. Многие из наших фактов были взяты из консервативных научных источников: только после того, как стали ощущаться их диссонирующие следствия, или несоответствия с Системой, было провозглашено их изгнание.

Доклад профессора Шведова был прочитан на собрании Британской Ассоциации (Report за 1882 год, стр. 453).

Смысл доклада был для уютно устроившихся и сплоченных мелких эксклюзивистов 1882 года, хотя мы полагаем, что они функционировали сравнительно хорошо и умело до 1882 года.

Вода — океаны, озера, пруды или реки неприемлем, — есть вода вдали от и все же не слишком далеко от атмосферы и гравитации этой земли — Ее боль:

Что уютная системочка 1882 года была бы вытеснена из своего спокойствия

Что пришлось бы учиться заново целой новой науке: Науке Супергеографии

И наука — это черепаха, которая говорит, что ее собственный панцирь содержит все вещи.

Таковы и члены Британской Ассоциации. Для некоторых из них идеи профессора Шведова были словно шлепки по спине отрицающей внешнюю среду черепахи; для некоторых из них его ересь была, словно предложением мяса, сырого и капающего, ягнятам, выкормленным на молоке. Некоторые из них блеяли, как ягнята, другие ковыляли, как черепахи. Мы привыкли распинать, но сейчас мы высмеиваем, или, ввиду отсутствия энергии всякого прогресса, костыли эфиризовались в смех. Сэр Уильям Томсон высмеял эту ересь со всеми призраками своей эпохи:

Все тела, такие как градины, оказавшись вдали от атмосферы этой земли, должны будут двигаться с планетной скоростью, которая была бы позитивно приемлемой, если бы заповеди Св. Исаака не были бы всего лишь предметами веры, что градина, падающая сквозь атмосферу этой земли с планетной скоростью совершила бы работу, в 13 000 раз большую, чем нужно для того, чтобы поднять температуру равного количества воды на один градус Цельсия, и поэтому вообще никогда не упала бы в виде градины; она не просто бы расплавилась, но подверглась бы супервозгонке...

Эти блеяние и черепашьё ковыляние педантов, хотя мы настаиваем, что сравнительно с 1882 годом к этим ковыляниям и блеяниям следует

относиться столь же уважительно, как мы относимся к тряпичным игрушкам, которые занимают младенцев и удерживают их от воплей. Именно против привязанности к тряпичным куклам до зрелого возраста возражаем мы, поэтому эти благочестивые и наивные, которые верили, что 13 000 раз чего-то может иметь — то есть в квазисуществовании — точный и вычислимый. итог, в то время, как нет ничего — в этом квазисуществовании — что может быть названо целостностью, — за исключением заблуждения и удобства и в первую очередь те молитвы Св. Исааку, требующие слепой веры в формулы падающих тел...

Против фактов, множившихся в свое время о медленно падающих метеоритах; «теплые, как молоко» метеориты, отмеченные даже Фаррингтоном и Мерриллом; по крайней мере один ледяной метеорит, нигде не отрицаемый современной ортодоксией, — факт, столь же доступный Томсону в 1882 году, как он сейчас доступен для нас, потому что это произошло в 1860 году. Фасоль, иголки, и гвозди, и магнит. Иголки и гвозди прилипают к магниту и классифицируются по отношению к магниту, но если вместе с ними захвачено и несколько фасолин, то они оказываются несовместимыми с этой системой и выпадают из нее. Какой-нибудь член Армии Спасения может снова и снова слышать о фактах, которые кажутся эволюционисту столь легко запоминающимися. Кажется удивительным, что они не оказывают на него никакого воздействия — оказывается, что он не может запомнить их. Невероятно чтобы сэр Уильям Томсон никогда не слышал о медленно падающих холодных метеоритах. Просто у него не было способности помнить такие несообразности.

И опять появляется мистер Саймонз. Мистер Саймонз был человеком, который, вероятно, сделал для метеорологии как науки больше, чем кто-либо другой в его время, чтобы удержать науку метеорологию от дальнейшего развития. В *Nature*, 41, 135, Саймонз говорит, что идеи профессора Шведова «очень забавны».

Я думаю, что еще более забавно наше предположение, что не очень далеко над поверхностью этой земли есть область, которая будет предметом целой новой науки — супергеографии — с которой мы обессмертим себя в возмущении школяров будущего...

Галька, обломки метеоров и предметы с Марса, Юпитера и Азурии: клинья, запоздавшие послания, пушечные ядра, кирпичи, гвозди, уголь, кокс и древесный уголь, и отвратительные старые грузы — предметы, которые в одних областях облакаются в лед, и вещи, которые попадают в области столь теплые, что гнивают, — в этой супергеографии есть все климатические пояса. Мне придется допустить, что там часто встречаются

ледяные поля, столь же обширные, как и ледяной покров Арктического Океана, — массы воды, с многочисленными рыбами и лягушками, полосы земли, покрытые гусеницами...

Летчики будущего. Они летают все выше и выше. А затем они выходят и идут. Рыба ловится отлично — наживка прямо здесь. Они находят послания из других миров — через три недели разворачивается большая торговля поддельными посланиями. Когда-нибудь я напишу для летчиков путеводитель по Суперсаргассовому морю, но в данный момент на нее не будет большого спроса.

А сейчас мы снова вернемся к изложению наших взглядов на град как сопровождающее явление, или приведем дополнительные факты о предметах, упавших с неба вместе с градом.

В общем, наша точка зрения заключается в следующем:

Возможно, что эти предметы были подняты вверх с какой-нибудь другой части земной поверхности с помощью смерчей или же они, может быть, и не падали, а находились на земле изначально, но могли ли градины, которые находят вместе с ними, быть поднятыми из какой-нибудь другой части земной поверхности или могли ли градины находиться на земле изначально?

Как я сказал выше, эта точка зрения для нескольких случаев не имеет смысла; разумно предположить какое-то совпадение между падением града и падением других предметов, но поскольку таких случаев было довольно много, мы начинаем подозревать, что эта книга, которую мы пишем, отнюдь не будет санаторием для перетрудившихся совпадений. Если нельзя себе представить, как в атмосфере этой земли могли образоваться очень большие градины и глыбы льда и, следовательно, они должны были упасть из внешних регионов, тогда и другие предметы, находящиеся внутри очень больших градин и глыб льда или сопровождающие их, тоже должны были поступать из внешних регионов, что мало беспокоит нас: мы, может быть, будем мгновенно перенесены к Позитивному Абсолюту.

Cosmos, 13, 120, цитирует газету из Вирджинии, что в 1853 году в Норфолке, штат Вирджиния, вместе с градом упали рыбы, относящиеся якобы к рыбам-кошкам; некоторые из них были до фута длиной.

Растительные остатки, не только в центре, но и намерзшие на поверхности больших градин, отмечены в Тулузе, Франция, 28 июля 1874 года (La Science Pour Tous, 1874 г., 270).

Описание грозы в Понтиаке, Канада, 11 июля 1864 года, во время которой якобы падали не градины, а «куски льда диаметром от полдюйма до более чем два дюйма» (Canadian Naturalist, 2-1-308):

«Но самой удивительной вещью было то, что один уважаемый фермер, человек несомненно правдивый, говорит, что подобрал градину, или кусок льда, в центре которого находилась маленькая зеленая лягушка».

Гроза в Дьюбуке, штат Айова, 16 июня 1882 года, во время которой шел град и падали куски льда (Monthly Weather Review, июнь 1882 г.):

«Мастер с завода «Новэлти Айрон Верке», находящегося в этом же городе, утверждает, что в растопленных им двух больших градинах были найдены маленькие живые лягушки». Но куски льда, упавшие в этом случае, имели одну особенность, которая показывает, хотя это указание столь же странное, как и все остальные, которые мы имели до сих пор, что они долгое время были неподвижны или где-то плавали в небе. Скоро мы рассмотрим это подробнее. Living Age, 52,186:

30 июня 1841 года в Бостоне упали рыбы, и одна из них имела десять дюймов в длину; что через восемь дней рыбы и лед упали в Дерби.

В Timb's Year Book, 1842 г., 275, говорится, что в Дерби в огромных количествах падала рыба; длиной от полдюйма до двух дюймов, а некоторые значительно крупнее. В Atheneum, 1841 г., 542, в перепечатке из Шеффилдского Patriot, говорится, что одна из этих рыбок весила три унции. В нескольких сообщениях говорится, что вместе с рыбами упало много маленьких лягушек и «куски полурастаявшего льда». Нам говорят, что лягушки и рыбы были подняты из какой-то другой части земной поверхности смерчем; никакой конкретный смерч не указан; ничего не говорится о том, из какой части земной поверхности происходит лед — в июле месяце; интересно, что лед описывается как «полурастаявший». В лондонской «Тайме» от 15 июля 1841 года говорится, что это была колюшка, что рыбки падали вместе со льдом и маленькими лягушками, многие из которых остались живы после падения. Мы отмечаем, что через три месяца (7 октября 1841 года) в Данфермлайне во время грозы упало много рыбок длиной до нескольких дюймов (лондонская «Тайме», 12 октября 1841 г.).

О граде мы особенно не беспокоимся. Вопрос об их слоистом строении кажется важным, но мы больше думаем о падении с неба кусков и глыб льда как о возможных свидетельствах о Суперсаргассовом море:

Куски льда, один фут в окружности, Дербишер, Англия, 12 мая 1811 года (Annual Register, 1811 г., 54); кубической формы масса, шести дюймов диаметром, упавшая в Бирмингеме через 26 дней (Tomson. Introduction to Meteorology, стр. 179); глыбы размером с тыкву в Бангалоре, Индия, 22 мая 1851 года (Report of the British Association, 1855 г., 35); куски льда весом полтора фунта каждый, Нью-Хэмпшир, Англия, 13 августа 1851 года

(Lummis. Meteorology, стр. 129); куски льда размером с человеческую голову во время торнадо в Дельфосе (Ferrel. A popular Treatise, стр. 428) ; размером с человеческую кисть, убиты тысячи овец, Техас, 3 мая 1877 года (Monthly Weather Review, май 1877 г.); «куски льда, настолько большие, что их нельзя было удержать одной рукой», в торнадо, в штате Колорадо 24 июня 1877 года (Monthly Weather Review, июнь 1877 года); куски 14-100; глыба льда 21 дюйма в окружности, упавшая с градом, штат Айова, июнь 1881 года (Monthly Weather Review, июнь 1881 года); «куски льда» восьми дюймов длиной и полтора дюйма толщиной, Дэйвенпорт, штат Айова, 30 августа 1882 года (Monthly Weather Review, август 1882 года); комья льда размером с кирпич и весом два фунта, Чикаго, 12 июля 1883 года (Monthly Weather Review, июль 1883 года); глыбы льда полтора фунта каждая, Индия, май (?), 1888 года (Nature, 3742); глыба льда весом в четыре фунта, Техас, 6 декабря 1893 года (Scientific American, 68-58); глыбы льда весом один фунт каждая, 14 ноября 1901 года в торнадо, Виктория (Meteorology of Australia, стр. 31).

Конечно, мы считаем, что эти куски и глыбы не только сопровождали торнадо, но и были принесены на землю этим торнадо.

Фламарион Athmosphere, стр. 34: Глыба льда, весившая четыре с половиной фунта, упавшая в Касорте, Испания, 15 июня 1829 года; глыба льда весом в 11 фунтов, упавшая в Сэтт, Франция, в октябре 1844 года; масса льда длиной в три фута, шириной в три фута и более двух футов толщиной, упавшая во время грозы в Венгрии 8 мая 1802 года. Scientific American, 47,119:

Что, согласно «Сэлайна Джорнэл», в августе 1882 года близ Сэлайны, штат Канзас, с неба упала глыба льда весом около 80 фунтов. Нам говорят, что м-р У. Дж. Хаглер, торговец из Норе Санта Фе, стал ее обладателем и хранил ее в опилках в своем магазине. Лондонская «Тайме», 7 апреля 1860 года: 16 марта 1860 года во время пурги в Верхнем Уоздале упали глыбы льда; что издали они казались стадом овец. Report of the British Association, 1851г., 32: Что в 1828 году в Кандейше (Candeish), Индия, упала глыба льда размером в один кубический ярд.

В отношении этих фактов, которые, насколько я знаю, никогда раньше не были сведены вместе, существует заговор молчания со стороны ученых, который кажется необычным. Может быть, наше Суперсаргассово море и не является неизбежным выводом, но прибытие на эту землю льда из внешних регионов, очевидно, таковым является, не считая того, что где-то должен быть постепенный переход, хотя бы очень слабый. Он заключается в предположении, что эти глыбы льда представляют собой смерзшиеся

градины. Лондонская «Тайме», 4 августа 1857 года: На лугу мистера Уорнера из Криклвуда была найдена глыба льда, описанная как «чистый» лед, весом в 25 фунтов. Накануне днем прошла гроза. Как и в некоторых других наших случаях, никто не видел, как этот предмет падал с неба. Он был найден после грозы — это все, что можно сказать о нем.

Письмо от капитана Блейкстона, прочитанное генералом Сэбайном (Sabine) Королевскому Обществу (Royal Society Proceedings) в Лондоне, 10-468:

14 января 1860 года во время грозы на корабль капитана Блэйкистона упали куски льда, — что это не был град. «Это был не град, а неправильной формы куски твердого льда разнообразных размеров вплоть до половины кирпича».

Согласно сообщению Advertiser-Scotchman, процитированному в Edinburgh New Philosophical Magazine, 47, 371, в Орде, Шотландия, в августе 1849 года после «необычайного раската грома» упала глыба льда неправильной формы».

Говорится, что это был однородный лед, за исключением его малой части, которая имела вид смерзшихся градин.

Эта глыба имела в окружности около 20 футов. В номере лондонской «Тайме» от 14 августа 1849 года приводится история о том, что 13 августа 1849 года после мощного раската грома на земле поместья мистера Моффата из Боллваллича, Росшир, упала глыба льда, имевшая якобы 20 футов в окружности. Говорится, что эта глыба упала в одиночку, то есть без града.

В общем и целом, хотя это и не такой уж сильный довод в пользу существования Суперсаргассова моря, я все же думаю, что это наши лучшие доводы в пользу внешнего происхождения. Что большие глыбы льда могут образоваться из атмосферной влаги этой земли столь же вероятно, как предположение, что каменные глыбы могут образоваться в пылевом вихре. Конечно, если лед или вода попадают на эту землю из внешних источников, мы думаем о по крайней мере крошечных организмах, которые могут находиться в них, и затем, на основании наших данных, о лягушках и рыбах и далее обо всем мыслимом, поступающем из внешних источников. Для нас имеет важное значение допустить, что большие куски льда упали с неба, но что мы желаем сейчас больше всего, вероятно, по причине нашего интереса к археологическим и палеонтологическим сокровищам, это покончить с предварительностью и испытательным сроком и полностью принять Суперсаргассово море в нашу более передовую папку избранных этого двадцатого столетия.

В Report of the British Association, 1855 г., 38, говорится, что II декабря 1854 года в Пурхундуре, Индия, упали с неба плоские куски льда, многие из них весом в несколько фунтов — каждый, я полагаю. Они описываются как «большие ледяные хлопья».

Обширные ледяные поля Суперсаргассова моря, или слои в Суперсаргассовом море. Когда они раскалываются, их обломки имеют вид хлопьев. На наш взгляд, существуют воздушные ледяные поля, далекие от этой земли; что они дробятся и их обломки трутся друг о друга, катаясь в паре и воде, имеющих разную консистенцию в разных регионах, медленно формируясь в слоистые градины, — но что существуют и ледяные поля вблизи этой земли, которые раскалываются в точно такие же плоские куски льда, какие покрывают любой пруд или речку, когда лед пруда или речки раскалывается, и иногда выпадают на эту землю в виде этих знакомых плоских образований. Symons Meteorological Magazine, 43-154: Корреспондент пишет, что 2 июля 1908 года в Брэмаре при ясном небе над головой и ярком солнце — откуда-то — упали плоские куски льда. Солнце сияло, но где-то что-то происходило: был слышен гром.

Пока я не увидел репродукцию фотографии в Scientific American, 1 февраля 1914 года, я предполагал, что эти ледовые поля должны находиться, по крайней мере, скажем, в десяти или двадцати милях от этой земли и быть невидимыми для земных наблюдателей, разве что только в виде расплывшихся пятен, о которых так часто сообщают астрономы и метеорологи. Фотография, опубликованная в «Сайентифик Американ», представляет скопление, предположительно облаков, предположительно не очень высоко находящихся, столь они четки. Автор говорит, что ему они показались «полем битого льда». Ниже этого снимка помещено изображение обычного ледового поля, заурядно плывущего по воде. Сходство между этими двумя картинками поразительно, тем не менее, мне кажется невероятным, что первая фотография изображает воздушное ледовое поле, или что тяготение могло перестать действовать всего только в одной миле или около того от земной поверхности, если только не вмешиваются причуды всех вещей.

Нормально тяготение этой земли не простирается, скажем, на десять или пятнадцать миль вверх, и гравитация должна быть ритмической (периодичной).

Конечно в астрономических псевдоформулах тяготение как фиксированная величина играет существенную роль. Примем, что тяготение есть переменная сила, и астрономы лопнут, как резиновый пузырь, с ощутимым шипением и ввергнут в проколотое состояние

экономистов, биологов, метеорологов и других более скромных божеств, которые, по общему согласию, могут предложить только ненадежные приближения.

Всех, кто не хотел бы услышать шипение убегающего нахальства, мы отсылаем к главам Герберта Спенсера о ритме всех явлений.

Если все остальное — свет от звезд, тепло от солнца, ветры и приливы; формы, цвета и размеры животных; предложение, спрос и цены; политические мнения и химические реакции, религиозные учения и напряженность магнитного поля и тиканье часов; приход и уход времен года — если все остальное изменчиво, мы принимаем, что понятие гравитации, как постоянной и формулируемой величины, есть только еще одна попытка достигнуть позитивизма, обреченная, как и все остальные иллюзии реальности в квазисуществовании. Поэтому именно интермедиатизм должен принять, что хотя тяготение может выше приблизиться в постоянству, чем, например, ветры, оно должно находиться где-то посередине между Абсолютами Устойчивости и Неустойчивости. Здесь мы не очень потрясены оппозицией физиков и астрономов, опасаящихся, несколько скорбно, что их язык будет состоять из выдыхающих шипящих.

Значит, ледовые поля в небе, и что, хотя они обычно столь удалены, что кажутся всего лишь размытыми пятнами, временами они подходят достаточно близко, чтобы их можно было рассмотреть в подробностях. Для описания того, что я называю «размытыми пятнами», смотрите Popular Science News за февраль 1884 года — небо, в целом, необычайно ясное, но около солнца — «белая, слегка кудрявая дымка, которая была ослепительно яркой».

Мы принимаем, что иногда ледовые поля проходят между землей и солнцем: что многие слои льда, или очень плотные ледовые поля, или наложенные поля иногда затемняют солнце, что были случаи, когда солнце претерпевало затмения ледовыми полями: Фламарион. *Athmosphere*, стр. 394: 18 июня 1839 года на город Брюссель опустилась глубокая темнота.

Там упали плоские кусочки льда длиной в один дюйм. Плотная темнота в Эйткине, штат Миннесота, 2 апреля 1889 года: песок и «твердые куски льда» якобы упавшие там (*Science*, 19 апреля 1889 г.).

В *Symons' Meteorological Magazine*, 32, 172 приведены рисунки кусков льда с плоскими поверхностями и грубо зазубренными краями, выпавших 10 августа 1897 года в Манассас, штат Вирджиния. Они были похожи на крупные обломки гладкого листового льда, как всегда были похожи на них крупные обломки гладких листов или пластин льда. Около двух дюймов в

поперечнике и одного дюйма толщиной. В журнале *Cosmos*, 3, 116, говорится, что в Руане, Франция, 5 июля 1853 года упали неправильной формы куски льда размером с кисть руки; они выглядели так, словно были отколоты все от одной огромной глыбы льда. Я думаю, что это был воздушный айсберг. В ужасающей тесноте, или почти абсолютной глупости 19-го столетия никому ни разу не пришло в голову поискать следы полярных медведей или тюленей на этих обломках.

Конечно, видя то, что мы хотим видеть, иметь возможность собрать эти факты только потому, что они согласуются с представлениями, сформированными заранее, мы относимся не столь уважительно к нашим собственным представлениям о том., что подобное впечатление внушается наблюдателю, у которого нет никакой теории или точки зрения, которую он должен поддерживать. В общем, наши предубеждения и видят, и исследуют, но это не следует принимать как абсолют. *Monthly Weather Review*, июль 1894 г. Согласно бюро Погоды Портланда, штат Орегон, 3 июня 1894 года здесь прошел торнадо. С неба упали обломки льда.

Они имели среднюю площадь от трех до четырех квадратных дюймов и около дюйма толщиной. В длину и ширину у них были гладкие поверхности, требуемые нашим предположением; и, согласно автору статьи в «Ревью», «создавали впечатление об огромном ледяном поле, подвешенном в атмосфере и внезапно разбитом на обломки размером с ладонь».

Этот факт, без сомнения относящийся к тому множеству, которое мы называем «проклятыми», или еще до того, как мы дошли до предела выносливости, выслушивая суждения или трафаретные осуждения от младенцев, черепах и ягнят, был перепечатан, но без комментариев в *Scientific American*, 71, 371. Наша теология формулируется примерно так:

Конечно, мы должны быть прокляты, но мы восстаем против того, чтобы нас осудили младенцы, черепахи и ягнята.

А сейчас мы подходим к замечательным фактам в очень трудном разделе супергеографии. Обширные поля воздушного льда. В предательстве воображимого заключен для меня урок. Большая часть нашей оппозиции состоит в ясности, с которой общепринятое, но невозможное, становится воображимым, а затем стойким по отношению к модификациям. После того, как оно стало для меня обычным, я ясно представил себе обширные листы льда, в нескольких милях над этой землей, затем слияние солнца и частично растаявший лед, затем та заметка о падении льда в Дерби — вода, просачивающаяся сквозь лед и образующая сосульки на нижней поверхности ледяного листа. Я словно посмотрел вверх и так ясно

увидел эти льдинки, свисающие, как сталактиты, с плоского потолка пещеры, как белые кальцитовые сосульки. Или я взглянул вверх на нижнюю сторону воздушной ледяной глыбы и словно увидел сосочки, которые иногда наблюдаются на нижней поверхности небольших плавучих льдин. Но тогда — но тогда, — если сосульки могли образоваться на нижней поверхности листа воздушного льда, то это было бы результатом капания воды в направлении к этой земле; сосулька является, конечно, проявлением гравитации — и, если вода от таяющего льда должна падать к этой земле, тогда почему бы и сам лед не мог упасть до того, как успели образоваться сосульки. Конечно, в квазисуществовании, где все является парадоксом, можно спорить, что вода капает, а лед нет, потому что лед тяжелее, то есть дело в массах. Я думаю, это представление является более передовым, чем то, которое мы принимаем в данное время. Наша точка зрения на сосульки: Обширное воздушное ледяное поле, оно инертно по отношению к притяжению этой земли, но всеобщий поток и изменчивость, и часть его проседает ближе к этой земле и становится восприимчивым к гравитации в силу связи с главной массой эта часть не падает, но вода от ее таяния падает, образуя сосульки, затем в результате различных возмущений эта часть иногда падает в виде обломков, утыканных сосульками.

О кусках льда, которые упали в Дьюбуке, штат Айова, 16 июня 1882 года, причем некоторые из них содержали живых лягушек, говорится, что среди них встречались куски от одного до семнадцати дюймов в окружности; самые большие весили один и три четверти фунта, и что на поверхности некоторых были сосульки длиной до полудюйма. Мы подчеркиваем, что эти предметы не были градинами.

Единственной точкой слияния (связующим звеном) являются шишковатые градины, или большие градины с выступами, вызванными кристаллизацией, но это не есть связующее звено с наземными явлениями, и такие образования для ортодоксии необъяснимы; или невероятно, чтобы град мог кристаллизоваться таким образом — а не образоваться путем слипания — в течение нескольких секунд падения. Отчет о таких градинах смотрите в журнале *Nature*, 61, 594. Обратите внимание на размеры — «некоторые из них были величиной с индюшачье яйцо».

Мы предполагаем, что иногда падали одни только сосульки, словно от сотрясения, или словно нечто произошло по нижней стороне воздушного ледяного поля, смахнув сосочки.

Monthly Weather Review, июнь 1889 г.: 11 июня 1889 года в Осуэго, штат Нью-Йорк, согласно Туринской (штат Нью-Йорк) газете «Лидер», здесь во время грозы упали кусочки льда, которые «были похожи на

обломки сосулек». *Monthly Weather Review*, 29, 506: На острове Флоренс на реке Святого Лаврентия 8 августа 1901 года вместе с обычным градом упали куски льда, «имевшие форму сосулек, размером и формой похожие на свинцовые карандаши, разрезанные на секции длиной около трех четвертей дюйма».

Таким образом, наши факты говорят о Суперсаргассовом море и его Арктическом Регионе; и целыми неделями подряд какое-нибудь ледовое поле могло висеть неподвижно над какой-нибудь частью поверхности этой земли — солнце в какой-то степени воздействовало на него, но, должен сказать, не сильно, пока после полудня часть его не проседала, но еще скреплялась силой сцепления с главной массой, после чего время от времени случалось несколько странное для нас происшествие, или падение воды из безоблачного неба, день за днем, в одной небольшой части поверхности этой земли, в конце дня, после того как солнечные лучи имели достаточно времени для своего воздействия. *Monthly Weather Review*, октябрь 1886 г.: Согласно газете *Chronicle* города Шарлотт, штат Северная Каролина, 21 октября 1886 года, в этом городе в течение трех недель наблюдалось падение воды с ясного неба на одном определенном месте каждый день около трех часов дня; что, независимо оттого, было небо покрыто тучами или безоблачно, вода или дождь падали на маленький клочок земли между двумя деревьями и больше нигде.

Это газетное сообщение, и как таковое, оно кажется, должно находиться в самой гуще вещей нежелательных — либо для меня, либо для любого другого проявления Армии Спасения. Отчет обозревателя Службы Связи в Шарлотте, опубликованный в *Review*, следует ниже:

«21 —го числа наблюдалось необычное явление: получив информацию о том, что в течение нескольких недель до этой даты ежедневно после трех часов дня на определенном месте около двух деревьев на углу двух улиц — Девятой и Улицы-Д шел дождь, я посетил это место и увидел выпадение осадков в виде дождевых капель в 4:47 и 4:55 после полудня в то время как солнце ярко сияло, 22-го числа я опять посетил это место и от 4:05 до 4:25 после полудня из безоблачного неба шел легкий дождь... Иногда выпадение осадков происходит на площади больше половины акра, но, кажется, всегда центром такого участка являются эти два дерева, в то время как самый легкий дождь наблюдается только там».

XIV

МЫ ВИДИМ ТАК, как это принято. Это не только в том смысле, что мы думаем, и говорим, и одеваемся одинаково, по причине нашего подчинения общественной попытке достигнуть Сущности, в которой мы только звучит достаточно ортодоксально, если мы скажем младенцу, что «лошадь это не лошадь», — не больше, чем сказать, что «апельсин это апельсин», человеку неразбирающемуся. Иногда бывает интересно идти по улице, смотреть на предметы и размышлять о том, на что они были бы похожи, если бы нас не научили видеть лошадей, дома и деревья как лошадей, дома и деревья. Я думаю, что для сверхзрения они суть всего лишь локальные напряжения, неразлично переходящие друг в друга во всеохватывающей связи.

Я думаю, что будет достаточно правдоподобно, если мы скажем, что и Монстратор, и Элвира, и Азурия много раз пересекали поле зрения телескопов и не были увидены, потому что видеть их было бы непристойно; это не было бы достойным уважения, и это не было бы прилично; для старых костей было бы оскорбительно видеть их — это означало бы навлечь на себя зловердные воздействия от останков Св. Исаака. Но вот наши данные:

Об обширных мирах, не имеющих орбиты, или мирах управляемых, или о мирах, плывущих по воле межпланетных приливов и течений; данные, которые у нас будут, об их приближении в наше время на расстояние пяти или шести миль от этой земли...

А затем об их посещениях, или приближениях к другим планетам или к другим из нескольких подчиняющихся закономерности телам, которые подчинились попытке этой солнечной системы достигнуть Бытия...

Вот вопрос, от которого нам не очень удастся уклониться:

Видели ли когда-либо астрономы эти другие миры или суперконструкции?

Я думаю, что в этом не было бы большого приближения к реальности, если бы мы представляли себе астрономов как людей, которые только таращат глаза и щурятся и видят только то, что заслуживает уважения и что похвально видеть. Это все равно, что сказать, что астрономы это гипнотики и что астроном, смотрящий на луну, гипнотизируется лунной, но наша точка зрения состоит в том, что тела, рассматриваемые нами, часто посещают луну, или пересекают ее, или держатся в неподвижном положении недалеко

от нее и, далее, некоторые из них должны часто попадать внутрь диаметра астрономического гипноза. Наше общее утверждение:

На океанах этой земли существуют корабли, плавающие по определенным рейсам, и корабли, не работающие на определенных рейсах;

В суперокеане есть планеты, движущиеся по определенным орбитам, и планеты, аналогичные грузовым пароходам, не работающим на определенных рейсах;

Астрономы похожи на мелочно-расчетливых пуристов, которые отрицают коммерческое бродяжничество.

Мы полагаем, что огромные небесные бродяги были исключены астрономами, первоначально из-за того, что их, бродяг, ненадежность и безответственность бросают вызов чистоте и точности, или попытке достигнуть позитивизма; а во-вторых, из-за того, что их видят не так уж часто. Планеты постоянно отражают солнечный свет и на этом единообразии была выстроена система, которую мы называем Первоначальной Астрономией; но сейчас предметом изучения Развитой Астрономии являются факты о небесных феноменах, которые бывают то яркими, то темными, изменяясь как некоторые спутники Юпитера, но в более широком диапазоне. Тем не менее, светлые или темные, они наблюдались и о них сообщалось так часто, что единственной важной причиной их исключения является одно: они не подходят.

Темные тела, являющиеся внешними по отношению к нашей солнечной системе, меня — в силу провинциализма, от которого никому не убежать — не особенно волнуют. Темные тела, плавающие во внешнем пространстве, были бы прокляты всего несколько лет назад, но сейчас они санкционированы профессором Барнардом, и если он говорит, что с ними все в порядке, вы можете думать о них, не опасаясь, что этим совершите что-нибудь неправильное или смешное, это то тесное родство, которое мы так часто отмечали, между злом и нелепостью, — я полагаю, что под смешным я подразумеваю злое пустословие. Например, темный товарищ Альголя. Хотя это чистейший случай смешанного брака между белым и черным, пуристы или позитивисты отметят, что это так.

В Proceedings of the National Academy of Sciences, 1915 г., 394, профессор Барнард пишет об одном объекте, — он называет его «объектом», — в созвездии Цефея (Cephus). Он хочет доказать, что вне этой солнечной системы существуют темные непрозрачные тела. Но в Astronomical Journal, 1916 г., 1, он модифицирует свою точку зрения, рассматривая их как «темные туманности».

Мы допускаем, что, например, Венеру часто посещают другие миры, и

суперконструкции, из которых происходит шлак, кокс и уголь; иногда эти предметы отражали свет и их видели с этой земли профессиональные астрономы. Мы отметим, что на протяжении этой главы наши факты — это ненавистные брамины, по мере того, как, в силу гипноза и инерции, мы продолжаем говорить, точно так же, как многие ученые 19-го столетия продолжали и продолжали отмечать силу системы, которая им предшествовала, — иначе Непрерывность была бы разбита вдребезги. Здесь нам выпадает большой шанс быть мгновенно перенесенными к Позитивному Абсолюту — ах, да...

Я здесь подчеркиваю, что наши проклятые факты суть наблюдения астрономов высочайшего ранга, изгнанные астрономами близкого к ним ранга, но поддержанные преобладающим духом их эпохи, по отношению к которому все умы должны были сохранять равновесие или оказаться пренебрегаемыми, неслышанными и утопленными. В этой книге временами будет казаться, что наши мятежи направлены против догм и первосвященств отдельных выдающихся ученых. Но это только удобство, поскольку эти черты, мне кажется, необходимо персонифицировать. Если мы, например, просмотрим Philosophical Transactions публикации, например, Королевского Астрономического Общества, то увидим, что, например, Гершель был столь же бессилён, как и любой мальчишка — любитель считать звезды, заставить принять любое свое наблюдение, которое не согласуется с системой, вырвавшейся столь же независимо от него, и всех остальных астрономов, как определенная стадия развития эмбриона заставляет все клетки, принять вид, согласный с проектом и предустановленным ходом развития и программой целого.

Посетители Венеры:

Ивэнс «Пути Планет» (Evans. Ways of the Planets), стр. 140:

В 1645 году близ Венеры видели какое-то тело, достаточно большое, чтобы быть похожим на спутник. За первую половину 18-го столетия четыре раза сообщалось об аналогичном наблюдении. Последнее из этих сообщений относится к 1767 году.

Согласно Science Gossip, 1886 г., 178, около Венеры видели большое тело — семь раз. По крайней мере один астроном — Узо принял эти наблюдения и дал имя этому — миру, планете, суперконструкции — «Нейт». В Transactions of the New York Academy of Science, 5, 249, его взгляды упоминаются «мимоходом, но без поддержки».

Узо или кто-то другой, пишущий для рубрики в воскресной газете — полное молчание о том и другом. Новый спутник в этой солнечной системе — это могло вызвать некоторую тревогу, хотя формулы Лапласа, которые в

его время считались окончательными, пережили допуск в солнечную систему пяти или шести сотен тел, не включенных в эти формулы, спутник Венеры мог немного побеспокоить, хотя и был бы объяснен, но большое тело, приближающееся к планете, остающееся около нее некоторое время, затем улетающее, возвращающееся обратно через некоторое время, — бросающее как бы якорь...

Азурия — это довольно плохо, но Азурия не хуже Нейт.

Astrophysical Journal, 1,127:

Тело, отражающее свет, или яркое пятно около Марса, увиденное 25 ноября 1894 года профессором Пикерингом и другими в Обсерватории Лоуэлла на фоне неосвещенной части Марса, кажется, самосветящимся; подумали, что облако, но его расстояние от планеты оценили в двадцать миль.

В 1799 году Хардинг и Шретер видели светящееся пятно, перемещающееся через диск Меркурия (*Monthly Notices of the Royal Astronomic Society*, 38-338).

В первом Бюллетене, выпущенном Обсерваторией Лоуэлла в 1903 году, профессор Лоуэлл описывает некое тело, которое видели на терминаторе Марса 20 мая 1903 года. 27 мая его присутствие «подозревалось». Если оно все еще находилось там, то оно переместилось, как нам говорят, приблизительно на 300 миль, «вероятно, пылевое облако».

Очень бросающиеся в глаза и яркие пятна, наблюдавшиеся на диске Марса в октябре и ноябре 1911 года (*Popular Astronomy*, том 19, №10).

Итак, один из них произвел шесть или семь наблюдений, которые согласовались друг с другом, за исключением того, что в них нельзя было заметить регулярность мира, планеты, спутника, и он дал ему имя. Он назвал его «Нейт».

Монстратор, Элвира, Азурия и Супер-Романиус — Или что ересь и ортодоксия и единство всех «квази» и наши пути, средства и методы — все это одно и то же. Или, если мы даем имена вещам, которые, может быть, не существуют, мы не являемся единственными виновными в номенклатуре отсутствий... А сейчас Леверье и Вулкан. Опять Леверье.

Или, чтобы продемонстрировать оседаемость пены, воткните булавку в самый большой ее пузырь. Астрономия и надутость: а под надутостью мы подразумеваем растягивание утончающегося. Или что наука астрономия представляет собой призрачную пленку, набитую мифическим материалом, — но мы всегда считаем, что она ближе приближается к субстанциальности, чем система, которая ей предшествовала.

Итак:

Леверье и «планета Вулкан»

И мы повторяем, и это повторение принесет нам мало пользы. Если бы вы принадлежали к тем массам, которые были загипнотизированы астрономами, которые сами были загипнотизированы, иначе бы они не смогли загипнотизировать других, — или что контроль со стороны гипнотизера не есть деспотическая власть, как считают многие, а только перенос состояния от одного гипнотика к другому...

Если бы вы принадлежали к тем массам, которые были загипнотизированы астрономами, вы не были бы в состоянии даже помнить. Десять страниц отсюда, и самому Леверье, и «планете Вулкан» придется исчезнуть из вашего ума, как фасолинам от магнита или как фактам о метеоритах из ума Томсона. Леверье и «планета Вулкан».

И повторение этого принесет нам великую пользу. Но хотя бы временно у нас возникнет впечатление исторического фиаско, которое, на наш взгляд, может случиться только в квазисуществовании.

В 1859 году доктор Лекарболь, астроном-любитель из Оржера, Франция, объявил, что 26 марта этого года он видел, как какое-то тело размером с планету пересекло солнце. Сейчас мы погружаемся в предмет, которой для существующей системы является столь же нечестивым, какими были всегда ее собственные предметы для системы, предшествующей ей, или как всегда были клеветнические измышления относительно чудес предшествовавшей системы. Тем не менее, немногие учебники заходят столь далеко, чтобы вообще пренебречь этой трагедией. Метод системных художников состоит в том, чтобы пренебрежительно привести несколько примеров порочного и другие выбросить. Если бы они пожелали отрицать существование гор на этой земле, они бы зарегистрировали несколько наблюдений о нескольких невысоких холмах близ Оринджа, штат НьюДжерси, но, сказали бы, что пассажиры пригородных поездов, хотя и вполне достойные люди в некоторых отношениях, вероятно перепутали свои наблюдения. Точно так же учебники небрежно упоминают несколько «предполагаемых» наблюдений «Вулкана» и переходят к следующему.

Доктор Лекарболь написал Леверье, который поспешил в Оржер...

Потому что это заявление Лекарболя согласовалось с его собственными расчетами, свидетельствующими о существовании какой-то планеты между Меркурием и Солнцем...

Потому что сама эта солнечная система никак не могла достигнуть позитивности в аспекте Регулярности: рядом с Меркурием, как и рядом с Нептуном, наблюдаются явления, несовместимые с формулами, или

движениями, которые выражают влияние чего-то еще.

Нам говорят, что Леверье «был удовлетворен большой точностью представленных наблюдений». История этого исследования изложена в *Monthly Notices*, 20, 98. Было бы, кажется, слишком плохо угрожать наивной бедняжке нашими грубыми упражнениями в софистике, но забавно наблюдать изобретательность века, от которого нам остались наши нынешние догмы. Лекарболь написал Леверье. Леверье поспешил в Оржер. Но он тщательно скрыл от Лекарболя, кто он. Вошел прямо к нему и «подверг доктора Лекарболя перекрестному допросу — точно так же, как и любой другой мог бы войти в дом кого угодно и крепко прижать хозяина, оставаясь при этом незнакомым для этого прижатого. Только получив удовлетворение, Леверье назвал себя. Я полагаю, что доктор Лекарболь выразил ему свое изумление. Я думаю, в этом было что-то утопическое: это так непохоже на сдержанность жизни в Нью-Йорке.

Леверье дал объекту, о котором сообщил доктор Лекарболь, имя «Вулкан».

Тем же способом, которым он, как полагают верные, открыл Нептун, он уже объявил вероятное существование тела или группы тел внутри орбиты Меркурия. У него было помимо наблюдений Лекарболя пять наблюдений чего-то, пересекшего Солнце. В соответствии с математическими гипнозами своей эпохи, он изучил эти прохождения. Из них он вычислил элементы предполагаемой орбиты, дающие «Вулкану» период обращения вокруг Солнца в 20 дней, или формулу для вычисления гелиоцентрической долготы в любой момент времени.

Но он наметил 1877 год как время наилучшего наблюдения.

Даже если это и так, или считая, что ему предстояло, вероятно, прожить еще немало лет, кое-кому может показаться, что он несколько поспешил, то есть «открыв» Нептун методом, который, на наш взгляд, стоило бы рекомендовать не больше, чем когда-то столь же высокоценимые методы обнаружения ведьм, он не должен был до такой степени полагаться на случай. Если он был прав в отношении Нептуна, но ошибся бы в отношении «Вулкана», то средняя точность его прогнозов оказалась бы ниже, чем у гадалок, которые вряд ли могли бы делать бизнес на основе пятидесяти процентов — все это рассуждения новичка в гипнозе.

22 марта 1877 г. весь ученый мир стоял на задних ногах, обратив носы к небу. Ведь дело было представлено так авторитетно. Ни один Папа никогда не высказывался с большим апломбом. Если целых шесть наблюдений коррелировали друг с другом, какие тут могли быть еще вопросы? Редактор *Nature* за неделю до предсказанного события, хотя и с

оговорками, сказал, что трудно объяснить, как шесть наблюдателей, неизвестных друг другу, могли иметь данные, по которым можно было составить формулу, если бы это не были взаимосвязанные явления.

Кстати, в этой точке наступает перелом всей нашей книги. Формулы против нас.

Но могут ли астрономические формулы, подкрепленные согласующимися между собой наблюдениями, разделенными многими годами, рассчитанные Леверье, оказаться столь же бессмысленными, в позитивном смысле, как и все прочие квазивещи, которые встретились нам до сих пор?

Еще до наступления 22 марта 1877 года были сделаны приготовления. В Англии Королевский Астроном сделал это ожиданием всей своей жизни: наблюдатели в Мадрасе, Мельбурне, Сиднее и Новой Зеландии, договорился с наблюдателями в Чили и в Соединенных Штатах. Господин Струве приготовился к наблюдениям в Сибири и в Японии... 22 марта 1877 года.

Не абсолютно, лицемерно, но я сам думаю, что это было душераздирающе трогательно. На случай, если кто-нибудь усомнился в искренности Леверье в этом деле, мы отметим, имеет ли это смысл или нет, что через несколько месяцев после этого он умер.

Я думаю, нам придется обсудить тему Монстратора, хотя здесь имеется столько всего, что нам придется несколько вернуться назад.

Согласно *Annal Register*, 9, 120, 9 августа 1762 года, господин де Ростан из Базеля, Франция, измерял высоты солнца в Лозанне. Он увидел очень большое веретенообразное тело шириной в три видимых диаметра солнца и девяти в длину, медленно проплывшее через солнечный диск со скоростью «немного более, чем в два раза меньшей движения обычных солнечных пятен». Оно не исчезало вплоть до 7-го сентября, когда достигло края солнечного диска. Основываясь на его веретенообразной форме, я склонен думать, что это был суперцеппелин, но другое наблюдение, которое как будто указывает, что это был какойто мир, свидетельствует, что хотя оно было непрозрачно и «затмевало солнце», вокруг него было что-то вроде туманности или атмосферы(?). Наблюдавшаяся полутень была, возможно, признаком солнечного пятна, но есть наблюдения, указывающие, что этот объект находился на значительном удалении от солнца.

Отмечается, что другой наблюдатель, в Париже, наблюдая в это время солнце, не видел этот предмет:

Но что господин Кроет, в Соле, находящемся приблизительно в сорока пяти германских лигах к северу от Лозанны, видел его, описал ту же

веретенообразную форму, но несколько иначе оценил его ширину. Затем следует отметить важный пункт: что он и мистер де Ростан не видели его на одной и той же части солнца. Это говорит о наличии параллакса и, судя по невидимости этого объекта в Париже, о большом параллаксе. В течение месяца летом 1762 года большое непрозрачное тело веретенообразной формы пересекло солнечный диск, но на большом расстоянии от солнца.

Автор статьи в «Регистре» говорит: «Одним словом, мы ничего не знаем в небе ничего такого, с помощью чего можно было бы объяснить этот феномен». Я думаю, что он не был безнадежным приверженцем объяснений. Необыкновенный человек, я думаю, что в некоторых других отношениях это был человек свободных взглядов. Что касается нас — Монстратор. В Monthly Notices of the Royal Astronomic Society за февраль 1877 года Леверье, никогда, вплоть до последнего дня не терявший веры, приводит семь наблюдений неизвестного тела планетного размера, для которого он вывел формулу движения:

Фриче, 10 октября 1802 г.; Старк, 9 октября 1819 г.; Де Кюпи, 30 октября 1839 г.; Сайдботэм, 12 ноября 1849г.; Лекарболь, 26 марта 1859 г.; Луммис, 20 марта 1862 г.

Если бы мы не настолько привыкли к Науке в ее существенном аспекте Пренебрежения, мы были бы мистифицированы и подавлены, подобно редактору журнала «Нейчер», тем, что эти наблюдения были уложены в формулу: согласие столь многочисленных случаев казалось бы невероятным совпадением; но мы полагаем, что — при достаточном пренебрежении — астрономы и гадалки могут вывести формулу для чего угодно. Мы бы и сами взялись вывести формулы для периодичности толпы на Бродвее, скажем, что каждую среду по утрам высокий мужчина, одноногий и с синяком под глазом, с каучуконосным растением в руке проходит мимо Дома фирмы Зингер в четверть одиннадцатого. Конечно, этого сделать нельзя, если только такой мужчина не ходит действительно там с такой периодичностью, но если в какие-то среды по утрам это будет маленький мальчик, который тащит бочонок, или толстая негритянка, несущая в стирку недельную порцию белья, то с помощью обыкновенного пренебрежения это можно было бы считать предвидением, достаточно хорошим для того вида квазисуществования, в котором мы находимся.

Поэтому, обвиняем ли мы или думаем, что слово «обвинять» слишком возвеличивает отношение к квазиастроному, или только это всего лишь фантазия нашего суперсновидения, мы полагаем, что Леверье никогда не смог уложить в формулу эти наблюдения...

Он выбрал наблюдения; которые укладывались в формулу.

Что все формулы того же типа — Если бы Леверье не был бы сам так безнадежно загипнотизирован, если бы в нем было чуть больше, чем всего лишь примесь, реальности, он никогда не был бы обманут такой мнимостью: но что он был загипнотизирован и настолько распространил или перенес свое состояние на остальных, что 22 марта 1877 года он заставил эту землю ощетиниться телескопами, за которыми застыли неподвижные и почти неодушевленные (фигуры астрономов...

И ни одной распроклятой сколь-нибудь необычной вещи не увидели они ни в этот день ни в последующие.

Но пострадал ли хоть в малейшей степени престиж науки астрономии?

Он не мог пострадать. За ним стоял дух 1877 года. Если бы в эмбрионе какие-нибудь клетки не стали бы жить в соответствии с феноменами их эры, остальные клетки поддержали бы запрограммированный облик эмбриона. И пока эмбрион не достигнет стадии млекопитающего, клетки стадии пресмыкающегося не будут считаться неправильными.

Мы считаем, что существовало много столь же подлинных сообщений о наблюдениях около Солнца больших планетных тел; что из многих Леверье выбрал только шесть: не потому, что он тогда решил, что все остальные наблюдения относятся к другим большим планетным телам, а произвольно или находясь под гипнозом, проигнорировав, — или героически проигнорировав — каждое из них, для того, чтобы вообще уложить данные в формулу, ему пришлось ошибочно исключить часть данных. Я думаю, что развязка действия убила его. Я отнюдь не склонен ставить с ним рядом греев, хичкоков и саймонзов. никоим образом, потому что, хотя это было не совсем спортивно отодвигать дату так далеко вперед, он все же ткнул в нее с таким высоким приближением...

Я думаю, что Леверье был вознесен к Позитивному Абсолюту.

Проигнорированные: Наблюдение Грутинсоном 26 июля 1819 года, но это было наблюдение двух тел, которые вместе пересекли солнечный диск. Nature, 14,469:

Согласно астроному Дж. Р. Хайнду, в 1847 году Бенджамин Скотт, Городской Камергер Лондона, и господин Рэй видели, как тело, похожее на «Вулкан», пересекло диск солнца.

Аналогичное наблюдение Дж. Р. Хайнда и Лоу, 12 марта 1849 года (L'Année Scientifique, 1876 г., 9). Nature, 14,505:

Тело видимого размера, соответствующего Меркурию, пересекло диск Солнца 29 января 1860 года, согласно наблюдениям Ф. А. Р. Расселла и еще четырех астрономов.

Наблюдение Де Вико 12 июля 1837 года (Observatory, 2,424).

L'Annue Scientifique, 1865-16: Астроном-любитель господин Кумбрэ из Константинополя, написал Леверье, что 8 марта 1865 года он видел, как четко очерченная точка пересекла диск Солнца. Она отделилась от группы солнечных пятен на краю солнечного диска и ей понадобилось 48 минут, чтобы достигнуть другого края. Судя по рисунку, посланному господином Кумбрэ, прохождение тела по диаметру заняло бы чуть больше часа. Это наблюдение было проигнорировано Леверье, поскольку его формула требовала скорости приблизительно в четыре раза большей. Главное здесь заключается в том, что эти отброшенные наблюдения были столь же достоверны, как и те, которые Леверье включил. Согласно данным, столь же хорошим, как и данные «Вулкана», должны существовать и другие «Вулканы» — героическое и дерзкое пренебрежение, попытка подобрать формулу для одного, опустив другие, что, согласно ортодоксальной доктрине, очень сильно повлияло на нее, если все они находились в сравнительно тесном пространстве между Меркурием и Солнцем.

Наблюдение еще одного такого тела 4 апреля 1876 года господином Вебером из Берлина. Об этом наблюдении Леверье сообщил Вольф в августе 1876 года (L'Annue Scientifique, 1876 г., 7). Насколько можно судить, оно не было принято во внимание этим выдающимся позитивистом.

Еще два наблюдения, отмеченные Хайндом и Деннингом опубликовала лондонская «Тайме» от 3 ноября 1871 года и 26 марта 1873 года.

Monthly Notices of the Royal Astronomic Society, 20,100:

Стайндейкер, февраль 1762 г.; Лихтенберг, 19 ноября 1762 г.; Хоффман, май 1764 г.; Дангос, 18 января

1798 г.; Старк, 12 февраля 1820 г. Говорят, что наблюдение Шмидта II октября 1847 года сомнительно, но на странице 192 говорится, что это сомнение возникло в результате неверного перевода, и приводятся еще два наблюдения Шмидта: 14 октября 1849 г. и 18 февраля 1850 г., а также наблюдение Лоффта 6 января 1818 г. Наблюдение Штайнхайбеля в Вене 27 апреля 1820 г. (Monthly Notices, 1862).

Хаазе собрал сообщения о двадцати наблюдениях, подобных наблюдению Лекарболя. Список был опубликован Вольфом в 1872 году. Есть и другие наблюдения, подобные наблюдениям Грутинсена. American Journal of Science, 2-28, 446: Сообщение Пасторфа, о том, что он дважды, в 1836 году и один раз в 1837 году, видел, как два пятна неодинакового размера перемещались по солнечному диску, изменяя свое положение относительно друг друга и каждый раз занимали разные курсы, если не орбиты; в 1834 году он видел, как аналогичные тела шесть раз пересекали

солнечный диск, очень напоминая Меркурий во время его прохождений через Солнце. 22 марта 1876 года

Но указать на скудное среднее Леверье, или открытие планет на пятидесятипроцентной основе, означало бы указать на малое процентное содержание реальности в том квазимифическом материале, из которого состоит вся система. Мы не обвиняем учебники в том, что они опустили это фиаско, но мы все же отмечаем, что это их обычное приспособление ко всем обманщикам, попавшим в затруднительное положение... Отвлечение внимания.

Оно было бы невозможно в реальном существовании, при реальном складе ума, но я полагаю, что оно достаточно хорошо для квазиумов, глупивших себя с помощью учебников. Сущность трюка заключается здесь в том, чтобы благоприятно истолковать ошибку, допущенную Леверье, и возложить вину на Лекарболя, он был всего лишь любитель, заблуждался. Внимание читателя направляется против Лекарболя сообщением от господина Лиаса, директора Бразильской Береговой Службы, который во время «предполагаемого» наблюдения Лекарболя наблюдал Солнце в Бразилии и вместо того, чтобы увидеть обычные солнечные пятна, отметил, что район «предполагаемого прохождения» имел «равномерную интенсивность».

Но — бессмысленность всех высказываний в квазисуществовании

«Равномерная интенсивность» поворачивается как в нашу сторону, так и против нас — или когда-нибудь чей-нибудь мозг найдет способ побить третий закон Ньютона — если каждая реакция, или сопротивление есть или может быть интерпретирована как стимул, а не сопротивление, если это может быть сделано в рамках механики, то здесь открывается путь овладения миром, в частности, в этом вопросе «равномерная интенсивность» означает, что Лекарболь видел не обычные солнечные пятна, они были пятнами в такой же степени, как вообще отсутствие пятен на Солнце. Продолжая интерпретацию сопротивления как помощи, что всегда может быть проделано силой ума, заставляя нас размышлять над тем, какие могут быть применения пара и электрических сил, мы отметим, что невидимость в Бразилии означает в такой же степени наличие параллакса, как и отсутствие, и поскольку предполагалось, что «Вулкан» удален от Солнца, мы интерпретируем отрицание как подтверждение, конечно, это метод каждого ученого, политика, теолога, спорщика из числа старшекласников.

Таким образом, учебники без особого ума, поскольку особый ум не требуется, ведут читателя к тому, чтобы он почувствовал презрение к

любителю из Оржера и забывчивость по отношению к Леверье, и переходят к другим темам. Но мы лично считаем:

Что эти факты столь же хороши, как и всегда; Что если бы кто-нибудь из выдающихся предсказал землетрясение, и если бы в предсказанное время не произошло никакого землетрясения, это дискредитировало бы пророка, но факты о прошлых землетрясениях оставались бы столь же хорошими, как и всегда. Очень легко смеяться над иллюзией одного единственного любителя...

Массовое построение:

Фриче, Старк, Де Кюппи, Сайдботам, Лекарболь, Луммис, Гратинсон, Де Вико, Скотт, Рэй, Расселл, Хайнд, Лоу, Кумбрэ, Вебер, Стандейкер, Лихтенберг, Дангос, Хоффман, Шмидт, Штайнхайбель, Пасторф...

А ведь это только те наблюдения, которые обычно перечисляются при анализе возможности сообщения планеты внутри орбиты Меркурия. Они выглядят достаточно грозно, чтобы воспрепятствовать отвлечению нашего внимания, их уж никак нельзя считать грезой одинокого любителя, — и все же это только авангард. Начиная с этого места, перед нами будут проходить другие факты о крупных небесных телах, из которых одни будут темными, а другие — отражающими свет...

Так что некоторые из нас запомнят одну или две вещи после того, как процессия пройдет, может быть.

Рассматривая только одно из перечисленных наблюдений...

Наше впечатление, что дискредитация Леверье не имеет ничего общего с приемлемостью нижеследующих фактов:

В лондонской «Тайме» от 10 января 1860 года помещено сообщение Бенджамена Скотта о его наблюдении:

Летом 1847 года он видел, как какое-то тело величиной с Венеру пересекало солнечный диск. Он говорит, что едва поверив свидетельству своего зрения, он стал искать кого-нибудь, чьи надежды или честолубие не сделали бы его подверженным иллюзиям. Он попросил своего пятилетнего сынишку посмотреть в телескоп. Ребенок воскликнул, что видит как «маленький воздушный шар» пересекает Солнце. Скотт говорит, что в то время ему не хватило самоуверенности, чтобы публично заявить о своем замечательном наблюдении, но что вечером того же дня он сказал доктору Дику, члену Королевского Астрономического Общества, который привел и другие случаи. В лондонской «Тайме» от 12 января 1869 года помещено письмо от Ричарда Эббота, члена Королевского Астрономического Общества, о том, что он вспомнил, что мистер Скотт написал ему письмо об этом своем наблюдении сразу же после этого события.

Я предполагаю, что в начале этой главы у читателя сложилось впечатление, что если хорошенько поскрести заплесневелые старые публикации, набрать смутные, более чем сомнительные и искаженные данные, которые можно подогнать в то, что называют свидетельствами о неузнанных мирах или конструкциях планетного масштаба...

Но высокая достоверность и современность этих проклятых, которых мы сейчас рассматриваем приводит к убеждению, что наше существование — это только квазисуществование, в котором над всеми другими вещами, надеждами, честолюбиями, эмоциями, мотивациями, стоит попытка достигнуть позитивности:

Что мы здесь рассматриваем попытку систематизировать, являющуюся сущим фанатизмом в ее пренебрежении к тому, что эта попытка не поддается систематизации, представляла собой высочайшее в 19-м столетии добро, это монomanия, но героическая монomanия, бывшая в 19-м столетии квазибожественной. Но что сейчас не 19-е столетие.

Как дважды двуличный брамин — по мнению баптистов — объекты 29-го июля 1878 года выделяются и заявляют о себе, так что ничто, кроме игнорирования силы этой монomanии, не может объяснить их принятие системой.

О полном затмении 29 июля 1878 года сообщили профессор Уотсон из Ролинза, штат Уайоминг, профессор Свифт из Денвера, штат Колорадо. Они видели два светящихся объекта на значительном расстоянии от Солнца.

Это вполне согласуется с нашей общей точкой зрения: не в том смысле, что существует планета внутри орбиты Меркурия, а в том, что есть разные тела, много огромных предметов; иногда вблизи этой земли, иногда вблизи Солнца; миры, не вращающиеся на орбитах, которые, в силу отсутствия каких-либо фактов о столкновениях, мы рассматриваем как находящиеся под управляемым контролем.

Профессор Уотсон и профессор Свифт опубликовали свои наблюдения.

А затем игнорирование, которое мы не можем считать обычным, здоровым исключением.

Систематики, составляющие учебники, начинают с того, что говорят нам, что недостатком этих наблюдений является то, что они очень сильно расходятся: выражается глубокое уважение, особенно по отношению к профессору Свифту, но затем нам говорят, что эти два астронома, по странному совпадению находящиеся в сотнях миль друг от друга, поддались иллюзии: их наблюдения столь расходятся... Профессор Свифт

(Nature, 19 сентября 1878 г.): Его собственное наблюдение находится «в тесном согласии с данными профессора Уотсона».

В журнале Observatory, 2, 161, Свифт говорит, что его наблюдения и наблюдения Уотсона «подтверждают друг друга». Но верные пытаются снова:

Уотсон и Свифт по ошибке приняли звезды за другие тела. В журнале Observatory, 2, 193, профессор Уотсон говорит, что еще до этого запомнил все звезды, находящиеся поблизости от Солнца вплоть до седьмой величины, И он все равно проклят.

Как проделываются такие исключения показано Локаайером в Nature, 20 августа 1878 г. Он говорит: «Почти нет сомнения, что профессором Уотсоном была открыта новая планета внутри орбиты Меркурия». Это было до провозглашения изгнания. Он говорит:

«Если бы она соответствовала одной из орбит, вычисленных Леверье». Она не соответствовала. В Nature, 21, 301, профессор Свифт говорит: «Я никогда не делал более тщательного наблюдения, более свободного от какого-либо сомнения». Он все равно проклят.

У нас будут еще кое-какие данные, которые не соответствуют большей части строгих требований, но если кому-нибудь захочется прочитать, как тщательно и скрупулезно были получены эти два ряда наблюдений, смотрите сделанное профессором Свифтом подробное описание в American Journal of Science, 116, 313, а технические подробности наблюдений профессора Уотсона — в Monthly Notices, 38, 525.

Наша личная точка зрения на миры с управляемым движением, которая является более реальной, чем гипнотические представления о том, что большие планеты, относительно близкие к Земле, движутся по орбитам, но видны лишь изредка; наша точка зрения более близко приближается к разумности, чем массовое избиение Свифта, Уотсона, Старка и Де Кюппи — но она столь мучительна для многих умов, что в какие-нибудь другие моменты милосердия, которые у нас время от времени будут, для разнообразия, мы предложим облегчение:

«Предметы, увиденные высоко в небе Свифтом и Уотсоном...»

Ладно, а за два месяца до этого — лошадь и амбар... Мы продолжаем приводить наблюдения астрономов, признавая, что они и есть то, что давало им жизнь, поддерживало их, спланивало, что выбило из них все, кроме квазиблеска независимой жизни. Если бы они не были систематизированы, они вообще не могли бы существовать, разве что только время от времени и без средств к существованию. Они систематизированы: они не должны уклоняться от условий системы, они не

должны отрываться и быть сами по себе. Две великих заповеди: Ты не должен нарушать Непрерывность; Ты должен пробовать.

Мы продолжим обсуждение этих проигнорированных фактов, некоторые из которых, имеют высочайшую степень приемлемости. Именно сама система втягивает обратно свои варианты, подобно тому, как эта земля втягивает обратно Маттехорн. Именно система питает и вознаграждает, а также вымораживает жизнь морозным холодом своего пренебрежения. И мы обязаны отметить, что прежде, чем объявляется изгнание, ортодоксальные журналы довольно либерально отмечают неассимилируемые наблюдения.

Все вещи где-то постепенно переходят во что-нибудь другое. Это — непрерывность.

Поэтому система переходит во что-то другое и уклоняется от нас, когда мы пробуем сфокусироваться против нее. Мы много жаловались. По крайней мере мы не настолько тупы, чтобы заблуждаться, полагая, что точно знаем, на что жалуемся. Мы говорим как будто достаточно определенно о «Системе», но основываемся на наблюдениях, членов этой самой системы. То, что мы делаем — это собирание свободных (неувязанных с системой) ересей и ортодоксов. Конечно, «Система» изнашивается и обтрепывается по краям, не имея реальных очертаний. Какойнибудь Свифт противостоит «Системе», а какой-нибудь Локайер зовет его обратно; а затем какой-нибудь Локайер отклоняется какой-нибудь «метеоритной гипотезой», а Свифт, в свою очередь, выступит, представляя «Систему». Для нас это состояние кажется типичным для всех интермедиатистских (промежуточных) явлений; или что невозможно себе представить, что нечто действительно есть нечто, если его части в любое время могут оказаться своей противоположностью. Мы говорим об астрономах, словно существуют реальные астрономы, о тех, которые утратили свою идентичность в Системе, как если бы это была реальная Система, но позади этого система это просто некий раппорт, взаимное согласие, или потеря индивидуальности в Духе Эпохи.

Тела, которые выглядят как темные тела, и огни, которые, может быть, представляли собой отражения солнечного света от межпланетных объектов, масс, конструкций...

В журнале *Philosophical Transactions*, 32, 27, помещен отчет Гершеля о многочисленных светящихся точках, которые он видел на или около? Луны во время затмения. Почему они должны светиться в то время, как сама Луна остается темной, этот вопрос принес бы нам массу беспокойства, если только позже мы не примем — или откажемся принять, что много раз

светящиеся объекты видели и вблизи от этой земли по ночам.

Но многочисленность — это новый фактор, или новое возмущение, для наших исследований.

Новый аспект обитаемости или занятости межпланетного пространства.

Орды миров — или существ, может быть, крылатых существ — не поразили бы меня, если бы мы закончили открытием ангелов в кораблях космических путешественников.

В 1783 и 1787 годах Гершель снова сообщил об огнях на Луне или вблизи от Луны, которые по его предположению были вулканического происхождения,

Слово Гершеля имело не больше веса, когда речь шла об отклонениях от ортодоксии, чем слово какого-нибудь Лекарболя. Эти наблюдения вошли в число проигнорированных.

В ноябре 1821 года наблюдались яркие пятна на Луне (Proceedings of the London Royal Society, 2, 167).

Другие наши примеры можно найти у Лумиса. (Loomis. Treatise on Astronomy, стр. 174).

О движущемся огне сообщается в Philosophycal Transactions, 84, 429. Автору он показался похожим на звезду, прошедшую над Луной (или над поверхностью Луны), «что, после секундного размышления я нашел невозможным». «Это был неподвижный, ровный свет на темной части Луны». Я предполагаю, что слово «неподвижный» применимо к люстре.

В Report of the British Association, 1847 г., 18, приводится сообщение Рэнкина о светящихся точках, наблюдавшихся во время затмения на затененной части Луны. Они показались наблюдателю похожими на отражения звезд. Это не очень разумно; тем не менее, в «Ежегодном Регистре», 1821 г., 687, мы имеем сообщение об огне, который нельзя отнести за счет звезды, потому что он двигался вместе с Луной: он был виден три ночи подряд; сообщил о нем капитан Кейтер— смотри Quaterly Journal of the Royal Institute, 12, 183. Philosophycal Transactions, 112, 237: Сообщение из Кейптаунской Обсерватории: белесое пятно на темной стороне лунного диска. Кроме них там было еще три меньших огонька.

Зов позитивности в ее аспекте единичности, или одпородности, или единства или целостности. Я сам чувствую его в поступающих сейчас фактах. Леверье исследует более двадцати наблюдений. Неудержимая склонность посчитать, что все они относятся к одному феномену. Это выражение космической склонности Большая часть наблюдений столь не согласуется с любым допущением, кроме предположения о безорбитных, с

управляемым движением мирах, что он закрывает глаза на более чем две трети этих наблюдений; он выбирает шесть, дающих ему иллюзию полноты; или из всех, относящихся к одной планете.

Или допустим, что у нас есть данные, относящиеся к многим темным телам, — и все же мы почти неудержимо склоняемся к тому, чтобы принять одно из них как главное темное тело. Темные тела, плывущие или кем-то ведомые в межпланетном пространстве, и я представляю себе, что за ними — Князь Темных Тел:

Меланикус

Огромная темная тварь с крыльями суперлетучей мыши или угольно-черная суперконструкция; в высшей степени вероятно, что это одна из спор Дьявола. Необычайный год, 1883. Лондонская «Тайме» от 17 декабря 1883 г.: Извлечение из письма Хикса Пашо: что 24 сентября 1883 года в Египте он видел через очки «огромное черное пятно на нижней части солнца». Может быть, солнечное пятно.

Однажды ночью один астроном смотрел в небо, и вот что-то заслонило звезду — на три с половиной секунды. Рядом был замечен метеор, но его след был виден только одно мгновение. Этим астрономом был доктор Вольф (Nature, 86,528).

Следующий факт является одним из самых сенсационных из тех, что у нас есть, жаль только, что его очень мало. Профессор Хайс видел, что поперек Млечного Пути медленно движется, на протяжении одиннадцати дуговых градусов, темный объект («Каталог» Грэга. Report of the British Association, 1867 г., 426).

Одним из наших квазиоснований для допущения, что безорбитные миры являются управляемыми, является почти полное отсутствие данных о столкновениях: конечно, хотя и вопреки тяготению, они могут быть и без руководства, подобного человеческому руководству, приспособиться друг к другу наподобие вихревых колец дыма, то есть очень почеловечески. Но в Knowledge, февраль 1894 года, есть две фотографии кометы Брикса, которые приведены в DI кажущегося столкновения ее с каким-то темным объектом в октябре 1893 года. Мы лично сказали бы, что она «ударилась обо что-то»; в редакции профессора Барнарда «она» вошла в какую-то плотную среду, которая раздробила ее». Насколько я понимаю, она ударилась всего лишь о ледяное поле. Меланикус.

Что на крыльях суперлетучей мыши он нависает над этой землей и над другими мирами, может быть, что-нибудь извлекая из них: висит на крыльях или крылоподобных отростках или на плоскостях размахом в сотни миль от края до края — суперзлобная вещь, эксплуатирующая нас.

Под Злом я подразумеваю то, что делает нас полезными.

Он заслоняет звезды. Он распахивает кометы. Я думаю, что это огромный черный нависший над нами вампир.

Science, 31 июля 1896 г.: Согласно сообщению газеты, мистер У. Р. Брукс, директор Обсерватории Смита, видел, как через лунный диск медленно прошел в горизонтальном направлении темный круглый объект. По мнению м-ра Брукса это был темный метеор. Корреспондент журнала Science 14 сентября 1896 года пишет, что по его мнению это могла быть птица. У нас не будет никаких трудностей с переходами от птиц к метеорам, если у нас будут наблюдения большой длительности и оцененными размерами вплоть до сотен миль. Что касается тела, увиденного м-ром Бруксом, то в Scientific American, 75, 251, есть заметка голландского астронома Мюллера, что 4 апреля 1892 года он видел подобное явление. В Science Gossip, новая серия, 3, 135, приводятся дополнительные подробности об объекте Брукса — видимый диаметр — около одной тридцатой лунного, лунный диск был пересечен за три или четыре секунды. Автор публикации в «Сайенс Госсип» говорит, 27 июня 1896 года в один час ночи он смотрел на Луну через двухдюймовый ахроматический телескоп с силой увеличения 44, когда длинный черный объект проплыл мимо с востока на запад; при этом прохождение заняло 3-4 секунды. Он верит, что этот объект был птицей — впрочем порхающее движение объекта не наблюдалось.

В Astronomische Nachrichten, №3477, доктор Брендель из Грифсвальда, Померания, пишет, что почтмейстер Циглер и другие наблюдатели видели, как тело диаметром около 6 футов пересекло солнечный диск. Приведенная длительность прохождения указывает на то, что объект находился далеко и от Земли и от Солнца. Этот предмет видели в течение четверти часа перед тем, как он достиг Солнца. Время пересечения солнечного диска составило около часа. После выхода тела из солнечного диска его видели в течение часа.

Я думаю, это был огромный черный вампир, который иногда нависает над этой землей и другими телами.

Сообщение от доктора Ф. Б. Харриса (Popular Astronomy, 20,398):

Вечером 27 января 1912 года д-р Харрис видел на Луне «интенсивно черный объект». По его оценке он имел 250 миль в длину и 50 миль в ширину. «Больше всего он напоминал парящую ворону». Затем набежавшие облака прервали наблюдение. Д-р Харрис пишет:

«Я не могу не думать, что произошло очень интересное и любопытное явление».

XV

ЭТО БУДЕТ БОЛЕЕ короткая глава и она хуже их всех. Я думаю, что это будет умозрительная, или теоретическая глава. Это будет прегрешение против наших обычных псевдостандартов. Я думаю, она должна означать, что предыдущая глава была сделана очень умело и что сейчас в силу ритма всех квазивещей, которые не могут быть реальными вещами, если они являются ритмами, потому что ритм есть некая видимость, превращающаяся в свою противоположность и затем возвращающаяся снова к себе, но сейчас, для компенсации, мы будем тем, чем не были. Короткая глава и я думаю, мы заполним ее несколькими точками в Интермедиатизме (Промежуточности).

Головоломка

Если мы допускаем, что из Негативного Абсолюта порождает себя Позитивный Абсолют, пополняя или сохраняя себя через третье состояние, или наше собственное квазисостояние, то может показаться, что мы пытаемся постигнуть Всеобщее, производя больше Всеобщего из Ничего. Подумайте об этом сами, если хотите подвергнуться риску исчезнуть с такой скоростью, что оставите после себя только ослепительно яркий след, и риску стать навсегда бесконечно счастливым, в то время, как вы, может быть, не хотите быть счастливым, я сам уступлю вам это, и попробуйте быть понятным, рассматривая Позитивный Абсолют в аспекте, или с точки зрения Реальности, а не Всеобщности, вспомнив, что под Реальностью и Всеобщностью мы подразумеваем одно и то же состояние, или то, которое не переходит где-то во что-нибудь другое, потому что нет ничего другого. Поэтому мы хотим сказать, что из Нереальности взамен Ничего, Реальности взамен Всеобщности создается — через наше собственное квазисостояние — еще больше Реальности. Именно так, но, конечно, в относительном смысле, все продукты воображения, которые материализуются в машины или статуи, здания, доллары, картины или книги на бумаге и с помощью чернил, суть градации от нереальности к реальности — в относительном смысле. Может показаться далее, что Промежуточность есть отношение между Позитивным Абсолютом и Негативным Абсолютом. Но абсолют не может быть соотнесен, конечно, мы признаемся, что мы вообще не можем думать об этом, если думаем здесь о пределе беспредельного. Делая лучшее, что в наших силах, и вдохновляясь той мыслью, что мы не сможем поступить хуже, чем

поступали в прошлом метафизики, мы принимаем, что абсолют не может быть соотнесен. Из этого следует, что наше квазисостояние не есть реальное отношение, если ничто в нем не реально. Кажется мыслимым, что Позитивный Абсолют может, посредством Промежуточности, иметь квазиотношение, или быть только квазисоотнесенным, или быть несоотнесенным, в конечном смысле, или по крайней мере не быть соотнесенным, в конечном смысле.

Что касается свободной воли и Промежуточности — тот же ответ, что и на все остальное. Под свободной волей мы подразумеваем Независимость, или то, что не переходит во что-нибудь другое, поэтому в Промежуточности нет свободной воли ни рабской воли нет, но разные приближения для каждой так называемой личности к той или другой из крайностей. Банальный способ выражения этого кажется мне приемлемым, если в Промежуточности есть только парадоксальное: что мы свободны делать то, что мы вынуждены делать.

Я не убежден, что мы делаем фетиш из нелепого. Я думаю, что мы чувствуем, что в первых попытках ощупью приблизиться к истине нет знания того, что впоследствии окажется приемлемым. Я думаю, что если бы первый биолог услышал о птицах, которые растут на деревьях, он записал бы, что слышал о птицах, которые растут на деревьях: и пусть сортировка фактов произойдет впоследствии. Единственная вещь, которую мы пытаемся смягчить, но которая в значительной степени неизбежна, это путаница в наших данных, подобная той, что существовала в умах первых исследователей Америки, путавших Лонг Айленд и Флориду. Я понимаю, что вся эта книга похожа на карту Северной Америки, где река Гудзон изображена как пролив, ведущий в Сибирь. Мы думаем о Монстраторе, и Меланикусе, и о мире, который сейчас общается с этой землей — хотя бы тайно, с некоторыми эзотериками. Является ли этот мир Монстратором или Меланикусом — это должно быть предметом дальнейшего изучения. Было бы просто непорядочно решить все сейчас и не оставить ничего нашим ученикам.

На меня очень большое впечатление произвело явление «чашечных следов». Мне они кажутся символами общения. Но они не кажутся мне символами общения между одними обитателями этой земли и другими обитателями этой земли.

Лично у меня сложилось впечатление, что какая-то внешняя сила издали пометила символами скалы этой земли.

Я не думаю, что чашечные следы представляют собой записанные сообщения между различными обитателями этой земли, потому что

кажется слишком невероятным, чтобы жители Китая, Шотландии и Америки придумали одинаковую систему.

Чашечные следы представляют собой цепочки чашеобразных отпечатков в обнаженных горных породах. Иногда вокруг них имеются кольца, а иногда вокруг них имеются только полукольца. Великобритания, Америка, Франция, Алжир, Черкессия, Палестина — они встречаются поистине всюду, кроме крайнего севера, я полагаю. В Китае скалы усыпаны ими. На утесе близ озера Комо в Италии есть целый лабиринт таких отпечатков. В Италии, Испании и Индии они встречаются в огромных количествах.

Допустим, что какая-то сила, подобная, скажем, электрической, могла на расстоянии отметить знаками такие материалы, как горные породы, подобно тому, как с расстояния сотен миль телефотографы могут пометить селен, но мой ум раздваивается.

Заблудившиеся Исследователи. Откуда-то и попытка связаться с ними; такое неистовство в этой россыпи сигналов по всей земле в надежде, что некоторые из них пометят скалы вблизи заблудившихся исследователей...

Где-то на этой земле имеется особенная скальная поверхность, или рецептор, или полярная конструкция, или крутой конический холм, на которых в течение веков получали послания из другого мира; но что иногда эти послания сбивались с пути и оставляли свои отметки на скалах, может быть, в тысячах миль от рецептора;

Может быть, силы, манипулирующие за кулисами истории этой земли, оставили свои записи на обнажениях.

Я подчеркиваю, что чашечные следы располагаются рядами.

Профессор Дуглас (Saturday Review, 24 ноября 1883 г.):

«Каков бы ни был их побудительный мотив, чашечные маркеры показывают решительное предпочтение к расположению своих отпечатков в виде правильно расположенных рядов с регулярным расположением отпечатков».

Чашечные следы являются какой-то архаичной формой надписей впервые предположил много лет назад каноник Гринуэлл. Но особенно затемняющими по отношению к нашему общему взгляду являются наблюдения Райветт-Карнака 9 (Journal of the Royal Asiatic Society, 1903 г., 515):

Брайлевская система изображения букв и цифр в виде выпуклых точек представляет собой перевернутое расположение чашечных следов: кроме того, они очень похожи на азбуку Морзе. Но ни один ручной и систематизированный археолог не может сделать больше, чем мельком

отметить черты сходства и всего лишь предположить, что цепочки чашечных следов похожи на сообщения, потому что — Китай, Швейцария, Алжир, Америка — если это сообщения, тогда, кажется, нет другого выхода, как приписать происхождение чашечных следов этим культурам, или, если это сообщения, я принимаю для них один внешний источник, для которого вся поверхность этой земли была доступна. Мы подчеркнем далее еще кое-что: Что ряды чашечных следов часто сравнивали со следами йог.

Но при этом сходстве их расположение на одной линии следовало проигнорировать — конечно, часто они располагались беспорядочно во всех направлениях, но расположение вдоль одной линии встречается очень часто. Странно, что их так часто уподобляли следам ног: я думаю, что это исключительные случаи, но если только это не нечто, прыгающее на одной ноге и не кошка, идущая по верху узкого забора — я не могу придумать ничего, что оставляет отпечатки ног один точно перед другим — может быть, полицейский в здании железнодорожной станции, идущий по проведенной мелом линии.

В Шотландии близ Ратоу на скале, известной под именем Ведьмин Камень, имеются 24 чашки, размер которых колеблется от полутора до трех дюймов в диаметре, располагающихся приблизительно вдоль прямых линий. В этой местности их объясняют как собачьи следы. (*Proceedings of the Society of Antiquarians of Scotland*, 2-4, 79). Аналогичные знаки разбросаны самым запутанным образом и вокруг Ведьмина Камня — словно работа обезумевшего телеграфиста или как сообщения, повторяющиеся снова и снова в попытке разместиться рядом.

В Инвернессшире отпечатки чашек называют «следами эльфов». Около церкви в Вална в Норвегии и церкви св. Петра в Амблетезе имеются такие отпечатки, которые здесь считаются следами конских копыт. Выходы горных пород в Клере, Ирландия, усеяны отпечатками, якобы оставленными мифической коровой (*Folklore*, 21-184).

Теперь у нас есть такой призрак вещи, что я не хотел бы, чтобы меня поняли в том смысле, что я предлагаю его как исходный факт: он просто иллюстрирует, что я подразумеваю под понятием символов, похожих на чашки или следы ног, которые, хотя и похожи на следы лошадей или коров, являются обратными отпечатками, или негативами чашек, — или символами, регулярно получаемыми на этой земле.

Древняя запись, хуже того, китайская запись — о внутреннем дворе дворца: обитатели дворца выходят утром во двор и находят, что весь двор усеян рядами следов, похожих на следы быка, предположили, что это работа дьявола (*Notes and Queries*, 9-6, 225).

XVI Ангелы

ОРДЫ НА ОРДАХ АНГЕЛОВ.

Существа, собравшиеся толпой, как тучи душ или смешавшиеся струи духовности, или выдохи душ, которые так часто рисовал Дорэ.

Может быть, Млечный Путь состоит из жестких замерзших, окончательно неподвижных абсолютных ангелов. У нас будут факты о маленьких быстро движущихся Млечных Путиях, или факты о сонмах ангелов, не абсолютных, или еще подвижных. Лично я подозреваю, что неподвижные звезды действительно неподвижны и что незначительные движения, якобы обнаруженные в них, это иллюзии. Я думаю, что неподвижные звезды — это абсолюты. Их мерцание это только интерпретация их состояния интермедиатистом. Я думаю, что вскоре после смерти Леверье была открыта новая неподвижная звезда, и если доктор Грей так привязался к своей истории о тысячах рыб из одного ведра воды, писал об этом, читал лекции об этом, вытаскивал ее на углы улиц, чтобы убедить мир, что независимо от того, понятно оно или нет, его объяснение есть единственно верное объяснение; что если бы он не думал ни о чем другом, а только об этом — последняя мысль вечером и первая мысль утром, тогда Monthly Notices сообщили бы о появлении еще одной «новой».

Я думаю, что Млечные Пути, низкого, или динамического порядка, часто наблюдались астрономами. Конечно, могло быть и так, что те явления, которые мы сейчас рассмотрим, это вовсе не ангелы. Мы просто шарим вокруг, пытаюсь найти то, что мы можем принять. Некоторые наши данные указывают на сонмы пухлых и плаксивых туристов в межпланетном пространстве, но есть факты и о длинных, тощих, голодных. Я думаю, что там, в межпланетном пространстве есть и Супертамерланы во главе сонмов небесных разбойников, которые прибыли сюда и оттирали чистящим порошком цивилизации прошлого, отчищая их до самых костей, или храмы и монументы, о которых позднейшие историки изобрели эксклюзивистские истории. Но если что-нибудь сейчас и имеет для нас законное право и может навязать нам свое право на эту собственность, они были предупреждены. Таков метод всех объяснений: что мы сознаем это, но имеем нахальство приписывать все это нашим собственным более благородным и высоким инстинктам.

Против этих представлений выступает то же чувство окончательности, которое противостоит всякому прогрессу. Вот почему мы оцениваем

принятие как лучшее приспособление, по сравнению с верой. Противостоит нам сильное убеждение в том, что в рамках межпланетных феноменов выяснено фактически все. Чувство окончательности и иллюзия гомогенности. Но то, что называется развитием знания есть нарушение чувства сплошности (полноты знания).

Капля воды. Когда-то вода считалась столь однородной, что ее считали элементом. Появился микроскоп и оказалось, что в предположительно элементарном увидели бесконечное разнообразие, но и в ее протоплазматической жизни обнаружались новые ранги живых существ.

1491 год — и европеец, глядящий на запад поверх океана, его ощущение, что эта раскинувшаяся далее на запад ласковая гладкость непреодолима; что боги регулярности не допустят, чтобы этот гладкий горизонт был нарушен берегами или испещрен островами. Неприятно даже представить себе такое состояние — обширный гладкий запад, такой чистый на фоне неба — и покрыт пятами островов, географическая проказа.

Но берега и острова, индейцы и бизоны; на кажущемся пустым западе — озера, горы, реки...

Человек смотрит в небо: относительная однородность относительно неисследованного, человек думает только о нескольких видах явлений. Но я оказываюсь вынужден принять, что есть формы, формы и формы межпланетного существования: вещи, столь отличающиеся от планет, комет и метеоров, как индейцы отличны от бизонов и степных собак, — супергеография — или целестиография — обширных инертных регионов, но также и Суперниагара и Супермиссисипи; и суперсоциология — путешественники, туристы и разбойники; объекты охоты и охотники — супермеркантильные, суперпиратские, суперевангелические.

Чувство однородности, или наша позитивистская иллюзия неизвестного — судьба всякого позитивизма. Астрономия и ученый. Этика и абстракция.

Всеобщая попытка уложить в формулу или упорядочить — попытка, которую можно выполнить только с помощью игнорирования или отрицания.

Однако, все игнорируют или пренебрегают тем, что в конце концов вторгнется и уничтожит их.

Пока не придет день и что-то другое скажет и прикажет Бесконечности:

«Только досюда будешь ты ходить: здесь — здесь абсолютная граница». Окончательное суждение: «Есть только Я».

В Monthly Notices of the Royal Astronomic Society, 11, 48, помещено письмо от преподобного У. Рида:

4 сентября 1851 года в 9:30 вечера он видел, как множество самосветящихся тел пересекло поле зрения его телескопа, одни медленно, а другие быстро. Казалось, они занимают зону шириной в несколько градусов. Направление движения большинства этих тел было с востока на запад, но некоторые двигались с севера на юг. Они наблюдались в течение шести часов. Примечание редактора:

«Может быть, эти феномены следует отнести за счет ненормального состояния зрительных нервов наблюдателя?»

В Monthly Notices, 12, 38, мистер Рид отвечает, что в течение 28 лет был старательным наблюдателем и работал с инструментами высшего качества, «но я никогда до этого не был свидетелем такого феномена». Что касается иллюзии, то он говорит, что еще два члена его семьи видели эти объекты. Редактор берет назад свое предположение. Мы знаем, чего следует ожидать в существовании, по существу, ирландском, мы умеем предсказывать прошлое, то есть умеем просмотреть, написанное в 1851 году, и знать, что можно ожидать от эксклюзивистов позже. Если мистер Рид видел миграцию миллионов разочарованных ангелов, они должны где-то постепенно переходить, по крайней мере субъективно, в самые обычные земные явления, конечно, игнорируя возможное знакомство мистера Рида в течение 28 лет с банальностями земных феноменов. Monthly Notices, 12-183: Письмо от преподобного У. Р. Доу: Он видел подобные объекты — и в сентябре месяце — это были не что иное, как плывущие в воздухе семена.

В Report of the British Association, 1852 г., 235, помещено письмо от мистера Рида профессору Баден-Пауэллу:

Объекты, которые видели он и мистер Доу, не были одинаковыми. Он отрицает, что видел плывущие в воздухе семена. Ветер был очень слабый и притом дул с моря, которое вряд ли можно считать их источником.

Те объекты, которые он видел, были круглыми с четкими контурами и без каких-либо признаков пушистости семян чертополоха. Затем он цитирует отрывок из письма С. В. Чалмерса, члена Королевского Астрономического Общества, который видел подобный же поток, процессию или миграцию, за исключением того, что некоторые тела были скорее удлинённые — тощие и голодные, чем шаровидные.

Он мог бы спорить до шестидесяти пяти лет. Это ни на кого не произвело бы впечатления — из людей значительных. Супермотивом, или доминантой его эпохи был Эксклюзивизм, и представление о семенах в воздухе совместимо, при должном игнорировании, с этой доминантой.

Пышные зрелища здесь на нашей земле, и вещи, смотрящие на нас свысока — и крестоносцы были всего лишь облаками пыли, а блики солнца на сияющих доспехах представляли собой лишь частички слюды в облаках пыли. Я думаю, что Рид видел Крестовый Поход, но что было бы правильнее сказать, учитывая год 1851, что это были всего лишь семена на ветру, независимо от того, дул ли он с моря или нет. Я думаю о вещах, которые светились от религиозного рвения, попеременно, как и все остальное в Промежуточности, с черными мародерами и с серокоричневыми существами с мелким личным честолюбием. Здесь мог находиться и Ричард Львиное Сердце на пути к праведным злодействам на Юпитере. Было бы правильнее, учитывая год — 1851, сказать, что он представлял собой всего лишь семечко капусты.

Профессор Коффин, Военно-Морские силы США, (*Journal of the Franklin Institute*, 88, 151):

В августе 1869 года во время затмения он отметил прохождение через поле зрения его телескопа нескольких ярких хлопьев, напоминающих пучок семян чертополоха, плывущих в солнечном свете. Но его телескоп был сфокусирован таким образом, что если бы эти вещи были видны отчетливо, они должны были бы находиться так далеко от этой земли, что трудности ортодоксии остались бы столь большими, так или иначе, независимо от наших предположений об этих предметах.

Они были «хорошо прокляты», говорит профессор Коффин.

Генри Уолднер (*Nature*, 5, 304): 27 апреля 1363 года он видел, как с запада на восток пролетело большое количество мелких сияющих предметов. Он сообщил о них доктору Вольфу из Обсерватории Цюриха, который «убедился в этом странном явлении». Доктор Вольф сказал ему, что подобные этим тела наблюдал синьор Капоччи из обсерватории Каподимонтё в Неаполе 11 мая 1845 года.

Очертания их были очень разнообразны — или разные аспекты сходных форм?

К некоторым из них были прикреплены какие-то отростки.

Нам говорят, что некоторые имели форму звезд с прозрачными отростками.

Я лично думаю, что это был Мохаммед и его Хиджра. Может быть, это был только его гарем. Поразительная сенсация: он плывет в пространстве с десятью миллионами жен вокруг. Во всяком случае, казалось бы, что здесь у нас значительное преимущество, поскольку апрель это не сезон для семян, но притяжение назад к земле, замаранных искренними, но тупыми, из еще недавних времен. Мы сталкиваемся с той же глупостью,

необходимой, действующей глупостью, приписывание чего-то, столь редкого, что астроном отмечает только один случай за промежуток от 1845 до 1863 года.

Или ассимилятивное мнение мистера Уолднера, что он видел всего лишь кристаллы льда.

Если только это не были исключительные вуали супергарема или пластины из очень легкого материала, у нас сложилось впечатление о звездообразных предметах с прозрачными отростками, которых видели в небе.

Множества мелких тел, на этот раз черных, которые наблюдались астрономами Херриком, Бюи-Балло, и Де Кюппи (*L'Annue Scientifique*, 1860 г., 25): огромные количества тел, пересекавших лунный диск, которые видел господин Лямэй (*L'Annue Scientifique*, 1874 г., 62); еще один случай темных тел; чудовищное количество темных шаровидных тел, о которых сообщает Месье, 17 июня 1777 г. (*Arago, Osuvres*, 9, 38).

Значительное количество светящихся тел, которые, казалось, летели со стороны солнца, в различных направлениях; наблюдалось 15 мая 1836 года в Гаване во время затмения профессором Обером (Поуи); господин Поуи цитирует сходный случай, происшедший 3 августа 1886 года; по мнению господина Лотара, это были птицы (*L'Astronomie*, 1886 г., 391). Большое количество мелких тел, пересекавших солнечный диск, одни быстро, другие медленно, большинство — шаровидные, но некоторые казались треугольными, а некоторые более сложной структуры; их видел мистер Трувле, который — будь то семена, насекомые, птицы или другие повседневные вещи — никогда не видел ничего похожего на эти формы (*L'Annue Scientifique*, 1885 г., 8). Сообщение Обсерватории в Рио-де-Жанейро об огромных количествах тел, пересекавших солнце, одни из них были светящимися, а некоторые — темными, начиная с какого-то времени в декабре 1875 года до 22 января 1876 года (*La Nature*, 1876 г., 384).

Конечно, на расстоянии любая форма может показаться круглой или округлой, но мы отмечаем, что у нас есть заметки о наблюдениях более сложных форм. В журнале «*L'Astronomie*», приводится сообщение м. Бригьера о наблюдении 15 и 25 апреля 1883 года в марселе прохождения через солнечный диск тел неправильной формы. Некоторые из них двигались как бы в правильном порядке.

Письмо от сэра Роберта Инглиза полковнику Сэбайну (*Report of the British Association*, 1849 г., 17):

8 августа 1849 года в 3 часа дня в Гэ, Швейцария, Инглиз видел в безоблачном небе тысячи и тысячи сверкающих белых объектов, похожих

на снежинки. Хотя это представление длилось около 25 минут, никто не видел, чтобы хотя бы одна из этих «снежинок» упала на землю. Инглиз говорит, что один из его слуг «вообразил», что видел что-то вроде крыльев на этих — чем бы это ни было. На странице 18 этого Report сэр Джон Гершель говорит, что в 1845 или 1846 году его внимание привлекли какие-то объекты значительного размера, находившиеся в воздухе, и, кажется, недалеко. Он смотрел на них через телескоп. Он говорит, что это были массы сена диаметром не меньше ярда или двух. И все же есть некоторые обстоятельства, которые меня интересуют. Он говорит, что хотя поддерживать эти массы должен был по крайней мере смерч, воздух вокруг него был спокоен. «Несомненно ветер бушевал на том месте, но не было слышно ни завывания, ни рева». Ни одна из этих масс не упала в поле его наблюдения или знания. Совершить прогулку по нескольким полям и все это выяснить казалось бы не так уж много для человека науки, но это одно из наших суеверий, что сделать такую очевидную мелочь как раз и не дозволено Духом Эпохи, как мы называем это. Если бы эти предметы не были бы массами сена, и если бы Гершель немного прошелся и выяснил на месте, и сообщил, что видел в воздухе странные предметы, — этот его отчет, в 1846 году, был бы так же неуместен, как появление хвоста у эмбриона, находящегося еще на стадии гастрюлы. Nature, 22,64:

В Каттенау, Германия, приблизительно за полчаса до восхода солнца 22 марта 1880 года «из-за горизонта поднялось огромное количество светящихся тел и прошло в горизонтальном направлении с востока на запад». Общую форму их множества описывают как зону или пояс. «Они светились поразительно ярким светом».

Итак, они набросили лассо на наши факты, чтобы вернуть обратно к земле. Но есть лассо, которые нельзя затянуть. Мы не можем вырваться из них, мы можем перешагнуть их или снять их. У некоторых из нас сложилось привычное представление о Науке как о судье, невозмутимо выносящем справедливый приговор, но некоторые из нас чувствуют, что немалое количество наших фактов было подвергнуто линчеванию. Если осенью происходит крестовый поход, может быть, от Марса до Юпитера, «семена». Если весной с этой земли виден крестовый поход или орда небесных вандалов в походе, появятся «кристаллы льда». Если у нас появляется сообщение о расе воздушных существ, не имеющих, может быть, постоянного местообитания, которых видел кто-то в Индии, появится «саранча». Вот, что будет проигнорировано: Если саранча залетит высоко, она замерзнет и упадет тысячами.

Nature, 47,581:

В горах Индии на высоте 12 750 футов (около 4,0 км) видели саранчу, «кишащую на земле и умирающую тысячами».

Но независимо от того, высоко она летает или низко, когда саранча пролетает над головой, никто не спрашивает, что это там над головой, по причине падения отстающих. Я специально интересовался этим вопросом — никакой тайны нет, когда над головой летит саранча, все время падают отстающие. *Monthly Notices*, 30,135:

«Необычное явление отмечено лейтенантом Гершелем 17 и 18 октября 1870 года в Бангалоре, Индия, при наблюдении Солнца».

Лейтенант Гершель заметил, что солнце пересекают темные тени, но в стороне от солнца были видны светящиеся движущиеся образы. В течение двух дней эти тела пролетали непрерывным потоком, изменяясь в размерах и скорости.

Как мы увидим, лейтенант пытается объяснить, но он говорит:

«То, как это происходило, непрерывный полет, на протяжении целых двух дней, в таких количествах, в верхних областях атмосферы, животных, не оставлявших за собой отстающих, есть чудо естественной истории, если не астрономии».

Он пробовал изменить фокусировку — он видел крылья — может быть, он видел самолеты. Он говорит, что видел на этих объектах или крылья, или призрачного вида отростки.

Затем он увидел нечто, столь странное, что — в полноте своего девятнадцатого века — он пишет:

«Больше не было никаких сомнений: это была саранча или какие-то мухи. Одна из них остановилась. Она зависла. Затем она быстро удалилась».

Редактор говорит, что в это время «бесчисленные массы саранчи опустились на некоторые части Индии».

Теперь у нас есть случай, необыкновенный в нескольких отношениях — суперпутешественники, или суперразбойники; ангелы, оборванцы, крестоносцы, эмигранты, аэронавты или воздушные слоны, бизоны или динозавры, — не считая того, что, как я думаю, у этих предметов были летательные плоскости или крылья, один из них был сфотографирован. Может быть, за всю историю фотографии не было сделано более необыкновенного снимка, чем этот. *L'Astronomie*, 1885 г., 347: 12 августа 1883 года в Обсерватории Сакатекас в Мексике, находящейся на высоте около 2 500 метров над уровнем моря, видели большое количество небольших светящихся тел, входящих на солнечный диск. Господин Бонилла отправил телеграммы в обсерватории городов Мехико и Пуэбла. Пришел ответ, что этих тел там не было видно. Учтя параллакс, господин

Бонилла определил, что эти тела находились «сравнительно близко к земле». Но когда мы выяснили, что он имел в виду под «сравнительно близко к земле», птицы, насекомые или орды Супертамерлана или армии небесного Ричарда Львиное Сердце, наши ереси возрадовались бы в любом случае. Его оценка была «меньшее расстояние, чем до луны».

Одно из них было сфотографировано — смотри *L'Astronomie*, 1885 г., 349. На фотографии изображено длинное тело, окруженное неопределенными структурами или мерцанием движущихся крыльев или летательных плоскостей. *L'Astronomie*, 1887 г., 66:

Синьор Рикко из Обсерватории города Палермо пишет, что 30 ноября 1880 года в 8:00 утра, когда он наблюдал солнце, он увидел, что солнечный диск медленно пересекают какие-то тела, движущиеся двумя длинными параллельными линиями; еще одна более короткая двигалась параллельно им. Ему показалось, что тела имели крылья. Но они были столь велики, что он подумал о больших птицах. Он подумал о журавлях.

Он проконсультировался у орнитологов и узнал, что строй в виде параллельных линий согласуется со строем журавлей в полете. Это было в 1880 году: всякий живущий сейчас, например, в Нью-Йорке, сказал бы ему, что это всем знакомый строй самолетов. Но, учитывая данные о фокусе и противоположащих углах, эти существа или объекты должны были лететь высоко.

Синьор Рикко доказывает, что кондоры, как известно, летают на высоте трех или четырех миль, а высоты, которых достигают другие птицы, оцениваются в две или три мили. Он говорит, что журавли иногда залетают так высоко, что перестают быть видимы.

Мы лично считаем, что, выражаясь в рамках обычных представлений, на этой земле нет такой птицы, которая не замерзла бы насмерть, оказавшись на высоте чуть выше четырех миль; если кондоры летают на высоте трех или четырех миль, то они специально приспособились к такой высоте.

Согласно оценке синьора Рикко, эти объекты, или существа или журавли должны были лететь на высоте по крайней мере не ниже пяти с половиной миль.

XVII

ОГРОМНЫЙ ПРЕДМЕТ, который выглядел, как парящая в воздухе ворона ужасающей величины. Допуская, что когда-нибудь у меня будут читатели, пусть он, или она, если я буду когда-нибудь до такой степени популярен, отметят, до какой степени смутным этот смелый черный факт кажется с расстояния всего только двух глав. Вопрос:

Был ли это предмет или только тень от предмета? Принятие того или другого требует не просто пересмотра, но целой революции в науке астрономии. Но смутность факта, представленного только две главы назад. Обработанный каменный диск из Дарба и дождь, выпадавший каждый день после полудня в течение двадцати, если я сам не позабыл, двадцати трех или двадцати пяти дней! — на одном и том же маленьком участке. Все мы Томсоны, с мозгами, имеющими гладкую и скользкую, хотя и гофрированную поверхность, или всякий ум ассоциативен, или мы помним только то, что согласуется с доминантой, и несколько глав проходит мимо и едва ли осталось какое-то впечатление, которое не соскользнуло бы с наших гладких и скользких мозгов, от Леверье и «планеты Вулкана». Есть два способа запомнить несовместимое — если их можно согласовать в системе, более реальной, чем сама система отвергающая их, или путем повторения и повторения, и повторения.

Огромная черная масса, нависшая над Луной. Этот факт столь важен для нас потому, что он подтверждает, в другой области, наше предположение, что эту солнечную систему пересекают темные тела планетных размеров. Наша позиция: Эти предметы наблюдались, Их тени тоже наблюдались.

Огромная черная вещь, парящая над Луной, как ворона. Так далек этот единственный пример. Под единственным примером мы подразумеваем непринимаемое в расчет.

В журнале Popular Science, 34, 158, Сервисе сообщает нам о тени, которую Шретер видел в 1788 году в Лунных Альпах. Сначала он увидел свет. Но затем, когда этот регион оказался освещенным, он увидел круглую тень на освещенном месте. Вот как мы это понимаем:

Он увидел вблизи Луны светящийся объект; что эта часть луны осветилась и этот объект перестал быть виден; но его тень ниже его была видна.

Сервисе, конечно, объясняет. Иначе он не был бы профессором

Сервиссом. Мы имеем здесь маленькое соревнование относительных приближений к реальности. Профессор Сервисе думает, что то, что видел Шретер, представляло собой «круглую» тень горы, в области, которая осветилась. Он полагает, что Шретер так больше и не посмотрел, чтобы проверить, может ли эта тень быть приписанной горе. В этом суть: можно представить себе, что гора могла отбрасывать круглую, — а это значит отделенную, тень в освещенной части луны? Профессор Сервисе мог, конечно, почему он игнорирует в первую очередь свет, может быть, он всегда был там «изначально». Если он не смог объяснить, значит, он все еще любитель.

У нас есть еще и другой факт. Я думаю, что еще более необычайный факт, чем...

Огромный предмет, черный и нависший, как ворона, над луной. Но только потому, что он описан более обстоятельно и потому, что имеет подтверждение, я считаю его более удивительным, чем...

Огромный парящий предмет, черный, как ворон, над луной.

Мистер Х. С. Расселл, бывший обычно таким же ортодоксом, как и все, как я полагаю, по крайней мере он писал после своей фамилии «член королевского астрономического общества», рассказывает в журнале «Обсерватория», 2-3 74, одну из самых диких, или самых нелепых, историй, которые мы досихпорэксгумировали.

Он и еще один астроном, Г. Д. Херст, были в Голубых Горах близ Сиднея, Новый Южный Уэльс (Австралия) и мистер Херст смотрел на луну...

Он увидел на луне то, что Расселл называет «одним из тех удивительных фактов, которые увидев надо записать, хотя никакого их объяснения сейчас не может быть предложено».

Возможно, это и так. Это делается очень редко. Наше собственное представление об эволюции посредством последовательно сменяющихся доминант и их коррелятов противоречит этому. С другой стороны, мы отмечаем, что каждая эпоха записывает всего лишь несколько наблюдений, не гармонирующих с ней, но предвещающих или подготавливающих дух последующих эпох. Это делается очень редко. Исхлестанный бичами — призраками уходящей эпохи, мир астрономов находится под властью терроризма, хотя и весьма истощенного, модернизированного, лишеного жизненных сил. Стоит только астроному увидеть что-нибудь такое, что не принадлежит к числу общепринятых небесных видов, или что-нибудь, что не «принято» видеть, — и само его достоинство сказывается под угрозой. Ктонибудь из высеченных и загнанных в загон может воткнуть улыбку ему

в спину. О нем будут думать недоброжелательно.

Со смелостью, столь необычной в его мире эфирной чувствительности, говорит Рассел о наблюдении Херста: «Он обнаружил, что большая часть лунного диска покрыта темной тенью, столь же темной, как и тень земли во время затмения луны».

Но верх смелости, или неприличия, или испорченности, нелепости или просвещенности:

«Вряд ли можно сопротивляться убеждению, что это была тень, но это не могла быть тень какого-либо из известных тел».

Ричард Проктор был человек довольно либеральных взглядов. Скоро у нас будет его письмо, которое мы, в порядке исключения, назвали бы бредовым, — не знаю, можем ли мы прочитать такую вещь сейчас, в первый раз, без недоуменного смеха, — письмо, которое мистер Проктор позволил опубликовать в журнале «Нолидж».

Но темный неизвестный мир, который мог бросить тень на большую часть луны, простирающуюся, возможно, далеко за границы лунного диска; тень, столь глубокую, как тень этой земли... Слишком много для вежливости м-ра Проктора. Я не читал то, что он сказал, но мне кажется, что это было несколько грубо. Расселл говорит, что Проктор «свободно воспользовался» его именем в «Эхо» 14 марта 1879 года, высмеивая это наблюдение, сделанное Расселлом так же как и Херстом. Если бы не было Проктора, это был бы кто-нибудь другой, — но можно отметить, что нападение появилось в газете. Не было никакого обсуждения этого удивительного явления, не говоря уж о том, чтобы предложить Расселлу ответить Проктору.

В ответе Расселла я отмечаю значительную степень промежуточности. В далеком 1879 году было бы проявлением прекрасного позитивизма, если бы Расселл сказал:

«На луне была тень. Абсолютно достоверно, что ее отбрасывало неизвестное тело».

Согласно нашей религии, если бы он посвятил все свое время отстаиванию этой единственной позиции, разорвав, конечно, все свои дружеские связи, все связи со своими товарищами астрономами, последовала бы его канонизация, весьма поддержанная средствами, хорошо известными в квазисуществовании, когда его компромиссы и увертки, а также феномены, являющиеся частью этими, а частью теми, презираются решительными и бескомпромиссными. Это было бы невозможно в реальном существовании, но мистер Расселл из квазисуществования говорит, что ему пришлось таки воспротивиться этому убеждению; он

сказал, что «вряд ли можно сопротивляться»; и большая часть его возмущения направлена против мысли мистера Проктора, что он не сопротивлялся. Это, пожалуй, слишком плохо, если бы канонизация была желательна.

Здесь важным моментом, или пунктом с точки зрения Интермедиатизма (Промежуточности) является:

Не то, что приспособиться к условиям квазисуществования означает добиться того, что в квазисуществовании называется успехом, а на самом деле означает загубить свою душу.

Это означает «загубить свой» шанс приобрести душу, Я, или бытие.

Одно возмущенное высказывание, цитируемое из Проктора, представляет для нас интерес:

«То, что происходит на луне, может в любое время произойти и на этой земле».

В этом именно и состоит учение этого раздела Астрономии Для Продвинутых:

Расселл и Херст видели, что солнце затемнено от луны каким-то огромным темным телом;

Много раз случались затмения этой земли огромными темными телами;

Было много затмений, которые не распознавались как затмения в научных яслях.

Конечно, и здесь есть точка слияния, или постепенного перехода. И мы сначала посмотрим на нее — в конце концов то, что видели Расселл и Херст, в конце концов могло быть и тенью, но единственное, что имеет здесь значение, это то, что луна была заслонена от солнца какой-то космической мглой или роем очень сближенных метеоров, или газовым выбросом, который оставила после себя какая-нибудь комета. Я лично полагаю, что нечеткость тени есть функция нечеткости этого вторжения; что тень столь плотная, как тень этой земли, отбрасывается телом, более плотным, чем мгла, дымка или рой. В этом отношении информация кажется определенной — «столь же темная, как тень этой земли во время затмения луны».

Хотя мы, может быть, и не всегда столь терпеливы по отношению к ним, как следовало бы, мы убеждены, что астрономические примитивы проделали немало полезной работы: например, в деле успокоения страхов на этой земле. Иногда может показаться, что вся наука является для нас чем-то вроде скудной еды для быков и антисоциалистов, не то, чтобы ненаучной, а недостаточной. Мы полагаем, что Зло есть негативное

состояние, под которым мы подразумеваем состояние неправильного или неумелого приспособления, диссонанса, безобразия, дезорганизации, непоследовательности, несправедливости и так далее, определяемое в промежуточности не реальными критериями, а только более высокими приближениями к приспособленности, гармонии, красоте, организации, последовательности, справедливости и так далее. Зло есть пережившая себя добродетель или зарождающаяся добродетель, которая еще не утвердилась, или любое другое явление, которое не находится в видимой приспособленности, гармонии, согласованности с доминантой. В прошлом астрономы действовали превосходно. Они годились для дела: большие прибыли думают о них добродушно, если вообще думают. Для торговли плохо, когда густая тьма падает на ничего не подозревающих жителей и пугает их до потери ими покупательной способности. Но если затемнение можно будет предсказать, то даже если оно затем и произойдет, и может быть, покажется даже несколько странным, всего только тень — никто из тех, кто собирался купить пару обуви, не побежит домой в панике и не сэкономит деньги.

Что касается общих принципов, то мы принимаем, что астрономы квазисистематизировали данные о зат^лениях — или включили одни и проигнорировали другие. Они сделали хорошо. Они действовали. Но сейчас они стали негативами, то есть они вне гармонии...

Если мы находимся в гармонии с новой доминантой, или духом новой эпохи, в которой эксклюзивизм должен быть отброшен; если у нас есть факты о многих затемнениях, которые произошли не только на луне, но и на земле, столь же убеждая в существовании огромных заслоняющих свет тел, обычно невидимых, как и любое регуляризованное предсказанное затмение... Человек смотрит в небо.

Кажется невероятным, что где-то там, скажем, на расстоянии Луны может существовать, хотя и невидимое, твердое тело величиной, скажем, с луну.

Человек смотрит на луну в то время, когда виден только ее серп. Существует тенденция достроить в уме остальную ее часть, но неосвещенная часть выглядит столь же пустой, как и остальная часть неба, и имеет ту же синеву, что и остальная часть неба. Перед нами обширное пространство твердого вещества. И оно неотлично от неба.

В одном из наших маленьких уроков о красотах скромности и смирения мы собрали наши основные дерзости — хвост павлина, рога оленя, доллар капиталиста — затмения астрономов. Хотя у меня нет особой склонности к этой работе, я берусь перечислить сотни случаев, когда отчет

об ожидаемом затмении был «сплошная облачность» или «погод а неблагоприятная». В нашей Сурергубернии неблагоприятное толковалось как благоприятное.

Сравнительно недавно, когда мы пропали, потому что не распознали свою собственную доминанту, когда мы все еще не принадлежали к избранным, и вероятно, были еще более злобными, чем сейчас — потому что заметили, что в наше отношение прокрадывается спокойная терпимость, если не возлагать вину на астрономов, ^ считать их только коррелятами к доминанте, мы разрекламировали предсказанное затмение, которое вообще не произошло. Теперь, без какого-либо особого чувства, не считая признания участи — всех попыток установить абсолютизм, мы даем пример, отмечая, что зсотя это и зло по отношению к ортодоксий, именно сама ортодоксия зарегистрировала это мнимое событие. *Monthly Notices of the Royal Astronomic Society*, 8,132: «Удивительные феномены во время полного лунного затмения 19 марта 1848 года»:

В отрывке из письма мистера Форстера из Брюгворите говорится, что согласно наблюдениям автора, во время предсказанного полного затмения луна сияла приблизительно в три раза ярче по сравнению со средней освещенностью затемненного лунного диска: что британский консул в Генте, который не знал о предсказанном лунном затмении, написал запрос о «кровоавокрасном цвете луны».

Это не очень удовлетворительно для наших обычных злых умыслов. Но далее следует еще одно письмо от другого астронома, Уолки, который проводил наблюдения в Клист Сент Лоуренс: что вместо затмения луна стала — словно напечатано курсивом — «освещена самым прекрасным образом»... «вернее окрасилась в темно красный цвет»... «луна была при этом столь полно освещена, словно в это время и не было никакого затмения».

Я отмечаю, что Чемберс в своей книге о затмениях приводит письмо Форстера полностью — и ни словом не упоминает о письме Уолки.

В *Monthly Notices* нет ни одной попытки как-то объяснить, почему луна оказалась дальше, а тень от нее не попала на луну, что — не будь это предсказано, наделало бы среди астрономов столько же шума, как ни одно затмение вообще. И нельзя отделаться от ответа и заявлением, что фактически никогда, даже при полном затмении луна не бывает совершенно темной, «так ярко освещенной, словно в это время и не было никакого затмения». Говорят, что в это время в небе было северное сияние, которое, возможно и явилось причиной освещенности луны, но не приводится ни одного факта, что такое действие северного сияния на луну

когда-либо наблюдалось.

Но единичные наблюдения ничего не объясняет, поэтому приведем наблюдение Скотта в Антарктике.

Но на мой взгляд, опирающийся на специальный поиск данных по этому вопросу, сила этого факта заключается в том, что неполное затмение, при котором закрывается девять десятых полного лунного диска, оказывается сильно даже в тех случаях, когда небо закрыто облаками.

Scottish Voyage of the Discovery, vol. II, p. 215: . «21 сентября 1903 года, согласно альманаху, должно было произойти затмение солнца, но никто из нас не поклялся бы, что это факт».

Считалось, что полнота этого затмения должна была составить девять десятых полного затмения. Небо в это время было сплошь закрыто облаками.

Из этого следует не только что было много затмений, которые не были распознаны астрономами как затмения, но что интермедиатизм, или непозитивизм, врывается в их собственные как будто упорядоченные затмения.

Наши факты о неупорядоченных затмениях, столь же основательные, как и факты, являющиеся всеми — или официально? — признанными, о неупорядоченных затмениях.

В журнале *Notes and Queries* есть несколько упоминаний о плотной тьме, которая случалась на этой земле, совершенно подобной темноте во время затмений, но которую никак нельзя связать с каким-либо известным заслоняющим свет телом. Конечно, при этом и не предполагается, что эти затемнения являются, может быть, затмениями. Я лично полагаю, что если бы в девятнадцатом столетии кто-нибудь высказал такую мысль, ему пришлось бы почувствовать гнев Доминанты. Материалистическая Наука это ревнивый бог, исключаящий, как работу дьявола, все высказывания, направленные против всего кажущегося единообразным, регулярным, периодическим; всякий, бросивший им вызов, навлек бы на себя — уничтожающие насмешки, избегание издателей, презрение друзей и семьи, законное основание для развода; Человек, который бросил бы такой вызов, почувствовал бы то, что некогда чувствовали в раннем средневековье неверующие в святые реликвии; что некогда происходило с девственницами, забывавшими поддерживать огонь. Но даже если бы он выдержал абсолютно все, все равно — все равно, в «Ежемесячных сообщениях» появилось бы сообщение об еще одной неподвижной звезде. В общем и целом, суть позитивизма здесь состоит в том, что посредством доминанты и ее коррелятов квазисуществование устремляется к

позитивному состоянию, собирая вокруг ядра, или доминанты, систематизированные элементы религии, науки, общества, но что «индивиды», которые не поддаются и не тонут, могут сами собой в высшей степени приблизиться к позитивности — неподвижному, реальному, абсолюту.

В *Notes and Queries*, 2-4, 133, есть сообщение о наступлении тьмы в Голландии, среди яркого дня, столь плотной и ужасающей, что многие впавшие в панику люди лишились жизни, упав в каналы. *Jantleman's Magazine*, 33,414: 19 августа 1763 года на Лондон пала тьма, «большая даже, чем во время великого затмения 1748 года».

Но мы предпочитаем не возвращаться в столь далекие времена в поисках фактов. Список исторических «темных дней» приведен в книге Гумбольдта «Космос» (*Cosmos*), 1,120.

Monthly Weather Review, March, 1886 г., 79: Что согласно *La Crosse Daily Republican* от 20 марта 1886 года, в предыдущий день 19 марта в 3 часа дня тьма внезапно опустилась на город Ошкол, штат Висконсин. Через пять минут тьма была, как в полночь. Ужас.

Я думаю, что некоторые из нас преувеличивают свое превосходство и нелепые страхи Средневековья.

Ошкош

Люди на улицах, бегущие во всех направлениях, разбегающиеся лошади, женщины и дети, бегущие в погреба, а после этого — штрих современности: газовые счетчики вместо изображений и реликвий святых.

Эта тьма, длившаяся восемь-десять минут, случилась в день, когда погода была «ясной, но облачной». Она прошла с запада на восток, а за ней последовал яркий свет дня; затем поступили сообщения из городов, находящихся к западу от Ошкола, о том, что точно такое же явление уже произошло в них. «Волна полнейшей тьмы» прошла с запада на восток.

О других случаях рассказывается в *Monthly Weather Review*, но в отношении их всех мы чувствуем, что сами оказались изрядно затемненными обычным объяснением, что затемняющее тело — это всего лишь очень плотная масса облаков. Но некоторые из известных случаев очень интересны — густая темень в Мемфисе, штат Теннесси, длившаяся около пятнадцати минут, в 10 часов утра 2 декабря 1904 года: — «Нам говорили, что в нескольких кварталах разразилась паника и что некоторые люди кричали и молились и вообразили, что пришел конец света» (*Monthly Weather Review*, 32, 522). 7 марта 1911 года в Луисвилле, штат Кентукки, приблизительно в 8 часов утра: длительность около получаса; шел небольшой дождь, а затем выпал град. «Плотная чернота и общий

зловещий вид грозы навел ужас на весь город» (Montply Weather Review, 39-345).

Действительно, это связующее звено между возможными затмениями, осуществляемые неизвестными темными телами, и обычными земными явлениями производит грозное впечатление.

Что касается темноты, охватывающей обширные области, то их обычное объяснение — это дым от лесных пожаров. В «Бюллетене Службы Лесных Пожаров США» (US Forest Service Bulletin) № 117, Ф. Г. Пламмер приводит перечень восемнадцати наступлений темноты, которые произошли в Соединенных Штатах и Канаде. Он принадлежит к числу первобытных людей, но я должен сказать, что его догматизм потрясен вибрациями, идущими от основной Доминанты. Его затруднение, которое он признает, но которым он пренебрег бы, если бы писал десять или около того лет раньше, заключается в силе некоторых из этих затемнений. Он говорит, что одно только задымление не может объяснить такие «вызывающие благоговейный ужас темные дни». Поэтому он представляет себе воздушные вихри, концентрирующие дым от лесных пожаров. Затем, не ощущая непоследовательности или диссонанса всякого квази-ума, стремящегося к последовательности и гармонии, он говорит об огромности некоторых из этих областей затемнения. Конечно, мистер Пламмер в сущности не думал об этом предмете, но возникает ощущение, что он мог бы ближе подойти к реальному мышлению, чем он подошел, говоря о концентрации и затем перечислив факты об огромной области, охваченной тьмой, то есть о чем-то противоположном обстоятельствам концентрации, поскольку из его девятнадцати случаев девять описаны как покрывающие всю Новую Англию. В квазисуществовании все порождает себе противоположное или является его частью. Всякая попытка достигнуть мира готовит путь к войне; все попытки достигнуть справедливости имеют результатом несправедливость в каком-нибудь другом отношении. Так и попытка м-ра Пламмера внести порядок в его факты объяснением, что тьма вызвана дымом от лесных пожаров, приводит к такой путанице, что он заканчивает утверждением, что эти случаи появления тьмы в дневное время происходят «часто при очень малом или совсем отсутствующем замутнении воздуха, близ земной поверхности», — или вообще без каких-либо признаков дыма, не считая того, что где-то почти всегда происходит лесной пожар.

Тем не менее, из восемнадцати случаев единственный случай, который я взялся бы оспорить, это глубокая тьма в Канаде и северных частях Соединенных Штатов, случившаяся 19 ноября 1819 года, которую мы уже

обсудили.

Сопровождающие ее обстоятельства: Огни в небе; Падение черного вещества;

Удары, напоминающие удары при землетрясениях. В этом случае единственный известный лесной пожар произошел к югу от реки Огайо. Насколько я знаю, сажа от самого большого пожара южнее реки Огайо могла выпасть в Монреале, Канада, и можно представить себе, что в результате какой-то игры отражений свет от него можно было видеть в Монреале, но землетрясение никак не увязывается с лесным пожаром. С другой стороны, мы скоро придем к убеждению, что глубокая тьма, падение вещества с неба и землетрясения суть феномены, сопровождающие близкое приближение других миров к этому миру. Это такое всеохватывающее объяснение, — в противоположность включению немногих факторов и игнорированию остальных, которую мы называем более высоким приближением к реальности, или всеобщности.

Тьма, наблюдавшаяся 17 апреля 1904 года в Уимблдоне, Англия (Symons' Meteorological Magazine, 3969). Она пришла из незадымленного района. Никакого дождя, никакого грома. Длилась десять минут. Было слишком темно, чтобы «даже выйти из дому на открытое место».

Что касается тьмы в Великобритании, то часто ее объясняют туманами, uOuNature, 25-289, приводятся наблюдения майора Дж. Гершеля над наступлением темноты в Лондоне 22 января 1882 года в 10:30 утра, столь сильной, что он мог только слышать людей на противоположной стороне улицы, но не мог их видеть, «Было очевидно, что в это время не было тумана, о котором стоило бы говорить». Annual Register, 1857 г., 132:

Приводится сообщение Чарльза А. Марри, британского посланника в Персии, о темноте, павшей на Багдад 20 мая 1857 года, — «темнота, более плотная, чем в обычную полночь, когда не видно ни звезд ни луны...» «Спустя короткое время темнота сменилась жутким красным мраком, какого я никогда не видел ни в какой части света». «Паника охватила весь город». «Выпало большое количество красного песка». Этот падающий песок, кажется, предлагает в качестве достаточно обычного объяснения самум, который, плотно загруженный красным песком, заслонил солнце, но мистер Марри, который говорит, что имеет опыт встреч с самумами, дает свое мнение, что «это определенно не мог быть самум».

Именно эту нашу всесторонность, или вопрос о сопутствующих обстоятельствах временной тьмы мы собираемся подчеркнуть. Все это очень сложно и грандиозно, и наш собственный подход может быть только импрессионистическим, но несколько рудиментов Сейсмологии для

Продвинутых мы сейчас обсудим — четыре главных явления, сопровождающих близкое приближение к этому миру других миров.

Если бы большая вещественная масса или суперконструкция вошла в атмосферу этой земли, тогда, согласно нашему представлению, — она бы иногда, в зависимости от скорости, могла казаться светящейся или выглядеть как облако или облако со светящимся ядром. Позднее мы изложим наш взгляд на сияние — отличное от сияния, получаемого от накаливания, — которое охватывает предметы, падающие с неба или входящие в атмосферу этой земли. А сейчас мы полагаем, что и другие миры часто подходят близко к этой земле и что более мелкие объекты, — размером со стог сена или в несколько сбитых вместе небоскребов, часто пробивались сквозь атмосферу этой земли и принимались ошибочно за облака, поскольку они были окутаны облаками...

Вокруг чего-то, приходящего из жуткого холода межпланетного пространства, то есть из некоторых регионов: мы лично полагаем, что другие регионы относятся к тропикам, — конденсировалась бы влага атмосферы этой земли, образуя вокруг облакоподобную оболочку. В *Nature*, 20,121, приводится отчет мистера С. У. Клифтона, сборщика пошлин при таможне во Фримантле, Западная Австралия, посланный им в Мельбурнскую Обсерваторию, ясный день, появление небольшого черного облака,двигающегося не очень быстро, взрывающегося в огненный шар размером с видимую луну.

Нечто, движущееся со скоростью обычного метеорита, не могло собрать вокруг себя пар, а более медленно движущиеся объекты, скажем, со скоростью поезда могли бы.

Тучи, сопровождающие торнадо, столь часто описывались как если бы это были твердые объекты, что я сейчас принимаю, что иногда они таковыми и являются: что некоторые из так называемых торнадо представляют собой объекты, пролетающие сквозь атмосферу этой земли, вызывая не только ее возмущения за счет всасывания, но и круша все на своем пути своей массой, поднимаясь и падая, и, наконец, исчезая и показывая, что сила тяжести — это не та сила, как ее представляют себе первобытные люди, если предмет, движущийся со сравнительно малой скоростью, не притягивается к этой земле, или, подвергшись на мгновение ее действию, отскакивает прочь.

В книге Финли «Сообщения об особенностях 600 торнадо» (Finley. *Reports on the Character of 600 Tornadoes*) встречаются наводящие на размышления описания: «Облако, скачущее по земле, как мяч»... Это не было метеорологическим явлением, а чем-то очень похожим на огромный

твердый шар, который подскакивал по линии своего движения, сокрушая и неся с собой все в пределах своего захвата...

«Туча, подскакивающая вдоль линии своего движения и снова опускающаяся на землю каждые восемьсот или тысячу ярдов».

А вот еще интересный отрывок, который я раздобыл в другом месте. Я предлагаю его как один из исходных фактов супербиологии, которая, однако, является одной из ветвей более развитой науки, которую я не стану обсуждать, ограничившись только вещами, которые называются неопределенно «объектами».

«Торнадо налетел, извиваясь, прыгая, кружась, как огромный зеленый змей, выбрасывая множество сверкающих клыков».

Это не просто интересно, я лично думаю, что это поразительно. Может быть, что огромные зеленые змеи иногда проносятся мимо этой земли, делая быстрые укусы, где только можно, но, как я уже говорил, эти явления принадлежат к супербиологии. Финли приводит десятки случаев, сопровождающих торнадо, которые мне кажутся больше похожими на твердые предметы, буйствующие в тучах, чем сами тучи. Он отмечает, что в торнадо, налетевшем на Амкрику, штат Джоржия, 18 июля 1881 года, «из тучи вырывался странный с серным запахом пар». Во многих случаях предметы, или метеоритные камни, падающие на землю из внешнего по отношению к этой земле пространства, имеют сернистый запах. Почему действие ветра должно придавать сернистый запах, неясно. Что огромный предмет из внешних регионов должен быть серосодержащим, согласуется со многими фактами. Это явление описывается в Monthly Weather Review за июль 1881 года «как странный сернистый пар... обжигавший и вызывающий тошноту у всякого, кто приближался достаточно близко, чтобы вдохнуть его».

Обычное объяснение торнадо как явлений, вызванных ветром, чего мы и не отрицаем для некоторых случаев, столь распространено в Соединенных Штатах, что лучше поискать в другом месте сообщений об объекте, который пронесся сквозь атмосферу этой земли, поднимаясь, падая и бросая вызов тяготению этой земли.

Nature, 7,112:

Согласно корреспонденту газеты Birmingham Morning News, люди, живущие около Кингз Саттон, Банбери, увидели 7 декабря 1872 года, приблизительно в час дня, как в воздухе пронеслось нечто, похожее на стог сена. Подобно метеориту, оно было окружено пламенем и густым дымом и производило шум, подобный шуму железнодорожного поезда. «Оно то находилось высоко в небе, то около земли». Действие его напоминало

действие торнадо: оно сшибало деревья и стены. Сегодня уже поздно искать подтверждения этой истории, но приведен список лиц, собственность которых получила повреждения. Нам говорят, что эта штука затем «внезапно» исчезла.

Все это сравнительно мелкие объекты, которые могут, насколько я знаю, представлять собой сорванные с рельсов железнодорожные вагоны или больших зеленых змей, но наша гипотеза о приближении к этой земле огромных темных тел.

Вероятно, их могут заставлять светиться, обертывать в облака или они могут сами иметь облака...

Но что они могут и дрожать, и они могут воздействовать на эту землю своими вибрациями...

И что тогда должно происходить падение вещества из такого мира или поднятие вещества из этой земли на близлежащий мир, или одновременно падение и поднятие, или обмен веществом, процесс, известный в Развитой Сейсмологии как целестиомететезис...

Не считая того, что, если бы вещество из другого мира и если бы кому-нибудь пришло в голову, что мы абсолютно отрицаем гравитацию, просто потому, что не можем принять ортодоксальные догмы, не считая того, что если бы вещество из другого мира, заполнив небо этой земли, либо вообще во всем полушарии либо локально, было бы притянуто к этой земле, тогда можно было бы представить, что вся эта штука упала здесь, а не только материал с ее поверхности.

Предметы, налипшие на дно корабля. Время от времени они падают на дно океана. А корабль не погружается. Или — как в нашей модели с капанием воды с воздушных ледяных полей — мы представляем себе, что только часть близлежащего мира поддается, кроме тех случаев, когда она оказывается захваченной во время пребывания в состоянии невесомости по отношению к гравитации этой земли, и приповерхностные вещества падали с этой частями...

Объясните или выразите, или предположите — какое это имеет значение? Наша позиция: Вот факты. Смотрите сами.

Какое имеет значение, как я это представляю? Вот факты.

Но подумайте сами, или подумайте за меня — у нас, должно быть, все перепуталось. Много времени должно пройти, прежде чем мы научимся отличать Флориду от Лонг Айленда. Поэтому у нас уже есть факты о рыбах, упавших с нашего, ныне упроченного и заслужившего уважение Суперсаргассова моря, — о котором мы почти забыли, которое сейчас столь уважаемо, но у нас еще должны быть факты о рыбах, упавших во

время землетрясений. Эти рыбы, как мы допускаем, были выплеснуты из прудов на других мирах, которые подверглись вибрациям, находясь всего лишь на расстоянии в несколько миль от земли, подверглись вибрациям, вызванным этой землей, в то время как какой-нибудь другой мир вызывал вибрации этой земли.

В каком-то смысле, или в принципе, наш предмет исследования достаточно ортодоксален. Только допустите близость других миров, что, не может зависеть от допущения, а зависит от фактов, и тут же приходит мысль о вибрации поверхностей других миров, — даже о вибрации целого озера, полного рыбы, которое начинает встряхиваться и стряхивается с одного из них. Полное рыбы озеро может вызывать легкую боль в некоторых умах, но падение песка или камней — это достаточно приятная мысль. Многие из ученого мира, или более верные гипнотики, чем мы, обсуждали этот предмет безболезненно, по отношению к луне. Например, Перри просмотрел свыше 15 000 записей о землетрясениях и связал многие из них с приближениями луны, или приписал притяжению луны в моменты ее наибольшей близости к земле. Есть также статья на эту тему в Proceedings of the Royal Society of Cornwall, 1845 г. Или, теоретически, в моменты своего наибольшего приближения к этой земле луна вызывает вибрацию лица этой земли и сама вибрирует, но сама не падает на землю. Что касается ливней, градов и осыпей вещества, которые, возможно, имеют своим источником луну в такие моменты, то пусть желающие посмотрят старые записи и найдут что кому угодно.

Именно этим мы сейчас и займемся. Наши высказывания следует понимать только как допущения. Наши факты:

Мы берем из четырех классов явлений, которые предшествовали землетрясениям или сопровождали их:

Необычные облака, глубокая тьма, светящиеся феномены в небе и падения веществ или предметов, как называемых обычно метеоритами, так и иных.

Ни одно из этих явлений не согласуется с принципами первобытной, или первичной, сейсмологии, и каждое из них представляет собой факт о вибрирующем теле, проходящем вблизи от этой земли или зависшим над нею. Для первобытных людей нет такой причины в мире, которая объяснила бы, почему конвульсия поверхности этой земли должна сопровождаться необычными зрелищами в небе, тьмой, или падением веществ или предметов с неба. Что касается феноменов, подобных этим, или грозам, предшествующим землетрясениям, то здесь дисгармония еще больше.

Перри составил свою великую сводку еще до 1860 года. Большую часть наших данных мы берем из списков, составленных давным давно. Только безопасные и безобидные из них были опубликованы в последние годы — по крайней мере в претенциозной, объемистой форме. Сдерживающая рука «Системы», как мы ее называем, независимо от того, имеет ли она реальное существование или нет, — в наши дни тяжело давит на все науки. Наиболее жуткий аспект нашего квазисуществования, который мне известен, состоит в том, что все, как будто имеющее свою собственную индивидуальность, в такой же степени содержит в себе и видимость чего-то другого. В этом единстве всеобщности, или непрерывности (взаимных переходов) защищающая рука душит, родительское подавляет, любовь оказывается неотделимой от феномена ненависти. Существует только Непрерывность, то есть в квазисуществовании. Журнал *Nature*, по крайней мере на страницах, содержащих корреспонденцию, все еще избегает этого защищающего удушья, а *Monthly Weather Review* все еще представляет собой богатое поле нечестивых наблюдений; но просматривая другие периодические издания с давно установившимися традициями, я отметил, что их блеск квазииндивидуальности постепенно после 1860 года потускнел, и их попытки достигнуть индивидуальности подчинились более высоким попыткам достигнуть организации. Некоторые из них, выражая, широкое, в масштабе всей промежуточности устремление к локализации всеобщего, или к локализации себя, души, индивидуальности, бытия, или к позитивности продержались даже до 1880 года. Отдельные следы этого прослеживаются вплоть до 1890 года, а затем, выражая всеобщий процесс, не считая того, что в мировой истории здесь и там могли достигаться успешные приближения к позитивности отдельными «индивидуалами», которые только тогда и становились индивидами и достигали своих собственных Я, сдавались, подчинялись, становились частями попыток более высоких организаций индивидуализироваться в целостную вещь, или локализовать всеобщее. После смерти Ричарда Проктора, чьи редкие проявления нетерпимости к чужому мнению я не хотел бы слишком подчеркивать, все последующие тома *Knowledge* с трудом давали место нешаблонным взглядам. Заметьте, как часто цитируются *American Journal of Science* и *Report of the British Association*, заметьте, что после, скажем, 1885 года они едва упоминаются на этих инспирированных, но незаконных страницах — словно под воздействием гипноза и инерции, как мы продолжаем говорить. Около 1880 года.

Удушение и игнорирование

Но насилие не может быть позитивным и многие из изгнанных продолжали снова вползать, даже по сей день некоторые из удушенных еще слабо дышат.

Некоторые из наших фактов было трудно найти. Мы могли бы рассказать целые истории о великом труде и бесплодных поисках, которые, может быть, неощутимо, стерли бы сочувствие к мистеру Саймонзу. Но в этом вопросе совпадения землетрясений с атмосферными явлениями, которые столь же несоединимы с землетрясениями, даже если они внутренне вызваны последними, как падение пескана охваченных судорогами мальчиков, наевшихся зеленых яблок, обилие так называемых данных столь велико, что мы можем только сделать беглый обзор фактов, начиная с Каталога Робэра Малле (Report of the British Association), и опуская некоторые необыкновенные случаи, которые произошли до восемнадцатого века.

Землетрясение, которому «предшествовала» яростная буря, Англия, 8 января 1794 г.; которому «предшествовал» яркий метеор, Швейцария, 4 ноября 1704 г.; «светящееся облако, летящее с большой скоростью и исчезнувшее за горизонтом», Флоренция, 9 декабря 1731 г.; «плотные туманы в воздухе, сквозь которые был виден ясный свет, за несколько недель перед толчком в воздухе были видны шары света», Швабия, 22 мая 1732 г.; дождь из грязи, Карпентра, Франция, 18 октября 1737 г.; черная туча, Лондон, 19 марта 1759 г.; яростная буря и странная звезда восьмиугольной формы, Славанге, Норвегия, 15 апреля 1752 г.; огненные шары из полосы, появившейся в небе, Аугерманлацд, 1752 г.; многочисленные метеориты, Лиссабон, 15 октября 1755 г.; «ужасные бури»; падения града и «сверкающие метеоры»; «огромный шар», Швейцария, 2 ноября 1761 г.; удлиненная сернистая туча, Германия, апрель, 1767 г.; необыкновенная масса пара, Булонь, апрель, 1780 г.; небо, темное от плотного тумана, Гренада, 7 августа 1804 г.; «странные воющие звуки в воздухе и большие пятна, затемняющие солнце», Палермо, Италия, 16 апреля 1817 г.; «сияющий метеор, движущийся в том же направлении, что и толчок», Неаполь, 22 ноября 1821 г.; огненный шар, появившийся в небе, видимый размер — с луну, Тюрингервальд, 29 ноября 1831 г.

И, если только вы не поляризованы Новой Доминантой, которая взывает о признании множеств внешних по отношению к земле вещей, как Доминанта, забрезжившая над Европой в 1492 году, взывала о признании

внешней по отношению к Европе земли, — если только у вас нет этого контакта с новым, то у вас нет и никакого влечения к этим фактам, фасолинам, падающим с магнита, противоречиям, которые соскальзывают с ума какого-нибудь Томсона...

Мое личное убеждение, что мы в действительности вообще не думаем; мы коррелируем вокруг супермагнитов, которые я называю доминантами — в одном веке это духовная Доминанта и, реагируя на нее, вдруг словно из-под земли выпрыгивают повсюду монастыри, и ее символами становятся костер и крест; появляется Материалистическая Доминанта и выпрыгивают лаборатории, микроскопы и телескопы, и тигели становятся ее иконами, а мы представляем собой лишь железные опилки по отношению к последовательно сменяющим друг друга опилкам, сменяющим предшествующие магниты.

Без какой-либо собственной души, как вашей так и моей, не считая того, что когданибудь некоторые из нас, может быть, не будут больше интермедиатистами, а будут ставить на кон космос, давным-давно тысячи рыбок были выброшены из одного ведра с водой, мы ощущаем какую-то психовалентность к этим фактам, словно послушные рабы Новой Доминанты, и отталкивание по отношению к ним, если мы ориентированы на Старую Доминанту. Я сам являюсь лишенным души и Я коррелятом Новой Доминанты: я вижу то, что должен видеть. Единственный стимул, который я могу предложить в моей попытке набрать учеников, это то, что когда-нибудь Новое станет модным: и новые узоры из опилок (корреляты) будут насмехаться над старыми. В конце концов, в этом есть какой-то стимул — и я отнюдь не уверен, что так уж желательно окончить свое существование неподвижной звездой.

В качестве узора опилок (коррелята) к Новой Доминанте, я нахожу, что меня очень впечатляют некоторые из этих фактов — сверкающий объект, который двигался в том же направлении, что и землетрясение, кажется весьма приемлемым, что вибрация земной поверхности следовала за полетом этого предмета вблизи земной поверхности. Полоса, или черта, которая была видна в небе, или только какая-то полоса, которая была видна от другого мира, и объекты, или метеориты, которые что-то стряхнуло с нее. Дрожание земли в Карпантра, Франция; и что над Карпантра находился меньший мир, который трясло намного сильнее, так что с него стряхивало землю.

Но больше всего мне нравятся суперволки, которых видели в момент, когда они пересекали солнечный диск во время землетрясения в Палермо. Они были.

Или любовь между мирами. Они взывают друг к другу, выражая свои чувства. Они пытаются приблизиться друг к другу и воют, когда это им удается.

Завывания планет

Я открыл новый вид неразборчивости. В *Edinburgh Philosophical Journal* — я должен вернуться назад к 1841 году — в дни менее эффективного удушения — сэр Дэвид Милн перечисляет феномены землетрясений в Великобритании. В них я выбираю несколько, которые показывают мне, что какие-то другие миры подходили близко к земной поверхности:

Яростная буря перед толчком в 1703 г.: огненный шар, «предшествующий» в 1750 г.; большой огненный шар, который видели на следующий день после землетрясения в 1755 г.: «необычный феномен в небе: большое светящееся тело, изогнутое, как серп, которое простерлось по всему небу», в 1816 г.; огромный огненный шар, 1750 г.; черные дожди и черные снега, 1755 г.; многочисленные случаи направленных вверх выступов — или притяжения кверху? — во время землетрясений, «предшествуемых тучей, очень черной и опускающейся к земле», 1795; падение черного порошка или пыли, предшествующее на шесть часов землетрясению, 1837г. Некоторые из этих случаев кажутся мне просто поразительными — меньший мир: он сильно потрясен притяжением этой земли из него вырвано какое-то черное вещество и только шесть часов спустя, после еще более близкого сближения, пертурбация постигла и эту землю. А что касается необычайного спектакля, устроенного предметом, миром или суперконструкцией, которая была видна в небе, в 1816 году, то пока что я не смог найти об этом никаких других подробностей. Я думаю, что в данном случае наше понимание вполне разумно: что это событие имело несравнимо большее значение, чем такие события, как, скажем, прохождение Венеры через солнечный диск, о котором были написаны сотни статей, настолько, что я не смог найти ни одного упоминания о нем, хотя я не искал их настолько целеустремленно, как буду искать дальнейшие факты, что все, кроме самого общего соображения об этом событии подверглось замалчиванию.

В общем и целом, здесь мы имеем значительное согласие междуданными об огромных массах, которые не падают на эту землю, но с которых падают разные вещества или материалы, и данными о ледовых полях, с которых не обязательно падает лед, но с которых иногда может капать вода. Я начинаю модифицировать свою гипотезу: то на некотором расстоянии от земли тяготение действует сильнее, чем мы предполагали,

хотя и не так сильно, как предполагают и «доказывают» догматики. Я начинаю еще больше склоняться к допущению существования некой Нейтральной Зоны, которая, подобно другим магнитам имеет нейтральную зону, в которой находится Суперсаргассово море и в которой могут быть, как бы плавать, другие миры, хотя их выступающие вниз части могут испытывать притяжение этой земли... Но мое предпочтение.

А сейчас я расскажу о самом интересном из новых коррелятов. Я думаю, что должен был привести его раньше, но может быть, это и не к месту здесь, поскольку не сопровождается землетрясением, и тем не менее — вот он. Я предлагаю его как случай затмения огромным темным телом, которое наблюдалось и о котором было сообщено астрономом. Имя астронома — М. Лиас. Явление наблюдалось им в Пернамбуко 11 апреля 1860 года. *ComptesRendus*, 50-1197:

Было около полудня — безоблачное небо — и вдруг солнечный свет потускнел. Темнота все больше увеличивалась и для иллюстрации ее степени нам говорят, что ярко засияла планета Венера. Но в это время дня Венера имеет плохую видимость. Наблюдение, которое возжигает фимиам Новой Доминанте — вот оно: Вокруг солнца появилась корона. Есть много и других случаев, указывающих на близость к земле других миров во время землетрясений. Я отмечу несколько:

Землетрясение и какой-то объект в небе, названный «большим сверкающим метеором», (*Quarterly Journalofthe Royal Institute*, 5, 132); светящееся тело в небе, землетрясение, падение песка, Италия, 12 и 13 февраля 1879 г. (*La Science Pour Tous*, 15,159); многосообщенийосветящемся объекте в небе и землетрясении, Коннектикут, 27 февраля 1883 г. (*MonthlyWeatherReview*, февраль 1883 г.); светящийся объект или метеор в небе, падение камней с неба и землетрясение, Италия, 20 января 1891 г. (*L'Astronomie*, 1891 г., 154); землетрясениеичудовищноеколичествосветящихся тел или шаров в воздухе, Булонь, Франция, 7 июня 1779 г. (*Sestier. La Foudre*, 1, 169); землетрясение в Маниле в 1863 г. и «любопытный светящийся феномен в небе» (*Ponton. Earthquakes*, стр. 124).

Самое замечательное появление рыб во время землетрясения произошло в Риоамбе. Гумбольдт зарисовал одну из них и она представляет собой странного вида существо. Тысячи их появились на земле во время этого чудовищного землетрясения. Гумбольдт говорит, что они были выброшены из подземных источников. Сам я так не думаю и у меня есть данные, чтобы не думать так, но вокруг этого вопроса было столько споров за и против, что будет проще рассмотреть более ясный

случай падения живых рыб с неба во время землетрясения. Я лично не могу полностью принять, чтобы большое озеро со всеми рыбами в нем было сорвано с какого-то другого мира или какое-нибудь озеро в Суперсаргассовом море, сбитое с толку между двумя притягивающими к себе мирами, было притянута к этой земле... Вот факты: *La Science Pour Tous*, 6, 191:

16 февраля 1861 г. Землетрясение в Сингапуре. Затем пролился необычайной силы ливень, было столько воды, что ее хватило бы на порядочное озеро. В течение трех дней этот дождь или этот водопад стремительными потоками низвергался на землю. В лужах, образованных на земле этим потоком было найдено большое количество рыб. Автор говорит, что сам он не видел ничего, кроме воды, что низвергалось с неба. Может быть я невольно преувеличиваю масштаб этого потопа, но автор говорит, что столь ужасен был этот водопад, что он не мог ничего видеть далее трех шагов от себя. Туземцы говорили, что рыбы падали с неба. Через три дня лужи высохли и было найдено много рыб, но, отметим изначально, хотя к этому выражению мы чувствуем инстинктивное отвращение, — но рыбы были активны и без какихлибо повреждений. Затем следует материал для другого нашего маленького исследования феномена игнорирования. Психотропизм здесь проявляется в том, чтобы механически взять в руки перо и механически написать, что рыбы, найденные на земле после мощного ливня, попали сюда из переполнившихся потоков. Автор этого рассказа говорит, что несколько рыб было найдено у него во дворе, который был окружен высокими стенами, и не обращая на это никакого внимания, корреспондент (*La Science Pour Tous*, 6, 317) объясняет, что в результате сильного дождя река разлилась по окрестностям, неся рыбу с собой. Первый автор говорит нам, что эти сингапурские рыбы принадлежат виду, весьма распространенному около Сингапура. Поэтому я лично думаю, что целое озеро этих рыб что-то стряхнуло с Суперсаргассова моря, при обстоятельствах, о которых мы думали. Однако, если бы вид странных рыб после землетрясения был более приятен взору или ноздрям Новой доминанты, тогда мы с глубоким благоговением воскурили бы фимиам — Доклад о событии в Сингапуре был прочитан перед Французской Академией господином де Кастельно. Господин де Кастельно вспомнил, что ранее он представил Академии подробное сообщение о том, что на мысе Доброй Надежды после землетрясения появился новый вид рыб.

Сейчас наступил, кажется, подходящий момент — и он придаст глянец новой ортодоксии — представить случай, в котором произошло не только

землетрясение и падение камней, или метеоритов, не только землетрясение и затмение или появление в небе светящихся феноменов, но в котором соединены все эти явления, из которых одно или более, когда они сопровождают землетрясение, указывают, согласно нашему предположению, на близость к земле другого мира. На этот раз отмечается большая длительность явления, чем в других случаях.

Кажется, сейчас самое время и это придаст глянец новой ортодоксии. ViKypHaneProceedingsoftheCanadian Institute, 27,198, имеет отчет заместителя специального уполномоченного в Дхурмсалла, Индия, о необыкновенном метеорите из Дхурмсаллы, окутанном льдом. Но комбинация событий, о которых он рассказывает, еще более необычайна.

В течение нескольких месяцев после падения этого метеорита произошли: падение рыб в Бенаресе, ливень какого-то красного вещества в Фуррукабаде, темное пятно, наблюдавшееся на солнечном диске, землетрясение, «неестественная темнота, длившаяся некоторое время» и светящееся образование в небе, похожее на северное сияние...

Но в довершение всего этого — еще кое-что. Нам представляют новый класс явлений:

Посетители

Заместитель специального уполномоченного пишет, что вечером, после падения метеорита Дхурмсаллы, или каменной глыбы, покрытой льдом, он увидел огни. Некоторые из них находились не очень высоко. Они появлялись, гасли и снова появлялись. Я прочел много сообщений о метеорите из Дхурмсаллы, упавшем 28 июля 1860 года, но ни в одном из них я ни разу не встретил какого-либо упоминания о новом корреляте — о чем-то столь неуместном в девятнадцатом веке, как, например, самолет, изобретение которого не было бы, нам кажется, дозволено в девятнадцатом столетии, хотя предвестники его разрешались. Этот автор говорит, что эти огни двигались, как аэростаты, но:

«Я уверен, что это не были ни аэростаты, ни фонари, ни костры, ни что-либо подобное, а настоящие огни в небесах».

Это предмет, для которого мы должны иметь особое обозначение — незаконно проникшие, или вторженцы, на территорию, на которую что-то другое имеет законное право, может быть, кто-то потерял кусок скалы и затем он с друзьями спустился поискать его, вечером, или тайные агенты,

или эмиссары, у которых было назначено свидание с некими эзотериками около Дхурмсаллы, предметы или существа, прибывшие для исследования и не имеющие возможности остаться надолго...

Между прочим, можно предположить возможность и еще одного странного явления во время землетрясений. Древняя китайская традиция — отпечатки на земле, похожие на след копыта. Мы думали, с низкой степенью принятия, — о другом мире, находящемся в тайном общении с какими-нибудь эзотериками из числа обитателей этой земли и о посланиях с помощью символов, похожих на отпечатки копыт, которые посылались какому-то рецептору или какой-то специальной горе, находящейся на этой земле, и о посланиях, которые иногда не доходили по адресу.

Когда этот другой мир подходит близко к этому миру, возникают землетрясения, но преимуществом близости пользуются, чтобы послать сообщение, предназначенное для рецептора, расположенного, может быть, в Индии или в Центральной Европе, и которое по ошибке оказывается в Англии, отпечатки, похожие на знаки китайской традиции, найдены в Корнуолле после землетрясения...

Philosophical Transactions, 50,500: После землетрясения, происшедшего 16 июля 1757 года, среди песков Пензанса, Корнуолл, на площади более 100 квадратных ярдов были найдены отпечатки, похожие на следы копыт, но с тем отличием, что они не имели форму полумесяца. Мы ощущаем сходство, но на этот раз отмечаем произвольное игнорирование с нашей стороны. Нам кажется, что отпечатки, описанные как «маленькие конусы, окруженные углублениями равного диаметра», были бы похожи на следы копыт, если бы копыта могли давать отпечатки в форме полных кругов. Второй пункт игнорирования состоит в том, что на верхушках конусов находятся черные пятнышки, как если бы что-то, возможно газообразное, выходило из них; что из одного из этих образований выходила струя воды толщиной с человеческое запястье. Конечно, во время землетрясений часто открываются родники, но мы подозреваем, что Негативный Абсолют заставляет нас включить этот факт и его аномалии.

Есть и еще один предмет, в котором Негативный Абсолют, по видимому, работает против нас. Хотя, имея ввиду суперхимию, мы ввели принцип целестио-метатезиса, у нас нет надежных данных об обмене во время сближений. Имеющиеся данные говорят о падениях, а не о перемещениях вверх. Конечно, направленные вверх толчки обычны во время землетрясений, но у меня нет ни одного надежного факта о том, чтобы дерево, рыба, кирпич или человек устремились бы вверх и оставались бы там и никогда больше не вернулись обратно. Наш

классический случай с лошадьё и амбаром произошел с помощью того, что мы называем смерчем.

Говорят, что во время землетрясения в Калабрии булыжники с мостовой взлетали высоко в воздух.

Автор специально не оговаривает, что они падали обратно, но что-то мне как будто подсказывает, что они падали.

Трупы Риобамбы

Гумбольдт рассказывает, что во время землетрясения в Риобамба «тела были выброшены вверх из могил»; что «вертикальное движение было столь сильным, что тела подбрасывало в воздух на несколько десятков футов». Я объясняю.

Я объясняю, что если бы в центре наибольшей мощи землетрясения что-либо когданибудь было подброшено вверх и продолжало бы лететь вверх, то мысли ближайших наблюдателей были бы, весьма вероятно, направлены на другие предметы.

Набережная Лиссабона

Нам говорят, что она провалилась. Огромная масса людей побежала к набережной, ища убежища. Город Лиссабон был погружен в глубокую темень. И набережная и все находящиеся на ней люди исчезли. Если она и они провалились, ни единого трупа, ни клочка одежды, ни доски с набережной, даже ничтожной щепки от нее так никогда и не выплыло на поверхность.

XVIII Новая Доминанта

Я ПОДРАЗУМЕВАЮ «преимущественно» или главным образом» все, что противостоит Эксклюзионизму.

Что Развитие, или Прогресс, или Эволюция есть Попытка Позитивизировать и представляет собой механизм, посредством которого пополняется позитивное существование, то, что мы называем существованием, есть оно бесконечности, и само есть только инкубационное существование, в конце концов все попытки разрушаются неправильно исключенными. Субъективно этому разрушению способствует наше интуитивное ощущение неправомерных и тесных ограничений. Поэтому классические и академические художники писали позитивистские полотна и выражали единственный идеал, который я ощущаю, хотя мы часто слышим об «идеалах» вместо различных проявлений — в искусстве, науке, теологии, политике — Единственного Идеала. Они стремились удовлетворить, в его художественном аспекте, космическое стремление к единству, или полноте, иногда называемой гармонией, а в некоторых аспектах называемое красотой. С помощью игнорирования они искали целостности. Но световые эффекты, которыми они пренебрегали, и их жесткая и ограничивающая приверженность к стандартизированным сюжетам вызвали бунт импрессионистов. Точно так же пуритане стремились к систематизации и пренебрегали физическими потребностями, или грехами, или физическими разгрузками, или развлечениями: они подверглись нападению и были свергнуты, когда их узость стала очевидной и нестерпимой. Все вещи стремятся к позитивности, для себя или для квазисистем, частью которых они являются. Формализованность и математика, регулярное и единообразное суть аспекты позитивного состояния — но Позитивное есть Всеобщее — поэтому все попытки достигнуть позитивности, которые кажутся удовлетворительными в аспектах формализованности и регулярности, рано или поздно оказываются негодными в аспекте широты и универсальности. Поэтому и существует бунт против сегодняшней науки, потому что сформулированные высказывания, которые рассматривались как окончательные истины, сейчас кажутся недостаточными. Каждое заявление, которое противопоставлялось нашим допущениям, оказалось композицией, подобной академической картине; чем-то, произвольно вырезанным из своих связей с окружающей средой, или отделенным

рамкой от мешающих и тревожных фактов, или обрисованным с помощью игнорирований. Наша собственная попытка имела целью вобрать в себя включенных, но также включить исключенных в более широкие представления. Но тем не менее, мы принимаем, что для каждого из наших предположений где-то есть и несоответствия, что окончательное высказывание должно включать все вещи. Именно об этом сплетничают ангелы. Окончательное непроизносимо в квазисуществовании, где думать означает включать, но также и исключать, или не быть окончательным. Если мы признаем, что для каждого мнения, которое мы высказали, где-то должно быть нечто, противоречащее ему, то мы — интермедиатисты, а не позитивисты, и даже не позитивисты более высокого уровня. Конечно, может оказаться, что когда-нибудь мы сами станем систематизировать и догматизировать и откажемся думать о чем-нибудь, за что нас смогут обвинить в игнорировании, и станем верить вместо того, чтобы только допускать: тогда, если бы мы смогли найти более широкую систему, которая бы не признавала никаких противоречий, мы были бы позитивистами более высокого уровня. Пока мы только допускаем, или принимаем, мы не являемся позитивистами более высокого уровня, но мы чувствуем, что Новая Доминанта, хотя мы думали о ней как об еще одной системе порабощения, будет ядром более высокого позитивизма, и что она станет средством для подъема в бесконечность новой партии неподвижных звезд, до тех пор, пока, как инструмент пополнения, она тоже не отыграет свою роль и уступит дорогу какому-нибудь новому средству порождения абсолютности. Мы допускаем, что все астрономы наших дней загубили свои души, или, скорее, все свои шансы достигнуть Бытия, но что Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон, и, может быть, Леверье находятся сейчас в числе неподвижных звезд. Когда-нибудь я попытаюсь найти их. Во всем этом, я думаю, мы вполне соответствуем Моисею. Мы указываем направление на Обетованную Землю, но, если только мы не излечимся от нашего интермедиатизма, о нас никогда не сообщат в Monthly Notices.

Согласно нашему допущению, доминанты в своей последовательности замещают предшествующие им доминанты не только потому, что они более позитивны, но потому, что старые доминанты, как средства пополнения науки, выходят из игры. Мы принимаем, что Новая Доминанта, Доминанта более широких включений, проявляется во всем мире, и что старый Эксклюзионизм повсюду рушится. В физике Эксклюзионизм рушится своими собственными исследованиями, например, в области радиоактивности и в своих спекуляциях об электронах, или своими переходами в метафизику и в следствие дезертирства, наблюдающегося уже

в течение многих лет в лице таких людей, как Герни, Крукс, Уоллес, Фламарион, Лодж, устремившихся к изучению ранее игнорируемых явлений, уже более не называемых «спиритуализмом», а называемых сейчас «психическим исследованием». Биология находится в состоянии хаоса: обычные дарвинисты перемешались с мутационистами, ортогенезистами и последователями Виземанна (Вайсмана), которые берут от дарвинизма одну из его псевдооснов и тем не менее пытаются примирить свои ереси с ортодоксией. Художники стали метафизиками и психологами. Разрушение Эксклюзионизма в Китае, Японии и Соединенных Штатах потрясло историю. Наука астрономия приходит в упадок, так что, хотя Пикеринг, например, и размышлял о транснептуновых планетах, а Лоуэлл пытался приложить еретические идеи к видимым структурам Марса, внимание сейчас ежеминутно сосредоточивается на таких технических деталях, как изменчивость теней четвертого спутника Юпитера. Я думаю, что с более широкой точки зрения сверхутонченность свидетельствует о вырождении и упадке.

Я думаю, что твердыня Инклюзионизма лежит в воздухоплавании. Я думаю, что твердыня Старой Доминанты, когда она еще была новой, заключалась в изобретении телескопа. Или что, совпадая во времени с крахом эксклюзионизма, появляется средство выяснения, действительно ли существуют обширные воздушные поля льда и летающие озера, полные лягушек и рыбы, — из которых падают обработанные камни, черные вещества и большие количества растительного вещества и мяса, которое, может быть, представляет собой драконье мясо, существуют ли межпланетные торговые маршруты и обширные области, опустошенные Супертамерланами, появляются ли иногда на этой земле посетители из других миров, которых, может быть, преследовали, захватывали и допрашивали.

XIX

Я СТАРАТЕЛЬНО ИСКАЛ факты о странных явлениях, касающихся птиц, но мои поиски оказались не очень квазиуспешными. Кажется, я скорее подчеркиваю нашу старательность, поскольку против отношения Принятия может быть, вероятно, выдвинуто обвинение, что тот, кто только принимает, или допускает, сам относится к числу людей с унылыми интересами и не склонными к приложению энергии. Но это, кажется, к нам неприменимо: мы очень усердны и трудолюбивы. Я предлагаю некоторым из наших учеников, чтобы они присмотрелись к делу передачи сообщений с помощью голубей, конечно приписываемым земным владельцам, но которые, как говорят, нерасшифруемы. Мы бы сами это сделали, но это было бы эгоистично. Так будет больше в духе Интермедиатизма, который будет удерживать нас вне тверди: позитивизм — это абсолютный эгоизм. Но оглянемся назад ко времени полярной экспедиции Андрэ. О голубях, которые в обычных условиях не имели бы никакой рекламы, в то время писали часто.

В журнале *Zoologist*, 3-18,21, рассказывается о случае с птицей (тупик), которая упала на землю с трещиной в голове. Интересно, хотя это только размышление, — о какой твердый предмет — высоко в воздухе — могла удариться эта птица?

Необычайной силы красный дождь во Франции, прошедший 16 и 17 октября 1846 года; дождь сопровождался мощной грозой; предполагают, что красная окраска дождя была обусловлена веществом, подхваченным с поверхности этой земли, которое затем выпало вместе с дождем (*Comptes Rendus*, 23,832). Но в *Comptes Rendus*, 24, 625, описание этого дождя не соответствует впечатлению о воде, красной, от взвешенного в ней песка и грязи. Здесь сказано, что этот дождь был настолько ярко красный и так похож на кровь, что многие люди во Франции были охвачены ужасом. Приводятся два анализа (*Comptes Rendus*, 24,812). Один химик отмечает большое количество каких-то частиц в веществе, толи похожих на кровяные шарики то ли нет. Второй химик получил осадок органического вещества в количестве 35 процентов. Могло случиться, что где-то был убит какой-нибудь межпланетный дракон или что эта красная жидкость, содержащая много частиц, происходит из чего-то, о котором и подумать неприятно, чего-то размером, может быть, с горы Кэтскилл, но на сегодня твердо установленным фактом является то, что вместе с этим веществом в

Лионе, Гренобле и других местах Франции упали жаворонки, перепела, утки и водяные курочки (камышницы), причем некоторые из них были живы.

У меня есть заметки и о других птицах, которые упали с неба, но без сопровождения красного дождя, что делает падение птиц во Франции необычным, если допустить, что красное вещество имеет внеземное происхождение. Другие заметки относятся к птицам, упавшим с неба в разгар грозы, или истощенным, но живым, птицам, упавшим недалеко от района грозы. Но сейчас Мы рассмотрим случай, для которого я не могу найти параллели: падение мертвых птиц из чистого неба, вдали от всякой грозы, которой их падение можно было бы приписать, столь далеко от любой устанавливаемой грозы, что...

Я лично представляю, что летом 1896 года что-то или какие-то существа приблизились к этой земле, насколько смогли, имея целью охотничью экспедицию; что летом 1896 года какая-то экспедиция суперученых пролетела над этой землей, закинув вниз невод, и что же он мог захватить, проносясь в воздухе, если предположить, что невод не достигал до самой земли?

В журнале *Monthly Weather Review*, 1917 г., У. Л. Макати приводит выдержки из корреспонденции, присланной из Батон Ружа, штат Луизиана, в газету «Филадельфия Тайме»:

Летом 1896 года на улицы Батон Ружа, штат Луизиана, из «чистого неба» упали сотни мертвых птиц. Среди них были дикие утки, дрозды, дятлы и «много птиц со странным оперением»; некоторые из них напоминали канареек.

Обычно не приходится смотреть очень далеко от любого места, чтобы узнать о грозе. Но лучшее, что можно было сделать в данном случае, это сказать: «На побережье Флориды был шторм». И, если только у него нет психо-химического отвращения к объяснению, читатель чувствует только мимолетное изумление от того факта, что мертвые птицы, погибшие во время шторма во Флориде, почему-то попадали из безоблачного неба в Луизиане, и, оставив у него в уме жирный след, как от пера дикой утки, этот факт затем выпадает из его памяти.

Наши смазанные жиром блестящие мозги. В конце концов они на что-то сгодятся: например, другие формы существования весьма ценят их как смазочные вещества; ради них на нас охотятся; охотничья экспедиция на эту землю — газеты сообщают об урагане.

Если из ясного неба, в котором не было видно гонимых ветром туч или других признаков все еще продолжающихся проявлений мощи ветра, —

или если можно допустить, что в результате шторма во Флориде сотни мертвых птиц упали далеко в Луизиане, тогда я могу себе представить, следуя обычной логике, и как, скажем, в Алабаме падают и более тяжелые предметы, а еще более тяжелые предметы падают еще ближе к их источнику во Флориде.

Источники информации для Бюро Погоды рассеяны широко.

Но нет никаких сообщений о таких падениях. Поэтому ловчая сеть, сброшенная откуда-то... Или нечто, о чем я узнал от более ученых среди исследователей психических феноменов:

Читатель начинает читать их труды с предубеждением против телепатии и всех остальных психических феноменов. Авторы отрицают возможность общения с духами и говорят, что кажущиеся факты — это факты, свидетельствующие только о телепатии. Поразительные случаи кажущегося ясновидения — «всего лишь телепатия». Через некоторое время читатель обнаруживает, что сам соглашается, что это только телепатия, которая вначале была для него невыносима.

Поэтому, может быть, в 1896 году никакой суперневод и не пронесся через атмосферу этой земли, собирая всех птиц с их полей, и ячейки ее не разрывались внезапно...

А птицы Батон Ружа были всего лишь из Супесаргассова моря...

О каковом нам придется несколько уточнить наше представление. Мы думали, что с ним все улажено, и мы думали, что установили его существование, но ничто никогда не было установлено в истинном смысле, если, в истинном смысле, в мнимости не существует ничего.

Я предполагаю, что где-то разразился шторм, может быть, во Флориде, и что множество птиц было заброшено вверх в Суперсаргассово море. В нем есть холодные области и есть тропические области, птицы разных видов были занесены вверх в покрытую льдом область, где, сбившись в кучу, чтобы согреться, они и погибли. Затем, позднее, они были сброшены — пролетающий метеорит, лодка, велосипед, дракон — что-то сбросило их.

Таким образом, листья деревьев, унесенные вверх смерчами, остаются там многие годы, века, а может быть, всего несколько месяцев, а затем падают на эту землю в неподходящее время года для мертвых листьев. Рыбы, занесенные туда, одни из них умирают и высыхают, а другие продолжают жить в бассейнах воды, которых там наверху великое изобилие, и которые иногда падают во время потопов, которые мы называем «ливнями».

Астрономы вряд ли помянут нас добрым словом, и мы ничего не сделали для того, чтобы внушить к себе любовь метеорологов, но мы

слабые и сентиментальные интермедиаисты, несколько раз мы пытались привлечь к себе воздухоплавателей, ведь там наверху могут быть необыкновенные вещи: вещи, за которые кураторы музеев отдали бы всю свою надежду когда-нибудь стать неподвижными звездами; вещи, занесенные туда смерчами, может быть, еще во времена фараонов. Илья-пророк действительно вознесся в небо в чем-то наподобие колесницы и в конце концов не стал Вегой, и там могло остаться что-нибудь вроде колеса от того, на чем он вознесся. Мы с полным основанием полагаем, что за него можно было бы запросить хорошую цену, — продавайте скорее, потому что через некоторое время появятся тысячи торгующих вразнос... Мы осторожно намекаем воздухоплавателям. В хурiianeScientific American, 33, 197, приведено сообщение о падении с неба сена. На основании приведенных обстоятельств мы склонны принять, что это сено первоначально было поднято вверх с этой земли смерчем, достигло Суперсаргассового моря и оставалось там долгое время перед тем, как упасть. Интересным моментом в этой интерпретации является общепринятое приписывание роли источника материала местному и случайно оказавшемуся в нужном месте смерчу и идентификация его, а затем факты, которые делают этот местный смерч неприемлемым.

Итак, 27 июля 1875 года в Монкстауне, в Ирландии, упали с неба небольшие комья сена. В газете Dublin Daily Express доктор Дж. У. Мур объяснил: он нашел неподалеку, южнее Монкстауна, смерч, который совпал. Но, согласно Scientific American, аналогичное падение произошло вблизи от Рэксхэма, Англия, двумя днями раньше.

В ноябре 1918 года я провел кое-какие исследования о легких предметах, брошенных в воздух. День прекращения военных действий. Я допускаю, что мне следовало бы испытывать большее душевное волнение, но я был занят тем, что делал заметки о полете клочков бумаги, выброшенных из окон офисных зданий. Некоторое время клочки бумаги держались вместе. Иногда в течение нескольких минут. Cosmos, 3-4,574:

10 апреля 1869 года в Отрише (департамент Эндр-э» Луар, Франция) с неба упало большое количество дубовых листьев огромное их скопление. Очень спокойный день. Ветер был настолько слабый, что листья падали почти вертикально. Падение продолжалось десять минут.

Фламарион в книге «Атмосфера», стр. 412, рассказывает эту историю. Он должен был найти бурю.

Он нашел-таки шквал, но он произошел 3 апреля. В рассказе Фламариона есть две несообразности: что листья могли целую неделю оставаться в воздухе и что они могли держаться вместе в воздухе целую

неделю.

Вспомните какие-нибудь свои наблюдения бумажек, выброшенных с аэроплана.

А вот наше собственное невероятное объяснение: Эти листья были заброшены вверх воздушным вихрем за шесть месяцев до того, когда их было много на земле, и сохранялись, конечно, не в воздухе, а в области гравитационно инертной и были осажжены на землю атмосферными возмущениями во время апрельских дождей.

У меня нет записей о падении с неба листьев в октябре или ноябре, во время года, когда естественно ожидать, что мертвые листья могут подняться из одного места и опуститься где-нибудь в другом месте. Я подчеркиваю, что это случилось в апреле. *La Nature*, 1889-2,94:

19 апреля 1889 года упали с неба сухие листья — разных видов, в том числе дуба, вяза и другие. И этот день тоже был безветренным. Падение было чудовищное. Падение листьев наблюдалось в течение пятнадцати минут, но, судя по их количеству на земле, автор полагает, что они уже падали полчаса. Я думаю, что гейзер из трупов, который выпрыгнул из Риобамбы к небу, был интересным зрелищем. Если бы я был художником, мне понравился бы этот сюжет. Но этот водопад из мертвых листьев тоже может служить темой для исследования ритмов, которым подчиняются мертвые тела. В этом факте наиболее приемлемым для нас моментом является момент, который подчеркивается автором сообщения в «*Ля Натюр*». Отсутствие ветра. Он говорит, что поверхность Лауры была «абсолютно гладкой». Река была усеяна листьями повсюду, насколько он мог видеть.

L'Astronomie, 1894 г., 194:

Что 7 апреля 1894 года сухие листья упали в Клерво и Отр-Об, Франция. Падение описывается как огромное по масштабу. Длилось оно полчаса. Затем, 11 апреля падение сухих листьев произошло в Понкаррэ.

Именно в этой повторяемости, находим мы основание для нашей оппозиции к обычному объяснению. Редактор (Фламарион) объясняет. Он говорит, что листья были подняты вверх циклоном, который не пожалел на это своей мощи; более тяжелые листья упали первыми. Мы думаем, что это объяснение вполне подходит для 1894 года, и что для 1894 года оно было бы превосходно. Но в эти более волнующие дни мы хотим знать, как сила ветра, недостаточная для того, чтобы удержать в воздухе хотя бы несколько листьев, могла удерживать другие листья в течение еще четырех дней.

Интересными моментами в этом описании являются несоответствие времени года, не сухих листьев, а чудовищного количества сухих листьев;

вертикальное падение, безветрие, месяц апрель и локализация во Франции. Момент локализации очень интересен. За исключением этих заметок, у меня нет ни одной заметки о падении листьев с неба. Если бы обычное объяснение, или «старый коррелят» было приемлемо, тогда, казалось бы, подобные случаи в других областях земли были бы столь же часты, как и во Франции. Это указывает на то, что в Суперсаргассовом море возможно существуют квазипостоянные волнообразные колебания или же выраженная склонность к Франции... Догадка:

Что где-то рядом есть мир, дополнительный по отношению к этой земле, в котором осень приходится на то время, когда здесь у нас весна. Пусть кто-нибудь из учеников займется этим.

Или там, может быть, есть уклон в сторону Франции, так что листья, родившиеся там в вышине, удерживаются над Францией с большей вероятностью, чем высоко летящие листья в других местах. Когда-нибудь я возьмусь за Супергеографию и стану виновником появления карт. А сейчас я думаю, что Суперсаргассово море образует косою пояс с изменчивыми ответвлениями, протягивающийся над Великобританией, Францией, Италией и далее до Индии. Что касается Соединенных Штатов, то мне еще не все ясно, но особенно часто я думаю о Южных Штатах.

Преобладающая часть наших данных указывает на холодные регионы наверху. Тем не менее, такие феномены, как гниение, происходят достаточно часто, чтобы сделать приемлемыми и супертропические регионы. Мы рассмотрим еще один факт, относящийся к Суперсаргассову морю. Мне кажется, что на этот раз наши требования о поддержке, подкреплении и согласии, необходимые для принятия, были столь же строгими, как и требования, когда-либо выдвигавшиеся к предметам веры: по крайней мере, для полного принятия. В силу самой сущности принятия, в противоположность вере, мы можем в какой-нибудь позднейшей книге отрицать Суперсаргассово море и найти, что наши факты относятся не к нему, а к какому-нибудь дополняющему миру — или к луне — и иметь богатый фактический материал для допущения, что луна находится не далее, чем в двадцати или тридцати милях от земли. Тем не менее, Суперсаргассово море работает очень хорошо как ядро, вокруг которого собираются факты, противостоящие эксклюзивизму. Это и есть наш главный мотив — противостоять эксклюзивизму.

Или взять наше согласие с космическими процессами. Это кульминация нашего общего представления о Суперсаргассовом море. По случайному совпадению, уже появляется кое-что другое, что, возможно, позднее отбросит его. Notes and Queries, 8-12, 228:

В провинции Мачерата, Италия, (летом 1897 года?) небо закрылось огромным количеством маленьких кроваво-красного цвета облаков. Приблизительно через час после этого разразилась гроза и мириады семян упали на землю. Говорят, что они были опознаны как принадлежащие дереву, встречающемуся только в Центральной Африке и на Антильских островах.

Если, выражаясь в понятиях обычных рассуждений, эти семена находились высоко в воздухе, они находились в холодном регионе. Но мы принимаем, что эти семена значительное время пребывали в теплом регионе, и гораздо большее время, чем то время, которое можно отнести на счет удержания их силой ветра:

«Говорят, что большое количество этих семян находилось в первой стадии прорастания».

XX Новая Доминанта Инклюзионизм

МЫ ВИДИМ в нем псевдостандарт.

У нас есть один факт и мы дадим его интерпретацию в соответствии с нашим псевдостандартом. В настоящее время у нас нет уже тех иллюзий Абсолютизма, которые могли перенести некоторых из позитивистов девятнадцатого столетия на небо. Мы интермедиатисты, но чувствуем крадущееся подозрение, что и мы можем когда-нибудь отвердеть и догматизироваться и скатиться к нетерпимым к чужому мнению высшим позитивистов. В настоящее время мы не спрашиваем, является ли что-нибудь разумным или нелепым, потому что понимаем, что разумность и нелепость означают только согласие или несогласие со стандартом, который может быть и заблуждением, — хотя и не абсолютно, разумеется, и должен когда-нибудь быть заменен на какое-нибудь более передовое квазизаблуждение. В прошлом ученые заняли квазипозитивистскую позицию — является ли то или это разумным или неразумным? Проанализируем их и мы найдем, что они понимали разумность по отношению к стандарту, как, например, ньютонизм, дальтонианство, дарвинизм или лайеллизм. Но они писали, говорили и думали так, словно могли подразумевать истинную разумность или неразумность.

Поэтому нашим псевдостандартом является Инклюзионизм, и если какой-либо факт является коррелятом к более широко инклюзивному взгляду на эту землю, ее внешнюю космическую среду и ее отношения к этой внешней среде, ее гармонией, то Инклюзионизм признает это. Таков был процесс и таково было требование для допущения в дни Старой Доминанты: наше отличие заключается в лежащем в основе Интермедиатизме, или сознании, что хотя мы более почти реальны, тем не менее, и мы и наши стандарты — это всего лишь квази...

Все вещи — в нашем промежуточном состоянии — это призраки в Суперуме, пребывающем в состоянии сновидения, но стремящемся проснуться к реальности.

Хотя в некоторых отношениях наш собственный Интермедиатизм неудовлетворителен и наше глубинное чувство говорит, что...

Что в сновидящем уме пробуждение ускоряется, если призраки в этом уме знают, что они суть только призраки в чем-то сновидении. Конечно, они тоже — только квази, но в относительном смысле они имеют сущность того, что называется реальностью. Они происходят из опыта или из

чувственных отношений, даже если представляют собой гротескные искажения. Кажется приемлемым, что стол, который человек видит, находясь в бодрствующем состоянии, более почти реален, чем стол из сновидения, который при пятнадцати или двадцати ножках преследует сновидящего.

Поэтому сейчас, в двадцатом веке, с изменением терминов и лежащего в их основе сознания наше отношение к Новой Доминанте — это отношение ученых девятнадцатого века к Старой Доминанте. Мы не настаиваем на том, что наши факты и интерпретации будут столь же шокирующими, гротескными, злыми, смешными, детскими, неискренними, смехотворными, невежественными по отношению к представителям девятнадцатого столетия, как корреляты их фактов и интерпретаций. Если бы они были такими, они были бы приемлемыми, хотя бы только на короткое время, или как ядра, или как строительные леса, или предварительные эскизы, находимые ощупью контуры и предварительности. Конечно, позже, когда мы охладимся и отвердеем и излучим в космос большую часть нашей нынешней мобильности, которая выражается в скромности и гибкости, мы перестанем признавать какие-либо строительные леса, находимые ощупью контуры и предварительности, и думать, что высказываем абсолютные факты. Один момент в Интермедиатизме противостоит большей части нынешних спекуляций о Развитии. Обычно о духовном думают как о более высоком, чем Материальное, но, в нашем понимании, квазисуществование есть средство, с помощью которого абсолютно нематериальное абсолютно материализуется и, будучи промежуточным, является состоянием, в котором ничто не есть окончательно ни нематериально, ни материально; что все объекты, вещества, мысли находятся, так или иначе, на какой-то ступени или степени приближения. Окончательное затвердение эфирного является, в нашем понимании, целью космического честолюбия. Позитивизм есть пуританство. Теплота есть Зло. Конечное Добро есть абсолютный Холод. Арктическая зима очень красива, но я думаю, что интерес к обезьяне, болтающей о чем-то на пальме, объясняет наш собственный Интермедиатизм (или Промежуточность).

Посетители

Здесь наша путаница, которую мы пытаемся превратить в квазипорядок, столь же велика, как и на протяжении всей этой книги,

потому что мы не разделяем позитивистскую иллюзию гомогенности. Какой-нибудь позитивист собрал бы все факты, которые показались бы ему связанными с одним из видов посетителей, и холодно проигнорировал все остальные факты. Я думаю, что существует столько же видов посетителей этой земли, сколько существует посетителей Нью-Йорка, тюрьмы или церкви, некоторые люди, например, ходят в церковь, чтобы шарить по чужим карманам.

«... были различных форм и размеров, многие из которых обладали большим сходством с обычными пушечными ядрами, только что выпущенными из этих машин войны».

Это дополнение к нашим данным о шарообразных предметах, которые попали на эту землю. Заметьте, что это шарообразные каменные предметы.

А вечером того же дня, когда что-то — выстрелило в Дхурмшалла — или послало предметы, на которых может быть есть нерасшифруемые знаки, — огни, которые были видны в воздухе...

Я лично думаю о ряде вещей, существ — кем бы они ни были — пытающихся добраться до нас, но встречающих сопротивление, словно воздухоплаватели, которые на определенной высоте пытаются подняться выше, но встречают сопротивление.

За исключением добрых позитивистов или умов, устремленных к гомогенности, это рассуждение ни в малейшей степени не мешает представлению о каком-то другом мире, который находится в успешном общении с представителями определенных эзотерических групп этой земли с помощью кода, состоящего из символов, которые отпечатываются на скалах, подобно тому, как символы телефотографов отпечатываются на селене.

Я думаю, что иногда, при благоприятных условиях, эмиссары их приходят на эту землю — «тайные ... встречи» Конечно, это звучит. Но:

Тайные встречи — эмиссары — эзотерики в Европе, до того, как вспыхнула война...

И те, кто предполагал, что такие явления могут быть. Однако, что касается большей части наших фактов, то я думаю о супергромадах, которые прошли вблизи от этой земли, испытывая не больше интереса к ней, чем пассажиры парохода к морскому дну — или пассажиры могли испытывать жгучий интерес, но обстоятельства в виде расписания маршрута и коммерческие обязательства и правила запрещали исследования морского дна.

Тогда, с другой стороны, мы можем иметь факты о супернаучных попытках исследовать феномены этой земли сверху — может быть, существами из такого далека, что они никогда даже не слышали, что что-то

где-то предъявляет какие-то права на эту землю.

В общем и целом, мы хорошие интермедиатисты, но мы не можем быть очень хорошими гипнотизерами.

А вот еще один источник постепенного перехода наших фактов во что-то другое:

Согласно общим принципам Непрерывности, если суперкорабли, или суперэкипажи пересекали атмосферу этой земли, то должны существовать соединительные звенья между ними и земными феноменами: наблюдения над ними должны где-то постепенно переходить в наблюдения облаков, воздушных шаров и метеоров.

Мы начнем с фактов, между которыми мы сами не можем провести различие и прокладываем себе дорогу из точек неразличимости в крайности.

В журнале *Observatory*, 35, 168, говорится, что, согласно одной газете, 6 марта 1912 года жители Уормли, Англия, были весьма взволнованы чем-то, представлявшим собой, предположительно, «великолепно освещенный аэроплан, пролетевший над городком». Эта машина летела, очевидно, с огромной скоростью, подлетела с направления на Бат и полетела дальше в сторону Глостера. Редактор говорит, что это был большой трехголовый огненный шар (болид или шаровая молния). «Действительно, грандиозно! — говорит он. — Но в наше время мы подготовлены ко всему».

Это приятно. Мы вовсе не хотим подкрасться и затем выпрыгнуть из-за угла с нашими фактами. Этот редактор, по крайней мере, готов прочитать... *Nature*, 27 октября 1898 года:

Некий корреспондент пишет, что в графстве Уиклоу, Ирландия, около 6 часов вечера он видел в небе объект, который выглядел как луна в ее фазе три четверти. Мы отмечаем форму, приближающуюся к треугольности, и мы отмечаем также, что цвет его, говорят, был золотисто-желтый. Он двигался медленно и приблизительно через пять минут исчез за горой.

Редактор высказывает свое мнение, что этот предмет, может быть, представляет собой сбжавший воздушный шар.

В номере *Nature* от 11 августа 1898 года приводится история, заимствованная из июльского номера *Canadian Weather Review* и рассказанная метеорологом «Нью-Йорк Тайме» нет ни единого упоминания о воздухоплавании в Канаде или Соединенных Штатах осенью 1898 года.

Лондонская «Тайме», 29 сентября 1885 года. Вырезка на *Royal Gazette*, выходящей на Бермудских островах, от 8 сентября 1885 года, присланная в газету «Тайме» генералом Лефруа:

27 августа 1885 года около 8:30 утра миссис Аделаина Д. Бассет

наблюдала «какой-то странный объект среди облаков, приближающийся с севера». Она привлекла к нему внимание миссис Л. Лоуэлл и они обе несколько встревожились. Тем не менее, они продолжали некоторое время наблюдать этот объект. Он продолжал приближаться. У него были треугольные очертания, размером он был с главный парус лоцманского катера; ко дну его были прикреплены цепи. Пролетая над сушей, он, казалось, собирался совершить посадку, но, повернув в сторону моря, он стал подниматься и продолжал набирать высоту, пока не пропал из вида высоко в облаках.

Или при такой его подъемной силе я лично не могу предположить, что это был сбжавший воздушный шар, с частично выпущенным воздухом. Тем не менее, генерал Лефруа, коррелируя с Эксклюзионизмом, пытается дать земную интерпретацию этого события. Он доказывает, что этот объект мог быть воздушным шаром, сбжавшим из Франции или Англии, — или единственный воздушный аппарат земного происхождения, по сей день, то есть спустя тридцать пять лет, о котором могли подумать, что он пересек Атлантический Океан. Треугольную форму объекта он объясняет частичным выпуском воздуха — «бесформенный мешок, вряд ли способный плыть». Я лично полагаю, что большая степень потери воздуха не согласуется с наблюдениями, свидетельствующими о его большой подъемной силе.

В газете «Тайме» от 1 октября 1885 года Чарльз Хардинг из R. M.S. возражает, что если бы это был воздушный шар из Европы, то его, конечно, видели бы со многих судов и сообщили бы об этом. Был ли он таким же бравым бриттом, как и генералом, или нет, неизвестно, но он проявляет явную заботу о Соединенных Штатах, или что эта штука могла быть частично опавшим воздушным шаром, который сбжал с территории Соединенных Штатов.

Генерал Лефруа написал об этом объекте [^]Nature, 33, 39, присовокупив, насколько позволила его чувствительность, что страницы «Таймс» «вряд ли подходят» для такого обсуждения. Если в прошлом было бы больше людей, подобных генералу Лефруа, то мы имели бы нечто большее, чем одни лишь фрагменты фактов, которые в большинстве случаев слишком разбиты, чтобы их можно было сложить вместе. Он взял на себя труд написать своему другу У. Х. Гозлингу из Бермудских островов, который также был необыкновенным человеком. Он взял на себя труд проинтервьюировать миссис Бассет и миссис Доуэлл. Сделанные ими для него описания объекта оказались несколько отличающимися друг от друга:

Какой-то объект, из которого свешивались цепи. Частично опавший

воздушный шар, со свисающей с него сетью. Суперневод? Может быть, что-то вело наверху траловый лов?

Птицы Батон Ружа

Мистер Гозлинг написал, что этот пункт о цепях, или предположение о корзине, которая была прикреплена к объекту, исходит от мистера Бассетта, который не видел этот объект.

Мистер Гозлинг упомянул, что воздушный шар бежал из Парижа в июле. Он говорит о воздушном шаре, упавшем в Чикаго 17 сентября, или на три недели позже наблюдения бермудского объекта.

Здесь одна невероятность противостоит другой, причем игнорирования и убеждения управляются тем, которая из двух доминант преобладает в умах каждого из читателей. Само собой понятно, что он в состоянии разобраться в этом самостоятельно не больше, чем я. А вот мои собственные корреляты: Я думаю, что нас ловят, как рыб. Может быть, что где-то там нас высоко ценят какиенибудь суперэпикуры. Меня радует мысль, что от нас в конце концов, может быть какая-то польза. Я думаю, что часто сверху к нам забрасывают ловчие сети, а их ошибочно принимали за воздушные вихри и водяные смерчи. Некоторые рассказы о видимых структурах в воздушных вихрях и водяных смерчах поразительны. А еще у меня есть факты, которые я вообще не могу обсуждать — о таинственных исчезновениях. Я думаю, что нас вылавливают. Но это маленькое замечание в сторону: относится к нарушителям границ; не имеет ничего общего с предметом, который я собираюсь обсудить как-нибудь в другое время — или с нашей привычкой к какому-то другому способу казаться, который имеет на нас законное право. Nature, 33,137:

«Наш парижский корреспондент пишет, что в связи с воздушным шаром, который якобы видели над Бермудскими островами в сентябре, во Франции не было ни одного взлета, которым бы можно было объяснить этот случай».

Последние дни августа — не сентябрь. В лондонской газете «Тайме*» нет ни одного упоминания о взлете воздушных шаров в Англии летом 1885 года, но есть упоминание о двух взлетах во Франции. Оба воздушных шара сбежали. В журцале АйгопаШе за август 1885 года говорится, что эти воздушные шары были запущены по случаю праздника 14 июля — за 44 дня до наблюдения на Бермудских островах. Аэронавтами были Гоуэр и Элуа. Воздушный шар Гоуэра нашли плывущим в океане, а шар Элуа не был найден. 17 июля какой-то морской капитан сообщил: все еще в воздухе, все еще наполнен воздухом.

Но этот воздушный шар Элуа представлял собой маленький

выставочный шар, изготовленный для кратковременных полетов во время праздников, выставок или ярмарок. В журнале *La Nature*, 1885 г., 2, 131, говорится, что это был очень маленький воздушный шар, неспособный к длительному пребыванию в воздухе.

Что касается современного этому событию воздухоплавания в Соединенных Штатах, то я нашел только одно сообщение: подъем в Коннектикуте 29 июля 1885 года. Выйдя из этого воздушного шара, аэронавт потянул за «разрывную веревку» и «вывернул его наизнанку» («Нью-Йорк Тайме», 10 августа 1885 года).

Для интермедиатиста обвинение в «антропоморфизме» бессмысленно. Нет ничего ни в чем, что было бы уникальным или положительно отлично. Мы были бы материалистами, если бы не было столь же разумно выразить материальное в понятиях нематериального, как и выразить нематериальное в понятиях материального. Единство всего во мнимости.

Я как-нибудь займусь составлением формулы любого романа в психохимических терминах или берусь начертить его схему в психомеханических терминах или написать в романтических терминах обстоятельства и последовательности любых химических, электрических или магнитных реакций; или выразить любое историческое событие в алгебраических терминах, или, если вас интересуют экономические ситуации, выраженные алгебраически, обратитесь к работам Була и Джевонса.

Я думаю о доминантах так, как думаю о людях не имея в виду, что они суть реальные люди, — не имея в виду, что мы суть реальные люди...

Или Старая Доминанта, ее ревность, и подавление ею всех вещей и мыслей, которые угрожают ее верховенству. Читая обсуждения докладов в научных обществах, я часто отмечал, как едва они приближались к запретным или не укладывающимся-в систему темам, обсуждение часто уводилось в сторону, словно бы намеренно, словно бы чем-то направляющим, нависшим над ними. Конечно, я имею в виду только Дух всякого развития. Именно таким образом, в любом эмбрионе клетки, проявляющие тенденцию отклониться в сторону от видимостей своей эры, принуждаются к согласию.

В *Nature*, 90, 169, Чарлз Тилден Смит пишет, что 8 апреля 1912 года в Чизбери, графство Уилтшир, Англия, он увидел в небе нечто.

«— непохожее ни на что, что я когда-либо видел». «Хотя я в течение многих лет изучал небо, я никогда не видал ничего, похожего на это».

Он увидел над облаками два неподвижных темных пятна.

Часть необыкновенная:

Они оставались неподвижными над быстро движущимися облаками.

Они имели форму веера — или треугольника — и изменялись в величине, но сохраняли одно и то же положение над различными облаками, которые одно за другим проносились под ними. Больше, чем полчаса мистер Смит наблюдал эти два темные пятна. Его впечатление о том, которое появилось первым: Что оно представляло собой «в сущности плотную тень, отбрасываемую на тонкую вуаль облаков какимто невидимым объектом, удаленным к западу, который заслонял солнечные лучи»

На странице 244 этого TOUuNature приведено письмо другого корреспондента, сообщающее, что похожие тени отбрасываются горами, возвышающимися над облаками, и что без сомнения, м-р Смит был прав, приписывая это явление «какому-то невидимому объекту, который заслонял солнечные лучи». Но Старая Доминанта была ревнивой Доминантой и гнев Старой Доминанты против такой несообразности, как большие непрозрачные объекты в небе, отбрасывающие вниз тени на облака... И все же доминанты очень часто бывают учтивы, или не являются абсолютными богами, и тот способ, с помощью которого внимание было отвлечено от этой темы, составил бы интересный предмет исследования квазибожественного обмана. На странице 268 Чарлз Дж. П. Кейв, метеоролог, пишет, что 5 и 6 апреля в Дитчем Парке, Петерсфилд, он наблюдал аналогичный феномен, следя за полетом метеорологических шаров-пилотов, но он описывает нечто ,нижмалейшей степени не похожее на тень на облаках, а стационарное облако — подразумеваемый вывод, по видимому, должен состоять в том, что тени в Чизбери были, вероятно, тенями от шаров-пилотов. На странице 322 другой корреспондент пишет, о тенях, от— брасываемых горами; на странице 348 еще кто-то продолжает отклоняться от темы, обсуждая это третье письмо; затем кто-то анализирует это третье письмо с помощью математики; а затем обнаруживается ошибка в его математической демонстрации — я думаю, это выглядит очень похоже на то, как оно выглядит.

Но здесь появляется тайна:

Темные пятна в Чизбери не могли отбрасываться стационарными шарами-пилотами, расположенными западнее, или которые находились между облаками и заходящим солнцем. Если бы к западу от Чизбери высоко в воздухе находился стационарный объект, заслоняющий солнечные лучи, то тень от стационарного объекта не была бы стационарной, а перемещалась бы все выше и выше по мере уменьшения высоты солнца.

Приходится думать о чем-то, что не согласуется абсолютно ни с

какими другими данными:

Какое-то светящееся тело — не солнце в небе, но, в силу какого-то неизвестного принципа или состояния атмосферы, свет от него падал вниз приблизительно только до облаков; что с него свешивались два треугольных объекта, подобных объектам, наблюдавшимся на Бермудских Островах; именно этот свет, недостигавший земли, эти объекты заслоняли; что эти объекты поднимались вверх и опускались из чего-то, находящегося над ними, так что в его свете их тени изменялись в размерах.

Если моя пробная модель покажется не вполне удовлетворительной и если стационарный воздушный шар не может в течение получаса отбрасывать стационарную тень от садящегося солнца, мы должны подумать о двух треугольных объектах, которые точно сохраняли свое положение на прямой линии между солнцем и облаками и в то же время приближались к облакам удалялись от них. Какова бы ни была его причина, но этого факта достаточно, чтобы заставить правоверного сотворить крестное знамение или любой ритуал, который последователи Старой Доминанты совершают в присутствии нового коррелята.

Огромная черная вещь, словно ворона, парящая над луной.

Мы принимаем, что эти две тени в Чизбери выглядели, если смотреть с луны, как огромные вещи, черные, как вороны, висящие над землей. Мы принимаем, что на луне или над луной видели два треугольных световых пятна, а потом два треугольных пятна, похожих на огромные черные штуковины, парящие словно вороны над луной и похожие на треугольности в Чизбери:

Scientific American, 46, 4: 9:

Сообщается, что вечером 3 июля 1882 года в городе Лебанон, штат Коннектикут, несколько наблюдателей видели какое-то светящееся образование в верхней части лунного диска. Они затем исчезли, а через три минуты у нижнего края лунного диска появились два темных треугольных образования, похожих на зазубрины. Они приблизились друг к другу, встретились и сразу же исчезли.

Связующим звеном здесь являются зазубрины, которые временами видны на краю лунного диска: предполагается, что это кратеры, видимые сбоку (Monthly Notices, R. A. S., 37, 432). Но эти образования, наблюдавшиеся на луне 3 июля 1882 года, были огромны — «казалось, они отсекают или стирают почти четверть ее поверхности».

А вот еще нечто, которое с луны казалось бы огромной черной вороной, парящей над этой землей: Monthly Weather Review, 41, 599: Описание тени в небе от какого-то невидимого тела, 8 апреля 1913 года.

Форт Уорт, Техас, — предположительно отбрасываемой невидимым облаком — этот клочок тени перемещался по мере захода солнца. Report of the British Association, 41, 599: Рассказ двух наблюдателей о слабо светящемся, но отчетливо треугольном объекте, который можно было видеть в небе в течение шести ночей. Он наблюдался с двух станций (точек), расположенных недалеко друг от друга. Но параллакс был значителен. Чем бы этот объект ни был, он был, как можно заключить, относительно близок к этой земле.

Должен сказать, что относительно световых феноменов мы испытываем замешательство не меньшее, чем ортодоксия с ее противоречиями, касающимися природы света. Если подходить широко и с точки зрения интермедиатизма, то наша позиция может быть изложена следующим образом:

Свет в действительности не является светом, не больше, чем все остальное является в действительности чем-то, а есть всего лишь некая интерпретация некоего модуса силы в качестве света. На уровне моря атмосфера земли интерпретирует солнечный свет как красный, оранжевый или желтый, высоко в горах солнце голубое. Очень высоко в горах зенит имеет черный двет. Или будет ортодоксально сказать, что в межпланетном пространстве, где нет воздуха, нет и света. Поэтому и солнце, и кометы имеют там черный свет, но атмосфера этой земли, или, точнее, пылевые частицы в ней, интерпретируют излучения от этих черных объектов как свет. Мы смотрим на луну.

Угольно-черная луна видится такой серебристо-белой.

У меня есть около пятидесяти заметок, указывающих на то, что у луны есть атмосфера: тем не менее, большинство астрономов считают, что на луне нет атмосферы. Они должны: в противном случае теория затмения не работала бы. Поэтому, рассуждая в общепринятых терминах, луна является черной. Довольно неожиданно: исследователи на луне — спотыкаясь и пробираясь ощупью в густой темноте — и имея достаточно мощные телескопы, мы могли бы видеть, как они спотыкаются и ощупью ищут дорогу в ослепительно ярком свете.

Или, именно по причине знакомства, нам сейчас отнюдь не очевидно, как нелепость старой системы должна была видеться коррелятам системы, ей предшествующей. О ты, угольно-черная луна!

Значит, в общем и целом, можно понять, что существуют силовые явления, которые могут быть интерпретированы как свет еще на высоте облаков, но не в более плотных слоях воздуха, или что прямо противоположно обычным интерпретациям.

А сейчас у меня есть несколько заметок об одном случае, который говорит о существовании силы, неинтерпретируемой воздухом как свет, но интерпретируемой или отражаемой землей как свет. Я представляю себе, как что-то, неделями, висело над Лондоном: какую-то эманацию, которая не была интерпретирована как свет до тех пор, пока она не достигла земли. Lancet, 1 июня 1867 г.:

Что каждую ночь в течение недели какой-то свет появлялся на Уоберн Сквэр, Лондон, на траве маленького парка, окруженного оградой. Собирались толпы, была вызвана полиция «со специальной целью поддержания порядка и побуждения населения прѣходить дальше». Редактор «Ланцета» отправился на эту площадь. Он говорит, что не увидел ничего, кроме пятна света, падающего на деревья в северо-восточном углу огражденного участка. Мне кажется, что это было достаточно интересно.

В лице этого редактора мы видим компаньонов мистера Саймонза и доктора Грэя. Он предполагает, что этот свет исходит от уличного фонаря — он не говорит, что смог сам проследить его к какому-нибудь подобному источнику — но рекомендует, чтобы полиция обследовала находящиеся неподалеку уличные лампы.

Я не говорю, что такая обычная вещь, как свет от уличной лампы, не могла привлекать, волновать или обманывать большие толпы в течение недели, но я допускаю, что любой коп, который был вызван для выполнения сверхурочной работы, не стал бы ждать ничьей подсказки, чтобы убедиться в этом пункте в самую первую очередь.

Это нечто в течение целой недели висело над Лондон Сквэр.

KNOWLEDGE, 28 декабря 1883 г.: «Видя столь мною метеорологических явлений в вашем превосходном Журнале, я испытываю искушение попросить объяснения нижеследующего явления, которое я видел, находясь на борту принадлежащего БританскоИндийской Компании парохода «Патна» во время следования вверх по Персидскому заливу. В мае 1880 года, в темную ночь, около 11:30 вечера, на обе стороны корабля появилось по огромному светящемуся колесу; колеса эти вращались, а их спицы словно прочесывали борта корабля. Спицы имели длину приблизительно от 200 до 300 ярдов и были похожи па розги в школах для маленьких детей. В каждом колесе было около 16 спиц и хотя колеса имели, вероятно, от 500 до 600 ярдов в диаметре, спицы были хорошо видны па всем протяжении. Казалось, что фосфоресцирующее сияние скользит по плоской поверхности моря, причем в воздухе над водой не было видно никакого света. Вид этих спиц можно было бы почти точно представить, если стать в лодке и с помощью фонаря «бычий глаз», включая и выключая его, направлять лучи горизонтально вдоль поверхности воды, поворачиваясь кругом. Я могу упомянуть, что эти феномены видели также капитан корабля «Патна» Аверн и господин Маннинг, третий офицер.

Ли Фор БРЕЙС

P. S. — Эти колеса перемещались вместе с кораблем в течение приблизительно двадцати минут. — Л. Ф. Б.,» Knowledge, II января 1884 г.: Письмо от «А. Мк. Д.»:

О том, что «Ли Фор Брейсу», «который видит так много метеорологических феноменов в вашей превосходной газете, следовало бы подписаться «Современный Иезекииль», ибо его видение колес столь же чудесно, как и видение этого пророка». Затем автор письма обсуждает приведенные размеры и вычисляет скорость вращения окружности колеса, которая получилась около 166 ярдов в секунду, очевидно полагая, что эта величина особенно невероятна. Затем он говорит: «На основании псевдонима, которым он пользуется, можно сделать вывод, что ваш корреспондент имеет привычку «плыть, держась поближе к ветру». Он просит разрешения предложить свое собственное объяснение. Оно состоит в том, что до 11:30 вечера произошли многочисленные неполадки на «главном брасе» и что это потребовало столь частого сплескивания

(сращивания концов тросов), что почти любой луч света приобретал круговое движение.

В Knowledge от 25 января 1884 года мистер «Брей» отвечает и подписывается как «Дж. У. Робертсон»:

«Я не предполагаю, что А. Мк. Д. хочет кого-нибудь обидеть, но думаю, что довольно несправедливо называть человека пьяным только потому, что он видит что-то необычное. Если и есть что-то, чем я могу гордиться, то это то, что я могу сказать, что ни разу в жизни я не позволил себе выпить что-либо более крепкое, чем вода». От этого любопытного предмета гордости он далее переходит к разъяснению, что не имел в виду буквальный смысл своего описания, а хотел только передать свое впечатление о размерах и скорости. Заканчивает он вполне дружелюбно: «Тем не менее, я не обижаюсь, поскольку, я полагаю, это не имелось в виду». Это письмо мистер Проктор сопровождает примечанием, принося извинение за публикацию письма «А. Мк. Д.», которое было напечатано из-за неправильно понятой инструкции. Затем мистер Проктор сам написал письма с выражением несогласия о других лицах — что еще можно ожидать в квазисуществовании?

Очевидное объяснение этого феномена состоит в том, что в Персидском заливе ниже уровня моря находилось огромное светящееся колесо: что то, что видел мистер Робертсон, был направленный вверх свет от его погруженных спиц.

Кажется очевидным, что именно этот свет действительно был направлен вверх от источника, находящегося ниже поверхности моря. Но пока не ясно, каким образом огромные светящиеся колеса, каждое размером с деревню, могли попасть под поверхность Персидского залива; кроме того, могло быть неправильно понято, что они там делали.

Какая-нибудь глубоководная рыба и ее адаптация к плотной среде.

По крайней мере в некоторых регионах наверху встречается среда, плотная до степени студенистости.

Глубоководная рыба, попавшая на поверхность океана: оказавшись в относительно разреженной среде раздувается.

Суперконструкции, адаптированные к плотной среде в межпланетном пространстве, — иногда, в результате всякого рода напряжений попадают в разреженную атмосферу этой земли...

Позже у нас будут факты, подтверждающие следующее утверждение: что предметы, входящие в атмосферу этой земли, распадаются и сияют светом, отличным от света, возникающего в результате накаливания: они сияют ярко, даже будучи холодными...

Огромные колесообразные суперконструкции входят в атмосферу этой земли и, под угрозой распада, погружаются ради облегчения в океан, или в более плотную среду.

Конечно, перед нами сейчас возникают следующие требования:

Не только факты об огромных суперконструкциях, которые облегчают свои огорчения в океане, но факты об огромных колесах, которые наблюдались в воздухе или во время погружения в океан, или поднимающимися из океана и продолжающими свое путешествие.

Очень широко мы охватим огромные огненные объекты, которые либо погружаются в океан, либо поднимаются из океана. Мы допускаем, что хотя разрушение может усилиться до появления света накаливания, помимо разрушения и его вероятной огненности, предметы, входящие в атмосферу этой земли, светятся холодным светом, который, при входе предмета в воду, не будет мгновенно гаситься водой, как свет от расплавленного вещества. Также, кажется, можно принять, что вращающееся колесо будет на расстоянии казаться шаром; что вращающееся колесо, наблюдаемое с относительно близкого расстояния, выглядит в нескольких аспектах как колесо. Постепенные переходы, как связующие звенья между шаровыми молниями и метеоритами не кажутся нам препятствиями, сопротивлениями: наши данные относятся к огромным телам. Поэтому мы будем интерпретировать. Наша позиция на протяжении всей этой книги: . Здесь мы имеем необычайные факты, они никогда не будут эксгумированы и никогда не будут свалены в одну кучу, если только... Вот эти факты:

Наш первый факт — о чем-то, что когда-то видели погружающимся в океан. Он извлечен из пуританского издания — журнала Science, который предоставил нам мало материала, или который, подобно большинству пуритан, кутит не очень часто. Чем бы эта вещь ни была, у меня создалось впечатление о ее огромности, или о том, что ее объем во много раз превышает совокупный объем всех метеоритов во всех музеях, а также об ее относительной медлительности, или о долгом времени предупреждения о приближении. История, изложенная в Science, 5,242, заимствована из отчета, присланного в Гидрогеографическое Управление в Вашингтоне из местного филиала в Сан Франциско:

В полночь 24 февраля 1885 года в месте с координатами 37 С. Ш. и 170 В. Д., или где-то между Иокогамой и Викторией капитан барка «Иннервич» был разбужен своим помощником, который увидел что-то необычное в небе. Это должно было занять заметное время. Капитан вышел на палубу и увидел, что небо окрашивается в огненно-красный цвет. «Совершенно внезапно огромная масса огня появилась над кораблем, полностью ослепив

зрителей». Огненная масса упала в море. Об ее величине можно судить по тому объему воды, который она взметнула и которая, якобы, устремилась к кораблю с «оглушающим» шумом. Барк получил удар точно сзади и «ревущее, белое от пены море пронеслось вперед». «Владелец судна, старый опытный моряк, заявил, что ужас этого зрелища превосходил всякое описание».

В Nature, 37, 187, UBL'Astronomie, 1887 г., 76, нам говорят, что видели, как какой-то объект, описываемый как «большой огненный шар», поднялся из моря близ Мыса Рейс. Нам говорят, что он поднялся на высоту около 50 футов (около 15 м), подлетел к кораблю и затем удалился, оставаясь видимым около пяти минут. В Nature было высказано предположение, что это была «шаровая молния», но Фламарион в своей книге «Гром и молния» (Thunder and Lighting), стр. 68, говорит, что этот объект имел огромные размеры.

Подробности можHO RailTli ButaepilKaacKOM Meteorological Journal, 6,443. 12 ноября 1887 года, британский пароход «Сайбириан»: капитан Мур заявил, что объект двигался «против ветра», прежде чем удалиться, и примерно на этом же месте он и раньше видел подобные зрелища. Report of the British Association, 1886 г., 30: CorAucuo raseTeMaltaTimes, 18июня1845 годасборта брига «Виктория», приблизительно в 900 милях от Адалии,МалаяАзия(3^40'56»С.Ш.,13 44'36»В.Д.), видели, как три светящихся тела поднялись из воды приблизительно в полумиле от судна. Они были видны в течение десяти минут.

Эта история никогда не была расследована, но как бы сами собой появились другие отчеты, в отношении которых кажется приемлемым допустить, что они относятся к другим наблюдениям того же самого захватывающего зрелища; они были опубликованы профессором Баден-Пауэллом. Один из них представляет собой письмо от корреспондента, находившегося у горы Лебанон. Он описывает только два светящихся тела. Повидимому, они в пять раз превышали видимую величину луны. У каждого были отростки, или они были связаны частями, которые описываются как «парусообразные или вымпелообразные», которые были похожи на «большие флаги, развеваемые легким бризом». Важным моментом здесь является не только предположение о структуре, но и длительность. Длительность полета метеоров измеряется в несколько секунд: длительность в пятнадцать секунд удивительна, но я думаю, что здесь есть рекорды вплоть до половины минуты. Этот объект, если это был один объект, был виден на горе Лебанон около одного часа. Интересным обстоятельством является то, что отростки не были похожи на следы

метеоров, которые светятся своим собственным светом, но «светились светом, исходящим от главных тел».

Приблизительно в 900 милях на запад от позиции «Виктории» находится город Адалия в Малой Азии. Приблизительно в то же самое время, когда капитан наблюдал странные объекты с корабля «Виктория», преподобный Ф. Хьюлетт, член Королевского Астрономического общества, находился в Адалии. Он тоже видел этот спектакль и послал свой отчет профессору БаденПауэллу. Согласно его описанию, это было тело, которое появилось, а затем распалось. Он оценивает длительность явления от двадцати минут до получаса.

В «Отчете Британской Ассоциации», 1860 г., 77, об этом феномене сообщают с Сирии и Мальты как о двух очень крупных телах, «тесно связанных друг с другом». Report of the British Association, 1860 г., 77: Что в Шербуре, Франция, 12 января 1836 года видели светящееся тело, имеющее видимую величину в две трети величины солнца или луны. Казалось, оно вращается вокруг своей оси. В центре, казалось, была темная полость.

Другие отчеты; все неоярделенные, но искаженные до превращения в колесообразные объекты в небе, приводятся в *Nature*, 22, 617; лондонской «Тайме», 15 октября 1859 г. *Nature*, 21, 225, *Monthly Weather Review*, 1883 г., 264.

L'Astronomie, 1894-157: Утром 20 декабря 1893 года многие люди в Вирджинии, Северной Каролине и Южной Каролине видели в небе какое-то образование. Какое-то светящееся тело прошло высоко в воздухе с запада на восток, пока приблизительно на высоте в 15 градусов над восточным горизонтом не остановилось. Оно оставалось неподвижным 15 или 20 минут. Некоторым наблюдателям оно казалось похожим на огромное колесо. Свет его был ослепительно белый. Можно принять, что это не была оптическая иллюзия — был слышен шум от прохождения ее сквозь воздух. Повисев неподвижно или создав иллюзию неподвижности в течение пятнадцати-двадцати минут, оно исчезло или взорвалось. Ни единого звука от взрыва не было слышно.

Огромные колесообразные конструкции. Они особенно хорошо приспособлены для того, чтобы катиться сквозь студенистую среду от планеты до планеты. Иногда, из-за ошибок в расчетах или всякого рода напряжений, они входят в атмосферу этой земли. Здесь они вероятно взрываются. Они вынуждены погружаться в море. Некоторое время они остаются в море, вращаясь с относительной неторопливостью, пока не отдохнут, а затем выходят из моря, иногда близко к судам. Моряки рассказывают о том, что они видят: их отчеты передают в научные морги. Я

должен отметить, что общий маршрут следования этих конструкций пролегает вдоль широт, располагающихся недалеко от широты Персидского залива.

Journal of the Royal Meteorological Society, 28, 29: 4 апреля 1901 года около 8:30 в Персидском заливе капитан Хоубизон на пароходе «Килва», согласно докладу, прочитанному самим капитаном на собрании Общества, плыла море, в котором не было заметно фосфоресценции, «в воде не наблюдалось никакой фосфоресценции».

Полагаю,)чтр должен повторить, что: «... в воде не наблюдалось никакой фосфоресценции». Внезапно появились обширные лучи света, хотя капитан использует слово «рябь». Луч следовал за лучом на поверхности моря. Но это был только слабый свет и, минут через пятнадцать, он исчез; появившись внезапно, он угас постепенно. Лучи вращались со скоростью около 60 миль в час.

Фосфоресцирующие медузы коррелируют (согласуются) со Старой Доминантой: в одном из самых героических сочинений о проявлениях игнорирования в нашем опыте при обсуждении доклада капитана Хоусизона было решено, что описанный им феномен представлял собой, вероятно, пульсации длинных полос или рядов медуз. Nature, 21,410:

Перепечатка письма от Р. Е. Харриса, старшего помощника капитана парохода «Шах Джехан», принадлежащего компании А. Н. Н., в калькутскую газету Englishman, появившаяся в номере от 21 января 1880 года:

5 июня 1880 года у Малабарского берега в 10 часов вечера при спокойной воде и безоблачном небе он увидел нечто, столь непохожее ни на что, что он когда-либо видел до этого, что он остановил свой корабль. Он увидел волны яркого света, разделенные промежутками. На воде плавали пятна какого-то вещества, которое не было определено. Размышляя в понятиях общепринятого объяснения всякой фосфоресценции в море, капитан сначала заподозрил это вещество как причину свечения. Тем не менее, он высказывает свое мнение, что оно не освещало моря, но само вместе с окружающим морем освещалось грандиозными лучами света. Независимо от того, были ли эти пятна густыми и маслянистыми выбросами из машины погруженной конструкции или нет, я думаю, что должен допустить, что это вещество является сопутствующим признаком феномена, поскольку у меня есть еще одна заметка. «В то время как волна следовала за волной, мы стали здесь свидетелями одного из самых грандиозных и ярких, но в то же время торжественных зрелищ, которые только можно себе представить».

Journal of the Royal Meteorological Society, 32, 280: Выдержка из письма мистера Дугласа Карнеги, Блэкхит, Англия. Датировано каким-то числом и месяцем 1906 года:

«В эту последнюю поездку мы были свидетелями странного и в высшей степени необычайного электрического представления». В Оманском заливе мистер Карнет увидел отмель, охваченную с виду ровной фосфоресценцией: но когда он оказался от нее на расстоянии двадцати ярдов, «появились сверкающие лучи и стали скользить по корпусу корабля с огромной скоростью, которую можно оценить как находящуюся где-то между 20 и 200 милями в час». «Эти световые полосы отделялись друг от друга промежутками в 20 футов (6 м) и следовали друг за другом в высшей степени регулярно». Что же касается фосфоресценции, то «я набрал ведро воды и обследовал ее под микроскопом, но не смог обнаружить ничего аномального». Эти лучи света исходили из чего-то, находящегося ниже поверхности моря. «Сначала они осветили нас с борта, и я заметил, что заслоняющий их корабль не оказывал никакого действия на лучи света: они начинались от противоположного борта, словно и проходили сквозь корабль».

Оманский залив — это вход в Персидский залив. Timb's Year Book, 33, 294:

Выдержка из письма мистера С. С. Патерсона, второй помощник капитана парохода «Дельта» (P. and O. Co): зрелище, которое «Журнал» продолжает называть фосфоресценцией.

Малакский пролив, два часа дня, II марта 1907 года. «... Лучи, которые казалось, движутся вокруг центра, как спицы колеса — и, видимо, имеют длину около 300 ярдов». Это явление продолжалось около получаса, и за это время корабль прошел шесть или семь миль. Оно прекратилось внезапно. L'Astronomie, 1891 г., 312:

Корреспондент пишет, что в октябре 1891 года в Китайском море он видел лучи или пики света, которые имели вид лучей прожектора и которые двигались, как эти лучи.

Nature, 20,291:

Доклад в Адмиралтейство капитана Ивэнса, гидрографа Британского Флота:

Старший помощник английского военного корабля «Валчер» Дж. Э. Прингдоложил, что в Персидском заливе, вместе с координатами 26 26'С. Ш. и 53 II' В. Д., 15 мая 1879 года он заметил светящиеся волны или пульсации в воде, движущиеся с большой скоростью. На этот раз мы имеем определенный факт о том, что источник этого явления находится где-то

ниже поверхности моря. Говорится, что эти волны света проходили под кораблем «Валчер». При взгляде на восток было видно нечто вроде вращающегося колеса с центром на этом азимуте, спицы которого были освещены, а при взгляде на запад можно было видеть аналогичное колесо, но вращающееся в противоположном направлении». И, наконец, о погруженности: «Эти волны света простирались от поверхности на довольно большую глубину». По мнению старшего помощника Прингла, лучи света составляли одно колесо и их удвоение было иллюзией. Он полагает, что лучи были шириной около 25 футов (ок. 7,5 м), а промежутки между ними — около 100 (ок. 30 м). Скорость движения — около 84 миль в час. Длительность явления составила около 35 минут. Время 9:30 вечера. До и после этого зрелища корабль прошел через пятна плавающего вещества, которое описывается как «маслянистого вида рыба икра».

На странице 428 этого номера Nature Э. Л. Мосс говорит, что в апреле 1875 года, находясь на борту английского военного корабля «Бульдог» в нескольких милях к северу от Вера Крус, он видел серию быстро перемещающихся линий света. Он зачерпнул воды и нашел в ней микроскопических животных, которые, однако, не объясняли феномены геометрического строения и высокой скорости. Если он имеет в виду Вера Крус в Мексике, то это единственный случай наблюдения этого явления вне восточных вод. Scientific Atepsap, 106,51:

Что в Nautical Meteorological Annual, издаваемом Датским Метеорологическим Институтом, появляется отчет о «единичном явлении», которое видел капитан Габэ парохода «Бинтанг», принадлежащего Датской Восточно-Азиатской компании. В три часа дня 10 июня

1909 года, во время прохода через Малакские проливы капитан Габэ увидел быстро вращающееся колесо света, не выступающее из воды, — «длинные спицы, выходящие из центра, вокруг которого вся система, казалось, вращалась». Столь огромным было это образование, что видна была только его половина, а его центр лежал у горизонта. Это зрелище продолжалось около пятнадцати минут. До сих пор у нас не было ясности относительно важного момента, а именно, что общее движение этих колес не синхронизируется с движениями корабля, и капризы игнорирования, или, скорее, банальности игнорирования. Могли попытаться связать это явление с огнями корабля. На этот раз нам сказано, что огромное колесо двигалось вперед по ходу корабля, уменьшая свою яркость, а также скорость вращения, и исчезло, когда его центр оказался как раз впереди корабля, или, согласно моей собственной интерпретации, источник света

погружался все глубже и глубже и замедлял свое вращение, встречая все большее сопротивление.

Датский Метеорологический Институт сообщает о еще одном случае:

Когда капитан голландского парохода «Валентийн» Брейер был в Южно-Китайском море, 12 августа

1910 года, он увидел вращение световых вспышек. «Это было похоже на расположенное горизонтально колесо, очень быстро вращающееся». На этот раз нам говорят, что феномен наблюдался над водой. «Этот феномен наблюдался капитаном, первым и вторым помощниками, первым инженером, и на всех них он произвел несколько неприятное впечатление».

Вобщем, даже если наша интерпретация и не покажется немедленно приемлемой, мы рекомендуем соперничающим с нами интерпретаторам, чтобы они подумали над приуроченностью этого феномена — при одном единственном исключении — к Индийскому океану и примыкающим к нему водам, или к Персидскому заливу с одной стороны и Китайскому морю с другой. Хотя мы и интермедиатисты, зов попыток достижения Позитивизма, в его аспекте Целостности, неодолим. Мы высказали предположение, что с немногих точек зрения огненные колеса в воздухе выглядели бы как огненные колеса, но если бы мы смогли добыть их, — унаследовали бы быть наблюдения огромных светящихся колес, которые невозможно интерпретировать как оптические иллюзии, а только как огромные вещественные предметы, сокрушающие любые материальные сопротивления, и которых видели во время их погружения в океан. Atheneum, 1848 г., 833:

Что на встрече Британской Ассоциации в 1848 году сэр У. С. Харрис сказал, что он зарегистрировал рассказ, присланный ему о корабле, к которому понеслись «два огненных колеса, которые люди с корабля описывали как вращающиеся огненные жернова». «Когда они приблизились, раздался ужасный грохот: стены разбились вдребезги». Говорили, что ощущался сильный сернистый запах.

JOURNAL of the Royal Meteorological Society, 1, 157: Выдержка из судового журнала барка «Леди оф ээ Лэйк» (Lady of the Lake), капитана Ф. У. Бэннера: Сообщено Р. Х. Скоттом, F. R. S.: Что 22-го марта 1870 года при У 47' С. Ш. и 27 52' З. Д. моряки «Леди оф ээ Лэйк» увидели в небе удивительный объект или «облако». Они доложили капитану.

Согласно капитану Бэннеру, это было облако круглой формы с включенной в него окружностью, разделенной на четыре части; центральный разделяющий луч начинался в центре круга и простирался далеко наружу, а затем изгибался в обратном направлении.

Геометричность, сложность и устойчивость формы: и малая вероятность того, чтобы облако могло сохранять такое разнообразие особенностей, не говоря уж о внешнем сходстве с органической формой.

Этот предмет переместился от точки, находящейся на высоте около 20 градусов над горизонтом, вверх до точки, расположенной на высоте около 80 градусов. Затем он направился на северо-восток, появившись с юга или юго-востока.

Светло-серого цвета, или это был цвет облака. «Он находился гораздо ниже, чем остальные облака». А еще выделяется следующая особенность: Чем бы он ни был, он перемещался против ветра. «Он приблизился косо по отношению к ветру, а в конце обосновался прямо в глазу у ветра».

Эта форма была видна полчаса. Когда она, наконец, исчезла, это произошло не потому, что она рассеялась, как облако, а потому, что ее больше невозможно было видеть в наступившей темноте.

XXIII

УЧЕБНИКИ говорят нам, что метеориты из Дхурмсалы были найдены «вскоре» или «через полчаса» после падения. Если бы прошел больший промежуток времени, то сторонники обычных объяснений могли бы возразить, что эти камни были горячими в момент падения, но что их сильный внутренний холод пересилил расплавленное состояние их поверхности.

Согласно помощнику комиссара Дхурмсаллы, эти камни были подобраны «сразу же» проходящими кули.

Эти камни были настолько холодными, что от них немели пальцы. Но они упали в сопровождении сильного света. Он описывается как «пламя костра около двух футов в глубину и девяти футов в длину». Можно считать, что этот свет не был светом расплавленного вещества.

В этой главе мы будем очень большими интермедиатистами, и в то же время неудовлетворительными. Для интермедиатиста на все вопросы есть только один ответ: Иногда да, а иногда нет.

Вторая форма этого «интермедиатистского решения» всех проблем это И да и нет.

Все, что существует, также и не существует. Позитивист старается уложить все в формулу, то же делает и интермедиатист, но с меньшей строгостью он принимает, но также отрицает.

Он может принимать в одном аспекте и отрицать в некоторых других аспектах, но нельзя провести реальную разграничительную линию между любыми двумя аспектами чего угодно. Интермедиатист принимает то, что кажется коррелирующим (согласуется) с чем-то, что он принял в качестве доминанты. Позитивист коррелирует с верой.

В метеоритах Дхурмсалы мы имеем опору для нашего предположения, что наши предметы, входящие в атмосферу этой земли, иногда светятся светом, не являющимся светом раскаленного тела. Мы объясняем или предлагаем интерпретацию для «громовых камней», или обработанных камней, которые упали на эту землю, сопровождаясь свечением в виде полос, похожих на вспышки молний, — но мы принимаем также, что некоторые тела, попавшие в атмосферу этой земли, распадаются с возникновением сильного пламени и расплавлением вещества, но что некоторые другие тела входят в атмосферу этой земли и разрушаются без сопровождения световых явлений, подобно

глубоководным рыбам, попавшим на поверхность океана. К какому бы согласию мы не пришли, все это указывает на то, что где-то наверху находится среда, более плотная, чем атмосфера этой земли. Я полагаю, что мы можем со всей твердостью отметить, что это отнюдь не популярное мнение... Возьмем ритм всех явлений: На уровне моря плотность воздуха для этой земли имеет определенную величину, по мере подъема воздух становится все менее и менее плотным, а затем все более и более плотным. Возникает немало докучливых вопросов... Наша позиция: Вот факты:

Иногда идут светящиеся дожди {Nature, 9 марта 1882 года; Nature, 25, 437). Это свет, не являющийся светом накаливания, но никто не может сказать, что эти случающиеся время от времени, или редкие дожди происходят извне по отношению к этой земле. Мы просто отмечаем холодный свет падающих тел. О светящихся дождях, снегах и пыли можно прочесть в книге Хартвига «Воздушный мир» (Hartwig. Aerial World, стр. 319). Что касается светящихся облаков, то у нас есть более определенные наблюдения и мнения: они отмечают переход между старой Доминантой и Новой Доминантой. Мы уже отметили этот переход в теории профессора Шведова о внешнем происхождении некоторых градин — и выводы из нее, которые предыдущему поколению казались такими нелепыми, было употреблено даже слово «шут», — о том, что в межпланетных регионах существуют объемы воды» независимо от того, есть ли в них рыбы и лягушки. Далее, мы принимаем, что облака иногда поступают в атмосферу из внешних по отношению к земле регионов, происходя из супергеографических озер и океанов, которые мы не беремся нанести на карту, конкретно в данный момент, а только предлагая это предприимчивым авиаторам, и мы отмечаем, что все это мы покажем им, и мы отнюдь не собираемся строить из себя Колумбов за свой собственный счет, чтобы они взяли с собой купальные костюмы или лучше глубоководные скафандры. Таким образом, некоторые облака приходят из межпланетных океанов — из Суперсаргассова моря, если мы все еще принимаем Суперсаргассово море, — и светятся после входа в атмосферу этой земли. В журнале Himmel and Erde за февраль 1889 г. — феномен перехода тридцатилетней давности — господин О. Иессе, рассказывая о своих наблюдениях светящихся ночных облаков, отмечает их большую высоту и дурацки, или тонко, предполагает, что некоторые из них, возможно, происходят из областей, внешних по отношению к этой земле. Я предполагаю, что он имеет ввиду только другие планеты, но это и в том и в другом случае очень дурацкая и тонкая идея.

В общем, я так объясняю большую часть изоляции этой земли: что она относительно изолирована обстоятельствами, которые очень похожи на

обстоятельства, которые способствуют относительной изоляции океанского дна — за исключением некоторой неуклюжести этой аналогии. Было удобно называть себя глубоководными рыбами, но в квазисуществовании нет такого удобства, которое рано или поздно не обернется неловкостью, поэтому, если бы наверху существовали более плотные области, сейчас их следует рассматривать как аналоги глубоко погруженных океанических областей, а предметы, приходящие на эту землю извне, были бы подобны вещам, поднимающимся с глубин в более разреженную среду — и взрывающиеся — иногда накаляясь добела, как глубоководные рыбы, попавшие на поверхность, — совершенно негостеприимные условия. У меня есть подозрение, что на своих собственных глубинах глубоководные рыбы не светятся. Если они светятся, тогда дарвинизм есть всего лишь иезуитство в своей попытке коррелировать их. Такая реклама привлекла бы такое внимание, что все преимущества были бы более сведены к нулю, чем возмещены. Дарвинизм в значительной степени представляет собой учение о маскировке: здесь мы имеем наглое заявление, — если его принять. Рыбы в Мамонтовой пещере не нуждаются в свете, чтобы видеть. Мы могли бы сказать, что глубоководные рыбы начинают светиться, попадая в менее плотную среду, но модели в Американском Музее Естественной Истории не позволяют: на этих моделях видны специализированные органы для свечения. Конечно, мы хорошо помним эту ужасно убедительную птицу «додо», и некоторые из наших упражнений в софистике мы прослеживаем к ней, во всяком случае, разрушение считается явлением перехода от более плотной к менее плотной среде.

Рассказ господина Ахариуса, опубликованный в *Transactions of the Swedish Academy of Sciences*, 1808 г., 215, переведенный для *North American Review*, 3, 319:

Что господин Ахариус, услышав о «необычайном и, вероятно, до сих пор невиданном» феномене, который, согласно сообщениям, произошел около горрда Скенинге, Швеция, произвел расследование:

16 мая 1808 года около 4 часов дня солнце внезапно приобрело тусклый кирпично-красный цвет. Одновременно на западном горизонте появилось большое количество круглых тел, темно-коричневого цвета и с видимым размером с тулью шляпы. Они пролетели над головами и исчезли на восточном горизонте.

Грандиозная процессия. Она продолжалась два часа. Время от времени одно из них падало на землю. Когда осмотрели место падения, там была найдена пленка, которая скоро высохла и исчезла. Часто, приближаясь к солнцу, эти тела, казалось, сближались друг с другом, или их потом видели

объединенными в группы из нескольких, но не более восьми, тел, а когда они оказывались под солнцем, можно было видеть их хвосты, имевшие в длину три-четыре фатома (около 5-7 м). Вдали от солнца эти хвосты были незаметны. Из какого бы вещества они ни состояли, оно описывается как студнеобразное — «мыльное и желеобразное».

Я помещаю этот факт сюда по нескольким причинам. Это было бы хорошей кульминацией для нашего рассказа об ордах маленьких тел, которые, на наш взгляд, не были ни семенами, ни птицами, ни кристаллами льда: но тут возникла бы тенденция придти, или подпрыгнуть, к поспешному гомогенному выводу, что все наши факты, относящиеся к этим явлениям, относятся только к этому одному виду явлений, в то время как мы думаем о бесконечной гетерогенности внешнего: о крестоносцах, разбойниках, эмигрантах и туристах, о драконах и телах, похожих на студнеобразные тульи шляп. Или что все предметы, которые здесь, на этой земле, сбиваются в стадо, необязательно являются овцами, пресвитерианцами, гангстерами или черепахами. Этот факт имеет здесь важное значение для нас как указание на разрыв в атмосфере этой земли — об опасности вхождения в эту атмосферу.

Я лично думаю, что люди видели тысячи объектов, которые падали сверху, взрывались со свечением и получали название «шаровой молнии».

«Относительно того, что собой представляет шаровая молния, мы даже не начали еще делать разумные догадки» (Monthly Weather Review, 34, 17).

В общем, мне кажется, что когда мы сталкиваемся с противодействием в виде «шаровой молнии», мы должны не обращать на это особого внимания, а ограничиться догадками, которые по крайней мере разумны, которые стоят на нашем пути, подобно призракам. Отметим здесь, что в некоторых из наших допущений о разумности нам следовало бы более четко указать, что они относились к разумному в противоположность инстинктивному. и Monthly Weather Review, 33, 409, приводится рассказ о «шаровой молнии», которая ударила в дерево. Она сделала выбоину, какую мог бы сделать падающий объект. Когданибудь я соберу случаи с «шаровыми молниями», которые упали с неба со свечением и взорвались с ужасающей силой. Старая ортодоксия настолько ошеломлена этими явлениями, что многие ученые либо отрицали явление «шаровой молнии», либо считали его весьма сомнительным. Я отсылаю читателей к составленному доктором Сестье перечню ста пятидесяти случаев наблюдения «шаровой молнии», которые он считает достоверными.

В соответствии с нашим несоответствием находится один случай, о котором рассказано в Monthly Weather Review за март 1887 года — что-то

светящееся, упавшее с неба в сопровождении чего-то не столь эффектного, то есть чего-то темного:

Согласно С. Д. Свиту, капитану голландского барка, ^P.A., 19 марта 1887 года при 37° 39' С.Ш. и 57° 00' З.Д. он вошел в сильный шторм. В воздухе над кораблем он увидел какие-то два объекта. Один светился мог быть объяснен несколькими способами, а второй был темный. Затем один из них или оба упали в море с ревом и подняв большие волны. Мы интерпретируем это таким образом, что эти тела вошли в атмосферу этой земли, пробившись сначала через ледовое поле, «сразу же после этого в море посыпались куски льда».

Одним из самых поразительных феноменов «шаровой молнии» является феномен падения группы метеоритов: ярость взрыва никак не соответствует размерам скорости. Мы принимаем, что ледяные метеориты Джурмсалы могли упасть и с небольшой скоростью, но грохот от них был ужасный. Мягкое вещество, упавшее на мысе Доброй Надежды, было углистым, но оказалось необожженным, или упало со скоростью, недостаточной, чтобы зажечь его. Мощный грохот, который оно вызвало, был слышен на площади более семидесяти миль в поперечнике.

Некоторые градины образовались в более плотной среде и распались со взрывом в относительно более разреженной атмосфере этой земли. Nature, 88,350:

Большие градины зафиксированы в Университете Миссури 11 ноября 1911 года: они взрывались со звуком пистолетный выстрелов. Автор говорит, что он наблюдал аналогичный феномен за восемнадцать лет до этого в Лексингтоне, штат Кентукки. Градины, которые, казалось, образовывались в более плотной среде: когда они таяли под водой, они давали пузыри, большие, чем их центральные воздушные промежутки (Monthly Weather Review, 33,445).

Мы это интерпретируем таким образом, что с неба падало много объектов, но многие из них распадалась со взрывом. Эта интерпретация будет координироваться с фактами, которые мы рассмотрим позже, но также мы облегчим этим свою интерпретацию суперконструкций, если нас спросят, почему из всех мыслимых предполагаемых остатков после их аварий ни разу не упали на землю какие-нибудь балки, плиты или распознаваемые части промышленно обработанного металла. Однако, что касается состава, то у нас нет этого прибежища, потому мы полагаем, что существовали сообщения о падении с неба промышленно изготовленного металла.

Метеорит из Разерфорда, штат Северная Каролина, состоит из

искусственного материала: глыба чугуна. Говорят, что это подделка (American Journal of Science, 2-34,298).

Объект, якобы упавший в Марблхэде, штат Массачусетс, в 1858 году, описывается в American Journal of Science, 2-34, 135, «как продукт плавильной печи, полученный в результате плавления медных руд или железной руды, содержащей медь».

Согласно Эренбергу, вещество, которое, по сообщению капитана Кэллама, упало на его корабль недалеко от Явы, «было совершенно подобно остатку, получающемуся в результате прокаливания или сжигания стальной проволоки в сосуде с кислородом» (Zurcher Meteors, стр. 239).

Nature от 21 ноября 1878 года публикует заметку, что согласно Уита Sentinel, в пустыне Мохавэ был найден метеорит, который был «похож на сталь». В журнале Nature от 15 февраля 1894 года мы читаем, что один из метеоритов, привезенный Пири из Гренландии, состоял из закаленной стали. По мнению автора, метеорное железо упало в воду или снег, быстро отвердело и приобрело закалку. Но это не соответствует составу метеорита. Nature в номере от 5 ноября 1898 года публикует сообщение о докладе профессора Бервета из Вены о «тесной связи между метеоритным железом и сталью из сталелитейных заводов».

На состоявшемся 24 ноября 1906 года собрании Эссекского Полевого Клуба был выставлен кусок металла, который якобы упал с неба 9 ноября 1906 года в Брейнтри. Согласно Essex Naturalist, доктор Флетчер из Британского Музея заявил, что этот металл представляет собой плавленное железо, — «так что тайна его «падения» осталась необъясненной».

А СЕЙЧАС МЫ УСЛЫШИМ вопль умолчаний. Когда системой игнорируется какойнибудь единичный случай чегонибудь, наша позиция состоит в том, что единичный случай — вещь бессильная. Конечно, наш собственный метод согласования многих случаев не есть реальный метод. В непрерывности все вещи должны иметь черты сходства со всеми остальными вещами. Все имеет любую квазииндивидуальность, какую вам будет угодно. Еще недавно воинская повинность с одинаковой легкостью усваивалась как с автократией, так и демократией. Обратите внимание на необходимость в доминанте для соотнесения понятий. Вряд ли ктонибудь взял и сказал просто, что у нас должна быть воинская повинность: нет, обязательно должно было быть сказано, что у нас должна быть воинская повинность, которая выражает демократию, коррелирует с нею, и демократия здесь взята как основание, или как что-то в своей основе желаемое. Конечно, между автократией и демократией можно провести только ложную разграничительную линию. Поэтому я не могу представить себе ни одного подданного, которого могла бы убедить такая малость, как единичный случай, если можно кнутом заставить его делать все, что угодно. Тем не менее, мы попытаемся быть более реальными, чем дарвинисты, которые выдвигают защитную окраску как дарвинизм, а затем притягивают и светимость, выдавая ее за дарвинизм. Я думаю, что дарвинистам было бы лучше присоединиться к нам в отношении глубоководных рыб, и сожалеть впоследствии, я полагаю. Будет удивительно, или неинтересно, читать обо всех еще предстоящих нам случаях наблюдения в небе странных вещей и думать, что всем этим следовало пренебречь. Я лично считаю, что это невозможно — или очень легко — пренебречь ими теперь, когда они сведены вместе, но что, если бы чуть раньше мы попытались бы осуществить такую сводку, Старая Доминанта испепелила бы нашу пишущую машинку, поскольку буква «e» отказалась от нас, а буква «s» слишком темпераментна.

«Самое необыкновенное и уникальное странное явление» — Северный Уэллс, 26 августа 1894 года; диск, из которого было выпущено оранжевого цвета тело, похожее на «удлиненную камбалу», согласно сообщению адмирала Оммани (Nature, 50, 524); Диск, из которого выдвинулась крюкообразная форма, Индия, около 1838 г. рисунок ее приведен выше; диск был величиной с луну, но был ярче луны; был видим

около двадцати минут; сообщено Г. Петтиком, включено в Каталог профессора БаденПауэлла (Report of the British Association, 1849 г.). — Очень яркая крюкообразная форма, наблюдавшаяся в небе над Поландом, Трамбул Ко., штат Огайо, во время пролета скопления метеоров в 1833 г. наблюдалась больше часа: большое светящееся тело, почти неподвижное в течение «некоторого времени», имевшее форму, похожую на квадратный стол; — Ниагара Фоллз, 13 ноября 1833 г. (American Journal of Science, 1-25, 391). Нечто, описываемое как яркое белое облако, ночью, 3 ноября 1886 г., в Хамаре, Норвегия; из него исходили яркие лучи света, медленно перемещалось по небу; «все время сохраняло свою первоначальную форму» (Nature, 16 декабря 1886 г., 158). — Объект с овальным ядром и длинными узкими лентами или выпелами с темными полосами и линиями, наводящими на мысль о какой-то структуре; Новая Зеландия, 4 мая 1888 г. (Nature, — 402). Светящийся объект размером с луну, наблюдался полтора часа, Чили, 5 ноября 1883 г. (Comptes Rendus, 103, 682). Яркий объект наблюдался около солнца, 21 декабря 1882 г. (Knowledge, 3, 13). Свет, имевший вид огромного пламени, вдалеке на море, неподалеку от Рюк Фю (Ryook Phyo), 2 декабря 1845 г. (Proceedings of the London Royal Society, 5, 627). Нечто вроде гигантского барабана, неподвижно висящее вертикально, слегка качающееся, наблюдавшееся 5-6 минут длина оценена в 425 футов (около 134 м), в Оахака, Мексика, 6 июля 1874 года (Scientific American Supplement, 6, 2365). Два светящихся тела, на вид связанные друг с другом, наблюдались 5-6 минут, 3 июня 1898 г. (La Nature, 1898 г., 1, 127). Какой-то предмет с хвостом, пересек лунный диск, время прохождения пол-минуты, 26 сентября 1870 г. (Лондонская «Тайме», 30 сентября 1870 г.). Объект, в 4-5 раз больше луны, медленно двигался по небу, 1 ноября 1885 г. близ Адрианополя (L'Astronomic, 1886 г., 309). Крупное тело красного цвета, медленно перемещалось, наблюдалось 15 минут, сообщение Коджа, Марсель, 1 августа 1871 г. (Annual Record of Science, 24193). Детали этого наблюдения и аналогичное наблюдение Гюйе, а также другие случаи, описанные де Фоввилем (Comptes Rendus, 73, 297). Большой предмет, который дважды за семь минут оставался неподвижным, Оксфорд, 19 ноября 1847 г.; внесен в список Лоу (Recreative Science, 1, 136). Объект сероватого цвета, имевший кажущуюся длину три с половиной фута, быстро приближавшийся к земле в Саарбрюкене, 1 апреля 1826 г.: издавал звук, похожий на гром; объект, раздувшийся в плоский лист (American Journal of Science, 1-26, 133), Quaterly Journal of the Royal Institute, 24,488. Сообщение астронома Н. С. Дремотна об объекте, длительность которого показалась ему необычайной; в течение трех

четвертей минуты, Джерси Сити, 6 июля 1882 г. (Scientific American, 47, 53). Объект, похожий на комету, но с собственным движением со скоростью 10 градусов в час; был виден один час; сообщено Пурином и Гланси из Обсерватории Кордовы, Аргентина, 14 марта 1916 г. (Scientific American, II, 493). Что-то, похожее на сигнальный огонь, сообщено Глейшером, 4 октября 1844 г.; яркость, как у Юпитера, «испускал быстрые мерцающие волны света» (Yearbook of Facts, 1845 г., 278).

Я Думаю, что с объектом, известным/как «комета» Эдди, уходит в прошлое последнее проявление нашей восприимчивости по отношению к обычной ошибке персонификации. Это одна из наиболее укоренившихся позитивистских иллюзий, что люди это личности. Мы слишком часто были виновны в проявлениях злобы, досады и высмеивания, направленных против астрономов, как если бы это были личности, или предельные единицы, индивиды, целостности, или Я, а не неопределенные части. Но пока мы остаемся в квазисуществовании, мы можем изгнать какую-либо одну иллюзию только с помощью какой-нибудь другой иллюзии, хотя первая иллюзия может быть близкой к реальности. Поэтому мы больше не персонифицируем — мы суперперсонифицируем. Сейчас мы полностью принимаем нашу гипотезу, что развитие есть Автократия (Самодержавие) Последовательных Доминант, которые не являются окончательными, но которые приближаются к индивидуальности, или самости, чем человеческие тропизмы, которые безответственно приспособляются к ним.

Эдди сообщил о появлении небесного объекта с Обсерватории Грэхемстауна, Южная Африка. Это было в 1890 году. Новая Доминанта была тогда только предполагаемой наследницей, или наследницей вероятной, но не очевидной. Об объекте, о котором сообщил Эдди, вполне мог сообщить и какой-нибудь ночной сторож, взглянувший вверх сквозь кусок водосточной трубы. Она не соответствовала.

Этот объект не был допущен Monthly Notices. Я лично думаю, что если бы редактор попробовал впустить его, случилось бы землетрясение, или таинственный пожар в его издательстве. Доминанты — ревнивые богини. В журнале Nature, являющемся, повидимому, вассаломного бога, хотя, конечно, отдающем должное и старому, сообщается о кометообразном теле, которое наблюдал Эдди 27 октября 1890 года в Грэхемстауне. Оно могло быть похожим на комету, но оно переместилось на 100 градусов, оставаясь видимым, или на 100 градусов за три четверти часа, смотри Nature, 43-89, 90.

В журнале Nature профессор Коуплэнд описывает подобный этому

объект, который он видел 10 сентября 1891 года. Дрейер говорит (Nature, 44, 541), что он видел этот объект в обсерватории Ормага. Он отождествляет его с объектом, о котором сообщил Эдди. 17 сентября этот объект видел доктор Александр Грэхем Бэлл в Новой Шотландии (Нова Скотия). Но Старая Доминанта был ревнивой богиней, Так, в ноябре 1883 года что-то наблюдали разные астрономы. Эта наблюдения были филистимлянами 1883 года. В American Meteorological Journal, 1, 110, корреспондент сообщает, что 10 и 12 ноября 1883 года он видел какой-то объект, похожий на комету, с двумя хвостами, один вверху, другой внизу. Очень может быть, что этот объект следует поместить в наш рассказ о торпедообразных объектах, наблюдавшихся в небе, наши данные о дирижаблях, или суперцепелинах, но наши попытки их классификации далеки от строгости, или являются лишь самыми предварительными. В Scientific American, 50-40, корреспондент пишет из У макао, Пуэрто Рико, что 21 ноября 1883 года он и еще несколько других лиц, видели величественное зрелище, похожее на комету. Оно было видно в течение трех ночей подряд, а затем исчезло. Редактор говорит, что не может предложить никакого объяснения. Если этот факт принять, то этот объект должен был находиться близко к земле. Если это была комета, она была бы видима на гораздо большей территории, и агентства новостей разослали бы о ней телеграммы повсему миру, говорит редактор. На странице 97 этого тома жура & Scientific American, корреспондент пишет, что в Салфор Спрингз, штат Огайо, он видел «чудо на небе», приблизительно того же числа. Оно имело торпедообразную форму и что-то вроде ядра, на каждом конце которого было по хвосту. Опять редактор говорит, что не может предложить никакого объяснения: что этот объект не был кометой. Он связывает его с атмосферными эффектами, повсеместно распространенными в 1883 году. Намы должны отметить, что в Англии и Голландии аналогичный объект видели в ноябре 1882 года.

В Scientific American, 40, 294, опубликовано письмо Генри Харрисона из Джерси Сити, перепечатанное из газеты «НьюЙорк Трибьюн»: вечером 13 апреля 1879 года, когда м-р Харрисон искал комету Брорзена, он увидел какой-то объект, двигавшийся столь быстро, что это не могла быть комета. Он позвал своего друга, чтобы тот посмотрел и подтвердил его наблюдение. В два часа ночи этот объект был все еще виден. В Scientific American Supplement, 7-2885, мистер Харрисон отрицает сенсуализм, что, по его мнению, означает думать недостойно, и приводит технические подробности: он говорит, что этот объект видел и мистер Дак. Спенсер Дивоу из Манхеттенвилля.

«КАКОЕ-ТО ОБРАЗОВАНИЕ, имеющее форму дирижабля». Об этом сообщили из Хантингтона, штат Западная Вирджиния (Scientific American, 115, 241). Светящийся объект видели 19 июля 1916 года около 11 часов вечера. При наблюдении через «довольно мощный полевой бинокль», он казался удлинённым на два градуса с шириной в пол-градуса. Он постепенно тускнел, исчезал, снова появлялся и затем постепенно исчез с поля зрения. Другой человек — как мы скажем: было бы слишком неудобно цепляться за наши интермедиатистские признания — второй человек, который наблюдал этот феномен, выказал предположение автору сообщения, что этот объект был самодвижущимся, но автор говорит, что за ним были видны слабые звезды. Это, кажется, действительно бы противоречило нашей гипотезе о самодвижущихся посетителях этой земли, — если не учитывать неубедительность всех вещей в модусе видимости, не являющейся окончательной, — или мы предполагаем, что позади некоторых частей этого объект. Здесь мы находим некоторую вялую дискуссию. Профессор Х. М. Рассел думает, что этот феномен представлял собой обособленное облако северного сияния. На странице 369 этого тома Scientific American другой коррелятор предполагает, что это был отсвет доменной печи, — игнорируя то обстоятельство, что если бы в Хантингтоне или около него были доменные печи, то их отсветы были бы здесь повседневным явлением.

А теперь мы обсудим несколько наблюдений о телах цилиндрической формы, появляющихся в атмосфере этой земли: цилиндрических, но заостренных на обоих концах, или торпедообразных. Некоторые из рассказов о них очень подробны, но на основании крупниц описания я лично могу предположить, что эти супергеографические маршруты время от времени пересекались торпедообразными конструкциями, которые время от времени посещали, или время от времени загонялись в атмосферу этой земли. На основании имеющихся данных, мы допускаем, что войдя в атмосферу этой земли, эти корабли были уже настолько измучены, что уже не могли улететь из нее, и тогда наступало их разрушение: что перед тем, как оставить эту землю, им приходилось, то ли в попытке установить связь, то ли ради шика, — сбрасывать разные предметы, которые почти сразу же бурно распадались или взрывались. На основании общих принципов мы думаем, что взрывчатые вещества не сбрасывались преднамеренно, но что

какие-то части приходили в негодность и падали, взрываясь, подобно вещам, называемым «шаровой молнией». Это могли быть и предметы из камня или металла с нанесенными на них надписями, судя по тому, что нам известно в настоящее время. Во всех случаях оценки их размеров имели бы неопределимое значение, но следует предпочесть относительные размеры. Предмет, имеющий якобы шесть футов в длину, может на самом деле иметь шестьсот футов в длину; но форма не столь подвержена иллюзиям расстояния. *Nature*, 40,415:

Что 5 августа 1889 года во время яростной грозы какойто предмет, который, как показалось наблюдателям, имел около 15 дюймов в длину и 5 дюймов в ширину, упал. Довольно медленно, в Иствикенхэме, Англия. Он взорвался. Никакого вещества после него не было найдено. *L'Année Scientifique*, 1864 г., 54:

10 октября 1864 года господин. Леверье послал в Академию три письма от свидетелей длинного светящегося тела, заостренного на обоих концах, которое видели в небе.

В своей книге *Thunder and Lightning*, стр. 87, Фламарион говорит, что 20 августа 1880 года во время довольно мощной грозы г-н А. Трекюль из Французской академии видел очень яркое желтовато-белое тело, видимой длины 35-40 см и около 25 см шириной. Торпедообразное или цилиндрическое тело, «со слегка коническими концами». Оно что-то сбросило и исчезло в облаках. То, что было сброшено, чем бы оно не было, падало вертикально, подобно тяжелому объекту, и оставило светящийся след. Возможно, что место действия этого события находилось далеко от наблюдателя. Не было слышно никакого звука. Отчет г-на Трекюля см. в *Comptes Rendus*, 103-849. *Monthly Weather Review*, 1907 г., 310: 2 июля 1907 года в городе Берлингтоне, штат Вермонт, весь город слышал ужасный взрыв из света или светящийся объект. Видели, как с неба или из торпедообразного предмета, или конструкции, упал шар света или светящийся объект. Никто не видел, как взорвавшийся предмет выпал из более крупного тела, которое находилось в небе, но если мы примем во внимание, что в это самое время более крупное тело находилось в воздухе...

Я лично понимаю это в том смысле, что какой-то дирижабль в небе, или какая-то конструкция, которая показывала все признаки скорого разрушения или взрыва, едва имела время, чтобы сбросить то, что оно сбросило, и поспешить вверх в безопасность.

Нижеследующую историю рассказал в *Review* епископ Джон С. Мишо:

«Я стоял на углу улиц Черч Стрит и Колидж Стрит, прямо напротив Хауард Банка, и, глядя на восток, разговаривал с экс-губернатором Вудбери и мистером А. А. Бьюэллом, когда без малейшего предупреждающего признака или предупреждения мы оцепенели от того, что прозвучало как самый необычный и ужасающий взрыв, раздавшийся очевидно очень близко. Подняв глаза и взглянув на восток вдоль Колидж Стрит, я заметил торпедообразное тело в каких-нибудь 300 футах от меня, неподвижное на вид и висящее в воздухе приблизительно в 50 футах от верхушек зданий. Размером оно было около 6 футов в длину и 8 дюймов в диаметре. Его оболочка, или покрытие, была на вид темной, и здесь и там с пятен на его поверхности выходили языки пламени, напоминающие цветом докрасна раскаленную неполированную медь. Хотя он был неподвижен, когда его впервые заметили, этот объект вскоре начал перемещаться, довольно медленно, и исчез за магазином Долан Бразерз в южном направлении. Во время движения его оболочка, казалось, прорывалась в отдельных местах, и сквозь эти разрывы показались языки ярко-красного пламени».

Епископ Мишо пытается увязать это явление с метеорологическими наблюдениями.

Всилуоокружающегопейзажа,это, по-видимому, является одним из самых замечательных из новых коррелятов, но тот коррелят, который мы сейчас рассмотрим, является экстраординарным из-за большого количества записанных наблюдений над ним. Согласно моей собственной интерпретации, 17 ноября 1882 года огромный дирижабль пересек Европу, но в силу определенности-неопределенности всех квазиреальных вещей, некоторые наблюдения его могут быть соотнесены с чем угодно.

Э. В. Мондер, приглашенный редакторами Observatory записать какие-нибудь воспоминания по случаю выхода 500-го номера их журнала, приводит одно воспоминание, которое, по его словам, выделяется из прочих (Observatory, 39, 214). Это воспоминание о чем-то, что он называет «странным небесным посетителем». 17 ноября 1882 года ночью Мондер находился в Королевской Обсерватории в Гриниче, наблюдалось северное сияние, но без каких-либо интересных особенностей. Внутри этого сияния появился большой круглый диск зеленоватого света и стал плавно пересекать небо. Но его круглая форма была, очевидно, вызвана его ракурсом. Этот объект прошел над луной. Форма его описывалась другими наблюдателями как «сигарообразная», «похожая на торпеду», «веретено», «челнок». Мысль о ракурсе принадлежит не мне: ее высказал Мондер. Он гово— рит: «Если бы этот инцидент произошел на одну треть столетия позже, то без всякого сомнения все выбрали бы один и тот же предмет для

сравнения, он выглядел бы «в точности как цеппелин». «Длительность наблюдения составила две минуты. Цвет его описывали как похожий на цвет северного сияния, каким он бывает на севере. Тем не менее, Мондер говорит, что этот предмет не имеет никакого отношения к явлению северного сияния. «Он казался четко очерченным телом». Движение его было слишком быстрым для облака, но «ничто не могло так отличаться от стремительного полета метеора». В журнале *Philosophical Magazine*, 515,318, Дж. Рэнд Капрон в пространной статье повсюду упоминает этот феномен как «луч, образованный северным сиянием», но перечисляет много наблюдений его «торпедообразной формы» и одно наблюдение его «твердого ядра» — множество самых смущающих наблюдений — оценивает его высоту между 40 и 200 миль — наблюдения в Голландии и Бельгии. Нам говорят, что согласно спектроскопическим наблюдениям Капрона, этот феномен представлял собой всего лишь луч света северного сияния. В *Вестнике* опубликован относящийся к тому времени отчет Мондера. Он приводит приблизительные значения видимой длины и ширины объекта как двадцать семь градусов и три с половиной градуса. Он приводит и другие наблюдения, которые, как будто, указывают на структуру — «странное пятно, или знак, ниже центра».

В журнале *Nature*, 27. 84, Капрон говорит, что из-за лунного света он не смог получить достаточно данных от спектроскопа.

Цвет белый, но цвет полярного сияния — розовый (*Nature*, 27,87).

Сквозь него были видны яркие звезды, но не в зените, где он казался непрозрачным. Это единственное утверждение о его прозрачности (*Nature*, 27, 87). Слишком медленно для метеора, но слишком быстро для облака (*Nature*, 27, 86). «Поверхность его имела крапчатый вид» (*Nature*, 27, 87). «Очень определенная форма, похожая на форму торпеды» (*Nature*, 27, 100). «Вероятно, метеорный объект» (Доктор Гроунман. *Nature*, 27, 296). Техническая демонстрация доктора Гроунмана, что это было облако метеорного вещества (*Nature*, 28, 105). См. также *Nature*, 27, 315, 338, 365, 388, 412, 434.

«Очень мало сомнений в том, что это был электрический феномен» (*Proctor, Knowledge*, 2, 419).

В лондонской газете «Тайме» от 20 ноября 1882 года редактор говорит, что им получено большое количество писем об этом феномене. Из них он публикует два. Один корреспондент описывает его как «четко определенный и формой похожий на рыбу... странный и вызывающий тревогу». Второй корреспондент описывает его как «в высшей степени величественную светящуюся массу, формой напоминающую торпеду».

NOTES AND QUERIES, 5-3, 306:

В Уэльсе, над участком величиной около 8 миль, видели около 8 огней, причем каждый из них сохранял свое место независимо от того, двигались ли они вместе перпендикулярно, горизонтально или зигзагообразным курсом. Они выглядели как электрические огни — то исчезая, то снова появляясь — сначала смутно, а затем сияя ярко, как почти все время. «После этого мы видели их по три или четыре сразу четыре или пять раз».

Лондонская газета «Тайме», 5 октября 1877 г. «Время от времени западный берег Уэльса, казалось, становился местом явления таинственных огней... А сейчас у нас есть заявление от Тауина (Товуп), что за последние несколько недель не раз видели как разноцветные огни движутся над эстуарием реки Дайсинни Ривер и далее в сторону моря. Обычно их видят в северном направлении, но иногда они огибают берег и движутся с высокой скоростью на протяжении целых миль в сторону Абердоуви, а потом внезапно исчезают». *L'Annue Scientific*, 1877 г., 45:

Огни, появившиеся в небе над городом Ване, Франция, 23 марта 1877 года описываются как огненные шары ослепительной яркости; появились из облака диаметром около одного градуса, двигались сравнительно медленно. Их было видно больше часа, двигались на север. Говорят, что за восемь или десять лет до этого в Вансе видели похожие огни или объекты.

Лондонская «Тайме», 19 сентября 1848 г.: В Инвернесе, Шотландия, видели в небе два больших ярких огня, похожих на звезды: они то оставались неподвижными, то двигались с большой скоростью. *L'Annue Scientific*, 1888 г., 66:

30 июля 1880 года вечером близ Санкт-Петербурга можно было наблюдать большой шарообразный светящийся объект и два поменьше, которые двигались вдоль оврага; были видны три минуты, исчезли без шума. *Nature*, 35,173:

30 сентября 1886 года в Илойло видели светящийся объект величиной с полную луну. Он медленно «плыл» «на север», в сопровождении нескольких небольших, летевших рядом.

«Ложные Огни Дарема»

В середине девятнадцатого века в английских газетах время от времени появлялось что-нибудь об огнях, видимых на фоне неба, но как

будто невысоко над землей, чаще всего на берегу Дарема. Моряки не раз ошибались, принимая их за огни маяков. Суда терпели крушение за крушением. Рыбаков обвинили в том, что они зажигают ложные огни и зарабатывают на кораблекрушениях. Рыбаки ответили, что таким образом потерпели крушение исключительно старые корабли, ни на что не годные, кроме получения за них страховки.

В 1866 году (лондонская «Тайме», 9 января 1866г.) общественное мнение было чрезвычайно возбуждено. Было проведено расследование. Перед комиссией, возглавляемой адмиралом Коллинсоном, выступили свидетели. Один из свидетелей описал огонь, который ввел его в заблуждение, так как казался «значительно выше уровня земли». Комиссия не пришла ни к какому решению: огни были названы «таинственными огнями». Но чем бы ни были «ложные огни Дарема», они не поддавались расследованию. В 1867 году Совет Лоцманов Тайна занялся этим делом. Мнение мэра города Тайн — «таинственное дело».

В Report of the British Association, 1877 г., 152, отмечается «удивительная медлительность». Они были видны около трех минут. Эпитет «удивительная», по-видимому, вряд ли слишком сильный: здесь эпитет «удивительная» относится к длительности в три секунды. Эти «метеоры» имели еще одну странность: они не оставляли никаких следов. Они описываются как «словно сбившиеся в кучу, подобно стае диких гусей, и перемещающиеся с одинаковой скоростью и грацией, сохраняя порядок».

Journal of the Royal Astronomic Society of Canada, ноябрь и декабрь 1913 г.:

Согласно многим наблюдениям, собранным профессором Чардом из Торонто, ночью 9 февраля 1913 года состоялось представление, которое можно было видеть в Канаде, Соединенных Штатах, на море и на Бермудских островах. Здесь видели светящееся тело. У него был длинный хвост. Размеры тела быстро увеличивались. «Наблюдатели расходятся относительно того, было ли это тело сплошным или состояло из трех или четырех частей с хвостом для каждой части». Эта группа, или сложная структура, перемещалась «со странной величественной медлительностью». Она исчезла вдали и с места ее появления вышла вторая группа. Они двигались в том же направлении, в том же неторопливом темпе, по два, три или четыре. Они исчезли. Третья группа, или третья структура, последовала за ними.

Некоторые наблюдатели сравнивали это зрелище с флотом воздушных кораблей, другие — с линейными кораблями, сопровождаемыми

крейсерами и эскадренными миноносцами. Согласно одному автору:

«Всего прошло, вероятно, 30 или 32 тела, и странной их особенностью было то, что они двигались группами по четыре, три или два, в одном ряду, или шеренге; и столь совершенен был их строй, что неизбежно наводит на мысль, что это был воздушный флот, проводивший маневры после жесткого обучения». Nature, 25 мая 1893 г.:

Письмо от Чарльза Дж. Норкока, капитана британского военного корабля «Лэрлайн»:

24 февраля 1893 года в 10 часов вечера между Шанхаем и Японией вахтенный офицер сообщил о появлении «нескольких необычных огней».

Они находились между кораблем и горой. Гора была высотой около 6000 футов (ок. 1890 м). Огни казались круглыми. Они двигались то всей массой, то время от времени вытягиваясь в виде неправильной линии. Они направлялись «на север», пока не исчезли из виду. Длительность — два часа.

На следующий день эти огни появились снова. Некоторое время их заслонял какой-то небольшой остров. Они направлялись на север приблизительно с той же скоростью и в том же направлении, что «Кэрлайн». Но это были огни, которые отражались от воды: на горизонте под ними был виден яркий свет. С помощью телескопа выяснилось несколько деталей: оказалось, что они были красноватого цвета и, казалось, выпускали слабый дым. На этот раз длительность явления была семь с половиной часов.

Далее капитан Норкок говорит, что в том же регионе и приблизительно в это же самое время капитан Касл британского военного корабля «Лиэндер» видел огни. Он изменил свой курс и направился к ним. Огни убежали от него. Наконец, они переместились на большую высоту.

Monthly Weather Review, март, 1902 г., 115: Отчет на основании наблюдений трех членов его экипажа, составленный лейтенантом Фрэнком Х. Шоуфилдом, с корабля ВМС США «Сапплай»:

24 февраля 1904 года. Три светящихся объекта различных размеров, самый большой имеет видимую величину около шести солнц. Когда их в первый раз увидели, они были очень невысоко. Они были ниже облаков, высота которых оценивалась около одной мили. Они убежали, или уклонились или повернули прочь. Они поднялись в облака, ниже которых они были первоначально замечены. Унисон их движения.

Но они были разной величины и имели разную восприимчивость по отношению ко всем силам этой земли и воздуха.

Monthly Weather Review, август, 1898 г., 358: Два письма от С. Н.

Кротсенберга, Кроуэйдженси, штат Монтана:

Летом 1896 года, когда этот автор служил в качестве железнодорожного почтового служащего, или человека, имеющего опыт в железнодорожных феноменах, случилось, что когда его поезд шел «на север от Трентона, штат Монтана», он и его товарищ увидели в темноте от сильного дождя какой-то огонь, который, казалось, имел круглую форму и тусклорозовый цвет и на вид около фунта в диаметре. Казалось, он плыл в сотне футов от земли, но скоро поднялся вверх, или «где-то посредине между горизонтом и зенитом». С востока дул довольно сильный ветер, но этот огонь держался курса почти прямо на север.

Скорость его менялась. Иногда он, казалось, обгонял поезд — «значительно». В другие моменты он, казалось, отставал. Почтовые служащие следили за ним до тех пор, пока поезд не прибыл к городку Линвилл в штате Айова. Все это время шел дождь, и хотя молнии были редки, мистер Кротсенберг предлагает объяснение, что это была «шаровая молния».

Редактор Review с этим не соглашается. Он думает, что этот свет представлял собой отражение от дождя, или тумана, или от листьев деревьев, блестевших от дождя или огня от поезда.

В декабрьском номере Review помещено письмо от Эдуарда М. Боггза, этот свет представлял собой отражение, — один огонь на этот раз — от топки паровоза на мокрых телеграфных проводах — блик, который почему-то не расщеплялся на полоски, а слился в одну округлость, он казался колеблющимся, благодаря изменениям высоты проводов, и изменял расстояние по горизонтали в зависимости от колебаний угла отражения, а иногда, казалось, отставал или уходил вперед, когда поезд совершал плавные повороты.

Все это типично для лучших образцов квазирассуждений. Оно включает и усваивает разнообразные факты, но исключает те, которые разрушают его:

По-видимому, телеграфные провода шли и вдоль обратного пути так же, как и вдоль пути, ведущего в Линвилл.

Мистер Кротсенберг думает о «шаровой молнии», которая, хотя и представляет собой крепкий орешек для большей части рассуждений, все же считается согласующейся со старой системой мысли: но его сознание «чего-то другого» выражено в других частях его письма, когда он говорит, что хочет рассказать о чем-то, «столь странном, что никогда бы даже не упомянул об этом, даже моим друзьям, если бы оно не подтверждалось... столь нереальном, что я колебался даже, стоит ли говорить об этом, боясь,

что это была какая-то игра воображения».

XXVII Огромная и черная

ЭТА ВЕЩЬ ВИСЕЛА неподвижно над луной, словно ворона.

Круглые и гладкие, пушечные ядра. Предметы, упавшие с неба на эту землю. Наши скользкие мозги.

Предметы вроде пушечных ядер падали во время бурь на эту землю. Они были похожи на пушечные ядра — эти предметы, что падали на эту землю во время бурь. Дожди крови. Дожди крови.

Чем бы оно ни было, но что-то, похожее на краснокирпичную пыль, или красное вещество в высушенном состоянии, выпало в Пьемонте, Италия, 27 октября 1814 года (Electric Journal, 68,437). Какой-то красный порошок выпал в Швейцарии зимой 1867 года (Popular Science Review, 10,112).

Нечто, вдали от этой земли истекало кровью — супердракон, протаранивший какуюто комету.

Где-то в небе существуют океаны крови — вещества, которые, высыхая, превращаются в порошок — веками носясь в распыленном виде, что существует обширная область, которая когда-нибудь станет знакомой летчикам как Пустыня Крови. Мы сейчас не можем очень углубляться в супергеографию, но Океан Крови или пустыня Крови — или то и другое — Италия к ним ближе всего, или к каждому из них.

Я подозреваю, что в веществе, которое выпало в Швейцарии, находились корпускулы, но все, что могло быть опубликовано в 1867 году, сводилось к тому, что в этом веществе было высокое содержание «разнообразного по форме органического вещества».

Согласно Report of the British Association, 5, 2, в 1821 году в Гиссене, Германия, прошел дождь персиково-красного цвета. В этом дожде содержались хлопья гиацинтового оттенка. Говорится, что это было органическое вещество; нам говорят, что это пиррин.

Но достаточно определенно нам говорят, об одном красном дожде, который имел корпускулярный состав, скорее, это был красный снег. Он выпал 12 марта 1876 года около Хрустального Дворца в Лондоне (Yearbook of Facts, 1876 г., 89; Nature, 13,414). Что касается «красного снега» полярных и горных областей, то у нас нет возражений, поскольку никто никогда не видел, чтобы этот «снег» падал с неба: причиной его является рост микроорганизмов или «протококкуса», который распространяется в снегу, на земле. На этот раз ничего не говорится о «песке с Сахары». О

веществе красного цвета, которое выпало в Лондоне 2 марта 1876 года, говорится, что оно состояло из корпускул... Конечно же:

Они были похожи и на «растительные клетки». Примечание:

За девять дней до этого произошло выпадение крас— ного вещества, мяса, чем бы оно ни было, в округе Ват, штат Кентукки.

Я думаю, что какой-нибудь суперэгоцентрист, огромный, нонестольогромный, как предполагалось, отказался свернуть в сторону, чтобы уступить дорогу комете.

Подведем итоги нашим общим супергеографическим представлениям:

Студнеобразные регионы, сернистые регионы, замерзшие и тропические регионы: один из регионов, который был источником Жизни для этой земли; регионы, в которых плотность столь велика, что предметы, попадающие из них в разреженную атмосферу этой земли, взрываются.

У нас был факт о взрывающихся градинах. Сейчас у нас есть подтверждение нашего предположения, что они образовались в среде, более плотной по сравнению с воздухом этой земли на уровне моря. В Popular Science News, 22, 38, есть сообщение о льде, который был получен под большим давлением в лаборатории Университета Вирджинии. Когда давление сняли и привели этот лед в соприкосновение с обыкновенным воздухом, он взорвался.

И опять о мясообразном веществе, которое упало в штате Кентукки: о его хлопьеобразном строении. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое нам знакомо: оно предполагает уплотнение под действием давления. Но из этого следует нечто чрезвычайное: давление не было одинаково со всех сторон. В Annual Record of Science, 1873 г., 350, говорится, что в 1873 году после сильнейшей грозы в Луизиане было найдено чудовищное количество рыбьей чешуи на протяжении сорока миль вдоль берегов Миссисипи: в отдельных местах их собирали целыми бушелями — крупные чешуи, принадлежавшие якобы виду сарган, рыбе, которая весит от пяти до пятидесяти фунтов. Кажется невозможным принять эту идентификацию: на ум приходит вещество, спрессованное в хлопья или чешуйки. А округлые градины, с широкими тонкими ледяными каймами, выросшими вокруг них неправильным образом, мне все же кажутся более похожими на предметы, которые были стационарными — то есть удерживались в поле тонкого льда. В Illustrated London News, 34, 546, есть рисунки градин, таким образом окаймленных, как если бы они удерживались в тонком листе льда.

Когда-нибудь у нас будет описание, которое доставит большую радость нашей высокоразвитой примитивности:

Черти посещали эту землю — зарубежные черти — человекообразные

существа с остроконечными бородами — хорошие певцы; один ботинок жал, но сернистыми испарениями, во всяком случае. На меня произвело большое впечатление частое сочетание сернистости с предметами, падавшими с неба. Падение зазубренных кусков льда в Оркни 24 июля 1818 года (Transactions of the Royal Society of Edinburgh, 9, 187), у них был сильный сернистый запах. А кокс, или вещество, похожее на кокс, которое упало в Мортрэ, Франция, 24 апреля 1887 года; с ним выпало и сернистое вещество.

Огромные круглые предметы поднялись из океана около корабля «Виктория». Независимо от того, примем ли мы, что это были суперконструкции, которые прибыли из более плотной атмосферы, и, под угрозой разрушения, нырнули в океан ради временного облегчения, а затем снова поднялись и продолжили свой путь на Юпитер или Уран — было отмечено, что они распространяли «сернистую вонь». Во всяком случае, этот факт близости свидетельствует против общественного объяснения, что эти предметы не поднялись из океана, а поднялись над горизонтом вдаль, создав иллюзию близости.

А вещи, которые наблюдались в небе в июле 1898 года — у меня есть еще одна заметка. В журнале Nature, 58, 224, корреспондент пишет, что 1 июля 1898 года в Сэдберге он видел в небе объект красного цвета, или, выражаясь его собственными словами, что-то, похожее на красную часть радуги, длиной около 10 градусов. Но солнца не было видно в это время суток. Солнце уже зашло. Шел сильный дождь.

На протяжении всей этой книги — факт, который произвел на нас наибольшее впечатление: Следующие друг за другом падения. Или что если на какой-нибудь маленькой площади с неба падают предметы, а затем, позднее, снова падают на той же небольшой площади, то они не являются продуктом смерча, который хотя и бывает иногда аксиально стационарен, но разряжается тангенсиально...

Поэтому лягушки, упали в Уайгане. Я снова просмотрел этот материал. Впоследствии там снова упали лягушки.

Что касается наших фактов о студнеобразном веществе, которое якобы упало на эту землю с метеоритами, то мы интерпретируем это таким образом, что метеориты, прорываясь сквозь шаткие протоплазматические моря Генезистрина, о наличии которых мы предостерегаем летчиков, чтобы они не оказались задыхающимися в резервуаре жизни или не застряли там, как ягоды коринки в бланманже. Метеориты отделяют студневидные, 1?ли протоплазматические куски, которые падают с ними.

Почему-то элемент позитивизма в нашем сочинении устремился вдруг

к видимости полноты. Супергеографические озера с рыбой. Метеориты, пробивающиеся сквозь эти озера по пути к земле. Позитивность в нашей работе должна выразиться хотя бы в одной записи о метеорите, который при своем падении принес с собой массу рыбы... Nature, 3,512:

4 февраля 1871 года в Перу около берега реки упал метеорит. «На этом месте, как сообщают, было найдено несколько мертвых рыб, все они принадлежали к различным видам».

Можно это себе вообразить или нет, зависит от собственных гипотез каждого читателя. Nature, 4,469:

Среди обломков метеорита упали и рыбы. Popular Science Timb's Year Book, 4, 126: Однажды господин Ле Гульд, австралийский ученый, путешествовал в Квинсленде. Он увидел дерево, сломанное около земли. В том месте, где было сломано дерево, на нем был большой шрам. Рядом лежал предмет, «похожий на десятидюймовый топор».

Сколько-то там страниц назад приводился пример затемнения, как я думаю. Небольшой обработанный камень, упавший в Тарбе, я выбрал сам как наиболее выразительный из наших новых коррелятов. Помните, он был со всех сторон покрыт льдом. Представим себе, что нам нужно просеивать, просеивать и отбросить половину фактов этой книги — предположим, что останется только один факт. Обратит внимание на камень из Тарба было бы, как мне кажется, достаточно хорошим вкладом в достижение той цели, к которой стремится дух этой книги. Тем не менее, мне кажется, что факт, который предшествовал ему, был совсем легонечко отредактирован.

Говорят, что кварцевый диск упал с неба после взрыва метеорита.

Говорят, что он упал на плантации Блейендаль, Голландская Гвиана, что он был послан в Лейденский музей господином ван Сипестейном, адъютантом губернатора Голландской Гвианы (Notes and Queries, 2-8, 92).

И обломки, упавшие из супергеографического ледового поля: плоские куски с сосульками. Я думаю, что мы недостаточно подчеркнули, что если эти структуры были не сосульками, а кристаллическими выступами, то такие образования свидетельствуют о длительном пребывании в подвешенном состоянии так же убедительно, как если бы это были сосульки. В журнале Popular Science News, 24, 34, говорится, что в 1869 году около Тифлиса упали крупные градины с длинными выступами. «Наиболее замечательным моментом в связи с этими градинами является тот факт, что, судя на основании нашего современного знания, для их образования потребовалось очень длительное время». Согласно Geological Magazine, 7, 27, этот град выпал 27 мая 1869 года. Автор статьи в Geological Magazine говорит, что из всех теорий, о которых он когда-либо слышал, ни

одна не могла пролить ему свет на это событие — «эти растущие кристаллические формы долгое время должны были находиться во взвешенном состоянии» ...

И снова и снова этот феномен:

Четырнадцать дней спустя, приблизительно в том же самом месте опять упали такие же градины.

Реки крови, пронизывающие белковые моря, или яйцеобразная композиция, по отношению к которой эта земля является локальным центром развития.

В Генезистрине есть разносящие кровь суперартерии: восходы и закаты солнца создают их.

Иногда они озаряют небо вспышками северного сияния: суперэмбрионные резервуары, излучающие жизненные формы...

Или вся наша солнечная система есть живое существо: кровяные дожди на этой земле — это его внутренние кровоизлияния...

Или огромные живые существа в небе — такие же, как огромные живые существа в океанах...

Или какая-то одна особая вещь, особое время — особое место. Вещь размером с Бруклинский мост. Оно живо во внешнем пространстве — и что-то размером с Центральный парк убивает его... Оно капает.

Мы думаем о ледяных полях над этой землей: которые сами не падают на эту землю, но из которых падает вода... Popular Science News, 35, 104:

Согласно профессору Луиджи Плаццо, начальнику Итальянского Метеорологического бюро, 15 мая 1890 года в Мессиньяди, Калабрия, с неба выпало нечто, имевшее цвет свежей крови.

Это вещество было исследовано в лабораториях службы общественного здоровья Рима. Оказалось, что это кровь.

«Наиболее вероятное объяснение этого ужасающего феномена состоит в том, что какие-то мигрирующие птицы — перепела или ласточки — были схвачены и разорваны ураганным ветром».

Итак, это вещество было идентифицировано как птичья кровь.

Какое это имеет значение, что говорят римские микробиологи — или что им пришлось сказать — и какое имеет значение, что мы указываем на тот факт, что никем не отмечен такой ураганный ветер в то время. Такое вещество было бы бесконечно рассеяно при ураганном ветре, не было сообщений о падении с неба хотя бы одной птицы, или хотя бы о том, что их видели в небе. Не было ни одного сообщения, что хотя бы одно птичье перо видели в небе... Этот единственный факт: Падение с неба крови...

Но позже, в этом же самом месте, снова выпала с неба кровь.

XXVIII

NOTES AND QUERIES. 7-8, 508:

Один корреспондент, побывавший в Девоншире, шлет информацию об одной истории, которую он там услышал: о событии, которое произошло за тридцать пять лет до этого.

О снеге на земле — о том, как однажды утром весь Южный Девоншир проснувшись обнаружил на снегу следы, о каких он никогда до этого не слышал, «следы с когтями», «или форма не поддающаяся классификации», чередующиеся — через огромные, но правильные промежутки — с отпечатками чего-то похожего на конец палки. Удивительна и площадь, покрытая ими, — препятствия, как например, изгороди, стены, дома, каким-то образом преодоленные...

Сильное волнение: охотники с собаками проследили такой след, пока он не подошел к лесу, из которого собаки вернулись, с таким лаем и полные такого ужаса, что никто не осмелился войти в лес. Notes and Queries, 7-9, 18:

Корреспондент хорошо помнит все событие: на снегу оставил следы барсук — это было установлено и волнение «за один день сменилось мертвым спокойствием». Notes and Queries, 7-9, 253:

Другой корреспондент тоже все хорошо помнит. Он пишет о волнении и ужасе среди «некоторых классов». Он говорит, что из зверинца убежал кенгуру — «при этом следы были столь странные и со столь большим интервалом друг от друга, что распространился страх, что дьявол вырвался на свободу».

Мы привели эту историю, а теперь мы перескажем ее на основании современных ей источников. Мы привели более поздние источники в начале, главным образом, для иллюстрации того впечатления коррелирующего действия, которое приносит время с помощью добавления, игнорирования и искажения. Например, это «мертвое спокойствие за один день». Если бы я обнаружил, что волнение успокоилось довольно скоро, я был бы склонен допустить, что ничего особенного и не произошло. Я нашел, что волнение продолжалось в течение недель. Я признаю, что это было именно то, что нужно было сказать, чтобы отвести внимание от вещи, выпадающей из общего порядка.

Все феномены были «объяснены» в понятиях Доминанты, присущей их эпохе. Вот почему мы отказываемся от попыток дать реальное, или

истинное объяснение, и удовлетворяемся интерпретацией. Черты, которые могли сделать отпечатки на снегу, являются коррелятами (согласующимися понятиями), принадлежавшими третьей Доминанте, считая назад от этой эпохи. Таково было приспособление коррелятов девятнадцатого века, или человеческих тропизмов, к необходимости сказать, что эти отпечатки на снегу были со следами когтей. Мы еще увидим, что это было установлено профессором Оуэном, одним из величайших биологов его времени, не считая того, что Дарвин так не думал. Но я дам ссылку на два их изображения, которые можно увидеть в Нью-Йоркской публичной Библиотеке. Ни на одном из изображений нет ни малейшего намека на отпечатки когтей. Никогда не было профессора Оуэна, который дал объяснение: оноткоррелировал.

Второе приспособление к текущей Доминанте, наблюдающееся в позднейших рассказах, заключается в том, чтобы свести этот дискоррелят, диссонанс по отношению к Старой Доминанте, к знакомой сцене волшебных сказок и дискредитировать ее приспособлением к общеизвестным фантастическим сюжетам — отсюда подробности о лае перепуганных собак и о лесе, похожем на заколдованные леса, в который никто не посмел войти. Были организованы группы охотников, но лающие и перепуганные собаки не появлялись в современных событиях рассказов.

История о кенгуру выглядит как адаптация к потребности найти животное, которое могло бы хорошо прыгать, потому что отпечатки были найдены и на снегу крыш домов. Но столь поразительно было пространство, покрытое отпечатками на снегу, что спустя некоторое время пришлось добавить второго кенгуру. Но отпечатки располагались в один ряд. Моя собственная интерпретация этого феномена состоит в том, что это снежное пространство Девоншира мог — ли так покрыть своими следами не меньше тысячи одноногих кенгуру, каждый из которых был подкован очень маленьким конным пропашником. Лондонская «Тайме», 16 февраля 1855 г.: «Сильное волнение испытали жители городов Топшэм, Лимфстон, Эксмаус, Тейнмаус и Долиш в Девоншире, в результате обнаружения огромного количества цепочек следов в высшей степени странного и таинственного характера».

В этой истории рассказывается о невероятном множестве следов, обнаруженных утром 8 февраля 1855 года на снегу жителями многих городов и местностях между городами. Большую площадь, охваченную этим феноменом, должны были, конечно, проигнорировать профессор Оуэн и другие корреляторы. Цепочки следов находили во всевозможных необъяснимых местах: в садах, окруженных

высокими стенами, и высоко на крышах домов, также как и на открытых полях. Мы видели героические примеры игнорирования, но здесь, я думаю, игнорирование имело титанические масштабы. А поскольку они располагались в один ряд, то отпечатки, по словам очевидцев, «больше походили на следы двуногого существа, чем на следы четвероногого», словно двуногое существо стало бы ставить одну ногу в точности перед другой если только оно не прыгало, но тогда мы должны думать о тысяче или о тысячах таких существ.

Говорили, что эти отпечатки были очень похожи на следы осла и были величиной от полутора дюймов в одних случаях до двух с половиной дюймов в поперечнике.

Или что отпечатки имели форму конических, но неполных, серпообразных углублений.

Диаметр отпечатков соответствовал копытам очень молодых жеребят: они были слишком малы, чтобы их можно было сравнивать со следами ослиных копыт.

«В прошлое воскресенье преподобный мистер Макгрейв коснулся этой темы в своей проповеди и предположил возможность того, что эти отпечатки принадлежат какому-нибудь кенгуру, но вряд ли это соответствовало истине, поскольку они были найдены по обе стороны Эсти (Este). В настоящее время этот феномен остается загадкой, и многие суеверные люди в вышеназванных городах действительно боятся выходить за дверь дома после наступления темноты». Эсти — это водный бассейн шириной в две мили. Лондонская «Тайме», 6 марта 1855 года: «Интерес к этому делу вряд ли уже успел успокоиться и многие люди все еще задаются вопросом о происхождении следов, которые вызвали такой ужас утром 8-го числа прошлого месяца. В дополнение к обстоятельствам, упомянутым «Тайме» некоторое время назад, можно констатировать, что в Долише группа лиц, вооруженных ружьями и другим оружием, отправилась в путь с целью, если это окажется возможным, найти и уничтожить то животное, которое, как предполагали, столь усердно занималось умножением своих следов. Как можно было ожидать, партия вернулась ни с чем. Было высказано много предположений относительно причины этих следов. Некоторые утверждали, что это следы кенгуру, в то время как остальные доказывали, что это отпечатки лап больших птиц, прибитых к берегу под влиянием погоды. Не один раз распространялись слухи, что было поймано какое-то животное из зверинца, но тем не менее это дело остается в такой же мере окутанным тайной, как и раньше.

В Illustrated London News этому событию отводится

довольно много места. В выпуске от 24 февраля 1855 года помещен набросок этих отпечатков. Я называю их неполными коническими углублениями. Несчитая того, что они несколько удлинены, они выглядят как отпечатки копыт лошади или, скорее, жеребенка. Но они расположены в один ряд. Говорится, что отпечатки, по которым был сделан набросок, отстояли друг от друга на 8 дюймов и что этот интервал был постоянным и неизменным «в каждом приходе». Упоминаются и другие города помимо тех, которые перечислены в «Тайме». Автор, который провел зиму в Канаде и знаком со следами на снегу, говорит, что никогда не видел «более четких следов». Кроме того, он подчеркивает то обстоятельство, которое столь упорно игнорируется профессором Оуэном и другими корреляторами, а именно, что «ни одно из известных животных не ходит так, что следы располагаются в один ряд, — даже человек». Учитывая эти более широкие включаемые факты, он вместе с нами приходит к выводу, что эти отпечатки не являются следами ног. Вполне возможно, что следующее его наблюдение попадает в самый центр всего этого события:

Чем бы ни было то, что сделало эти отпечатки, оно не спрессовало снег, а удаляло его.

Согласно его наблюдениям, снег выглядел, словно эти отпечатки выжжены клеймом из раскаленного железа. Illustrated London News, 3 марта 1855 г., 214: Профессор Оуэн, которому один из его друзей послал зарисовки этих отпечатков, пишет, что на них были отпечатки когтей. Он говорит, что «след» сделан барсуком.

Еще шесть свидетелей послали письма в этот номер «Ньюз». Одно из упомянутых, но неопубликованных писем содержит предположение о заблудившемся лебедь. И всюду чувствуется это гомогенное видение: «какой-то» барсук, «какой-то» лебедь, «какой-то» след. Мне надо было перечислить и другие города помимо тех, что упомянуты «Тайме».

Письмо от мистера Масгрейва опубликовано. Он тоже посылает зарисовку отпечатков. Они тоже образуют одну линию. Изображено четыре отпечатка, из которых третий несколько отстает от линии. Нет ни одного признака отпечатков когтей. Эти отпечатки похожи на следы удлиненных копыт очень юного жеребенка, но они не так четки, как и на наброске, сделанном 24 февраля, словно сделаны после воздействия возмущений от ветра или после потепления. Измерения, сделанные в местах, отстоящих друг от друга на полторы мили, дали тот же интервал между отпечатками «на расстоянии точно восьми с половиной дюймов».

А сейчас мы предпримем маленькое исследование психологии и генезиса этой попытки установить корреляцию, то есть согласие этого

феномена с общепринятой системой взглядов. Мистер Масгрэйв говорит: «Я нашел, что будет очень кстати упомянуть название «кенгуру», ссылаясь на взволновавшее всех тогда сообщение». Он говорит, что сам он не верил в историю с кенгуру, но был рад, что «кенгуру носился в воздухе», потому что он противостоял «опасному, оглуляющему и ложному впечатлению, что это был дьявол».

«Мое слово было сказано вовремя и оно совершило добро».

Будет ли это по-иезуитски или нет, и чем бы это ни было, но вот наша интерпретация, что хотя нас часто уносило в сторону от этой позиции, вот наша позиция по отношению ко всем коррелятам прошлого, которые были рассмотрены в этой книге, по отношению к Доминанте их эпохи.

Еще один корреспондент пишет, что хотя во всех случаях эти отпечатки были похожи на следы копыт, все же около них были нечеткие следы когтей, как будто эти отпечатки сделал «какой-то» бобр. После этого «Ньюз» написали многие другие свидетели. Эта корреспонденция оказалась столь обширной, что в выпуске от 10 марта можно было поместить только их выборку. Там есть решение с помощью «какой-нибудь» прыгающей крысы и догадка о «какой-нибудь» прыгучей жабе, а затем некто произвел на всех впечатление своей сильной идеей, что это был «какой-нибудь» заяц, который галопировал держа свои ноги попарно очень близко друг к другу, в результате чего отпечатки ног располагались в один ряд. Лондонская «Тайме» от 14 марта 1840 года: «Среди высоких гор этого возвышенного района, где почти соприкасаясь, расположены города Гленорчи, Гленлайон и Гленочей, были несколько раз встречены, во время этой и предыдущей зим, на снегу, следы животного, по-видимому неизвестного в настоящее время в Шотландии.

Отпечатки во всех отношениях являются точным подобием следов жеребенка значительных размеров, со следующим небольшим различием, что подошва кажется чуть длиннее, или не столь круглой, но хотя никому до сих пор не удалось хотя бы мельком увидеть это создание, ничего больше нельзя сказать ни о его виде, ни о размерах; было только отмечено по глубине, на которую его ноги погружались в снег, что это должен был быть зверь значительной величины. Было также замечено, что его походка не похожа на походку большей части четвероногих, но что она больше похожа на скачки или прыжки лошади, когда она испугана или когда ее преследуют. Эти следы были встречены не в одной местности, но на пространстве по крайней мере двенадцать миль».

В Illustrated London NEWS от 17 мая 1865 года корреспондент из Гейдельберга пишет, что «согласно авторитету одного польского доктора

медицины» на Пясковой Гуре, или Песчаной горе, небольшом холме или возвышенности на границе с Галицией, но в Русской Польше, такие отпечатки на снегу можно видеть каждый год, а иногда на песке этого холма; их «приписывают обитателям сверхъестественных влияний».

ИСТОЧНИКИ

Monthly Weather Review Annales de Chimie American Journal of Science
Journal of the Franklin Institute Nature № 5 «Нэйчер» Comptes Rendus
Blackwood's Magazine Annals of Philosophy Annals of Scientific Discovery
Annual Register

American Meteorological Journal Symons' Meteorological Magazine
Knowledge Scottish Showers La Science Pour Tous Timb's Year Book Zurcher
Meteors

Edinburgh Philosophical Journal Journal of the Royal Meteorological
Society Victorian Naturalist

Bulletin de la Societe Meteorologique de France Yearbook of Facts
Journal of the Asiatic Society of Bengal Science Gossip Notes and Queries
Scientific American №26 — «Сайентифик Америкам.» «Нью-Йорк
Тайме» Scientific American Supplement «Чаплимент» Bibliography Cosmos
(6)Comptes Rendus Zoologist

Transactions of the Entomological Society of London
Philosophical Magazine Report of the British Association American
Almanac

Bulletin des Sciences Naturelles de Neuchatel Proceedings of the Royal
Irish Academy Meteoritic Astronomy

Annals and Magazine of Natural History Edinburgh Review All the Year
Round

Transactions of the Wernerian Society of Natural History
Montgomery (Ala) Advertiser La Nature
Philosophical Transactions Journal de Pharmacie Intellectual Observer
Transactions Arago, Oeuvres Chemical News (67) Science

Annual Record of Science Leisure Hours L'Astronomie
Quarterly Journal of the Royal Institute Bulletin de la Societe (Astronomique
de France) Proceedings of the London Royal Society Literary and Philosophical
Society of Manchester Eclectic Magazine

Records of the Geological Survey of India Living Age Stone Implements
Proceedings of the Canadian Institute Archeological Journal (53) Science
Times ml Popular Science

Kelso Chronicle Popular Science News Carson Appeal
Proceedings of the American Academy of Science Lowell. Evolution of
Worlds American Antiquarian

Monthly Notices of the Royal Astronomic Society Proceedings of the Royal Society of Cornwall Monthly Notices

Scottish Voyage of the Discovery Gentleman's Magazine La Crosse Daily Republican US Forest Service Bulletin Sestier. La Foudre Ponton. Earthquakes

Finley. Reports on the Character of 600 Tornadoes Birmingham Morning News Observatory

Canadian Weather Review

Proceedings of the American Philosophical Society Last Journal American Pioneer Records of the Past

Western Reserve Historical Tracts Report of the Smithsonian Institute Sollas. Ancient Hunters.

Transactions of the New-York Academy of Science Harpers Weekly Chambers Journal

Annales de.la Sociut(Entomology de France) The Atmosphere Cornhill Magazine Journal Institute Jamaica (128) TunderWeapons Revue et Magazin de Zoologie Report of the National Museum

Hartwig. Aerial World